

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

Л. М. ДАМЕШЕК, Б. Ц. ЖАЛСАНОВА, Л. В. КУРАС

ИСТОРИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

УДК 352(571.5)(091)
ББК Х2(2Р54)5–523
Д16

Печатается по решению учебно-методической комиссии
исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Ответственный редактор:
чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*

Рецензенты:
д-р ист. наук *А. А. Борисов*, д-р ист. наук *С. А. Мантурова*,
д-р ист. наук *В. А. Скубневский*

Дамешек Л. М.

Д16 История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. : монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас ; [отв. ред. Б. В. Базаров]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 503 с.

ISBN 978-5-9624-0930-6

В монографии на основе обширного источникового и историографического материала рассматриваются проблемы формирования и развития органов местного самоуправления бурят, их административная, хозяйственная, судебная деятельность и работа по социальному признанию в XIX – начале XX в.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: специалистов-историков, аспирантов, учителей, краеведов и всех тех, кто интересуется историей Бурятии как неразрывной, составной части России.

УДК 352(571.5)(091)
ББК Х2(2Р54)5–523

ISBN 978-5-9624-0930-6

© Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова,
Л. В. Курас, 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

О задачах книги	4
Глава 1. Источники и историография исследования	10
1.1. Источниковая база исследования истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	10
1.2. История органов местного самоуправления бурят XIX – начала XX в. в Российской историографии	66
Глава 2. Законодательные основы российской государственной политики в отношении инородцев Сибири в XIX – начале XX в.	125
2.1. Российское законодательство в отношении инородцев Сибири с 1822 г. до середины 1890-х гг.	125
2.2. Российское законодательство в отношении инородцев Сибири в конце XIX – начале XX в.	172
Глава 3. Региональные особенности формирования и развития органов местного самоуправления бурят в Иркутской губернии и Забайкальской области в XIX – начале XX в.	205
3.1. Образование и развитие системы бурятских органов местного самоуправления в 1820–1890-х гг.	205
3.2. Органы местного самоуправления бурят Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX– начале XX в.	271
Глава 4. Административная и хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	307
4.1. Административная деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	307
4.2. Хозяйственно-экономическая деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	376
Глава 5. Социальная политика органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.	428
5.1. Деятельность органов местного самоуправления бурят по развитию народного образования и здравоохранения.....	428
5.2. Роль органов местного самоуправления бурят в осуществлении опеки и попечительства.....	460
Заключение	480
Список использованных источников	483

О задачах книги

Интерес к феномену российской государственности, активно демонстрируемый в последнее время представителями различных наук – историками, юристами, географами, политологами и др., позволил вынести на обсуждение общественности сложные комплексные проблемы, решение которых невозможно только в рамках одного научного направления, но диктуется практическими потребностями разработки парадигмы взаимоотношения регионов и метрополии в масштабах государства. Строго говоря, проблема эта не нова. Она стояла перед самодержавием на протяжении всех трех сот лет существования романовской империи и, как представляется, существует и сегодня. Объясняется это особенностями как исторического развития, так и геополитической организацией российской государственности – ее европейско-азиатским строением, огромной протяженностью территорий, пестрым этническим и религиозным составом населения, его образом жизни, культурными традициями... Не последнюю роль в процессе развития государственности играли время и способы включения нерусских народов в состав России. Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, отличались не только разнообразием климата, ландшафта, но и уровнем хозяйственного освоения. В Российской империи существовала большая разница в уровне экономического развития территорий.

Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере вхождения этих земель в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи. Все это побуждало самодержавие к постоянному поиску путей консолидации империи, важнейшей и конечной целью которых было предотвращение угрозы национального сепаратизма. Народы и государства существуют не в безвоздушном пространстве, а в конкретном географическом и историческом измерении. Последнее обстоятельство накладывало существенный отпечаток на выстраивание системы отношений центра и периферии, кото-

рые вплоть до начала XX в. отличались известной гибкостью и поливариантностью, что рассматривалось правительством как существенный компонент условия устойчивого существования империи. Именно поэтому важным средством инкорпорации окраинных территорий в единый общероссийский организм признавалась не только земледельческая колонизация, но и административно-правовая и социокультурная унификация.

Современная Россия в значительной степени унаследовала особенности геополитического строения империи. Ее традиционное диополе Европа – Азия, неравномерность в экономическом и социокультурном развитии регионов, сохраняющаяся этническая, религиозная пестрота и имевший в недавнем прошлом место «парад суверенитетов» – все это выдвигает перед теоретиками и практиками государственного строительства весьма непростую и в то же время актуальную задачу выработки концептуальных основ региональной политики новой России. В этом смысле изучение исторического опыта разработки моделей региональной политики во всем ее многообразии в досоветской России является весьма полезным и актуальным.

В ходе исторического развития Российского государства на его огромном и разнородном пространстве сложился ряд исторических общностей, отличавшихся своей индивидуальностью. Для этих общностей было характерно прежде всего наличие единого не только политико-административного, а прежде всего историко-географического пространства. Это были, выражаясь современной терминологией, регионы, в каждом из которых имперские процессы протекали по-своему. Последние определялись особенностями исторического развития территории, ее природно-климатическими особенностями, ландшафтом, этноконфессиональным составом населения, наконец, внешнеполитическими обстоятельствами. В этом смысле Прибайкалье и Забайкалье вполне могут быть охарактеризованы как несомненно важные регионы Российской империи, значение которых существенно возросло во второй половине XIX столетия в связи с активизацией азиатского вектора внешней политики России.

Постановка исследовательской задачи в предлагаемой вниманию читателя книге нуждается в определенных пояснениях. Прежде всего отметим, что употребляемое в ней понятие «Си-

бирь» достаточно условно. С точки зрения географии речь идет о юго-восточной части этого обширного региона, одной из наиболее выдающихся достопримечательностей которой является оз. Байкал. Это замечательное озеро, которое сибиряки на протяжении многих поколений называют морем, делит огромную территорию на две весьма отличные друг от друга в климатическом, ландшафтном и иных отношениях части – Предбайкалье и Забайкалье. Однако в этническом смысле между этими двумя регионами есть немало общего. Это территория так называемой сегодня этнической Бурятии, коренным населением которой, наряду с эвенками, тофоларами, являются буряты – один из самых больших по численности народов Сибири. Этническую основу современных бурят составляли племена эхиритов, булагатов, хоритуматов, обитающие в долинах рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузина. Бурятские территории «сформировались в результате сложных процессов смены мировых систем и центров». С появлением на этих землях русских в сложной политической ситуации наметились новые магистральные пути, определившие судьбы народов монгольского мира, значительно ускорились процессы консолидации монголоязычного населения¹. Сегодня буряты преимущественно проживают на территории трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. В императорской России в границах середины XIX в. это была территория Иркутской губернии, в состав которой наряду с Нижнеудинским, Киренским и другими входили одноименный и Верхнеудинский округа, коренное население этих административных единиц в абсолютном большинстве и составляли буряты.

Поначалу продвижение русских отрядов в Восточную Сибирь носило довольно хаотичный и меркантильный характер. Опорными пунктами землепроходцев стали остроги Братский, Иркутский, Удинский, Селенгинский, Нерчинский и другие военные поселения, довольно скоро превратившиеся в административные центры. Процесс инкорпорации Сибири в Россию был довольно длительным и сложным, причем на протяжении XVII и значи-

¹ Базаров Б. В. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. № 2. 2011. С. 14, 15, 18.

тельной части XVIII в. в нем преобладали военно-административные методы. Власть здесь шла явно впереди экономики¹. Уже позже на смену военно-административным пришли политико-административные и экономические методы. Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории.

Процесс «оцентровывания границ» завершился лишь во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. Итогом территориальной экспансии стало превращение России в крупнейшее государство мира площадью около 22 млн кв. км с населением 178 млн чел. (с Финляндией и Польшей к 1914 г.). К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложным для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако особенности выстраивания дискурса «центр – национальная окраина (периферия)» заключались в характере вхождения той или

¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 14.

иной территории в Россию, в существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Однако автономии эти были различны по содержанию. Они развивались спорадически, размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри- и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства, которая была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «иностранное» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимым. Решая стратегические задачи закрепления за Россией вновь присоединенных территорий, расположенных на стыке границ России, Монголии и Китая, московские, а впоследствии и петербургские власти аборигенному, а в данном регионе бурятскому фактору отводили немало важную роль. Достижению задачи закрепления этих территорий за Россией были подчинены все основные направления политики самодержавия в отношении бурят, в том числе и организация самоуправления с учетом местного, национального колорита.

Между тем ни в русской, ни в современной отечественной историографии тема эта практически не разрабатывалась. Вот почему авторы сконцентрировали свое внимание на данной проблеме. Что касается политического подхода к теме, то представ-

ляется, что взгляд на нее через призму политики так же правомерен, как через призму философии, религии, культуры и т. д. Политический аспект предпринимаемого исторического исследования предполагает как комплексный подход с использованием результатов смежных гуманитарных наук, так и компаративный анализ изучаемых процессов. Именно такой подход к оценке проблемы становления и развития российской государственности на всех этапах ее истории позволяет в совокупности представить общие закономерности и особенности ее территориального, этнического устройства, а в конечном итоге эволюцию форм государственного управления, политических институтов и структур власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1822 по 1917 г. Выбор нижней хронологической грани объясняется введением в 1822 г. М. М. Сперанским «Сибирского учреждения», ставшего не только первым в России, но и наиболее полным комплексом регионально-территориального законодательства, действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX в. и опередившего общероссийскую кодификацию на десять лет. Расширение территории государства в первой половине XIX в. и, как следствие, усложнение внутривластных задач побуждало правительство искать оптимальные пути инкорпорации окраинных территорий в общеимперское пространство. В этом смысле «Сибирское учреждение» вполне вписывалось в палитру общероссийского законодательства об управлении окраинами империи, т. е. находилось в русле общегосударственной политики.

Конечная дата исследования – февраль 1917 г., время крушения империи и связанных с ней политических институтов власти и управления. Выделение такого хронологического периода позволяет, как представляется авторам, проследить динамику развития имперских процессов в Бурятии, выявить их наиболее характерные и специфические черты, выделить основные этапы развития политики имперского регионализма.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Источниковая база исследования истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.

Объективное изучение истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в., на наш взгляд, невозможно без всестороннего исследования исторических источников, введения в научный оборот не опубликованных ранее источников. Исследование исторических источников, предпринятое в данной работе, позволяет восстановить историю местного самоуправления бурят и их многогранной деятельности.

Источниковую базу истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. составляют законодательные акты Российской империи, опубликованные и неопубликованные документы архивов, статистические данные, памятники обычного права бурят, бурятские летописи, материалы региональной периодической печати, сибирская мемуаристика, энциклопедические, справочные издания, фотодокументы, картографические документы.

Исследователи отмечают, что в отечественной историографии нет единства взглядов в определении того, что должно быть положено в основу классификации письменных источников. Одни классифицируют по содержанию, другие по происхождению, третьи – по типам, видам и родам¹. Целесообразным, на наш взгляд, является разделение источников по происхождению и содержанию находящейся в них информации.

Законодательные акты. К первой группе источников относятся законодательные акты, имевшие важное значение в опре-

¹ Иванов В. Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск : Наука, 1979. С. 12.

делении политики Российского государства в отношении инородцев, опубликованные в Полных собраниях законов Российской империи, Сводах законов Российской империи, Собраниях узаконений и распоряжений Правительства. Законодательные акты в отношении сибирских инородцев в XIX – начале XX в. рассматриваются во второй главе.

Архивные документы. Ко второй группе можно отнести опубликованные и неопубликованные документы архивов: Росийского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Архангельской области (ГААО), Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Учитывая огромное значение архивных документов как основного источника по теме исследования, мы выделили отдельный параграф «Архивные документы как источник по истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.», в котором дается подробный анализ и описание архивных фондов разных российских архивов.

Статистические материалы. К третьей группе исторических источников относятся статистические материалы, касающиеся инородческого населения Иркутской губернии и Забайкальской области, составленные Ю. А. Гагемейстером, С. О. Паткановым, И. И. Серебренниковым, Д. М. Головачевым, В. В. Солдатовым¹. На основе статистических показателей авторы анализируют состав инородческого населения по половозрастному признаку, вероисповеданию, занятиям, семейному положению, сословию, состоянию и его хозяйственный быт.

Ценные статистические сведения о бурятах опубликованы в работе Ю. А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири», в котрой автор приводит данные о демографическом состоянии инородцев Сибири, их хозяйства, о суммах налогов и т. д. Рассматривая информацию о количестве инородцев Иркутской губернии

¹ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского русского географического общества. I. Население. Д. М. Головачев. II. Хозяйственный быт. В. В. Солдатов. Чита, 1911. 338 с.; Серебренников И. И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия : стат. очерк. Иркутск, 1913; Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911.

за 1823–1851 гг. (т. е. за 28 лет), увеличившееся на 41 %, он обнаруживает сходство с положением в Англии, где за 1821–1851 гг. (за 30 лет) население увеличилось на 48 %. Малый прирост населения автор объясняет огромной детской смертностью среди инородцев. Интерес в упомянутом труде Гагемейстера представляют статистические таблицы о количестве населения Сибири за 1823–1852 гг., числе родившихся, умерших и бракосочетавшихся по Сибири за 1835–1852 гг., о состоянии городов, количестве ссыльных за 1825–1852 гг., количестве ввезенного и вывезенного товара в Китай и т. д., всего в сборнике 25 обширных таблиц. Значительное место занимают статистические сведения о сборе ясака и других видах налоговых сборов, количестве населения по вероисповеданию и т. д. Так, по данным Ю. А. Гагемейстера, к 1852 г. при 266 православных церквях Иркутской губернии служил 821 священник, а при 157 ламских кумирнях служили 4546 лам; если в Иркутской епархии в 1852 г. крещение приняли всего 9 инородцев, то в Томской епархии – 528, а в Камчатской – 788¹.

Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области содержит ценные сведения об истории управления краем начиная с первого появления русских в Забайкалье, об административном устройстве, статистические данные о населении, хозяйстве, повинностях, описание городов и крупных населенных пунктов и т. д. Так, в главе о повинностях отмечается, что они ложатся неодинаково на население области: в 1889 г. размер подушной подати для государственных крестьян составил 1 руб. 9 коп. – 1 руб. 35 коп., для инородцев – от 49 коп. до 54 коп., при этом земли в пользовании у крестьян было 1 771 451 десятина, у инородцев – 5 658 175 десятин².

С. О. Патканов в 1912 г. опубликовал статистические данные о населении Сибири по материалам переписи 1897 г., представляющие огромный интерес для исследователей истории бурятских ведомств. Составленные им таблицы служат источником для изучения национального состава населения, состояния хозяйства в ведомствах, административно-территориального деления Ир-

¹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. 697 с.; Ч. 3. СПб., 1854. 109 с.

² Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. 156 с.

кутской губернии и Забайкальской области. Например, только по ведомству Хоринской степной думы имеется список 655 названий урочищ и улусов, в которых проживало 49 766 бурят, 370 русских, 73 еврея и 57 тунгусов, китайцев, поляков и прочих, в Селенгинском ведомстве в 183 местностях проживало 31 610 бурят, 66 русских и 13 прочих и т. д.¹

Важным источником по истории Агинского ведомства являются «Труды Агинской экспедиции», содержащие статистические материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, проведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского русского географического общества. Сборник состоял из двух частей: 1) Население (составитель Д. М. Головачев); 2) Хозяйственный быт (составитель В. В. Солдатов)². Целью исследования, как пишет Д. М. Головачев, было изучение кочевого быта наряду с изучением окружающей природы как одной из интереснейших форм хозяйственного быта.

Исходными данными для переписи 1908 г. послужили материалы статистической экспедиции Комиссии А. Н. Куломзина 1897 г., однако, как отмечают авторы, особенностью переписи 1908 г. является учет значительного количества бурят, кочующих в Монголии. Рассматривая численность населения Агинского ведомства в сравнении с 1897 г., Д. М. Головачев отмечает, что, несмотря на абсолютное увеличение населения за 11 лет на 4424 человека, тем не менее, с учетом неполного охвата населения переписью 1897 г., наблюдается уменьшение ее естественного прироста. Здесь речь может идти о вырождении или вымирании народности или же значительной эмиграции инородцев³.

Статистическое исследование хозяйства агинских бурят показало, что, к 1908 г. наблюдается уменьшение количества скота, свидетельствующее об упадке скотоводства у бурят. В. В. Солда-

¹ Патканов С. О. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб., 1912. С. 631, 673.

² Труды Агинской экспедиции...

³ Головачев Д. М. Население Агинской степи // Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского русского географического общества. Чита, 1911. С. 30–31.

тов рассматривает разные причины этого процесса: распространение эпизоотий, ухудшение климатических условий, увеличение хищных животных, нападавших на скот, уменьшение площади землепользования в связи с переселенческими процессами и даже спаивание бурят русскими. Основную причину упадка скотоводства он видит в социально-экономических изменениях в хозяйстве, вызванных проведением железной дороги и двумя войнами, которые привели к расслоению населения, уменьшению крупных хозяйств при росте количества бедных хозяйств и к вытеснению натурального хозяйства¹.

Автором известных работ по статистике является И. И. Серебренников, который с позиций своих областнических идей рассматривал демографическую статистику инородческого населения Сибири².

Летописи. Ценными источниками по истории бурятских ведомств являются летописи – исторические сочинения, изложение в которых ведется строго по годам, к которым относятся бурятские летописи и «Иркутская летопись». Е. М. Залкинд отмечает, что летописи с некоторыми оговорками могут быть отнесены к числу источников, однако, на наш взгляд, ко всем видам исторических источников применимо такое замечание.

В 1858–1861 гг., а затем в 1892–1895, 1897–1898 гг. на страницах Иркутских губернских ведомостей была опубликована Летопись П. И. Пежемского с продолжением летописи В. А. Кротова. Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова были опубликованы в 1911 г. с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова под названием «Иркутская летопись»³. Н. С. Романов продолжил «Иркутскую летопись» с 1857 по 1880 г., которая была издана в 1914 г.⁴ Эти летописи содержат огромный

¹ Солдатов В. В. Хозяйственный быт инородцев в Агинской степи // Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского русского географического общества. Чита, 1911. С. 100–104.

² Серебренников И. И. Половой состав русского и инородческого населения Сибири // Сиб. вопросы. 1908. 8 марта (№ 9). С. 24–30; Он же. Буряты по данным переписи 1897 г. 1908. 8 нояб. (№ 37–38). С. 18–27; Он же. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия : стат. очерк. Иркутск, 1913. 48 с.

³ Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1911. 418 с.

⁴ Романов Н. С. Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1914. 426 с.

фактический материал об истории не только г. Иркутска, но и губернской жизни: о назначениях и перемещениях губернаторов и других должностных лиц местной администрации, о визитах различных комиссий, деятельности миссионеров и т. д. Например, в записи от 7 января 1764 г. говорится о направлении в Сибирь Щербачева для сбора «ясака, бессовестно и до конца разоряемых беззащитных ясачных всех племен». Или другой пример: 25 мая 1857 г. тайша Тункинской степной думы Зангей Хамаков принял крещение со своим сыном Дамба Зангеевым, еще 13 родовыми шуленгами, 50 бурятами и 14 бурятками¹. Несмотря на свою источниковую ценность, следует отметить, что Иркутская летопись содержит незначительный материал непосредственно по истории бурятских ведомств.

Несомненный интерес представляют бурятские летописи, составленные в XIX – начале XX в. Бурятские летописи в большинстве своем схожи по структуре и форме с монгольскими летописями, но в то же время отличаются от них своей документальностью, особенно начиная с событий, происходивших после вхождения Бурятии в состав Российского государства. Бурятские летописцы с большой тщательностью и добросовестностью использовали подлинные исторические документы, хранившиеся в делах канцелярии степных дум, инородных управ и дацанов, в личных архивах представителей бурятской аристократии, просветителей и ученого духовенства. Если учесть, что многие архивные документы прошлых столетий не дошли до нас, становится ясным, насколько ценными историческими источниками являются бурятские летописи, поэтому сведения, сохранившиеся в них, приобретают особое значение².

Особенность бурятских летописей заключается в личном отношении авторов к тем или иным событиям, к тем или иным должностным лицам. Т. Тобоев с неодобрением отзываясь о деятельности Ринчин-Доржи Дымбилова, который был нравом груб, корыстолюбив и собирал подати без разрешения начальства, в то же время дает положительную характеристику Тарба Жигжитову, также обвиненному впоследствии в неблагоприятных поступках.

¹ Романов Н. С. Указ. соч. С. 6–7.

² Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ : Республ. тип., 2011. С. 3.

В летописях значительное внимание уделяется истории местного самоуправления бурят, имеются сведения о должностных лицах и т. д. Наиболее известны летописные сочинения Т. Тобоева «Прошлая история хоринских и агинских бурят», В. Юмсунова «История происхождения одиннадцати хоринских родов», Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монгол-бурят», Ц. Сахарова «Историческая записка о баргузинских бурятах», «Бишыхан записка» Н. Вампилова, Ю. Буянтуева и др., «История Подгородного рода» Д.-Д. Гемпилона, «Доклад о происхождении одиннадцати хоринских родов» Д. Дарбаева и др.

Особо следует отметить летопись В. Юмсунова 1875 г., названную Е. М. Залкиндром не без оснований историко-этнографическим очерком, в которой отдельные главы посвящены истории управления хоринских бурят, родоначальникам, описанию образа жизни и быта, повинностям бурят и т. д. Следует отметить также и Аларскую летопись, изданную Г. Н. Румянцевым.

Не менее ценными источниками являются баргузинские летописи: «Краткое повествование о старинной истории Баргузина» анонимного автора, историко-этнографический очерк «Об ино-родцах, обитающих в Баргузинском округе Забайкальской области» Николая Цыван Жаб Сахарова 1869 г., Летопись баргузинских бурят 1887 г. Александра Цэдэб Жаб Сахарова. Сочинение Н. Сахарова не является, по мнению Г. Н. Румянцева, по своей структуре и содержанию летописью, это краткая справка или записка о прошлом и современном автору состоянии баргузинских бурят¹. Появление Летописи баргузинских бурят 1887 г., как и Летописи хоринских бурят 1887 г. Ш.-Н. Хобитуева и Краткой исторической справки о селенгинских бурятах С. Юмова, связано с именем Э. Э. Ухтомского, которому понадобились исторические материалы для его работы. Баргузинские летописи подробно описаны учеными А. Востриковым, Г. Н. Румянцевым, Н. Н. Поппе, которые, отмечая их источниковую ценность, подчеркивают, что они не являются «образцовыми среди других летописных сочинений бурят-монголов». Им не достает ни той обстоятельности и подробности, ни даже той точности, которая характеризует лето-

¹ Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ, 1956. С. 6.

писи хоринских и селенгинских бурят, тем не менее они являются продуктом собственно баргузинской историографии¹.

Памятники обычного права бурят. Памятники обычного права бурят являются ценнейшими источниками для изучения социальных отношений, форм хозяйства, административного устройства бурят на протяжении XVII–XIX в. Как отмечает Б. Д. Цибиков, «до присоединения Бурятии к России обычное право у бурят представляло единственный вид права. Они не знали писаных законов, общественная жизнь народа передавалась на основе установившихся правовых обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение»². С появлением письменности и началом кодификации норм обычного права появляются памятники писаного права.

О ценности памятников обычного права писал Д. Я. Самоквасов, выделяя три вида источников для изучения истории политических учреждений и права: 1) описания современников, имевших возможность наблюдать явления политической жизни и оставивших потомкам описания этих явлений; 2) предания, которые сохранили современные общества об условиях прежней жизни; 3) сохранившиеся памятники обычного права, дающие представление о социальной жизни различных обществ³.

Одним из наиболее ранних памятников обычного права бурят является «Скаска» балаганских бурят 1693 г., в 11 статьях которой кратко говорится о наказаниях, полагавшихся за наиболее тяжкие преступления: убийство, увечье, насилие, воровство⁴. Как отмечает Б. Д. Цибиков, научная ценность «Скаска» заключается в том, что она является источником для изучения социальной структуры бурят в дорусский период их истории, когда бурятские правовые понятия еще не успели подвергнуться влиянию русской государственности и ее правовых норм. Б. Д. Греков назвал этот памятник по аналогии с «Правдой русской» – «Бурятской правдой»⁵.

¹ Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 76 с.

² Цибиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. С. 3.

³ Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава : В тип. Ивана Носковского, 1876. С. 4.

⁴ Хрестоматия по истории Бурятии: документы и материалы. С древнейших времен до 1917 г. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 51–53.

⁵ Цибиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят ... С. 7.

Самым ранним из известных памятников обычного права байкальских бурят является Указ 1759 г., составленный родоначальниками 11 хоринских и двух селенгинских родов – цонгольского и ашибагатского – в ответ на запрос пограничного комиссара В. Якоби о вероисповедании бурят¹. Появление этого акта было следствием распространения ламаизма и вытеснения им шаманства. Следующим сборником законов является Уложение 1763 г. хоринских бурят, состоявшее из трех обширных статей о брачном праве, об охоте и борьбе с пьянством².

Из крупных сборников степных законов самым ранним является Книга записи судебных законов 1775 г. селенгинских бурят, известная под названием Селенгинское уложение 1775 г. Б. Д. Цибилов считает его ценным источником, служащим для изучения социально-экономических отношений бурят, так как нормы обычного права, зафиксированные в этом сборнике, были составлены без постороннего вмешательства. Примитивизм и казуистичность этого памятника показывают, что он мало подвергался влиянию более высокоразвитой государственности и соответствующей ей правовой системы³.

Вторым большим сборником степных законов является Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, состоявшее из 132 статей⁴. Не меньшую научную ценность представляют Устав 1788 г. хоринских и селенгинских бурят о нормах брачного права; Наказ главного тайши хоринских родов Шираб Дамба-Дугар Ринцено 1793 г., статьи которого направлены на борьбу с пьянством, развратом, азартными играми, расточительностью; Согласительный устав 1800 г., устанавливающий нормы торговых сделок; Приговоры 1817 г. и 1818 г. об упорядочении управления внутренними делами 11 хоринских родов, содержавшие ценные сведения об их административном устройстве накануне введения Устава об управлении инородцев 1822 г.; Приговор 1820 г. о взыскании податей⁵.

¹ Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск, 1992. С. 14–15.

² Обычное право хоринских бурят. С. 15–16.

³ Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят ... С. 8–11.

⁴ Там же. С. 24–48.

⁵ Обычное право хоринских бурят. С. 16–24, 48–60.

После принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. была предпринята попытка кодифицировать право сибирских народов. По предписанию М. М. Сперанского были собраны значительные материалы по обычному праву бурят, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге¹. К ним относятся степные уложения бурят Балаганского, Идинского, Верхоленского, Тункинского, Хоринского и Селенгинского ведомств.

Сборники обычного права Верхоленского, Идинского, Тункинского, Балаганского, Кудинского, Хоринского, Селенгинского ведомств 1823 г. были опубликованы Д. Я. Самоквасовым². Кроме этих сборников обычного права бурят, были опубликованы сборники обычного права калмыков и татар Бийского уезда, инородцев Кузнецкого уезда, вогулов, остяков и самоедов, якутов, киргизов и тунгусов. Оценивая изданный им сборник, Д. Я. Самоквасов пишет, что он представляет собой «драгоценнейший для науки материал, подобного которому по полноте и качеству не существует в литературе. В противоположность существующим сборникам обычного права первобытных народов, составленным по известиям путешественников, часто отрывочным, случайным, в которых действительность более или менее пострадала от субъективных воззрений авторов»³.

Из материалов, собранных комиссией М. М. Сперанского, Б. Д. Цибиков отмечает большую ценность Хоринского уложения 1823 г. как одного из главных источников «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» 1841 г. и Селенгинского сборника 1823 г., составленных по распоряжению Иркутского гражданского губернатора И. Б. Цейдлера. В этих уложениях нормы обычного права разделены на главы по отраслям: о буддийских кумирнях и ламах, о взыскании податей и повинностей; о порядке исполнения дел должностными лицами; о сватовстве и тяжбах, связанных с ним; о взыскании долгов, запрещении пьянства, азартных игр; о сбережении сенокосных угодий, о недопущении пожаров и т. д. В них заметно значительное влияние норм права российской государственности.

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309.

² Самоквасов Д. Я. Указ. соч.

³ Там же. С. 9.

Следующим памятником обычного права бурят является Хоринское положение 1851 г., состоящее из 19 разделов и 197 статей. Положение охватывает все стороны жизни хоринских бурят, особо необходимо отметить раздел «Об отнесении обязанностей должностными лицами по управлению хоринскими инородцами», в котором подробно расписаны обязанности и льготы всех должностных лиц местного самоуправления в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г.

Одним из последних памятников обычного права бурят является Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих, выработанное в 1860 г. и состоящее из 151 статьи¹. Положение было составлено по инициативе главного тайши кударинских бурят Заяхана Хамаганова и, как отмечает Е. М. Залкинд, «свидетельствовало об оживлении интереса к кодификации обычного права, связанного не только с трудностями и произволом при решении судебных дел, на что указывают сами его составители, но и со стремлением нойонства использовать старинные обычаи для укрепления своего положения, сильно поколебленного уже новыми процессами, протекавшими в бурятском улусе»². Далее автор пишет, что при составлении свода законов кударинских бурят были использованы своды других ведомств. На это указывают и совпадения в формулировке отдельных статей, и однотипность многих параграфов, трактующих хозяйственные или семейно-брачные отношения. Вместе с тем и по содержанию, и по структуре Положение столь существенно отличается от других сводов, что его следует рассматривать как вполне оригинальный памятник обычного права. Надо отметить, что это единственный свод, пытающийся утвердить шаманизм в качестве официального вероисповедания.

Справочные издания. Справочные издания могут быть отнесены к самостоятельным историческим источникам ввиду их информативности. Примером справочников могут послужить календари «Памятные книжки Забайкальской области» (издание

¹ Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области... // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 177–211.

² Залкинд Е. М. Новый памятник обычного права бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 212.

Забайкальского областного статистического комитета) и «Памятные книжки Иркутской области», издававшиеся в конце XIX – начале XX в. Они содержат информацию о российском государственном аппарате, структуре и личном составе правительственных и общественных учреждений Забайкальской области и Иркутской губернии, сведения об учреждениях финансового, военного, религиозного, тюремного и других ведомств, справочные и статистические данные об экономическом состоянии, о народном образовании и т. д., которые использованы нами в исследовании. Так, в календаре на 1911 г. имеется список всех дацанов Забайкальской области с именными списками ламайского духовенства¹, в календаре 1898 г. – сведения о благотворительной деятельности правления Комитета по оказанию помощи пострадавшим от наводнения 1897 г., отчеты совета Комитета по улучшению средств содержания женских гимназий и прогимназий Забайкальской области за 1895–1897 гг.², в календаре на 1895 г. – именные списки тайшей и волостных старшин Забайкальской области³ и т. д. Большой интерес для исследователей представляют аннотированные хронологические перечни событий в Забайкальской области, изложение которых начинается с 1638 г.

К справочно-статистическим источникам можно отнести ежегодные обзоры Забайкальской области⁴, дающие общее представление о составе населения по половозрастному признаку, вероисповеданию, о состоянии хозяйства.

Энциклопедические издания. Не менее важными источниками стали энциклопедические издания – «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»⁵, «Сибирская советская энциклопедия»⁶, «Историческая энциклопедия Сибири»⁷, «Энциклопедия Забайкалья. Читинская область»⁸, «Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ»⁹, «Энциклопедия Республики Хака-

¹ Памятная книжка Забайкальской области (ПКЗО) на 1911 г. Чита, 1910. С. 116–126.

² ПКЗО на 1898 г. Чита, 1897. С. 1–7.

³ ПКЗО на 1895 г. Чита, 1895. С. 1–8.

⁴ Обзоры Забайкальской области за 1896 г. Чита, 1897.

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.

⁶ Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Новосибирск, 1929. 988 с.

⁷ Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Новосибирск, 2010.

⁸ Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 2 т. Новосибирск: Наука, 2000. 302 с.

⁹ Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ. Новосибирск: Наука, 2009. 352 с.

сия»¹, «Бурятия. Энциклопедический справочник в двух томах»², в которых даются краткие исторические справки по разным направлениям исследования темы. Следует отметить обстоятельность Энциклопедии Республики Хакасия в освещении деятельности инородческого управления, на каждую степную думу даны достаточно информативные исторические справки.

Картографические документы. На наш взгляд, много интересных фактов о границах ведомств, месторасположении селений, улусов и урочищ, о размерах владений и т. д. можно почерпнуть из географических карт бурятских ведомств. В ГАРБ имеется фонд «Коллекция картографического материала Бурятии» за 1894–1912 гг., в котором хранятся карты Забайкальской области за 1894 г., альбом карт Баргузинского ведомства за 1901 г.³ В ходе исследовательской работы в ГАРБ нами была обнаружена карта ведомства Хоринской степной думы за 1878 г. с планом с. Онинское, Онинского миссионерского стана, а также земель, отведенных степной думой крещеным бурятам. Именно факт отведения земель крещеным бурятам нашел отражение во многих архивных документах и мемуарах миссионеров, поэтому обнаруженная карта, безусловно, дополняет и расширяет тему исследования. В фонде Главного управления Восточной Сибири нами была обнаружена карта Идинского (Боханского) ведомства за 1882 г.⁴, которая, при скудности материалов по его истории, служит дополнительным источником по истории идинских бурят.

Ценные сведения можно извлечь из опубликованных карт Забайкальской области и Иркутской губернии XIX в., начала XX в. Например, в книге П. Е. Кулакова о хозяйстве и быте бурят Ольхонского ведомства имеется карта Ольхонского ведомства⁵. Огромную источниковую ценность представляют карты, опубликованные в историко-культурном атласе Бурятии – карты расселения племен и народов Сибири в XVII в., формирования бурятской

¹ Энциклопедия Республики Хакасия. В 2 т. Т. 1. 432 с.; Т. 2. 320 с. Красноярск : Поликор, 2007.

² Бурятия : энцикл. справочник : в 2 т. Т. 2. Улан-Удэ : ЭКОС, 2011. 300 с.

³ ГАРБ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 1–4.

⁴ ГАИО. Оп. 9. Картон 2053. Д. 512. Л. 46–53.

⁵ Кулаков П. Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еландинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб., 1898.

народности, Иркутской губернии и Забайкальской области¹ и т. д. На наш взгляд, стоит отметить интересное направление в исследовательской деятельности Б. З. Нанзатова, который занимается составлением карт бурятских ведомств в XIX в.²

Фотодокументы. Фотодокументы, хранящиеся в фотофонде ГАРБ, Национального музея Республики Бурятия, Кяхтинского краеведческого музея, являются важными источниками в изучении интересующей темы. Надо отметить, что фотодокументов XIX в. по истории бурятских ведомств насчитывается незначительное количество, в основном все они введены в научный оборот. Ценность фотодокументов заключается в том, что они запечатлевают облик времени и играют немаловажную роль для выяснения достоверности описания определенного события в письменных источниках. Раскрывая исторические события в виде статических или динамических зрительных образов, фотодокумент улавливает такие детали и нюансы, присущие тому или иному явлению или событию, которые вряд ли могут быть отражены в любом другом виде источников. Из фотодокументов мы можем почерпнуть факты, неизвестные ранее, и важные данные для уточнения уже известных событий. Так, нами были исследованы фотоизображения главных тайшей кударинских бурят Заяхана Хамаганова, Ивана Заяханова, агинских бурят Жана Бодиина, хоринских бурят Ирдыни Вамбоцыренова, селенгинских бурят Вандана Жамбалтарова, баргузинских бурят Ринчина Сотиева и многих других должностных лиц местного самоуправления. Например, фотодокумент, на котором запечатлен цесаревич Николай с должностными лицами местного самоуправления Агинского ведомства на станции Туриноповоротная в июне 1891 г., позволил автору провести комплексное исследование с привлечением архивных документов ГАРФ и ГАРБ, воспоминаний современников и опубликовать его результаты³. Фотодокумент с изображением

¹ Историко-культурный атлас Бурятии. Основной том. М. : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2001. С. 162, 169, 212–213.

² Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903). Иркутск : Оттиск, 2012. С. 1.

³ Жалсанова Б. Ц. «... Юному побудит быть честным и верным слугою своего дорогого Отечества». Документы Национального архива Республики Бурятия о посещении цесаревичем Николаем Агинского ведомства Забайкальской области и учреждении стипендии его имени. 1890–1892 гг. // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 97–109.

Заяхана Хамаганова с сыном Иваном (конец XIX в.) также послужил поводом для исследования, в ходе которого был снят телесюжет с выездом в их сохранившийся родовой дом, в котором потомки бережно хранят такие реликвии, как сабля, кортик и именные печати, принадлежавшие Заяхану Хамаганову. По результатам исследования была опубликована статья о жизни и деятельности З. Хамаганова, выдающегося общественного и хозяйственного деятеля кударинских бурят середины XIX в.¹

Периодическая печать. К следующей группе источников относятся материалы периодической печати, которые позволяют проследить за событиями по истории органов местного самоуправления. Периодическая печать является неотъемлемой частью исторической жизни общества и государства, развивается вместе с ними. Ее ценность заключается в том, что практически все более или менее заметные процессы, происходящие в обществе, находят свое отражение на страницах периодических изданий, как, например, публикация законов, указов, циркуляров, решений правительства, губернского и областного управлений, статей разных авторов о проблемах инородцев, материалов об утверждении инородческих должностных лиц и т. д.

Сибирский регион, вплоть до середины XIX в., оставался краем, которому была известна только центральная печать. Во второй половине XIX в. периодическая печать становится мощным средством информации, появляются газеты: например, в 1857 г. начали издаваться «Иркутские губернские ведомости», в 1862 г. – «Кяхтинский листок», в 1865 г. – «Забайкальские областные ведомости», в 1882 г. – «Восточное обозрение» и т. д. В начале XX в. издавались журналы «Сибирские вопросы», «Сибирский наблюдатель», «Сибирский архив». Следует отметить, что материалы местной периодической печати имели как общую с общероссийской печатью направленность, так и свою специфику.

Ценные сведения нами извлечены из материалов, опубликованных на страницах газет и журналов «Байкал», «Забайкалье», «Амур», «Иркутские губернские ведомости», «Забайкальские областные ведомости», «Сибирские вопросы», «Сибирский архив»,

¹ Жалсанова Б. Ц. Заяхан Хамаганов – почетный тайша кударинских бурят // От имени народа, во имя народа. Становление и деятельность органов представительной власти в Бурятии. Улан-Удэ, 2011. С. 48–53.

«Восточное обозрение», «Иркутские епархиальные ведомости» и «Забайкальские епархиальные ведомости».

«Иркутские губернские ведомости» не отличались активным освещением инородческого вопроса, тем не менее на их страницах публиковались статьи о нравах, обычаях, верованиях, легендах и песнях бурят Иркутской губернии С. Шашкова¹, о крещении главного тайши тункинских бурят Н. А. Хамакова и других родоначальников с семействами в числе 79 человек в Торском улусе², об утверждениях в должностях инородческих начальников и об их отстранениях³. Например, приказом иркутского губернатора Носовича от 24 декабря 1884 г. № 465 главный родоначальник идинских инородцев Пирожков был отстранен от занимаемой им должности на время производства следствия о злоупотреблениях, допущенных им при исполнении своей обязанности. В газете размещалась рубрика «О вызове на суд», из которой можно почерпнуть интересные сведения о самых разных судебных делах с участием инородцев.

В газете «Амур» были опубликованы интересные материалы о проведении ярмарки в с. Агинское, при этом автор пишет о том, как купцы на ярмарках обманывают бурят. Далее он отмечает, что «буряты не так верно глупы, как об них думают, ... и в нынешнем году устроили свою хитрость». Они половину объема товаров скрыли, купцы назвали цену 5 руб. 90 коп. за пуд масла. Подъехали еще 2 покупателя – управляющий Амурской К^о в Чите Красильников и торгующий мещанин Шмулович. В конце торгов 500 пудов масла ушло по цене 7 руб. 25 коп.

В другой статье говорится о готовности хоринских бурят к участию в военных действиях во время Отечественной войны 1812 г.: «хоринцы поднялись летом 1812 г., в апреле 1813 г. тайша получил письмо о прекращении вооружения, а в январе 1815 г. приезжал из Иркутска чиновник благодарить храброе хоринское иррегулярное войско за преданность русскому правительству и вместе с тем объяснить, что, так как за окончанием войны со славой для России в поголовном вооружении уже не предстоит надобности, то

¹ Иркутг. губерн. ведомости. 1858. № 11. С. 3–5; № 12. С. 6; № 18. С. 6–7.

² Там же. 1857. 24 окт. (№ 24). С. 1–4.

³ Там же. 1885. 16 янв. (№ 3). С. 3; 1885. 16 окт. (№ 42). С. 3.

русскому правительству было бы приятно, если бы хоринцы усилили земледелие, занялись уходом за скотом и проч.»¹

В газете «Амур» от 25 апреля 1862 г. сообщается о крещении в Иркутском кафедральном соборе почетных забайкальских бурят Мурзы Хамаганова и Алексея Шангина, которые понесли значительные убытки от землетрясения: «Но и при этом положении этот добрый бурят нашел средство ознаменовать первый день новой жизни богоугодным делом, и помочь своим единоплеменникам, пострадавшим больше его. В благодарность за благодать, которой бог призвал Хамаганова к новой жизни, он пожертвовал в пользу пострадавших своих единоплеменников значительное количество хлеба, сена и других предметов, всего на сумму 950 руб. серебром»².

Газета «Байкал» также публиковала статьи о бурятах, в частности об их отношении к строительству Сибирской железной дороги: «... Буряты всегда очень неохотно уступали места под золотые прииски и вообще для всего того, что привлекает русский люд на занимаемые ими места, что тем более неминуемо с проведением железной дороги. Поэтому естественно, что буряты, вместо содействия изысканиям, по возможности старались их затруднить»³.

Из всей периодической печати Восточной Сибири XIX в. активным освещением инородческого вопроса отличалась газета «Забайкальские областные ведомости». На ее страницах постоянно публиковались приказы военного губернатора Забайкальской области об утверждениях в должности или увольнении должностных лиц инородческого управления – например, приказом от 29 февраля 1896 г. № 1126 Цыден Цыдыпов был утвержден в должности родового головы Шарайтского рода Хоринской степной думы, соответственно был освобожден от должности Намсарай Намжилов⁴; о награждениях должностных лиц местного самоуправления бурят – например, приказ от 4 апреля 1896 г. № 1984 о награждении инородческих начальников Селенгинской степной думы серебряными медалями «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте⁵, приказ от 29 апреля 1896 г.

¹ Амур. 1861. 21 янв. (№ 6). С. 3; 1862. 11 марта (№ 19). С. 3–4.

² Там же. 25 апр. (№ 30). 1862. С. 4.

³ Байкал. 1897. 9 нояб. (№ 24). С. 3.

⁴ Забайк. обл. ведомости. 1896. 8 марта (№ 10). С. 2.

⁵ Там же. 1896. 19 апр. (№ 16). С. 3.

№ 2354 об объявлении благодарности главному тайше Агинской степной думы Жану Бодиину за бездоимочное взыскание податей¹, о награждении заседателя Баргузинской степной думы Цыдена Аранзаева серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте «за полезную деятельность по развитию хлебопашества»² и т. д.

«Восточное обозрение» было одной из лучших провинциальных газет, отражающей взгляды областников. Задачей газеты было дать по возможности правдивую картину жизни Востока в ее многообразных проявлениях, попытаться определить роль русской национальности на азиатском Востоке и ее общечеловеческое призвание, а также выразить нужды и потребности русского общества на окраине. На ее страницах постоянно печатались статьи о тяжелом положении сибирских инородцев. Например, в одной из статей отмечалось, что «власть тайшей и нойонов еще очень обширна, и хотя они стеснены вмешательством русских чиновников, но при условии дружбы с последними, делают с инородцами, что хотят»³. Или же в статье «Бурятское дело» автор пишет, что «отношения бурятских тайшей к простым бурятам напоминают крепостное право в форме старинной исторической сибирской кабалы»⁴.

Особо надо отметить журналы «Сибирские вопросы», «Сибирский наблюдатель» и «Сибирский архив», на страницах которых рассматривались основные аспекты инородческого вопроса: место сибирских инородцев в аграрной, административной и церковной политике российского государства. Журнал «Сибирские вопросы» издавался в 1906–1912 гг., и, несмотря на еженедельный характер издания, его материалы сохраняли серьезную аналитическую направленность. Например, в «Сибирских вопросах» в 1906–1909 гг. были опубликованы статьи М. Богданова о земельном вопросе бурят, В. Григорьева о поземельном устройстве инородцев Сибири, Ц. Жамцарано о правосознании бурят,

¹ Забайк. обл. ведомости. 1896. 3 мая (№ 18). С. 3.

² Приказ и. д. Приамурского генерал-губернатора от октября 1891. № 4234 // Забайк. обл. ведомости. 1892. 3 янв. (№ 1). С. 1.

³ Вост. обозрение. 1883. № 37.

⁴ Там же. 1884. № 27.

Д. Клеменца о кочевом быте сибирских инородцев, В. Моравского об инородческом образовании в Сибири¹ и т. д.

На наш взгляд, публикации журнала о решении инородческого вопроса с учетом национальных особенностей населения шли вразрез с официальной политикой Российского государства, направленной на русификацию сибирских инородцев. Публикации журнала поднимали актуальные вопросы землеустройства, связанные с введением в Сибири земства и представительством аборигенного населения в Государственной Думе. Так, публицисты умеренно-либерального направления (Ю. Г. Горбатовский, А. Максимов, В. К. Никольский), чья позиция была представлена на страницах «Сибирского наблюдателя», в целом соглашались с необходимостью приобщения кочевых инородцев к земледелию и проведения землеустройства на общих с крестьянами основаниях. Авторский коллектив журнала «Сибирские вопросы» (в частности, М. Н. Богданов, Д. А. Клеменц, Н. Н. Козьмин и др.) находился в жесткой оппозиции к правительственному курсу, требовал пересмотра государственной землеустроительной политики, считая, что в своем нынешнем варианте ее осуществление приведет к разорению как инородцев, так и крестьян-переселенцев².

В журнале «Сибирский архив», издававшемся в г. Минусинске, выходили статьи В. А. Ватина об эпохе Н. И. Трескина в Восточной Сибири, оценках его деятельности В. Вагиным, А. П. Щаповым, М. М. Сперанским, о результатах сенаторской ревизии 1843 г. в Енисейской губернии, И. Я. Чибизева об инородцах Енисейской губернии в начале XIX в.³, путевые записки о поездке по Тункин-

¹ Богданов М. Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопр. 1908. № 31–32; Он же. К вопросу о бурятском многоземелье // Сибирские вопр. 1908. № 39–40. С. 35–46; Григорьев В. К. вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири // Сибирские вопр. 1906. № 2. С. 55–74; Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопр. 1906. № 2. С. 167–185; Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопр. 1908. № 49–52; Моравский В. Инородческое образование в Сибири // Сибирские вопр. 1909. № 28. С. 11–14.

² Ледовских А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. Омск, 2008. С. 8.

³ Ватин В. А. Восточная Сибирь в начале XIX в. // Сиб. архив. 1916. Март–апрель (№ 3–4). С. 97–156; Он же. Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX в. // Сиб. архив. 1915. Февраль (№ 2). С. 61–72; Чибизев И. Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования // Сиб. архив. 1914. Сент. (№ 9). С. 379–390.

скому краю В. Загорского¹ и других авторов, представляющие огромный интерес для нашей работы.

Особое место среди изданий Восточной Сибири XIX в. занимают «Иркутские епархиальные ведомости» (ИЕВ) и «Забайкальские епархиальные ведомости» (ЗЕВ), которые мы считаем ценнейшим источником по истории бурятских ведомств. «Иркутские епархиальные ведомости» были официальным органом Иркутской духовной епархии и издавались в 1863–1917 гг. Журнал сыграл важную роль в популяризации среди русской читающей публики деятельности Иркутской епархии по миссионерской деятельности среди инородческого населения Восточной Сибири. Следует отметить, что абсолютное большинство документов издавалось на страницах «Прибавлений к ИЕВ».

Сибирская мемуаристика. Ценным источником по истории местного самоуправления сибирских народов является сибирская мемуаристика, представленная воспоминаниями, дневниками, путевыми записками. Исходя из их особой источниковой ценности, нами выделен отдельный параграф, посвященный сибирской мемуаристике.

Архивные документы являются основными источниками по теме исследования. Особую ценность имеют сборник документов по истории Бурятии XVII в., составленный Г. Н. Румянцевым и С. Г. Окунь²; сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в. под редакцией и с примечаниями В. П. Гирченко³ и хрестоматия по истории Бурятии, охватывающая период с древнейших времен до 1917 г.⁴ Материалы и документы сборников позволяют исследовать социально-экономическое и культурное развитие Бурятии, однако в них мало архивных документов, свидетельствующих об основных направлениях деятельности органов местного самоуправления бурят.

В последние годы после длительного перерыва, последовавшего с издания последнего сборника документов, появились публикации архивных документов по рассматриваемой теме. В

¹ Загорский В. По Тункинскому краю // Сиб. архив. 1916. Март-апрель (№ 3–4). С. 173–187.

² Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 / сост. Г. Н. Румянцевым, С. Г. Окунь. 493 с.

³ Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX века. Вып. 1 / под ред. и с прим. В. П. Гирченко. Верхнеудинск, 1926. 42 с.

⁴ Хрестоматия по истории Бурятии: документы и материалы...

2010 г. вышел сборник документов по истории Кударинской степной думы, который явился первым пофондовым изданием сборника документов дореволюционного периода Бурятии научного типа¹. В него было включено 94 документа в хронологической последовательности, позволяющих полнее раскрыть деятельность местного самоуправления кударинских бурят в 1825–1903 гг. Кроме документов в сборнике опубликованы комментарии к документам и тематический перечень из 797 документов. Ценность издания заключается в широком изучении и вводе в научный оборот целого комплекса архивных источников, способствующих расширению источниковой базы по истории местного самоуправления бурят.

Значительный источниковый материал представлен в публикации «История Ольхонской степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия»², в которой дается историческая справка о деятельности учреждения за 1824–1890 гг. и тематический перечень фонда Ольхонской степной думы, включающий в себя 714 документов.

Продолжением серии публикаций по истории степных дум явилось издание в 2012 г. пофондового сборника документов научного типа «История Баргузинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия»³, в который вошли 106 документов фонда Баргузинской степной думы, дающих ценный фактический материал по истории Баргузинского ведомства. К документам были составлены 109 комментариев, в которые включены материалы Баргузинских летописей, публикаций исследователей и комплекс архивных документов, не вошедший в сборник. Издание позволяет на примере истории одной степной думы рассматривать вопросы становления и развития органов местного самоуправления всех бурятских ведомств.

Основным источником для монографии являются неопубликованные архивные документы разных архивов: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного ар-

¹ История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903) / автор-сост. Б. Ц. Жалсанова. Улан-Удэ : Новапринт, 2010. 248 с.

² История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1824–1890) / сост. Б. Ц. Жалсанова, О. И. Прокопьева, А. Т. Дадаева. Улан-Удэ : Новапринт, 2010. 120 с.

³ Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Указ. соч.

хива Архангельской области (ГААО), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ).

В ходе работы над монографией нами также был изучен состав архивных документов по истории бурят Российского государственного исторического архива (РГИА) и Архива института этнографии в Санкт-Петербурге по перечню документов, составленному Диттмаром Шорковитцем¹. Перечень состоит из 3443 заголовков дел и документов с аннотациями, входящих в 1696 фондов данных архивов. Интерес представляют ежегодные отчеты генерал-губернаторов Восточной Сибири, губернаторов Иркутской губернии, Забайкальской области (фонды 1276, 1281, 1284), проекты степных законов бурят Иркутской губернии за 1823 г. (фонд 1264), сведения о награждениях родоначальников и т. д. Основной материал этих архивов был впервые введен в научный оборот и широко представлен в работах Л. М. Дамешека².

В Российском государственном архиве древних актов был рассмотрен фонд 199, опись 2 «Портфели Миллера», портфель «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов Иркутской провинции в Сибири в нынешнем их положении, летом 1735 г.», портфель № 526, часть 2, дело 2 «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда, Иркутской губернии в Сибири» и другие, дающие представление о состоянии Иркутской губернии в XVIII в.

Интерес для исследователей истории воинской повинности бурят в начале XX в. представляет фонд 1233 «Заведующий Архангельской инородческой дружиной», хранящийся в Государственном архиве Архангельской области. В фонде имеются документы о реквизиции бурят на тыловые работы во время Первой мировой войны, деятельности бурятской общественности по поддержке реквизированных бурят и т. д. В ходе работы с документами фонда от Государственного архива Архангельской области нами были получены их копии, которые, в комплексе с вос-

¹ Шорковитц Диттмар. Этноисторические документы по калмыкам, бурятам и монголам Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) и Архива Института этнографии в Ленинграде. Берлин, 1988. 278 с.

² Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983. 137 с.; Он же. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1986. 165 с.

поминаниями о реквизированных бурятах, фотодокументами, материалами периодической печати, позволили автору сформировать новый фонд в Государственном архиве Республики Бурятия – ф. р. 2104 «Коллекция документов по истории реквизиции бурят в годы I мировой войны (1916–1917, 1998–1999, 2007 гг.)», включающий в себя 31 дело. Безусловно, интересными для изучения являются сведения о деятельности бурятских органов местного самоуправления по подготовке к отправлению бурят на тыловые работы, по сбору средств и теплой одежды для них; именные списки реквизированных бурят; донесения начальников о тяжелых условиях работы и быта бурят, об их массовых заболеваниях и т. д.

Особое внимание для исследования привлекают пять фондов в Государственном архиве Забайкальского края, в которых сосредоточен обширный комплекс документов по истории органов местного самоуправления тунгусов и бурят Восточного Забайкалья.

1. В фонде 1 «Забайкальское областное правление» (1851–1917) хранится 26 300 дел, часть которых связана с историей бурятских и тунгусских инородческих ведомств. Это прежде всего делопроизводственные документы общераспорядительно-го, политического, тюремного, сельскохозяйственного, строительного, врачебного, ветеринарного отделов; отчеты о состоянии ведомств, отдельные разделы которых содержат сведения о количественном и качественном составе населения, состоянии хозяйства, народного образования и здравоохранения и др.

В фонде хранятся отчеты инородческих ведомств Забайкальской области, статистические сведения о населении Забайкальской области, об утверждении должностных лиц, ревизские сказки всех бурятских ведомств за 1831, 1851 и 1858 гг., следственные дела по обвинению главных тайшей Сахара Хамнаева, Дмитрия Минеева, Тарбы Жигжитова и других, материалы о ламах, дацанах, отчеты об имуществе дацанов, формулярные списки переводчиков Цокто Бадмажапова, Раднажап Бимбаева и Буда Рабданова, главных тайшей Ирдыни Дансорунова, Тугултур Тобоева и других, Пандито Хамбо-лам и т. д., содержащие интересную информацию. Например, в формулярном списке Тарба Жигжитова, главного тайши Хоринской степной думы, отмечается, что в 1835–1837 гг. он воспитывался в Петровском Заводе в доме у коменданта Нерчинских рудников генерал-лейтенанта С. Р. Лепарского, известного

своим добрым отношением к декабристам. Образование получил в Троицкосавской русско-монгольской школе¹. Кроме того, в фонде много дел по земельным тяжбам агинских и хоринских бурят, урульгинских тунгусов, армакских бурят и тунгусов.

Интерес представляют документы о праве собственности бурят и тунгусов на свои земли, начиная с заверенных копий указов Петра и Ивана Алексеевичей 1697 г., Петра Великого 1703 г. и т. д. Законодательная база в отношении прав собственности на земли хоринских бурят, историография вопроса рассмотрены в «Объяснительной записке по вопросу о праве собственности хоринских бурят Хоринского и Агинского ведомств», написанной и поданной П. А. Бадмаевым 28 мая 1892 г. А. Н. Куломзину.

Уникальным документом фонда является Положение о степных законах и обычаях кударинских бурят 1860 г., последний известный памятник обычного права бурят. Памятник был обнаружен и опубликован И. А. Асалхановым.

2. Дополнением к документам фонда 129 «Агинская степная дума» Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) являются 58 дел фонда 284 «Агинская степная дума (1830–1917)» ГАЗК. Это общественные приговоры Агинской степной думы за 1877–1881, 1886–1887, 1902–1903 гг., сведения о происшествиях за 1886 г., ревизские сказки хоринских бурят за 1831 г. и др.

3. Фонды тунгусских органов местного самоуправления, хранящиеся в ГАЗК, содержат значительный набор делопроизводственных документов, позволивших провести сравнительные исследования тунгусских обществ Западного и Восточного Забайкалья. В ГАЗК хранится фонд 55 Урульгинской тунгусской степной думы (1823–1896), состоящий из 520 единиц хранения. Фонд является полноценным, в нем представлены документы, раскрывающие административную и хозяйственную деятельность Урульгинской степной думы практически за весь хронологический период ее функционирования. Для фонда характерны ежегодные отчеты, ведомости думы, сведения о налогах, о крещении тунгусов, имеются заверенные копии с указов российских царей о награждении Гантимуровых княжеским титулом, об их льготах, о праве на земли, занимаемые ими, послужные списки князей Гантимуровых и т. д.

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–3.

4. Фонд 29 Урульгинской тунгусской инородной управы из 386 дел за 1822–1899 гг. представлен ежегодными отчетами управы, общественными приговорами о выборах должностных лиц, сведениями о происшествиях. В фонде имеются формулярные списки Никандра Иванова, родового старосты Дулигарского рода, Диониса Лиханова, родового старосты Почегорского рода и др.¹

5. Ранний период истории забайкальских тунгусов отражен в фонде 300 «Начальник эвенкийских родов» за 1752–1822 гг. В фонде числится 38 дел, среди которых дела о земельных спорах тунгусов за 1752–1779 гг.; списки шуленг; сведения о сборе ясака. Указы Нерчинского нижнего земского суда от 8 января 1816 г. о нечинении особого денежного сбора с обществ за составление ревизских сказок, о доставлении в Онинскую братскую контору девицы Марфы Лосевой от 28 января 1816 г., о строгом надзоре за состоянием хлеба в экономических магазинах² и другие, рапорты старшин родов начальнику тунгусских родов дают представление о взаимодействии органов местного самоуправления тунгусов с вышестоящим начальством, о деятельности начальника тунгусских родов и старшин родов по управлению тунгусским обществом в указанный период.

Важными источниками в работе стали следующие фонды Государственного архива Иркутской области:

1. Фонд 24 «Главное управление Восточной Сибири» (ГУВС) – 29 153 дела за 1822–1887 гг. Главное управление Восточной Сибири являлось центральным административным органом управления Восточной Сибирью в 1822–1887 гг., в которую входили Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область. В ГУВС была сосредоточена вся административная власть по управлению экономикой, хозяйством, строительством, связью, образованием в Восточной Сибири, оно занималось решением военных вопросов в пограничных районах, в том числе управлением инородцами, поэтому фонд богат интересными документами: всеподданнейшие отчеты по управлению Восточной Сибирью, отчеты о состоянии Забайкальской области, отчеты о состоянии Иркутской губернии, о выборах и утверждении родоначальников, прошения инородцев по разным вопросам и т. д. Непосредственно инородцев касаются

¹ ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.

² ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–22, 36–37.

дела по описи № 6 – 2257 д. за 1840–1885 гг., описи № 10 – 1028 д. за 1833–1885 гг., описи № 9 – 1518 д. за 1852–1886 гг.

2. Фонд 29 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора» – 1385 дел за 1859–1911 гг. Фонд поступил на хранение в Канцелярию иркутского генерал-губернатора в августе 1906 г. и содержит дела по Забайкальской области за 1884–1906 гг., когда область находилась в ведении Приамурского генерал-губернаторства. С целью подбора документов с их последующим приемом и пересылкой из г. Иркутск в г. Хабаровск был направлен чиновник особых поручений¹. В 1920 г. фонд поступил на государственное хранение в Государственный архив Иркутской области в неразобранном виде. После усовершенствования фонд состоит из двух описей и нескольких делопроизводств.

Документы фонда представляют огромный интерес для исследователей истории Забайкальской области за указанный период, в частности истории бурятских и тунгусских обществ. Например, в 30 с лишним делах имеются интересные сведения об управлении инородцев, в 20 делах – о состоянии и распространении ламаизма среди инородцев, во многих делах есть данные о податной системе инородцев, об их земельных тяжбах и т. д.

3. Фонд 151 «Ленская инородная управа» – 847 дел за 1837–1916 гг. Фонд представлен документами о сборе податей и повинностей, земельных угодьях, торгово-промышленных заведениях, статистическими сведениями о населении, населенных пунктах, мирскими приговорами. Интересными для исследования являются указы Иркутского губернского правления «О пресечении денежных сборов с обществ на содержание инородцев» от 7 апреля 1843 г., «О пресечении денежных сборов, производимых с обществ, на содержание инородцев во время съезда их по разным общественным делам на свои собрания или сугланы» от мая 1843 г.², которые регламентировали порядок сбора налогов на внутреннее управление.

4. Фонд 152 «Хенхедурское родовое управление» – 254 дел за 1844–1919 гг. Хенхедурское родовое управление входило в состав Ленской инородной управы и в основном представлено документами о сборе податей и повинностей и взыскании недоимок по ним.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1733. Л. 6–7об.

² ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 17а. Т. 2. Л. 29–29об.

5. Фонд 223 «Верхоленская степная дума» – 5 дел за 1821–1883 гг. В фонде имеются документы о земельных угодьях и спорных землях, осмотре границ и их межевании, взыскании с бурят хлебной недоимки.

6. Фонд 224 «Родоначальник 11 аларских родов Аларского бурятского ведомства Иркутской губернии» – 1 дело за 1867–1869 гг.

7. Фонд 237 «Идинская степная дума» – 1 дело за 1857 г. (списки жителей ведомства).

8. Фонд 534 «Контора главного тайши Балаганского ведомства» – 5 дел за 1775–1803 гг. Контора главного шуленги была учреждена в 1775 г. и переименована в Контору главного тайши Балаганского ведомства в 1795 г. Ценность фонда заключается в том, что здесь представлены документы за ранний период истории балаганских бурят, это указы, постановления нижнего суда, главного шуленги и главного тайши о землевладении и землепользовании, сведения о злоупотреблениях родовых шуленг, взыскании недоимок, розыске отлучившихся из ведомства бурят и др.

9. Фонд 715 «Аларская степная дума» – 25 дел за 1851–1888 гг. В фонде имеются документы о сборах податей и повинностей, ведомости о хлебопашестве и скотоводстве, мирские приговоры, а также подворные списки Хигинского родового управления за 1881–1883 гг.

10. Фонд 149 «Китойская инородная управа» – 135 дел за 1877–1918 гг. Фонд в основном представлен документами о сборе податей и повинностей, статистическими сведениями о населении и населенных пунктах, ведомостями о мукомольных мельницах. Безусловную ценность имеют общественные приговоры о выборах должностных лиц¹, метрические книги лиц шаманской веры за 1877 г.², посемейные списки Китойского ведомства за 1899 г. и 1907 г.³ и др.

11. Фонд 717 «Балаганская степная дума» – 2 дела за 1851–1888 гг.

12. Фонд 295 «Личный фонд Ядринцева Николая Михайловича» – 143 дела за 1870–1894 гг. Фонд содержит материалы о переселении русского оседлого населения в Алтае, о хозяйственной жизни сибирских крестьян и т. д. Особую ценность для исследо-

¹ ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5, 11.

² ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 4.

³ ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 27, 65.

вания имеют рукописи его статей о посещении «ламайского епископа», о М. М. Сперанском, о Сибирском провинциальном вопросе и др. В своих статьях Ядринцев пишет о том, что Сибирь надо рассматривать как колонию не только с точки зрения «территории, предназначенной принимать избыточное население, как путь для транзитной торговли Азии с Россией, как лицо для эксплуатации различных произведений, могущих обеспечить метрополию, как территории, могущей увеличить и усилить могущество государства и служить лучшим орудием для международных отношений». Прежде всего, по мнению Н. М. Ядринцева, Сибирь должна рассматриваться с точки зрения внутренней жизни колонии, интересов местного колониального населения, «поднятия его благосостояния, его развития и преуспения»¹.

13. Фонд 609 «Личный фонд Серебренникова Ивана Иннокентьевича» – 110 дел за 1906–1919 гг. В фонде хранятся дневники, рукописи статей, выписки и т. д. Интерес для исследователей представляет рукопись его работы «Буряты, их состав и занятия (по данным переписи 1897 г.)» с посвящением «дорогому Цыбену Жамцарано»².

Особую источниковую ценность для работы имеют фонды тунгусских органов местного самоуправления Иркутской губернии, хранящиеся в ГАИО: фонд 150 «Киренско-Хандинская эвенкийская инородная управа Киренского уезда» – 50 дел за 1812–1875 гг., фонд 461 «Нижнеилимская эвенкийская инородная управа Киренского уезда» – 35 дел за 1817–1883 гг., фонд 148 «Очеульская эвенкийская инородная управа Верхоленского уезда», фонд 387 «Тутурская инородная управа» за 1813–1858 гг. Фонды в основном содержат отчеты управ о состоянии ведомств, статистические сведения о населении, ведомости о стойбищах и родовых управлениях.

Основным ценным источником для изучения истории системы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. является богатейший комплекс документов, хранящийся в Государственном архиве Республики Бурятия: 11 фондов степных дум, 21 фонд инородных управ и 11 фондов родовых управлений, насчитывающих в общей сложности более 37 000 дел. К сожалению исследователей, не сохранился фонд Идинской степной думы, который,

¹ ГАИО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 65. Л. 17–17об.

² ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 18.

по данным Е. М. Залкинда, полностью сгорел¹. Не сохранились до наших дней архивы Закаменской, Армакской, Капсальской инородных управ, поэтому сведения об этих ведомствах нами извлечены из косвенных источников. Самыми богатыми по количеству и содержанию документов являются фонды Селенгинской, Агинской, Баргузинской, Кудинской, Верхоленской и Балаганской степных дум. Фонды Кударинской, Аларской и Ольхонской степных дум насчитывают незначительное количество дел, а фонд Тункинской степной думы из-за случившегося пожара, в котором сгорела вся документация за первую половину XIX в., насчитывает всего 340 дел. Самое большое Хоринское ведомство, в котором числилось 14 инородных управ и 108 родовых управлений, не сохранило свой архив, и мы сегодня располагаем фондом, состоящим в основном из дел Галзутской инородной управы.

В ГАРБ были исследованы *фонды 11 бурятских степных дум:*

- 1) фонд 6 «Аларская степная дума» (1832–1912) – 1243 дела,
- 2) фонд 3 «Балаганская степная дума» (1809–1902) – 2063 дела,
- 3) фонд 4 «Верхоленская степная дума» (1821–1919) – 2078 дел,
- 4) фонд 1 «Кудинская степная дума» (1789–1898) – 3833 дела,
- 5) фонд 12 «Ольхонская степная дума» (1816–1894) – 1142 дела,
- 6) фонд 171 «Тункинская степная дума» (1844–1896) – 340 дел,
- 7) фонд 129 «Агинская степная дума» (1846–1909) – 5165 дел,
- 8) фонд 7 «Баргузинская степная дума» (1810–1902) – 2976 дел,
- 9) фонд 5 «Кударинская степная дума» (1809–1904) – 1527 дел,
- 10) фонд 2 «Селенгинская степная дума» (1825–1914) – 6531 дело,
- 11) фонд 8 «Хоринская степная дума» (1743–1904) – 2719 дел.

Фонды 10 бурятских инородных управ Забайкальской области:

- 1) фонд 293 «Барун-Хоацайская инородная управа» (1874–1904) – 89 дел,
- 2) фонд 369 «Бырке-Цугольская инородная управа» (1830–1906) – 91 дело,
- 3) фонд 253 «Галзутская инородная управа» (1821–1884) – 10 дел,
- 4) фонд 103 «Кялинская инородная управа» (1851–1904) – 236 дел,
- 5) фонд 104 «Могойгуйская инородная управа» (1840–1903) – 79 дел,
- 6) фонд 294 «Тутхалтуевская инородная управа» (1855–1902) – 486 дел,
- 7) фонд 178 «Тургинская инородная управа» (1850–1903) – 560 дел,

¹ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половине XIX века. М. : Наука, 1970. С. 13.

- 8) фонд 272 «Цугольская инородная управа» (1842–1904) – 178 дел,
- 9) фонд 291 «Челутаевская инородная управа» (1860–1903) – 436 дел,
- 10) фонд 427 «Агинская инородная управа» (1806–1916) – 253 дела.

Фонды 11 бурятских инородных управ Иркутской губернии:

- 1) фонд 15 «Абаганатская инородная управа» (1890–1912) – 167 дел,
- 2) фонд 17 «Аларская инородная управа» (1890–1915) – 679 дел,
- 3) фонд 345 «Койморская инородная управа» (1891–1914) – 181 дело,
- 4) фонд 13 «Кудинская инородная управа» (1890–1907) – 583 дела,
- 5) фонд 465 «Кутульская инородная управа» (1890–1916) – 373 дела,
- 6) фонд 184 «Ользоновская инородная управа» (1887–1913) – 583 дела,
- 7) фонд 252 «Торская инородная управа» (1868–1917) – 26 дел,
- 8) фонд 161 «Тункинская инородная управа» (1845–1893) – 136 дел,
- 9) фонд 16 «Унгинская инородная управа» (1848–1916) – 629 дел,
- 10) фонд «Харибятская инородная управа» (1883–1922) – 778 дел,
- 11) фонд 18 «Хоготовская инородная управа» (1822–1915) – 477 дел.

Фонды 11 бурятских родовых управлений:

- 1) фонд 41 «1-е Абаганатское родовое управление» (1872–1902) – 43 дела,
- 2) фонд 40 «2-е Абаганатское родовое управление» (1876–1899) – 50 дел,
- 3) фонд 37 «3-е Абаганатское родовое управление» (1864–1915) – 192 дела,
- 4) фонд 42 «4-е Абаганатское родовое управление» (1871–1906) – 127 дел,
- 5) фонд 38 «Абазаевское родовое управление» (1850–1885) – 264 дела,
- 6) фонд 118 «Осинское родовое управление» (1892–1920) – 46 дел,
- 7) фонд 47 «Сарминское родовое управление» (1872–1887) – 22 дела,
- 8) фонд 43 «Семисосенское родовое управление» (1873–1887) – 15 дел,
- 9) фонд 39 «Хигинское родовое управление» (1867–1889) – 270 дел,
- 10) фонд 49 «Чернорудское родовое управление» (1873–1887) – 14 дел,
- 11) фонд 46 «Шалотское родовое управление» (1840–1904) – 211 дел.

Кроме перечисленных фондов нами были исследованы фонды пяти бурятских степных контор, органов местного самоуправления, существовавших до издания Устава 1822 г.: Балаганской, Верхоленской, Кударинской, Кудинской и Ольхонской, всего 392 дела за 1782–1824 гг. Документы фондов дают представление об административной и хозяйственной деятельности степных контор, о судопроизводстве и т. д. В ходе своей работы, несмотря на

большое количество дел и зачастую на их неудовлетворительное состояние, с учетом их значимости мы стремились максимально изучить все фонды.

Особый интерес представляет одно дело Верхоленской степной конторы, в котором подшиты все законодательные и правовые акты, действовавшие в отношении бурят до учреждения Устава об управлении инородцев 1822 г.: это Манифест Екатерины II от 19 марта 1775 г., указ Иркутского земского суда 1809 г. «О правилах, как обязаны старшины иноверцев и поселян чинить расправу над подчиненными и воздерживать их от пороков и преступлений», «Положение о выборах иноверческих начальников и о правах их» от 1812 г. и т. д.¹

Фонды бурятских степных дум, инородных управ и родовых управлений в основном представлены делопроизводственными документами, которые характеризуются своей масштабностью и разнообразием. Делопроизводственные материалы в отечественной историографии определяются как вид исторических источников, функцией которых является документное обслуживание различных управляющих систем (государственное делопроизводство, вотчинное делопроизводство, делопроизводство акционерных компаний и т. д.)². В нашем исследовании делопроизводственные документы рассматриваются как вид исторических источников, которые содержат интересные сведения об административной, хозяйственно-экономической, судебной деятельности органов местного самоуправления бурят. Хронологически фонды охватывают период с конца XVIII в. по 1917 г., и надо отметить, что в фондах имеются также дела степных контор за период с конца XVIII в. до начала XIX в. и документы инородческих волостных правлений начала XX в.

Делопроизводство XVIII–XIX в. имело свои особенности, связанные с тем, что с расширением управленческого государственного аппарата возрастало значение делопроизводства и его важнейшие основы утверждались в законодательном порядке. Важное значение для делопроизводства имело издание Генерального

¹ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118.

² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 392.

регламента от 28 февраля 1720 г., основополагающего документа, определившего систему делопроизводства до 1917 г. Впоследствии на протяжении XVIII–XIX вв. издавались законодательные акты, устанавливавшие формуляры документов отдельных разновидностей. Например, 11 января 1721 г. был издан «Регламент, или Устав Главного магистрата», к которому прилагались формы ведомостей, рапортов и т. д. Все эти указы строго регламентировали делопроизводство и нашли свое отражение в документах органов местного самоуправления бурят в указанный период.

Временем лучшего оформления делопроизводства органов местного самоуправления является вторая половина XIX в. Документы этого периода отличаются видовым разнообразием, грамотным составлением, хорошим почерком по сравнению с делопроизводством первой половины XIX в. Исследователи в основном выделяют три группы делопроизводственной документации по происхождению: 1) переписка учреждений; 2) внутренние документы; 3) просительные документы¹.

Переписка – самая распространенная делопроизводственная документация и представлена разными видами документов. Так, переписка вышестоящих органов с нижестоящими содержит указы, предписания, распоряжения, приказы, циркуляры генерал-губернатора Восточной Сибири, Главного управления Восточной Сибири, губернаторов Иркутской губернии и Забайкальской области, окружных начальников в отношении подчиненных бурятских ведомств.

Следующую группу представляет делопроизводственная переписка учреждений одного уровня в виде писем-отношений. В фондах имеется много отношений, написанных степными думами и волостными правлениями по спорным вопросам, связанным с потравой скота, сенокосными угодьями, дачными земельными участками и т. д.

Третья группа переписки – это документы переписки нижестоящих учреждений с вышестоящими в виде рапортов и донесений, сюда же можно включить все отчеты бурятских ведомств.

Внутренние документы представлены приказами и предписаниями органов местного самоуправления, общественными приговорами сугланов, договорами и контрактами на содержание

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. С. 395.

оборочных статей, обывательской гоньбы, ведомостями о сборе податей и отбывании повинностей, именными списками жителей ведомства – налогоплательщиков и т. д.

Прошения и жалобы частных лиц в государственные учреждения, органы местного самоуправления также составляют значительную долю в фондах бурятских органов местного самоуправления, в основном это жалобы на действия определенных лиц, в том числе и должностных, в отношении спорных вопросов по хозяйственным, исковым делам и т. д. Прошения зачастую служили основанием для многолетних разбирательств, превращаясь в громоздкие дела, затрудняющие делопроизводство.

Ввиду многообразия делопроизводственных документов по происхождению и содержанию целесообразным для исследования, на наш взгляд, является систематизация делопроизводственных документов по содержанию:

- 1) документы распорядительного характера;
- 2) документы отчетно-исполнительного характера;
- 3) протокольный вид делопроизводственных документов;
- 4) докладные виды документов;
- 5) следственные дела;
- 6) учетные документы (ревизские сказки, подворные списки);
- 7) формуляры, послужные списки должностных лиц;
- 8) учетные документы внутреннего документопотока (журналы регистрации исходящей и входящей документации).

Документы распорядительного характера представлены указами, приказами, распоряжениями, наставлениями, инструкциями вышестоящих органов подчиненным им учреждениям, которые регламентировали повседневный круг прав и обязанностей степной думы, должностных лиц и содержали в себе массу первичной информации. Это предписания о сборе податей и повинностей, предоставлении отчетности, распространении земледелия, принятии мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначении выборов, утверждении должностных лиц и т. д. Схема нисходящего документооборота была проста: в степную думу направлялись распорядительные документы от вышестоящего начальства, а степная дума копировала их и направляла родовым управлениям для ознакомления и исполнения. Так, например, указ Верхнеудинского земского суда Кударинской степ-

ной думе, запрещающий инородцам вывозить молочное вино за пределы своих ведомств для продажи, от 29 августа 1830 г.¹, предписание военного губернатора Забайкальской области об объявлении бурятам о недопустимости излишних сборов денег, кроме утвержденных высшим начальством² и др.

Документы отчетно-исполнительного характера определяли отношения подчиненных с начальством и представлены отчетами и рапортами. Отчетная документация является особенным видом делопроизводственных документов, содержащих основную информацию о жизнедеятельности бурятских обществ. Ежегодные отчеты степных дум и инородных управ составлялись должностными лицами местного самоуправления в двух экземплярах, один из которых направлялся в вышестоящие инстанции, а второй оставался в делопроизводстве. Отчеты обычно состояли из двух частей – статистической и текстовой, каждая из которых имела свой определенный формуляр.

Статистический отчет содержит несколько таблиц, в которых излагались данные о количестве населения, социальной структуре, вероисповедании, состоянии народного продовольствия, состоянии промышленности и т. д. К таблицам прилагались комментарии и примечания. Так, огромный фактический материал дается в ведомостях Баргузинской степной думы о состоянии народонаселения, зверопромышленности, добытой рыбе, произведенных промышленных приобретениях и поступивших в продажу, об оборотах на ярмарке, о посеве и урожае хлеба, овощей и плодов, количестве разного рода скота, о хлебных запасах и продовольствии, денежных сборах на отправление разных повинностей и т. д.³

Весьма ценными материалами являются текстовые приложения, в которых тайши и другие должностные лица излагали сведения о состоянии нравственности, народного просвещения и здоровья, общественного призрения, местной администрации, судопроизводства. Они дают возможность исследовать динамику экономического и социального развития бурятского общества по тематическому и хронологическому принципу.

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 89–90.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 627–629. Л. 154–154об.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2370. Л. 9–37.

Текстовые отчеты также составлялись по определенному формуляру, так, отчет Кударинской степной думы за 1870 г. состоит из 8 пунктов: 1) народное хозяйство и экономическая деятельность населения, где дается характеристика хозяйственной деятельности ведомства; 2) подати и повинности – даются сведения о недоимках государственных податей и повинностей и причинах допущенной недоимки; 3) общественное благоустройство и благочиние – приводятся данные об общественных учреждениях, состоянии дорог, мостов по ведомству; 4) народное здравие – о состоянии здоровья населения, эпидемических болезнях; 5) народное образование – о наличии образовательных учреждений; 6) земские и сословные учреждения, в котором имеются сведения о степной думе, родовых управлениях, должностных лицах местного самоуправления; 7) административные и судебные учреждения; 8) общие заключения и предположения, в которых даются выводы о состоянии ведомства.

К текстовому отчету имелись пространные приложения с цифровыми данными о состоянии земледелия, обеспечении народным продовольствием, промыслах населения и т. д. Например, отмечается, что общее число жителей составляет 2438 душ мужского пола, 2502 души женского пола, всего 4940 душ, число родившихся в 1870 г. 141, умерших – 79, к 1 января 1871 г. состоит в недоимке за жителями ведомства 4259 руб. 95 ½ коп.¹

К важным видам отчетной документации относятся документы податно-налоговой системы, которые состояли из следующих видов ведомостей: 1) ведомость о количестве налогоплательщиков с указанием общей суммы подлежащих к сбору денег по налогам и повинностям, разбитая на первую и вторую половину года; 2) ведомость о количестве налогоплательщиков с указанием конкретных видов налогов и повинностей в денежном выражении; 3) ежемесячные ведомости; 4) ведомость о сборе денег на внутренние повинности (содержание местной администрации, тюрем, приходских школ, учащихся и т. д.); 5) ведомость о недоимках; 6) ведомость о сдаче собранных налогов в казначейство.

Рапорт, как вид отчетно-исполнительской документации, являлся формой отношений должностных лиц и учреждений с вышестоящим начальством. Составлялся от нижестоящей ин-

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 893–894. Л. 64–73.

станции к вышестоящей и назывался по-разному: «рапорт», «покорный рапорт», «покорнейший рапорт». При рапорте могли посылаться отчеты и ведомости, общественные приговоры, другие документы, отправляться лица, подозреваемые в преступлениях, истцы и ответчики. Формуляр рапорта очень прост: в начальный протокол входили адресат (должностное лицо или учреждение), дата, номер исходящего документа; адресант: «из Баргузинской степной думы»; обозначение разновидности документа: «рапорт», «покорнейший рапорт». В основную часть документа входило изложение обстоятельств дела, также могла содержаться просьба к начальству. Конечный протокол содержал: дату, подпись или печать, иногда конечный протокол мог отсутствовать.

Протокольный вид делопроизводственных документов представлен общественными приговорами (решениями) сугланов при степной думе и родовых управлениях, представляющих особую ценность. Они дают огромный фактический материал о хозяйственной и административной деятельности органов местного самоуправления, повседневной жизни бурятского общества. Общественным приговором решались вопросы о раскладке податей и повинностей, сборах на содержание местного самоуправления, вопросы выборов должностных лиц местной администрации. Общественные приговоры оформлялись по определенному формуляру и состояли в основном из трех частей:

а) преамбулы, вступительной части, которая имела определенную форму, где указывалось на дату, место проведения собрания, его кворум, повестку, и беспрекословно соблюдалась во всех ведомствах. Так выглядит примерная преамбула общественного приговора: «1866 года июля 9-го дня мы, нижеподписавшиеся ведомства Баргузинской степной думы родовые начальники и почетные инородцы, быв в полном собрании в нашей степной думе, где выслушав объявленный нам указ Забайкальского областного правления от 25 июня с[его] г[ода] за № 2669 о предположении сбора на содержание сельской врачебной части с начала 1866 года с каждой ревизской души по 8 коп. ...»;

б) основной части – непосредственно решения или приговора собрания с его детальной аргументацией: «вследствие сего постановили мы сей наш приговор согласно вышесказанному указу областного правления производить сбор на этот предмет в каждый год с каждой ревизской души по 8 коп. Всего с 4344 душ 347 руб. 52 коп.»;

в) заключительной части, излагавшейся также по определенной форме: «Почему и просим степную думу этот сбор ввести в смету и представить на рассмотрение высшего начальства, в том и подписуемся»¹. Обязательным условием достоверности общественного приговора были подписи всех участников собрания.

Большой интерес для исследования представляют общественные приговоры об отмене калыма в Кударинском ведомстве от 7 ноября 1885 г.², в Кудинском ведомстве от 17 сентября 1883 г.³, приговоры баргузинских бурят о нежелании принимать волостную реформу от января 1901 г.⁴, о заслугах Сахара Хамнаева от 20 марта 1870 г.⁵, агинских бурят о выборе депутатов для встречи цесаревича Николая⁶, о направлении Цыбена Жамцарано стипендиатом им. Николая II на учебу в Иркутскую учительскую семинарию⁷ и т. д.

Докладные виды документов (доклады и записки) составлялись в произвольной форме и отражали определенную тему. Так, ценными являются докладная записка баргузинского тайши С. Хамнаева об устройстве хлебозапасных экономических магазинов с подробными расчетами, аргументами⁸, записка тайши Кударинского ведомства И. Заяханова об отмене калыма⁹ и т. д.

Отдельно надо отметить записки-письма Сахара Хамнаева степной думе, в которых он излагал свои взгляды на пути развития Баргузинского ведомства. Показательно его письмо в степную думу о необходимости развития земледелия в ведомстве от 9 февраля 1855 г.: перед нами предстает живая картина жизни баргузинских бурят середины XIX в., для которых земледелие было сложным занятием, и органы местного самоуправления, должностные лица бурят прилагали огромные усилия для развития земледелия.

В письме дается полная инструкция по земледелию, начиная с того, что должны быть определены ответственные за распространение земледелия должностные лица, составлены списки бу-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1322. Л. 338.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1261. Л. 5–8.

³ ГАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 148. Л. 80–81об.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 3–4.

⁵ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1444. Л. 5–12.

⁶ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2952. Л. 77–77об.

⁷ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2929. Л. 67–67об.

⁸ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 624. Л. 20–28.

⁹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1260. Л. 1–4.

рят, которые будут сеять хлеб, и описание, каким образом ведется распашка земли. Далее в письме говорится о необходимости избрания полевых смотрителей, в обязанность которых входили контроль за качеством пахоты, посева, за огораживанием посевных полей. Важным моментом письма является забота Сахара Хамнаева об улучшении образа жизни баргузинских бурят, стремление избавить их от «праздношатаательства» – безделья, праздного образа жизни, особенно молодежи¹.

Следующие письма «Описание образа жизни и хозяйства баргузинских бурят»², «О мероприятиях к удержанию от праздношатаательства развратных инородцев»³, «Об устройстве хозяйственных обзаведений бурят»⁴ представляют собой ценнейший материал по истории развития хозяйства баргузинских бурят в XIX в.

Следственные дела – это, как правило, решения судебных инстанций по тому или иному следственному делу с описанием процесса ведения следствия и решения суда. На примере таких следственных дел можно рассмотреть порядок ведения следствия, дознания, судопроизводства и наказания. Так, интерес представляют следственные дела об убийстве с грабежом старосты Могойгуйского родового управления С. Ирдынеева в 1899 г.⁵, по тяжбе инородца Абаганатской инородной управы Кузьмы Хинхороева о нанесении ему побоев братьями Забиновыми⁶, о краже бычка у бурята Абаганатской инородной управы Х. Хунхеева в августе 1891 г.⁷ и т. д.

В фондах ГАРБ также имеются следственные документы по громким должностным преступлениям тайшей и других должностных лиц местного самоуправления бурят. Это дела по обвинению баргузинских тайшей С. Хамнаева от 1858 г., 1861 г., 1870 г., К. Сахарова от 1894 г., ольхонских тайшей И. Н. Муравьева в 1859–1864 гг. и Х. Якшеева в 1892 г. и т. д.

Учетные документы представлены ревизскими сказками, отражающими результаты ревизий податного населения Россий-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 432. Л. 17–19об.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 616. Л. 4–12.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 432. Л. 1–9.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 5–13об.

⁵ ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 122.

⁶ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 153. Л. 48.

⁷ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 12.

ской империи в XVIII – первой половине XIX в., проводившихся с целью подушного налогового обложения населения. Ревизские сказки являлись именными списками населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имена и отчества членов семьи, их возраст, отношение к главе семьи. В ревизские сказки (кроме 1-й, 2-й и 6-й ревизий) включались лица мужского и женского пола, но в сводных таблицах женский пол никогда не фигурировал.

Всего в России было проведено десять ревизий: в 1719, 1762, 1782, 1796, 1811, 1815, 1836, 1851, 1858 гг. Одни из самых ранних в фондах ГАРБ – окладные списки ольхонских бурят за 1815 г., составленные по итогам 7-й всероссийской ревизии населения 1815 г.¹ В фонде Кударинской степной думы имеются ревизские сказки бурят по 9-й переписи 1851 г.² и 10-й ревизии 1858 г.³, в фонде Баргузинской степной думы – ревизские сказки 1851 г.⁴ и т. д.

Высокой степенью информативности отличались подворные списки, которые составлялись в 1880–1913 гг. в ходе комплексных исследований социально-экономического положения крестьянских хозяйств. Основной целью проведения подворных переписей было выяснение общего социально-экономического состояния крестьянских хозяйств на определенный момент, как правило, в масштабах губернии, отдельных уездов, в том числе инородческих ведомств. В фонде Ольхонской степной думы имеются подворные списки за 1889 г., в которых приводятся ценные сведения о составе семьи и состоянии хозяйства. Так, в подворном списке Хонгора Якшеева, бурята 6-го Чернорудского рода Кутульского улуса Ольхонского ведомства, значит, что на тот момент ему был 61 год, у него было две жены Больгей и Улахай, четверо сыновей: Харнут (20 лет), Алагуи (15 лет), Алгана (12 лет), Роман (6 лет) и три дочери – Ногол (18 лет), Матрена (7 лет), Бутунай (3 года)⁵.

Формулярные списки должностных лиц органов местного самоуправления бурят являются уникальными по своим информационным возможностям источниками. Официальный характер

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 224. Л. 1–258.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 570–573. Л. 1–137.

³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 118. Л. 1–37. Д. 222. Л. 1–60.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2854. Л. 1–439.

⁵ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 719. Л. 11.

этих документов предполагает большую степень достоверности информации: в них содержатся подробные сведения о социальном происхождении, имущественном положении, возрасте, образовании, вероисповедании, составе семьи, общественной службе, что дает широкие возможности для изучения истории бурятских обществ. В фондах архива находится большое количество формулярных списков, так, только в одном фонде Кударинской степной думы есть послужные списки Хамагана Дамбуева за 1831 г.¹, Заяхана Хамаганова за 1856 г.², Якова Березовского за 1865 г.³, Ивана Заяханова за 1883 г.⁴ и других, в которых, кроме сведений об общественной службе, имеются данные об их семьях с указанием имен и фамилий жен, имен детей и их возраста.

Учетные документы внутреннего документопотока представлены журналами регистрации. Существовали журналы регистрации входящей и исходящей корреспонденции, имеющие информационную ценность, так как в них приводилось краткое содержание документов, по ним можно было искать необходимые документы, уточнять содержание утерянных бумаг. При поступлении в учреждение документы регистрировались, им присваивался номер, ставилась дата, и передавалось краткое содержание. Входящие документы учитывались в специальных журналах регистрации, исходящие документы регистрировались также в журнале исходящих документов.

Журналы регистрации общественных приговоров появились к концу XIX в. и сохранились в фондах отдельных ведомств. Безусловно, они являются ценными источниками по истории бурятских ведомств, так как общественные приговоры имели законодательную и исполнительную силу в своих ведомствах. Именно общественными приговорами утверждались нормы обычного права, имеющие силу закона; бюджет ведомства; должностные лица местного самоуправления и т. д.

Особую источниковую ценность представляют фонды органов местного самоуправления тунгусов Западного Забайкалья, позволяющие углубить тему исследования:

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 207. Л. 16–17.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 683. Л. 1–5.

³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 798–799. Л. 2–6.

⁴ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1070. Л. 2об-4.

1) фонд 320 «Баргузинская тунгусская инородная управа» (1832–1873) – 32 дела;

2) фонд 9 «Баунтовская тунгусская инородная управа» (1853–1923) – 54 дела;

3) фонд 328 «Нижнеангарское Киндигирское родовое управление» (1832–1917) – 93 дела;

4) фонд 50 «Подлеморско-Шимагирское родовое управление» (1831–1919) – 46 дел.

Фонды были сформированы из архивов инородных управ и родовых управлений, поступивших на государственное хранение в 1920-х гг., и представлены делопроизводственными документами, которые содержат интересные сведения об их административной, хозяйственно-экономической, судебной деятельности.

Значительную часть фондов составляют организационно-распорядительные документы – это указы, приказы, распоряжения, наставления, инструкции вышестоящих учреждений, регламентирующие сбор податей и повинностей, предоставление отчетности, распространение земледелия, принятие мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначение выборов, утверждение должностных лиц и т. д. Важное место среди них занимают предписания вышестоящего начальства, следившего за состоянием охотничьего промысла. Так, в 1911 г. Главное управление землеустройства и земледелия направляет предписание «О запрещении продажи и хранении убитых соболей, соболиных мехов и шкур без печати, клейма и пломбы»¹. В 1913 г. баргузинский уездный комиссар предписывает «принять самые энергичные меры, чтобы вся добытая тунгусами пушнина не попала в руки частных скупщиков, а сдавалась в родовое управление для продажи с торгов и расчета затем вырученными деньгами с продовольственным отделом и покупки на таковые нового количества продуктов»².

Следующую группу источников составляет отчетная документация, где особое место занимают отчеты и рапорты, содержавшие основную информацию о жизнедеятельности тунгусских обществ. В отчетах можно найти статистические сведения о количестве тунгусов, занятиях и промыслах. Так, согласно отчету Баргузинской тунгусской инородной управы, за 1872 г. насчитывалось 516

¹ ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–16об.

² ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

ревизских душ¹, которые подразделялись на четыре рода: Лимагирский, Мунгальский, Балакагирский и Чильчагирский².

Интерес представляют отчеты органов местного самоуправления о состоянии рыболовства, охоты, скотоводства и ремесла. Так, в ведомости Баргузинской инородной управы за 1873 г. отмечается, что «жители ведомства сей управы ловят рыбу в р. Баргузин и ее притоках, в основном ловят язя, окуней, леньков, тайменей, сегов, щук и сорог»³. В 1871 г. баргузинскими тунгусами было добыто «медведей – 1, коз – 20, кабарги – 25, белок – 800»⁴. В хозяйстве тунгусов имелись «рогатый бык лучшего качества для приплода и работ, а корова вообще для домашнего хозяйства»⁵.

Документы протокольного характера представлены общественными приговорами (решениями) собраний при инородной управе и родовых управлениях, дающих большой фактический материал об их хозяйственной и административной деятельности. Имеются приговоры об избрании шуленгой Подлеморско-Шемагирского родового управления А. Шадрина, головы Баунтовской инородной управы И. Найканчина и т. д.

Таким образом, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия документальные источники фондов позволяют исследовать историю тунгусских органов местного самоуправления в XIX – начале XX в., содержат существенную информацию о жизни и быте тунгусов.

Историю взаимоотношений бурятских органов местного самоуправления с миссионерскими учреждениями можно проследить на основании документов фондов миссионерских церквей, например, фонд 195 Усть-Ордынской Троицкой миссионерской церкви (1870–1919) содержит 298 дел.

Ценными источниками, дополняющими и обогащающими фонды бурятских органов местного самоуправления, являются фонды личного происхождения ГАРБ: фонд 362 «Личный фонд Мангатхана Маласагаева» (1867–1930) – 27 дел; фонд 357 «Личный фонд Андрея Михайлова» (1870–1923) – 2 дела; фонд 353 «Личный фонд Ильи Иннокентьевича Пирожкова» (1823–1906) – 6 дел.

¹ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

² ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–4.

³ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.

⁴ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

⁵ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.

Мангатхан Маласагаев был собирателем устного народного творчества бурят, составителем генеалогической таблицы потомков трех бурятских племен: эхиритов, булагатов и хоридоев, а также краеведом, этнографом, даже в некотором роде историографом, жившим и творившим в конце XIX – начале XX в. Его рукописные записи представляют источниковую ценность, так как в них имеются интересные исторические и статистические сведения о бурятских ведомствах. Маласагаев работал с архивными документами бурятских органов местного самоуправления, делал многочисленные выписки. Интерес представляют его замечания на работы Б. Барадина, М. Н. Богданова и М. Н. Хангалова по вопросам истории Бурятии. Например, он критикует М. Н. Богданова и Б. Барадина за недостаточную работу с информантами, а М. Н. Хангалова за пренебрежение к бурятской мифологии¹.

Фонд Андрея Михайлова, одного из родоначальников кудинских бурят XIX в., представлен частной перепиской, темой которых являются вопросы хозяйственной деятельности, открытия учебных заведений для бурятских детей, будущего бурят. Ценность представляют письма Ц. Жамцарано, Б. Петри, Ч. Иролтуева, Н. Ханхасаева и др., рассказывающие о хозяйственном и политическом положении в бурятских ведомствах в конце XIX – начале XX в. Например, письма Ц. Жамцарано характеризуют состояние бурятского общества в начале XX в., письма Б. Петри свидетельствуют об этнографических изысканиях А. и В. Михайловых. Активная переписка с разными адресатами дает ценное представление об экономическом развитии бурятских ведомств в конце XIX – начале XX в.

И. И. Пирожков занимал должность главного тайши Идинской степной думы в 1857–1877 гг. Интересен его формулярный лист, а также сведения о состоянии хозяйства, в том числе об Иннокентьевском крупчато-мельничном заведении, являющемся примером организации крупного предприятия в бурятских ведомствах. Особая ценность у его переписки с В. В. фон Гауптом о награждении И. И. Пирожкова дипломом и золотой медалью Международной выставки мукомольного дела (Париж, 1905 г.) за образцы продукции его паровой мельницы².

¹ ГАРБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–8об.

² ГАРБ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–9.

В ходе изучения архивных документов выявились определенные трудности, связанные прежде всего с рукописным характером документов, многие из которых трудно читаются из-за плохого почерка, иногда сложно понять смысл предложений из-за орфографических ошибок или стилистических оборотов.

Рассматривая фонды архивов бурятских ведомств, отметим еще одну особенность, связанную с тем, что значительная часть документов степных дум, инородных управ и родовых управлений Забайкальской области изложена на старомонгольской письменности.

Р. Е. Пубаев, исследовавший архивные документы на старомонгольской письменности, замечает, что в результате огромной работы группы переводчиков по переводу документов, осуществленной в 1957–1959 гг., была определена их фондовая принадлежность. Он сгруппировал документы на старомонгольской письменности по нескольким темам:

1) податно-налоговая система, куда вошли раскладки по сбору налогов и повинностей с населения, распоряжения и рапорты об исполнении этой раскладки;

2) годовые отчеты;

3) деятельность сельских экономических магазинов, представленная ведомостями об их состоянии, сборе хлебных недоимок и т. д.;

4) земельные отношения, большая часть документов представляют общественные приговоры о разделах сенокосных угодий, тяжёбные дела по землепользованию и т. д.;

5) семейно-брачные отношения, представленные значительным количеством прошений женихов и невест о разборе их споров относительно калыма, следствиями инородческих властей по семейным спорам и т. д.;

6) исковое дело, по этой теме имеются заявления о взыскании денег, разного имущества и скота, протоколы допроса истцов и ответчиков;

7) народное просвещение;

8) уртонная (почтово-перевозочная) повинность, имеются многочисленные раскладки по строительству и ремонту дорог, мостов, почтовой гоньбе, распоряжения о перевозке грузов и т. д.;

9) общественная жизнь и администрация, представлена общественными приговорами о выборах доверенных делегатов на собрание в присутствии думы для разбора и обсуждения вопросов уплаты налогов, исполнения повинностей, о выборах должностных лиц;

- 10) ламаистская церковь, самыми важными документами являются годовые отчеты ширетуев, переписка со степными думами;
- 11) здравоохранение представлено документами о вакцинации;
- 12) законодательные акты – переводы законодательных актов Российского государства касательно инородцев¹.

Р. Е. Пубаев сделал описание самых интересных документов на старомонгольской письменности. Например, летопись «Краткая история селенгинских бурят Дармы Лумбунова» 1900 г., историческая записка главного тайши Жалсарая Зориктуева от 13 декабря 1883 г. о правах бурят на занимаемые ими земли и т. д.

В ходе работы над монографией нами также были переведены многие документы, представляющие научный интерес. К примеру, любопытны предписание окружного начальника Протопопова о порядке вручения знамен 11 хоринским родам², следственное дело Вандана Дэмпилуна, обвиненного в растрате общественных денег³, и др. В связи с отсутствием архивных документов Хоринской степной думы из-за случившегося пожара, также переведены списки жителей Галзутской инородной управы, дающие целостную картину о количественном и качественном составе населения за 1831 и 1850 гг.⁴

Одновременно с изучением фондов бурятских степных дум и инородных управ нами были составлены тематические перечни наиболее интересных документов фонда 5 «Кударинская степная дума», фонда 7 «Баргузинская степная дума», фонда 12 «Ольхонская степная дума», фонда 178 «Тургинская инородная управа», фонда 15 «Абаганатская инородная управа», первые три перечня уже опубликованы.

Таким образом, по своему составу привлеченный нами делопроизводственный материал весьма разнообразен и представлен документами распорядительного, отчетно-исполнительного, протокольного характера, докладными записками, учетными видами документов, формулярными списками. Учитывая их огромную источниковую ценность, мы считаем, что необходим крити-

¹ Пубаев Р. Е. Архивные документы по истории Бурятии на старомонгольской письменности // Путеводитель по дореволюционным фондам НАРБ. Улан-Удэ, 1998. С. 113–125.

² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 69.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 253. Л. 11об.-12.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–58об., Д. 85.

ческий подход к использованию архивных документов. В особенности это касается статистических материалов: например, в ежегодных отчетах бурятских ведомств фигурируют данные о количестве скота, которое почему-то исчисляется круглыми цифрами (5000, 10 000 голов и т. д.), что вызывает сомнение в их достоверности. Критического отношения требуют многочисленные жалобы, донесения, показания, которые при привлечении других источников зачастую оказывались не соответствующими истине.

Отмечая, что изучение архивных документов требует критического и осторожного отношения к ним, и учитывая ценность других исторических источников, мы считаем, что именно архивные остаются практически единственными ценными источниками, дающими цельное представление по изучаемой теме. Их разнообразие, характер и деловое назначение дают ценный материал для широкого изучения истории местного самоуправления бурят XIX – начала XX в., позволяют расширить информационное поле исторических источников.

К ценным источникам относится также мемуаристика, включающая в себя воспоминания, дневники, путевые записки, оставившие нам личные впечатления авторов на те или иные события, в которых они участвовали или которые просто наблюдали. В отечественной историографии термин «мемуары» определяется как вид источников личного происхождения, целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью передать их в эволюционном целом¹. По мнению части исследователей (А. А. Курносова, С. С. Дмитриева, А. Г. Тартаковский и др.), в понятие «мемуары» входят автобиографии и воспоминания, другие же (А. С. Маджаров, Л. И. Деревнина, С. В. Житомирская и др.) включают в мемуаристику автобиографии, воспоминания, дневники, путевые записки². В данной работе мемуаристика рассматривается как источник мемуарного характера, включающий в себя воспоминания, дневники, путевые записки.

Дневники, безусловно, являются ценными источниками для исследования истории бурят XIX – начала XX в. и представляют собой записки личного характера, ведущиеся по желанию и последовательно.

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод ... С. 472.

² Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. С. 50.

Многие исследователи отмечают существование особой разновидности дневников, в которых в равной степени присутствуют черты дневников и путевых записок. К таковым относятся путевые дневники Цыбена Жамцарано¹, которые он вел в 1903–1907 гг. во время своих экспедиций по Иркутской губернии, Забайкалью и Монголии, свидетельствующие о его научном подвиге, о понимании значения его работы и его ответственности перед будущим. Его полевые дневники – это записные книжки, включающие уникальные записи самого разнообразного содержания: фольклорные, этнографические, исторические и другие материалы. Ценность дневников Ц. Жамцарано заключается также и в описании им экономического и административного состояния бурятских ведомств в начале XX в. Например, он приводит статистические данные по бурятским обществам Иркутской губернии, взятые им в архивах, описывает свои встречи с бурятами, рассказывает об их отношении к местному самоуправлению.

Воспоминания – это повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора, целью которых является сохранение и передача личных знаний и впечатлений. Например, мемуары политического ссыльного – петрашевца Ф. Г. Толя, в которых автор дает описание нравственности бурят, их хозяйства и быта, вероисповеданий, а также характеристики должностных лиц местного самоуправления².

Большое внимание привлекают к себе путевые записки – описание путешественником географического, этнографического и социального облика увиденных им стран, земель, народов. Путевые записки являются одной из наиболее часто встречающихся разновидностей сибирской мемуаристики, что естественно вытекает из самого места Сибири в Российской империи, из доминировавшего до середины XIX в. восприятия ее как своей, но и в то же время и чужой, неизвестной территории, от ощущения культурно-психологической дистанции приезжими из европейской части России. Путевые записки о Сибири XIX в. Н. П. Матханова разделяет на несколько групп³.

¹ Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ : Республ. тип., 2011. 264 с.

² Толь Ф. Г. Воспоминания о Восточной Сибири // Петрашевцы в Сибири. Иркутск, 2005. С. 325–371.

³ Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. С. 76.

К первой группе путевых записок она относит сочинения, включающие собственные впечатления автора от местности, населения и т. д. Таковы путевые записки – воспоминания Л. В. Аксеновой о поездке в начале 1860-х гг. на прииск вблизи Баргузина и пребывании там, содержащие описания природы, местного общества, быта бурят. Она подробно описывает тайшу, его семейный быт: «Он пользуется большим уважением как между бурятами, так и у русских. Он очень умен и с некоторым образованием ... В суждениях его видна серьезность и самостоятельность. Платье носит бурятское, вероисповедания ламайского и твердо придерживается своих родных обычаев. ...У Хамнаева три сына: все они воспитывались в русских училищах, носят европейское платье или мундиры. Старший занимается хозяйством, живет при отце; два младшие были тогда на государственной службе, один гражданским чиновником, другой – учителем в бурятской школе. Тогда они все были дома и еще две дочери лет 16 и 17, очень милые и недурны собою, но крайне застенчивы, хорошо говорят по-русски, читают, пишут. Одеты они по-бурятски, но с примесью общепринятых у нас мод: платья покроя бурятского в роде длинной рубахи, но длинные совсем, и даже с маленьким шлейфом, что выходит очень недурно; ботинки с каблуками, белые воротнички и рукава; прическа по-бурятски в несколько висящих кос, переплетенных кораллами, и на голове серебряные бляхи, на шее также кораллы. Все семейство Хамнаева также ламайского вероисповедания. Дом деревянный небольшой, но очень опрятный; около него только службы и юрта его же семейная. ...Одна половина дома Хамнаева устроена и отделана по-европейски, есть гостиная, кабинет и вполне приличная мебель, а другая по-бурятски. Здесь в главной комнате находится жертвенник, род комода с уступами, на которых расставлены изображения различных божеств их, символические фигуры, жертвы из зерен и вина в маленьких чашках и свечи. Кругом у стен широкие и очень низкие лавки»¹.

Следующую группу составляют путевые записки, примыкающие к научным и деловым отчетам. К ним можно отнести путевые записки Р. К. Маака «Путешествие на Амур», содержащие сведения о научно-исследовательской экспедиции, осуществленной в 1855 г. по распоряжению Сибирского отдела Императорско-

¹ Аксенова Л. В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Рус. вестн. 1880. Т. 145, № 2. С. 738–739.

го русского географического общества. В них наряду с описанием путешествия от Иркутска до Айгуна и обратно имеются «естественно-исторические статьи» о флоре и фауне края. Интерес для исследования представляет также история происхождения бурят, их вхождения в состав Российского государства, изложенная Г. Герстфельдом в ходе путешествия по Забайкальской области в 1854 г. и переданная Р. К. Мааку для публикации в книге. Управление бурят представлено описанием степных дум хоринских и селенгинских бурят с их тайшами и ссылками на Степные уложения, имевшие силу закона¹.

Третью группу путевых записок составляют работы, в которых весьма существенно представлены беллетристические или публицистические элементы. Это, например, путевые очерки Д. И. Стахеева, в которых бурятам посвящен очерк с описанием их обычаев и верований, экономического положения и быта. Он дает оценку степной думе как «высшей власти в пределах инородческих обычаев»².

Следующая группа – путевые записки, нередко служившие путеводителями. К ним можно отнести публикации В. П. Паршина, в которых даны не только описания природы, местных жителей, городов, но и указаны расстояния между станциями, гостиницы, достопримечательности и т. д.³ Ценность представляют его наблюдения за характером бурят, которые «дружелюбны, охотно помогают друг другу в нужде, сострадательны и человеколюбивы», описания об их хозяйственном быте⁴.

Мемуары священников-миссионеров, опубликованные в Иркутских епархиальных ведомостях, занимают особое место в сибирской мемуарной литературе и являются ценным источником личного происхождения. Несмотря на то что предметом этих мемуарных записей была прежде всего миссионерская деятельность среди инородцев, большой интерес вызывают описания образа

¹ Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела императорского русского географического общества, в 1855 г., Р. Мааком. СПб., 1859. С. 8–15.

² Стахеев Д. Буряты // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12, ч. 1. Восточные окраины России. Восточная Сибирь. СПб. ; М. : Изд-ние Тов-ва М. О. Вольф, 1895. С. 167–190.

³ Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 1–2. М. : В тип. Н. Степанова, 1844. 208 с.; Он же. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. В. П. М., 1851. 230 с.

⁴ Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край... С. 54–56.

жизни, обычаев и религиозных воззрений бурят, их отношения к православию и крещению, оценка политики Российского государства в отношении инородцев, местного самоуправления бурят, должностных лиц и статистические данные.

В большинстве случаев мемуары священников представлены воспоминаниями о миссионерских поездках разных духовных лиц. Например, в записках о поездке Мелетия, епископа Селенгинского, совершенной в 1879 г., имеются сведения об Агинской, Хоринской и Баргузинской степных думах¹.

Интересны записки забайкальского миссионера священника Алексея Малкова, побывавшего на молебне в Цугольском дацане Агинского ведомства летом 1865 г.² Он описывает процесс молебна, выноса колесницы со слоном, свои впечатления от встреч с ламами и бурятами, прибывшими на молебен. Посмотрев на хурал, конские ристалища, борьбу атлетов, он делает вывод о том, что «бурят в этом хурале получает все, что нужно для верования и для чувственного удовольствия». Безусловную ценность представляют записки о встрече со знакомым Тугулдууром Тобоевым, главным тайшой агинских бурят, и князем Гантимуровым, председателем Урульгинской тунгусской степной думы. О быте и обычаях агинских бурят пишет миссионер Павел Шавров, уделяя особое внимание негативному влиянию ламства на развитие бурятского общества, в особенности переходу к оседлому образу жизни³.

Записки миссионера Анинского стана Н. Виноградова рассказывают о праздновании молебна Майдари в Анинском дацане в октябре 1897 г. Ценность записей заключается в подробном описании статуи Майдари, процесса молебна и празднования, отношения бурят к самому празднику⁴.

Особо надо отметить воспоминания миссионера Боханского Пророко-Ильинского стана Н. Попова, которые он называет исто-

¹ Воспоминание о миссионерской поездке преосвященнейшего Мелетия, епископа Селенгинского (ныне епископа Якутского и Вилюйского), совершенной в 1879 г. // Иркут. епарх. ведомости (далее – ИЕВ). Прибавления. 1891. 2 марта (№ 9). С. 1–11; 1891. 16 марта (№ 11). С. 10; 1891. 23 марта (№ 12). С. 1–11; 1891. 27 апр. (№ 17). С. 1–13.

² Малков А. Из записок забайкальского миссионера. Хурал // ИЕВ. Прибавления. 1866. 30 апр. (№ 17). С. 207–213; 1866. 7 мая (№ 18). С. 95–222; 1866. 14 мая (№ 19). С. 239–248.

³ Шавров П. Агинские буряты и их ламы // ИЕВ. Прибавления. 1885. 17 авг. (№ 33). С. 404–417.

⁴ Виноградов Н. Религиозное торжество ламаизма по поводы святых Анинского сумэ в честь Майдари // ИЕВ. Прибавления. 1898. 1 апр. (№ 7). С. 178.

рическими записками. Описывая массовое крещение идинских бурят 19 июля 1891 г., он подробно рассматривает не только историю миссионерства среди идинских бурят, но и географическое положение и историю Идинского инородческого ведомства. При отсутствии архивных документов воспоминания Н. Попова о должностных лицах Идинской степной думы, в том числе о главном тайше И. И. Пирожкове, об известных событиях в Идинском ведомстве в 1884–1887 гг., когда все население было разделено на несколько «враждебных партий», приводимые им сведения о населении ведомства представляют особую источниковую ценность. Интересными являются его размышления о благотворном влиянии христианства на идинских бурят: «Распространение христианства в Идинском ведомстве не прошло бесследно не только для религиозно-нравственной, но также для семейной, бытовой и общественной жизни инородцев. Везде оно разлило свою благотворную силу». Именно с распространением христианства Н. Попов связывает успешную политику Российского государства по русификации бурят и унификации их управления с крестьянским¹.

Ценными источниками являются дневники миссионеров, в которых они подробно описывали свои поездки по бурятским ведомствам. Особенностью сибирских дневников было наличие в них признаков и дневников, и путевых записей. Именно таковыми являются опубликованные дневники архимандрита Гурия (С. В. Буртасова), К. К. Стукова, Н. Шастина и др.

Путевые записки архимандрита Гурия можно отнести к дневниковым запискам, так как в них присутствуют признаки дневника. Он в хронологической последовательности описывает состояние дороги с указанием расстояния между населенными пунктами, погоду, природу, все свои встречи с бурятами, их должностными лицами и свои впечатления от общения с ними². Интересными являются описания дома И. И. Пирожкова, главного тайши идинских бурят, который «мог бы служить украшением любого го-

¹ Попов Н. Историческая записка о распространении христианства среди инородцев Идинского ведомства и о Боханском Пророко-Ильинском миссионерском стане // ИЕВ. Прибавления. 1895. 1 мая (№ 9). С. 217–225; 1895. 15 мая (№ 10). С. 243–253; 1895. 1 июня (№ 11). С. 276–290.

² Архимандрит Гурий (С. В. Буртасовский). Первое мое знакомство с деятельностью Иркутской духовной миссии // ИЕВ. Прибавления. 1880. 22 нояб. (№ 47). С. 580–592; 1880. 29 нояб. (№ 48). С. 595–607; 1880. 6 дек. (№ 49). С. 610–630; 1880. 13 дек. С. 632–639.

рода». Далее Гурий пишет: «Внутреннее убранство в комнатах свидетельствует об особенной любви к изяществу его обитателей. Дорогие иконы в серебро-позолоченных ризах, весьма приличная драпировка, дорогие цветники, мебель высокой работы – вот предметы убранства дома Пирожкова». Таким же образом он описывает дом П. П. Баторова, главного тайши Аларской степной думы, где «вся обстановка в русском вкусе». Воображение автора потрясла богатая коллекция ружей и револьверов разных видов, а также других охотничьих принадлежностей хозяина дома.

В дневниковых записях К. К. Стукова сочетаются взгляды миссионера и этнографа. Он знает язык и многие обычаи бурят, поэтому ему легче описывать их жизнь и быт¹. Ценным источником по истории Закаменской инородной управы, архив которой, к сожалению, не сохранился до наших дней, являются также записки цакирского миссионера Н. Шастина².

Особо надо отметить дневники миссионерских поездок разных духовных лиц, например дневник поездки Вениамина по Иркутскому и Балаганскому округам за 1882 г., который вел архимандрит Макарий. Записи велись по хронологии, с описанием всех событий во время путешествия, с личными впечатлениями автора³. Или же дневник поездки Макария в пограничный Окинский караул в 1884 г., в котором анонимный автор, называющий себя «одним из спутников его преосвященства», ежедневно описывает не только события, но и природу Тункинского края с «высями, скалами, стремнинами, болотами и бушующими грозными горными ручьями»⁴.

¹ Стуков К. К. Из дневника, веденного на Братской степи, что в Забайкалье // ИЕВ. Прибавления. 1866. 2 июля (№ 26). С. 318–324; 1866. 9 июля (№ 27). С. 330–334; 1866. 16 июля (№ 28). С. 337–343.

² Шастин Н. Дневник Цакирского миссионера священника Николая Шастина за 1886 г. // ИЕВ. Прибавления. 1887. 19 сент. (№ 38). С. 345–354; 1887. 26 сент. (№ 39). С. 355–361; 1887. 3 окт. (№ 40). С. 371–375; 1887. 10 окт. (№ 41). С. 377–388; 1887. 17 окт. (№ 42). С. 389–396; 1887. 24 окт. (№ 43). С. 397–398; 1887. 31 окт. (№ 44). С. 401–403; 1887. 7 нояб. (№ 45). С. 407–410; 1887. 14 нояб. (№ 46). С. 412–418; 1887. 21 нояб. (№ 47). С. 419–426; 1887. 28 нояб. (№ 48). С. 427–430.

³ Архимандрит Макарий (М. Ф. Дарский). Дневник, веденный во время поездки Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского, по Иркутскому и Балаганскому округам с 20 мая по 3 июня 1882 г. // ИЕВ. Прибавления. 31 июля 1882. (№ 31). С. 393–406.

⁴ Миссионерская поездка его преосвященства преосвященнейшего Макария, начальника Иркутского отдела миссии, в пограничный Окинский караул // ИЕВ. Прибавления. 1884. 8 сент. (№ 36). С. 399–412.

Путевые записки миссионеров представляют интересную разновидность сибирской мемуаристики, в них рассказывается о путешествиях по бурятским ведомствам. Они включают в себя описания природы, климата, образа жизни, обычаев, хозяйства и т. д. К таким мемуарам относятся путевые записки миссионеров Ф. Альбицкого, Н. Виноградова и др.

Путевые записки миссионера священника Ф. Альбицкого посвящены его путешествию по бурятским улусам Закаменского ведомства. Он отмечает влияние лам как основную причину своих неудач в миссионерской деятельности. Священник описывает ведомство, например, упоминает количество жителей, которых насчитывалось 5002 души обоего пола, проживавших в 2450 деревянных юртах, «крытых корьем и дерном»¹ и т. д.

Записки миссионера Шимковского стана в 1879 г. представляют ценность как источник по истории Тункинское ведомства. Сравнивая Тункинское ведомство с Идинским, он рассматривает не только хозяйство и быт бурят, но и местное самоуправление с институтом тайшинства, который характеризуется «вопиющими безобразиями чиновничества: неправдами, происками, потворствами богатым, взяточничеством, гонениями». Далее он пишет, что «благодаря отсутствию инициативы у бурят, оно сохранило все свои права, как управления совершенно самодержавного, и пользуется ими, в лице своих членов, в духе знаменитого в летописях сибирских Лоскутова»². Миссионер выступает за введение у них русского управления с разделением на волости и определением во главе их выбираемых волостных голов не более чем на три года.

Предметом исследования миссионера С. В. Копылова стало изучение религиозных верований, семейных обрядов и жертвоприношений северобайкальских бурят-шаманистов. Он пишет, что своими изысканиями вносит вклад в исследование монголо-бурятской культуры. Для этнографов ценными сведениями являются описания разных шаманских жертвоприношений³.

¹ Альбицкий Ф. Записки забайкальского миссионера // ИЕВ. Прибавления. 1866. 12 марта (№ 11). С. 131–138.

² Записки миссионера Шимковского стана за 1879 г. // ИЕВ. Прибавления. 1882. 3 апр. (№ 14). С. 175–176.

³ Копылов С. В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северобайкальских бурят шаманистов // ИЕВ. Прибавления. 1885. 21 дек. (№ 51). С. 620–636. Он же. Тайлаганы, или Общественные жертвоприношения у северобайкальских бурят // ИЕВ. Прибавления. 1886. 22 марта (№ 12). С. 143–151; 1886. 29 марта (№ 13). С. 155–164.

Нельзя не упомянуть исследование священника И. Подгорбунского о шаманистических верованиях монголов и бурят, посвященное истории распространения буддизма в бурятских ведомствах¹.

Очень важны для изучения мемуары, написанные бурятами. Н. П. Матханова отмечает, что речь не идет о летописях, исторических преданиях и фольклоре. Далеко не всегда можно установить этническую принадлежность мемуаристов, особенно крещеных и имевших русские фамилии. Еще она сложная проблема – кем считать детей от межнациональных браков. О. В. Бураева называет несколько миссионеров из таких семей, в том числе и авторов мемуарных произведений А. А. Виноградова и К. К. Стукова². Скорее всего, как это и принято у современных этнографов, самым важным критерием является этническое самосознание индивида. Поэтому «смешанные корни» многих священников, ведущих свое происхождение от бурят и русских, не позволяют, как нам представляется, безоговорочно считать их представителями сибирских абorigенов³.

Пока что абсолютно бесспорным для XIX в. представляется только один мемуарист из бурят – Михаил Егорович Этагоров, воспоминания которого посвящены Бажею (после крещения Николаю Александровичу) Косомову⁴. Основная идея произведения – показать заслуги Н. А. Косомова, родового шуленги 5-го Хонходоровского рода Аларского ведомства, перед земляками, рассказать о его успехах. В мемуарах подробно излагается история крещения Б. Косомова и его конфликта с тайшой П. Баторовым.

В Иркутских епархиальных ведомостях также печатались статьи миссионеров, посвященные теме распространения христианства среди бурят. Так, Вениамин, архиепископ Иркутский, в

¹ Подгорбунский И. Шаманистические верования монголов и бурят // ИЕВ. Прибавления. 1895. 1 янв. (№ 1). С. 6–25; 1895. 15 янв. (№ 2). С. 38–45; 1895. 1 февр. (№ 3). С. 63–69; 1895. 15 февр. (№ 4). С. 87–98; 1895. 1 марта (№ 5). С. 119–128; 1895. 15 марта (№ 6). С. 154–167; 1895. 1–15 апр. (№ 7–8). С. 203–213.

² Бураева О. В. Православие у бурят (XVII – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 62.

³ Матханова Н. П. Мемуары представителей коренного населения Сибири (XIX век) // Гуманит. науки в Сибири. Новосибирск, 2010. № 3. С. 19–22.

⁴ Бажей, во святом крещении Николай Александрович Косомов, первый из родоначальников Аларского ведомства, принявший христианство (Из памятной записки аларского инородца Михаила Егоровича Этагорова) // ИЕВ. Прибавления. 1892. 21 нояб. (№ 47). С. 1–6.

своей статье о положении христиан в бурятских обществах отмечал, что успехи в христианизации инородцев зависят от позиции родовых старшин¹. Он был ярким сторонником проведения политики унификации управления инородческого населения с русским и подчинения их общим законам Российского государства на основе приобщения к христианству. Архиепископ выступал с критикой Главного управления Западной Сибири, которое «боится привилегированного положения христиан среди язычников из опасения вреда для мирного и более успешного распространения самого православия между язычниками, считает необходимым поддерживать степные обычаи инородцев и право большинства, и наконец, даже опасается за общественное спокойствие между инородцами от предпочтения христиан язычникам»².

В записках миссионера Е. Кузнецова дается психологический портрет бурят, в котором он сравнивает их с «полем, богатым по своему содержанию, способным воспринять и возродить семя Слова Божьего и высшей культуры». Высоконравственные качества бурят он связывает с широким развитием благотворительности в бурятских обществах³.

Взаимоотношения между бурятами-буддистами и новокрещеными сородичами в полной мере предстают в записках миссионера Анинского дацана, который подробно описывает известное Кудунское межевое дело 1889 г., излагает позиции должностных лиц Хоринской степной думы по этому вопросу, их взаимодействие с местной администрацией⁴.

Среди всех миссионеров забайкальский священник А. Виноградов занимал наиболее жесткую позицию по отношению к распространению буддизма у бурят и выступал за устранение привилегий ламства. В его записках резкой критике подвергается чересчур «мягкая» политика государства по отношению к буддий-

¹ Вениамин, архиепископ Иркутский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников // ИЕВ. Прибавления. 1884. 28 июля (№ 30). С. 337–347; 1884. 4 авг. (№ 31). С. 349–361.

² Вениамин, архиепископ Иркутский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников // ИЕВ. Прибавления. 1884. 4 авг. (№ 31). С. 355.

³ Кузнецов Е. Характеристика бурят с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры // ЗЕВ. 1904. 15 нояб. – 1 дек. (№ 22–23). С. 310–330; 1904. 15 дек. (№ 24). С. 346–368.

⁴ Ш. А. Кудунское межевое дело 1889 г. крещеных инородцев Хоринского ведомства // ИЕВ. Прибавления. 1891. 21 дек. (№ 51). С. 1–6.

скому духовенству, выразившаяся в «неверных» началах Положения о ламайском духовенстве 1853 г.¹

В отдельную группу можно выделить источники эпистолярного характера – письма. В первую очередь это опубликованные письма. В 1869 г. издаются письма М. М. Сперанского к дочери, в которых имеются сведения о сибирских народах: «... Те же пороки; те же глупости; то же терпение в бедных и своекорыстие в богатых. Различие только в том, что здесь, говоря вообще, всем жить широко, земля довольно хороша и, следовательно, бедных меньше»².

Особое значение имеют неопубликованные письма, которые хранятся в разных фондах Государственного архива Республики Бурятия. На наш взгляд, это уникальные документы: к примеру, переписка бурятских общественных деятелей Ц. Жамцарано, Н. Ханхасаева, М. Бадмаева с А. Михайловым в период с 1900 по 1906 г., в один из самых драматических периодов в истории бурятского общества, когда у бурят Забайкальской области проводилась волостная реформа, шло поземельное устройство бурят в Иркутской губернии, т. е. проходили процессы, которые на волне русской революции 1905 г. способствовали росту национального самосознания бурят, выдвигению из их среды национальных лидеров, таких как Ц. Жамцарано, Г. Цыбиков, М. Богданов, Э.-Д. Ринчино и др.

О настроении в бурятском обществе свидетельствуют строки из письма Ц. Жамцарано от 13 сентября 1905 г.: «Поздравляю с удачным съездом. Сижу в Аларском дацане, был у Петра Павловича и Манзанова, и досыта ознакомился с вашим съездом – очень, бесконечно рад, так рад, что не могу и выразить в письме! Будут в восторге все забайкальцы – ибо они уже давно с большим нетерпением ждут не дождутся результата Вашего съезда»³. Совершенно другое настроение наблюдается в его письме от 22 января 1906 г.: «Дела забайкальцев неважны. Реакция сошла с ума. Ужас и горе»⁴. В его письмах много фактических данных, описываются его личные впечатления от разных событий, дается их оценка.

О хозяйственной деятельности бурятского предпринимателя и видного общественного деятеля иркутских бурят Андрея Ми-

¹ Виноградов А. О ламаизме за Байкалом // ИЕВ. Прибавления. 1885. 30 нояб. (№ 48). С. 581–596; 1885. 7 дек. (№ 49). С. 598–606.

² Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. С. 11–12.

³ ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 125–126.

⁴ ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 137.

хайлова можно узнать из его переписки со поставщиками, работниками. Любопытна его переписка с сыном Василием Михайловым, известным исследователем шаманизма.

Письма Б. Э. Петри, российского ученого-этнографа, антрополога, Андрею Михайлову свидетельствуют об их тесном научном сотрудничестве. А. Михайлов по просьбе Б. Э. Петри отправлял предметы быта и культа бурят для Музея антропологии и этнографии им. императора Петра Великого, щедро делился своими знаниями по этнографии бурят¹.

Таким образом, несмотря на то что письменные источники по истории бурятских степных дум и инородных управ отличаются многообразием, особое место занимают архивные документы. В ходе исследования авторам удалось поработать с материалами разных архивов – РГАДА, ГАРФ, ГААО, ГАИО, ГАЗК, ГАРБ, каждый из которых отличается специфическим составом. Если в РГАДА, ГАРФ и ГААО мы рассматривали косвенные документы, касающиеся истории бурятских ведомств, в ГАИО – документы, свидетельствующие о политике Главного управления Восточной Сибири и Приамурского генерал-губернаторства в отношении инородцев, в ГАЗК – документы о политике Забайкальского областного правления в отношении бурят и тунгусов Забайкальской области, то в ГАРБ нами исследованы архивные документы, дающие огромный фактический материал, позволяющий глубже и разносторонне изучить интересующую нас тему.

1.2. История органов местного самоуправления бурят XIX – начала XX в. в российской историографии

Тема местного самоуправления бурят становится особенно актуальной в наши дни с связи с реализацией реформы местного самоуправления в государстве. Еще в «Основных положениях государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации», утвержденных указом Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г., «проведение фундаментальных научных исследований в области мест-

¹ ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 192–197об.

ного самоуправления» было признано одной из основных задач, стоящей перед научным сообществом. Практическая реализация Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, регулирующего деятельность местного самоуправления, убедительно показала настоятельную потребность обращения к историческому опыту местного самоуправления.

В историографии истории местного самоуправления бурят можно выделить три периода, соответствующих общей периодизации отечественной исторической науки: дореволюционный (XIX в. – 1917 г.), советский (1918–1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г. – по настоящее время).

Дореволюционный период историографии исследуемой темы можно подразделить на два этапа: 1) с 1830-х гг. до отмены крепостного права в 1861 г.; 2) с 1861 г. до 1917 г. Характеризуя в целом дореволюционную историографию вопроса, надо отметить, что вопросы истории самоуправления сибирских народов, в том числе бурят, не были темой специальных исследований. Речь идет о фрагментарных сообщениях в сочинениях путешественников и трудах отдельных этнографов, в которых имеются историко-этнографические и чисто этнографические описания с упоминанием об их общественном строе, фрагментарных сообщениях и публикации фактических данных о народах Сибири представителями различных идейных течений.

Внимание привлекают работы представителей официально направленного, идеализировавших политику царизма, объявлявших царское правительство движущим началом всех процессов, приукрашивавших положение сибирских народов. Интерес правящих кругов к Сибири, практические задачи по организации края породили это направление в историографии¹. Его представителями в 1830–1840-х гг. были Ю. А. Гагемейстер, А. Ф. Раев, М. Геденштром, Л. Львов, Н. С. Шукин.

В работе Ю. А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири»² содержится наиболее полный свод фактических данных о Сибири середины XIX в. – сведения о численности и хозяйствен-

¹ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма ... ; Он же. Внутренняя политика царизма...

² Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2, 3. СПб., 1854.

ной деятельности коренного населения. Особенно ценны вторая и третья части работы, включающие в себя материалы об истории колонизации и управления Сибирью.

В публикациях А. Ф. Раева и М. Геденштрома также имеются сведения о хозяйственном укладе и управлении народов Сибири¹. Важность работы М. Геденштрома заключается в том, что он не только дал описание, но и предпринял попытку анализа управления у бурят. Он отмечал, что «настоящее управление бурят коренное основание свое получило от графа Саввы Владиславича», «их начальники суть: один главный Тайша, несколько Тайшей, товарищей главному, и множество подчиненных им Шуленгов и Зайсанов. Все сии старшины избираются народом бессрочно, и утверждаются Губернским Правлением; они свободны от податей, которые оплачивает за них народ. Главный Тайша получает предписания от Земского начальства и передает их чрез свой Дзурган или Контору к исполнению Шуленгам и Зайсанам». Такая система управления, основанная на пожизненном занятии должности родоначальниками, на их неограниченной власти над своим народом, освобождении от уплаты податей и повинностей, приводила к социальной и имущественной дифференциации бурятского населения. М. Геденштром проводит параллель между инородческим управлением и сельским крестьянским: «Вообще все управление приурочено к сельскому. Главный Тайша представляет голову; Дзурган или контора волостное правление; а Шуленги и Зайсаны старост и выборных». В статистико-экономическом обозрении Л. Львова указываются основные занятия и повинности сельского населения Забайкалья². В статьях Н. С. Щукина дано описание хозяйства и быта бурятского населения. Нужно отметить, что все эти публикации носят обзорно-описательный характер³.

Демократическое направление на первом этапе дореволюционной историографии представлено декабристами П. И. Пестелем, Н. А. и М. А. Бестужевыми, М. К. Кюхельбекером. Так, в «Рус-

¹ Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. Раев А. Ф. Буряты // Вестн. геогр. общества. 1858. Т. 24.

² Львов Л. Обозрение Забайкальского края // Рус. вестн. 1842. № 7–10.

³ Щукин Н. С. Буряты // Журн. МВД. 1849. Ч. 25; Быт крестьян Восточной Сибири // Журн. МВД. 1859. Ч. 34, кн. 2; Исследование о народах, обитающих в Сибири // Журн. МВД. 1860. Ч. 66, кн. 5.

ской правде» П. И. Пестель призывает к улучшению положения сибирских народов, важнейшую задачу он видел в переходе кочевых и бродячих племен к оседлости¹. Впоследствии эти положения нашли отражение в сочинениях ссыльных декабристов, интерес которых к вопросам сибирского краеведения был обусловлен их общественно-политическими взглядами и культурно-просветительскими задачами. Кроме того, Забайкалье привлекло внимание декабристов малоизученностью, своеобразным составом, специфическим укладом общественной и хозяйственной жизни.

В своих статьях и очерках декабристы Н. А. и М. А. Бестужевы, М. К. Кюхельбекер дают интересный материал о хозяйстве, социальных отношениях, управлении, быте и нравах бурят². Этнографическую ценность представляет очерк Н. А. Бестужева «Гусиное озеро», а также работы «Бурятское хозяйство» и «Очерки забайкальского хозяйства», посвященные быту и хозяйству бурят. М. К. Кюхельбекер сравнивает управление бурят с русским крестьянским и отмечает некоторые особенности: во-первых, желание многих бурят занять общественную должность, приносящую не только материальные блага, но и почетный чин обер-офицера, награждение кортиками, шпагами и медалями и, как следствие, приводящую к острой борьбе за власть; во-вторых, почтительное отношение бурят к своему начальству; в-третьих, наличие коллегиального начала в управлении. Он отмечает, что «главные старшины строги к старшинам, им подчиненным, и порою жестоко их наказывают; в общественных делах они очень рассудительны и осторожны, долго советуются и терпеливо выслушивают мнения почетных»³.

Нельзя не отметить исследование П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири», одну из первых серьезных работ по истории Сибири дореволюционного периода⁴. Исследуя историю Сибири в тесной связи с историей России, Словцов рассматривал историю сибирских народов только как часть русского освоения Сибири, считая, что их история не представляет особого интереса

¹ Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. 7. С. 145–146.

² Бестужев Н. А. Бурятское хозяйство; Он же. «Гусиное озеро»; Он же. «Очерки забайкальского хозяйства»; Кюхельбекер М. К. Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ, 1975.

³ Кюхельбекер М. К. Указ. соч. С. 47.

⁴ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1 и 2. СПб., 1886. 2-е изд.

для науки: «История Сибирская есть добавка к Русской, равно как сама Сибирь для правительства представляет боковую дверь в Азию и Америку. Не трудно предвидеть время, когда законодательство и образованность умственная, поравняв Сибирь с Россией, тем самым закончат отдельность здешней истории».

Еще одним исследователем инородческой жизни был С. С. Шашков¹. Он считал Сибирь завоеванной колонией, которая влекла всех жаждавших наживы. Реформы М. М. Сперанского Шашков квалифицировал как попытку внести европейское цивилизующее начало, пресеченное в самом своем первоначальном виде, поэтому не внесшим никаких перемен в сибирскую жизнь. Его исследования о бурятах были опубликованы на страницах «Иркутских губернских ведомостей»².

Второй этап в дореволюционной историографии исследуемой проблемы начинается после отмены крепостного права в 1861 г. Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. практически не коснулись Сибири. В связи с этим усиливается интерес к реформам и личности М. М. Сперанского. В 1861 г. публикуется книга М. А. Корфа о жизни и деятельности М. М. Сперанского, в которой с монархических позиций достаточно обстоятельно описывается процесс проведения ревизии и реформ³. В 1869 г. издаются письма М. М. Сперанского к дочери, в которых имеются сведения о сибирских народах: «... Те же пороки; те же глупости; то же терпение в бедных и своекорыстие в богатых. Различие только в том, что здесь, говоря вообще, всем жить широко, земля довольно хороша, и следовательно, бедных меньше»⁴.

В 1872 г. было издано исследование В. И. Вагина, основанное на обширном круге источников⁵. Он высоко оценил преобразования М. М. Сперанского, которые дали «первый действительный толчок общественной мысли и умственной деятельности в Сибири»⁶, «заметно подвинули гражданское и экономическое развитие края», «были первым для Сибири стройным выражением и указа-

¹ Шашков С. С. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898. С. 632–652.

² Иркутские губернские ведомости. 1858. № 11. С. 3–5; № 12. С. 6; № 18. С. 6–7.

³ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб., 1861.

⁴ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. С. 11–12.

⁵ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872.

⁶ Там же. С. 384.

нием порядка управления, основанного на законе»¹. Достоинствами Устава 1822 г. были, по мнению В. Вагина, введение в российское законодательство нового существенного элемента – «разделение инородцев по их образу жизни и степени развития»; предоставление инородцам такого обширного самоуправления, «каким, до последнего времени, не пользовалось ни одно сословие в государстве». В целом Устав М. М. Сперанского освобождал инородцев от посторонних и вредных для них влияний, способствовал свободному их развитию, ввел в сибирскую жизнь много нового, вызванного объективными требованиями². Книга В. И. Вагина является одним из крупных явлений в дореволюционной историографии вопроса.

В период с 1861 по 1917 г. происходит процесс осмысления основных теоретических и практических проблем местного самоуправления, выявивший разные подходы к природе местного самоуправления. Так, в 1860-х гг. получила распространение общественная теория (В. Н. Лешков, А. И. Васильчиков и др.), представители которой выступали за сведение правительственного надзора над местным самоуправлением к минимуму, за особую самостоятельность прав самоуправления. В 1870-х гг. появляется государственная теория (Н. М. Коркунов, Н. И. Лазаревский, А. Д. Градовский, В. П. Безобразов), согласно которой социальной сферой должно было заниматься государство, используя органы местного самоуправления. Несмотря на интерес к истории государства, теоретические разработки проблем местного самоуправления, история управления окраинами Российской империи так и не нашли должного освещения.

Развитие демократического направления в историографии Сибири и сибирских народов связано с именем А. П. Щапова. Он положительно оценивал взаимовлияние русского и коренных народов Сибири³, призывал к гуманности и дальнейшему изучению жизни сибирских народов: «Ни крестиками миссионеров, ни табаком и водкой русских торгашей мы должны располагать, привлекать их к себе, к своей расе, не хитростью и обманом, а русским

¹ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского ... С. 399.

² Там же. Т. 2. С. 335, 338.

³ Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. Сиб. отдела Император. рус. геогр. общества. Иркутск, 1872. Т. 3, № 4. С. 185–203.

хлебом и солью, дешевым, добросовестно продаваемым товаром, хорошо устроенными ярмарками, хорошими школами, человеческим общением с ними и т. д.»¹. Щапова интересовали проблемы взаимодействия бурятских родовых и русских крестьянских общин в Ленско-Кудинской области. Он одобрительно отзывался об Уставе 1822 г., назвав местные органы самоуправления «новыми лучшими административными учреждениями в Сибири»². По мнению Е. М. Залкинда, исследование А. П. Щапова о роли общин в бурятской жизни является единственным серьезным исследованием общественных отношений у бурят, проведенным до революции³.

На рубеже XIX и XX вв. в связи с началом переселения и землеустройства в Сибири появляются работы представителей официально-охранительного направления дореволюционной историографии Г. Чиркина, М. Соколова, И. Иконникова и других⁴, которые активно защищали переселенческую политику царизма, а также доклады и отчеты царских министров о поездках в Сибирь⁵. Как отмечает Л. М. Дамешек, эти работы носят в основном обзорно-описательный характер, а статистические сведения требуют критического отношения.

Дальнейшее изучение темы продолжилось в работах представителей областничества, считавших исторические и географические факторы определяющими в социальных процессах. Представители областничества Н. М. Ядринцев, И. И. Серебренников, П. М. Головачев, Н. Н. Козьмин видели развитие Сибири в консолидации сибирского общества, распределенного по сословным и социальным слоям, религиозным и этническим группам и разделенного на «старожилов» и «новоселов», в поиске эффективного сочетания общероссийского и регионального.

¹ Щапов А. П. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1908. С. 366–367.

² Там же. Т. 3. С. 670

³ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 6–7.

⁴ Чиркин Г. Забайкалье в колонизационном отношении // Вопр. колонизации. 1910. № 6; Иконников И. Колонизационные работы в Иркутской губернии // Там же. 1911. № 8; Соколов М. Землеустройство иркутских бурят в связи с колонизацией Иркутской губернии // Там же. 1909. № 5.

⁵ Ермолов А. С. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896; Куломзин Н. А. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896 и др.

Областники в антиколониальную политику включали не только осуждение политики метрополии, но и созидание своей сибирской культуры как особого (но не обособленного) духовного пространства, существование которого нужно было не только доказать, но и активно развивать. «Осибирячивание» разных народов (в том числе прибывающих из Европейской России) могло объективно стать более мягким вариантом вхождения в «русскость», не вызывая резкой утраты самобытности¹.

Взгляды областников на раннем этапе наиболее полно отражены в работах Н. М. Ядринцева. Суть инородческого вопроса в Сибири конца XIX в. он видел в предотвращении вымирания инородцев, экономическом обеспечении их существования, административно-политическом устройстве, в духовном развитии и просвещении. По мере просвещения азиатских народов их культурное влияние на русских будет нарастать, поэтому необходимо поддержать «русскость» в Сибири «постоянным обновлением и подкреплением высшей расы путем колонизации»².

Характеризуя управление инородцев, он считает, что Устав 1822 г. был «гуманным» и «замечательно доброжелательным по духу», однако «он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям»³. По мнению Н. М. Ядринцева, установление М. Сперанского существовало около 50 лет, и после него этот опыт дал достаточные результаты, чтобы судить о нем. Советы Сперанского не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были гарантией от злоупотреблений, не ограничивали власть отдельных начальников. степные думы он сравнивал с волостными управлениями, которые на практике подчинялись земским судам⁴.

В конце XIX – начале XX в. развивающийся капитализм внес существенные коррективы в социальные отношения. В условиях Сибири одним из проявлений этого процесса стала эволюция де-

¹ Ремнев А. В. Границы сибирского регионализма и культурные технологии конструирования идентичности // Иркутску 350 лет – история и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения» 12–13 окт. 2011 г. г. Иркутск. Иркутск, 2011. С. 11–15.

² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 57, 58.

³ Там же. С. 108

⁴ Там же. С. 87

мократического областничества к либерализму¹. В этот период публикуются работы представителей позднего областничества, которые использовали взгляды Н. М. Ядринцева о вымирании коренных народов Сибири и пагубном влиянии русской цивилизации на их судьбы.

И. И. Серебренников, основываясь на статистических материалах Восточной Сибири, выдвигал тезис о сокращении численности инородцев². Выход из создавшегося положения он видел в образовании Сибирской областной думы, которая мероприятиям по улучшению быта аборигенов придавала бы наиболее скорое и целесообразное начало.

Такой же подход к исследованию аборигенов Сибири содержится в трудах П. М. Головачева³. Он отрицал общие закономерности в развитии Европейской России и Сибири, чрезмерно преувеличивал «особенное и исключительное место Сибири». Переселенческий поток, строительство Сибирской железной дороги привели к изменениям в хозяйственном строе инородческого и крестьянского населения Сибири – сокращается скотоводство, земледельческие приемы устаревают, хищнически истребляется лес. Выход из сложившейся ситуации П. М. Головачев видит в отмене ссылки, улучшении системы суда путем введения присяжных, улучшении медицинской системы и развитии образования. Отмечая положительное влияние русских на бурят в распространении земледелия, в хлебопечении, улучшении жилищ, питания, одежды, он пишет и об отрицательном воздействии, которое выражалось в распространении пьянства, воровства, азартных игр в карты⁴.

Н. Н. Козьмин, один из активных деятелей позднего областничества, разделял мнение П. М. Головачева о самобытности Сибири, пагубном влиянии русских на ее коренное население⁵. Если на начальном этапе представители раннего областничества (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др.) хотели добиться отделения Сибири от России, то главной целью поздних областников стало

¹ Дамешек Л. М. Историография и источниковедение истории Сибири эпохи капитализма. Иркутск, 1990. С. 16

² Серебренников И. И. Инородцы в Сибири, их состав и занятия ... ; Он же. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917. ; Он же. Сибиреведение. Харбин, 1920.

³ Головачев П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902.

⁴ Там же. С. 134–135

⁵ Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910.

получение самоуправления в составе Российской империи. Одним из важных пунктов программы поздних областников было, кроме предложений об отмене ссылки в Сибирь, открытия Сибирского университета, распространения суда присяжных, широкого самоуправления и др., разрешение инородческого вопроса.

Работы Н. Н. Козьмина представляют большой интерес для исследователей истории сибирских народов¹. Его статьи и исторические очерки охватывали большой круг тем за период с XVI по начало XX в.: это вопросы присоединения и освоения Сибири, истории хакасов, бурят и якутов, в которых он уделял большое внимание защите их интересов и прав. В целом положительно характеризуя реформы М. М. Сперанского, Козьмин пишет о значительном расхождении между законом и практикой в управлении инородцами и приводит наставление губернатора Степанова, данное инородческим властям по поводу введения нового устава: «За такие милости царские должны вы жить мирно, взносить малые подати и повинности ваши в назначенные сроки бездоимочно и повиноваться окружному начальнику; к нему-то должна относиться с донесениями степная дума и ходатайствовать о пользе родовичей»².

Взгляды Н. М. Ядринцева оказали определенное влияние на С. М. Прутченко, работа которого «Сибирские окраины» стала попыткой историко-правового анализа административной политики Российского государства в отношении Сибири³. Публикации документов I и II Сибирских комитетов представляют глубокое по содержанию и богатое по привлеченному фактическому материалу исследование, поднимавшее ряд проблем управления Сибирью. Прежде всего это касалось утверждения о необходимости учета особенностей окраин при организации их управления в ясном понимании того, что административной политике самодержавия на окраинах были присущи некоторые общие принципы, характерные в целом для российского государственного управления. Автор обратил внимание на такие вопросы, как соотношение общеимперских и региональных интересов, указал на необходи-

¹ Козьмин Н. Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.

² Там же. С. 159–160.

³ Прутченко С. М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. СПб., 1899.

мость учета местных особенностей в процессе принятия правительственных решений. Отдавая должное Уставу 1822 г., отметив его достоинства, С. Прутченко делает вывод о том, что установления, созданные М. Сперанским, оказались мертвыми, так как, являясь результатом компромиссов, они по-прежнему представляли лишь общие положения, неопределенные, бессильные внести незыблемые основания в систему управления. Осуществление реформы, кроме того, было передано в руки принципиальных ее противников в лице представителей высшей местной администрации, которые, используя разномыслие в правительственных сферах, свели на нет и те зачатки нового порядка, которые в других условиях могли бы получить соответствующее развитие.

Из представителей бурятской интеллигенции приверженцем идей областничества был Э.-Д. Ринчино. В 1914 г. появляется его статья, в которой он выступает в поддержку идей позднего областничества о том, что «Сибирь не может жить без Европейской России, так же и Россия без Сибири». Далее он отмечает, что с ростом духовной и экономической культуры Сибири развитие идей областничества «пойдет вперед еще интенсивнее, чем теперь»¹. Вслед за областниками Э.-Д. Ринчино пишет о том, что инородческая действительность в Сибири в прошлом и настоящем является «кошмарной хроникой постепенного истребления, растления и развращения многочисленных сибирских народностей...». Выход из создавшейся ситуации он видел в развитии культуры, «просвещения в квадрате, кубе...».

Э.-Д. Ринчино дает положительную оценку Уставу об управлении инородцев 1822 г. и отмечает, что «при великом Сперанском сибирские народности увидели было свет правды и справедливости...». Последствием проведения волостной реформы он считал дальнейшее вымирание многих сибирских инородцев, в том числе и монголо-бурят, происходящее на почве медицинской беспомощности и экономической закабаленности, обостренных изъятием инородческих земель для поддержания сибирского колониционного фонда².

¹ Ринчино Э.-Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия // Ринчино Э.-Д. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 33.

² Там же. С. 89, 97.

Важное место в дореволюционной историографии занимают исследования представителя буржуазно-либерального направления А. А. Кауфмана¹. Он значительно расширил источниковую базу, ввел в научный оборот материалы статистико-экономических обследований крестьянских хозяйств Сибири, всероссийской переписи 1897 г. А. Кауфман выступал в защиту принципа государственной собственности на земли, занятые инородцами, и утверждал, что притязания инородцев на земли превышают их действительные потребности. Внимательно изучив колонизационный вопрос, он пришел к выводу, что «переселение в коренную Сибирь не может и не должно быть значительным», оно должно быть «сообразовано не только с наличными или возможными запасами земельного фонда, но главное – с широтой того колонизационного базиса, на который может опереться дальнейшее заселение». Колонизация должна идти с такой постепенностью, при которой вновь возникающие поселения имели бы достаточно крепкий и широкий базис как в смысле заработков, так и в смысле приобретения продуктов и инвентаря в ранее возникших и хозяйственно окрепших поселениях². Его заслугой является то, что он внимательно исследовал историю сельской общины русских крестьян и кочевых народов Сибири.

В истории Сибири конца XIX – начала XX в. видное место занимало народническое течение, ярким представителем которого является Д. Клеменц³. Он выступил в своих статьях с резкой критикой землеустроительной политики царского правительства, принудительного перевода кочевников на оседлость. Д. Клеменц отметил необоснованность норм наделения землей бурятскотоводов и единственную практическую цель установления этой нормы видел в том, что правительство хотело с ее помощью выкроить земельные излишки у бурят для устройства переселенческих участков среди бурятских кочевий. Относительно управления кочевых народов он указывал на положительные стороны родовой организации, при которой родович «может рассчиты-

¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Он же. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сиб. вопр. 1905. № 1. С. 1–32.

² Кауфман А. А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сиб. вопр. 1905. № 1. С. 200.

³ Клеменц Д. Заметки о кочевом быте. // Сибирские вопр. 1908. № 49–52. С. 7–57; Он же. На текущие темы // Сибирские вопр. 1909. № 1. С. 14–17.

вать, что его не выдадут, не сделают козлом отпущения». Далее Д. Клеменц отмечал, что «причины злоупотреблений властью и богатством – одни и те же у русских и у бурят, и особых средств для избавления от этих зол изобретать не нужно»¹. Будущее кочевых народов он связывал с «усовершенствованием кочевого быта» и призывал правительство к оказанию им «помощи культурной».

В этот же период публикуются работы Н. Астырева о бурят-монголах Иркутской губернии², П. Е. Кулакова – об ольхонских бурятах³, Д. М. Головачева – о населении агинских территорий, В. В. Солдатова – о хозяйственном быте агинских бурят⁴, С. Патканова, А. И. Термена, Б. Э. Петри⁵, которые дают обширный фактический и статистический материал.

А. И. Термен рассматривает регионы Иркутской губернии и Забайкальской области с точки зрения пограничного фактора, проблем христианизации бурят, отмечая, что «миссионеры не дали бурятам теплоты веры». Он описывает свои впечатления от встреч с бурятами, указывает на их социальное расслоение⁶.

На наш взгляд, особо следует отметить трехтомное издание А. П. Васильева «Забайкальские казаки», изданное в 1916–1918 гг.⁷ Важность работы заключается не только в том, что в ней содержатся обширные сведения по истории забайкальского казачества, монголов, инородцев, колонизации Забайкалья с середины XVII в. до начала XX в., но и в ее источниковой ценности. Несмотря на погрешности в оформлении научно-справочного аппарата, как пишет сам автор, каждая строчка в работе опирается на исторический документ. В книге опубликованы документы и фактические

¹ Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вopr. 1908. № 49–52. С. 49, 51.

² Астырев Н. Монголо-буряты Иркутской губернии // Север. вестн. СПб., 1890.

³ Кулаков П. Е. Указ. соч.

⁴ Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением императорского Русского географического общества. I. Население. Д. М. Головачев. II. Хозяйственный быт. В. В. Солдатов. Чита, 1911.

⁵ Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911; Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб., 1912; Петри Б. Э. Среди кудинских бурят // Изв. Русского ком. для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1913. Вып. 3. Сер. 2.

⁶ Термен А. И. Указ. соч.

⁷ Васильев А. П. Забайкальские казаки : ист. очерк : в 3 т. Т. 1–3. Репринтное воспроизведение издания 1916–1918 гг. 2007.

материалы о количестве и составе населения, хозяйственной жизни Забайкалья в различные периоды и т. д., использованы самые различные виды исторических источников.

Неоценимый вклад в исследование темы внесли первые публикации бурятских просветителей и ученых М. Н. Хангалова, Ц. Жамцарано, М. Н. Богданова, Г.-Ж. Цыбикова¹. Несмотря на то что они по-разному подходили к оценке истории бурятского общества, их работы объединяет знание своего народа, забота о перспективах его развития.

Заслуживает внимания теория М. Н. Хангалова о наличии у бурят в далеком прошлом особой формы общественных отношений, при которой в основе хозяйственной жизни общины лежала охотничья охота, и вся совокупность социальных институтов точно соответствовала организационной структуре облавы. Особую ценность представляет его работа «Юридические обычаи у бурят», где автор приводит два архивных документа – приказ земского заседателя М. Карамзина главному балаганскому тайше Андрею Назарову о предоставлении сведений о нормах обычного права и общественный приговор Балаганского братского общества от 1 апреля 1818 г. о желании сохранения своих обычаев в управлении и судопроизводстве, к которому были приложены сведения «Об образе суждения иноверческими начальниками в прежние времена своих подчиненных в предоставленных им делах» с примечаниями М. Н. Хангалова², являющиеся ценным источником по истории управления и суда бурят до принятия Устава об управлении инородцев 1822 г.

Г. Цыбиков отрицательно характеризовал Устав 1822 года как акт, консервирующий старые общественные отношения и тормозящий развитие бурятского общества. Автор с горечью отмечал, что «жизнь идет вперед так неизменно и быстро, что буря-

¹ Хангалов М. Н. «Зэгэтэба». Общественные охоты у северных бурят. Зэгэтэба у кудинских бурят. Юридические обычаи бурят. Некоторые нормы обычного права бурят и др. // Собр. соч. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. 552 с.; Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопр. 1906. № 2; Он же. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ, 2001; Богданов М. Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопр. 1908. № 31–32; Он же, К вопросу о бурятском многоземелье // Сибирские вопр. 1908. № 39–40. С. 35–46; Ринчино Э.-Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия // Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994.

² Хангалов М. Н. Юридические обычаи у бурят // Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ, 1958. С. 153–165.

ты не опередили ее благодаря Уставу 1822 года, а, напротив, далеко отстали от современных форм общественной жизни, вследствие чего им нужно делать не шаг назад или топтаться на месте, а идти ускоренно вперед и вперед, вырабатывая новые и новые способы успешного прогресса и племенного самосохранения»¹.

Ц. Жамцарано был одним из лидеров народнического течения общественно-политической мысли бурят, суть которого определял как «течение против нивелировки и централизма, против искусственного поглощения одной народностью другой, меньшинства большинством, слабого сильным»². Он написал публицистические статьи, в которых были сформулированы его взгляды по вопросам социально-экономического, политического и культурного развития бурятского народа. Ц. Жамцарано резко выступил против земельно-административной реформы, идеализировал родовые порядки: «...Род и родовой строй с родовыми старейшинами был для бурят авторитетом нравственности и оплотом от дурного влияния со стороны...»³.

Особого внимания заслуживает статья о правосознании бурят, в которой он с народнических позиций оценивает «печальное» положение бурят в Российском государстве, вынужденных вести борьбу «с местными властями и миссионерами и с центральным правительством за свои «породные земли», за общинное землепользование, за свои хозяйственные интересы, за неприкосновенность национальных особенностей и свободу в гражданско-экономической и духовно-правовой жизни, которая достигает своего апогея при Николае II, когда к инородцам была приставлена «сильная и близкая власть» в лице крестьянских начальников, когда были стерты с лица земли начатки самоуправления, данные бурятам гр. Сперанским, и заменены волостными правлениями и судами, при полном подчинении произволу администрации»⁴. По мнению автора, отбывание воинской повинности бурятами является «самой важной и тяжелой общегосударственной повинностью», поэтому все буряты отрицательно относились

¹ Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Новосибирск, 1991. Т. 1. С. 20.

² Жамцарано Ц. Народническое движение бурят и его критика // Сибирские вопр. 1907. № 21.

³ Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ, 2001. С. 26.

⁴ Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопр. 1906. № 2. С. 168–169.

к несению повинности в форме солдатской и казацкой службы. Такими же тяжелыми повинностями для бурят были дорожная и подводная, которые безропотно несутся бурятами. Несмотря на тяжесть повинностей, правосознание бурят позволяет нести их как нечто великое, чуть ли не религиозного характера, автор даже приводит бурятскую поговорку: «Кто от повинностей бежит, тот недобрый человек».

М. Н. Богданов, лидер западнического течения, выступал за введение единого с русским населением земского управления: «Спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманнами нами национальными особенностями, а в возможно скором и прочном усвоении цивилизации»¹. Ц. Жамцарано характеризовал это направление как течение в сторону нивелировки, однообразия, скорейшей ассимиляции с русскими вплоть до отказа от родного языка, литературы². В своих публикациях М. Н. Богданов выступал за справедливое земельное устройство в отношении бурят: «Бурятское население ближе к природе, живет почти исключительно земледельческо-скотоводческим хозяйством. Этим легко объясняется то, что всякое стеснение земельного пространства чувствуется бурятами гораздо интенсивнее, чем русскими»³. Он открыто высказывал свое возмущение несправедливостью землеустроительных органов по отношению к бурятам, стремящихся путем «вытравливания» бурят освобождать колониционный фонд. В своих статьях Богданов опровергает теории о бессилии, слабости и неустойчивости «низших рас», о неизбежном их вымирании и вырождении при столкновении с высшей культурой.

Важным событием дореволюционной историографии Сибири стало появление социалистического направления, представленного ленинской исторической концепцией. В. И. Ленин в своих работах пришел к выводу о единых закономерностях развития капитализма в России в целом и в Сибири. Сибирь рассматривалась как неотъемлемая составная часть Российского государства, тесно связанная со всей страной природно-географическими, исторически-

¹ Богданов М. Н. Бурятское возрождение // Сибирские вopr. 1907. № 3. С. 50.

² Жамцарано Ц. Народническое движение бурят и его критика // Сибирские вopr. 1907. № 21.

³ Богданов М. Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вopr. 1908. № 31–32. С. 42.

ми и экономическими узами. Ленинская концепция получила подтверждение в конкретных исследованиях по истории Сибири.

В 1896 г. в печати появилась статья Л. Б. Красина «Судьбы капитализма в Сибири»¹, в которой автор полемизирует с народниками, утверждавшими, что закон 1896 г. о поземельном устройстве спасет Сибирь от развития капитализма. Он показал, что пореформенная Сибирь, как и страна в целом, уже развивалась по капиталистическому пути, капиталистические отношения проникали в хозяйство и быт аборигенов. Исследователь признавал единые экономические закономерности развития русского и коренного народов края, однако недооценивал степень прогрессивного влияния русского населения на коренных жителей края.

В. А. Ватин² в своих работах называл Сибирское учреждение лишь попыткой наладить работу пришедшего в негодность бюрократического механизма путем введения в него частных изменений, не затрагивающих его основ³. Рассматривая историю Восточной Сибири в начале XIX в. на основании неизданного отчета Н. И. Трескина и положительно оценивая реформаторскую деятельность М. М. Сперанского, В. А. Ватин отмечал, что его учреждения уступают проектам других деятелей, например министра внутренних дел О. П. Козодавлева, который считал главной причиной злоупотреблений в Сибири произвол местной администрации. Для ограничения же самовластия бюрократии О. П. Козодавлев признавал необходимым учредить верховное сибирское правительство из чиновников, частью определенных от правительства, частью избираемых от жителей разных сословий, предоставить генерал-губернатору только право председателя, имеющего перевес при равенстве голосов, учредить губернские советы из выборных лиц, усилить власть магистратов и городских правлений⁴. Даже В. Вагин, дающий безусловно положительную оценку деятельности М. М. Сперанского в Сибири, пишет, что не может «не пожалеть, что Сперанский не воспользовался мыслью Козо-

¹ Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири // Восточное обозрение. 1896. № 121–123.

² Ватин В. А. Минусинский край в XVII в.: этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913; Он же. Юбилей Г. Н. Потанина и молодая Сибирь // Сибирский архив. 1915. № 7.

³ Ватин В. А. Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX века // Сибирский архив. Февраль 1915 г. № 2. С. 61–72.

⁴ Ватин В. А. Восточная Сибирь в начале XIX века // Сибирский архив. № 3–4. Минусинск, 1916. С. 146–147.

давлева». По его словам, «первым условием программы Сперанского были гласность и публичность действий власти. Но именно этого условия и не выполняет учреждение»¹.

А. Г. Шлихтер на материалах статистического обследования кустарных промыслов Енисейской губернии и рыбопромысловых хозяйств Туруханского края показал степень проникновения капиталистических отношений в хозяйство и социальные отношения коренных жителей². Я. М. Свердлов исследовал эксплуататорскую экономическую политику царизма на сибирских окраинах, следствием которой были невозможные санитарные условия жизни аборигенов, их высокая смертность³.

В целом работы представителей социалистического направления, основанные на ленинской методологии, внесли существенный вклад в изучение социально-экономического развития сибирских народов.

Несомненный интерес представляют исследования проблемы обычного права коренных народов России, в том числе и Сибири. Материалы по обычному праву стали активно собираться по инициативе правительства в начале 1840-х гг., первые работы появились в 1870-х гг. Опубликование памятников обычного права сибирских инородцев в сборнике Д. Я. Самоквасова в 1876 г. положило начало научным исследованиям в этой области. В сборник были включены нормы обычного права верхоленских, кудинских, тункинских, балаганских, идинских, хоринских и селенгинских бурят (1823 г.). Несмотря на утверждения составителя о том, что предлагаемый им сборник обычного права сибирских народов «представляет собой драгоценнейший для науки материал, подобного которому по полноте и качеству не существует в литературе»⁴, с источниковедческих позиций сведения, содержащиеся в данных материалах, имеют недостатки, уже отмеченные в литературе: очевидная неточность и неполнота перевода, примерная передача смысла правовых норм и др.

¹ Вагин В. Исторические сведения о деятельности ... Т. 2. С. 326–327, 331.

² Шлихтер А. Г. Кустарные промыслы в Енисейской губернии. Красноярск, 1915; Он же. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Красноярск, 1916.

³ Свердлов Я. М. Туруханский край // Избр. произведения. М., 1957. Т. 1.

⁴ Самоквасов Д. Я. Указ. соч. С. IX.

А. Т. Тумурова отмечает, что, по библиографическим данным Е. И. Якушкина, с 1823 г. по начало XX в. в самых разных изданиях было опубликовано не менее 40 статей, содержащих сведения об обычном праве бурят. Для всех этих публикаций характерно преобладание этнографического аспекта освещения проблемы. Это было следствием господства точки зрения на обычное право аборигенов как на неперспективное и малозначимое для юридической науки явление.

Некоторые памятники обычного права бурят оказались предметом специального изучения в исследованиях Ф. И. Леонтовича и И. Я. Гурлянда, посвященных разработкам в области монгольского и ойратского феодального права¹. Однако ученые не признавали самостоятельного значения правотворчества бурят, считая его в основном заимствованием ойратского устава взысканий «Цааджинбичиг» 1640 г., других монгольских источников. Вопросам применения норм обычного права в судопроизводстве бурят посвящено исследование миссионера-священника К. Стукова. Его статья «Нечто о монголо-бурятской присяге» связывает общепринятую божбу у бурят со Сводом законов китайской палаты для управления делами Монголии, в котором было предусмотрено принятие присяги обвиняемым в случаях отсутствия свидетелей или же непризнания им своей вины².

Среди исследователей, занимавшихся изучением бурят, выделяется М. А. Кроль³. Изучая быт, обычное право и хозяйственный уклад бурят и тунгусов, он приходит к выводу, что географические условия и степень взаимодействия местного населения с пришлым русским определили качественные изменения в указанных сферах. М. А. Кролю была свойственна некоторая идеализация правительственной политики. Он считал, что главной целью договора наместника Ф. Головина и тайш 1689 г., степных

¹ Кистяковский А. Собрание и разработка материалов обычного права. СПб., 1876; Леонтович О. И. К истории права русских инородцев. Одесса, 1879; Он же. Калмыцкое право. Одесса, 1880.

² Стуков К. Нечто о монголо-бурятской присяге // ИЕВ. Прибавления. 1879. 11 авг. (№ 32). С. 357–364.

³ Кроль М. А. О забайкальских бурятах // Зап. Чит. отд-ния Приамур. отдела РГО. 1896. Вып. 1; Он же. Очерк экономического быта инородцев Селенгинского округа // Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1896. № 3.

уложений XVIII в., Устава об управлении инородцев 1822 г. было стремление ослабить произвол бурятских родоначальников, а не желание правительства ввести коренное население Сибири в систему российского управления и подданства, защитить свои финансовые интересы, хотя потом и оговаривался, что «на деле русская администрация часто потворствовала произволу бурятских начальников, которые продолжали грабить своих соплеменников»¹.

Подводя итог изучению вопроса в дореволюционный период, следует отметить, что внимание исследователей, представителей различных идейных направлений, в основном сосредоточивалось на изучении Устава 1822 г., который связывали с личностью М. М. Сперанского, на статистико-экономическом обозрении хозяйства и быта бурят. Исследования внесли известный вклад в изучение правительственной политики в отношении инородцев. Вместе с тем все работы отличались общим недостатком – в них не было анализа уровня социально-экономического и политического развития коренных народов Сибири, без которого невозможно показать полную и объективную историю органов управления бурят.

Советский период отечественной историографии вопроса начинается с 1917 г., при этом советская историография, как правило, отождествляется с марксистской или марксистско-ленинской историографией, что характеризует ее с точки зрения теоретико-методологических основ. С учетом того, что на историографию влияют такие факторы, как состояние источниковой базы, научная проблематика, способы распространения исторического знания и т. д., советский период нуждается во внутренней периодизации. На наш взгляд, в советской историографии следует выделить несколько этапов: 1917 г. – середина 1930-х гг., вторая половина 1930-х – середина 1950-х, вторая половина 1950-х – конец 1960-х, начало 1970-х – середина 1980-х, вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. Такая периодизация обусловлена общей периодизацией, логикой исторического процесса и особенностями региона, каковым является Республика Бурятия².

¹ Шахерова С. Л. Инородческий вопрос в трудах присяжного поверенного М. А. Кроля // Иркутску 350 лет – история и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения» 12–13 окт. 2011 г. г. Иркутск. Иркутск, 2011. С. 181–182.

² Даржаев С. Ю. Степные думы – органы самоуправления бурят в российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ, 2001. С. 10.

Первый этап (1917 г. – середина 1930-х гг.) характеризуется относительным плюрализмом в сфере исторического знания. Его основным содержанием стало складывание марксистской исторической концепции и вытеснение иных теоретико-концептуальных подходов. В этот период появляются труды С. В. Бахрушина¹, с именем которого связано становление марксистского направления в советском сибиреведении. Он оценивал Устав 1822 г. как важный памятник, свидетельствующий о попытке урегулировать жизнь туземного населения Сибири и его отношения с русскими, защитить экономическое благосостояние и самобытный строй туземцев. С. В. Бахрушин первым из советских историков показал противоречивый характер Устава 1822 г. Подчеркивая колониальную направленность политики царизма, он отмечал, что русское правительство стремилось властвовать над туземцами с помощью родовых князей и старшин, а Устав 1822 г. сохранял привилегии туземной родовой знати различных племен. Исследователь подвергался критике за преувеличение роли «торгового капитализма» в колонизации Сибири.

Этой же критике подвергались Е. Я. Драбкина и Л. П. Мамет². Они критиковали национальную политику царизма в Сибири и отмечали связь сибирского землеустройства со стремлением правительства сохранить помещичье землевладение в центре страны. Здесь же можно отметить работу С. Б. Окунь о колониальной политике царизма на Камчатке.

По мнению Ф. А. Кудрявцева, именно после Октябрьской революции начинается совершенно новый период в изучении истории Сибири, в частности Бурятии. Его началом автор считает 1920–1921 гг., время после Гражданской войны, когда создаются благоприятные условия для научно-исторических исследований. Развитие партийного, советского, хозяйственного и культурного строительства, образование Бурят-Монгольской АССР обусловили рост интереса к истории молодой республики³.

¹ Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Сов. Север. 1929. № 1.

² Драбкина Е. Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930; Мамет Л. П. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII–XIX вв. // 100 лет Якутской ссылки. М., 1934. С. 26–78.

³ Кудрявцев Ф. А. Изучение истории Бурятии за годы Советской власти // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 27.

В 1921–1922 гг. в Прибайкальском народном университете создается кафедра прибайкаловедения, которая занималась изучением географии, экономики, истории и этнографии Бурятии. Кафедрой был опубликован ряд статей по истории и этнографии, в том числе и работа В. П. Гирченко «Краткий очерк истории Прибайкалья». В ней автор рассматривает историю Бурятии с начала XVII в., с появления русских казаков, строительства острогов; дает характеристики Нерчинского и Буринского договоров, историю ссылки. «Очерк» содержит статистические данные о населенных пунктах и количестве населения в них, так, в нем говорится, что к 1775 г. в общей массе населения Прибайкалья инородцы составляли 47 %, крестьяне 29 % и различные категории городского населения 24 %¹.

Большой вклад в изучение истории Бурятии внесли Восточно-Сибирский отдел Географического общества и Иркутский государственный университет. В 1922 г. был издан историко-этнографический очерк А. Н. Турунова «Прошлое бурят-монгольской народности», написанный с привлечением таких источников, как бурятские летописи, родословные таблицы².

Существенный вклад в описание и анализ юридического быта бурят конца XIX – начала XX в. внесли исследования А. Турунова и Ц. Жамцарано³. Благодаря их усилиям были сохранены, записаны, опубликованы и переведены на русский язык уникальные материалы, являющиеся основой для исследований правовых обычаев сибирских инородцев: Указ 1759 г. о запрещении бурятам закалывать коня в жертву духам, появившийся под влиянием распространения буддизма; Уложение 1763 г. с обширными статьями о брачном праве, охоте, борьбе с пьянством; Устав 1788 г. о нормах брачного права и т. д.

К принципиально новому этапу в изучении обычного права бурят следует отнести исследование известного юриста В. А. Ря-

¹ Гирченко В. П. Краткий очерк истории Прибайкалья. Верхнеудинск, 1921. 26 с.

² Турунов А. Прошлое бурят-монгольской народности. (Популярный историко-этнологический очерк). Иркутск, 1922.

³ Хангалов М. Н. «Зэгэҗаба». Общественные охоты у северных бурят. Зэгэҗа аба у кудинских бурят. Юридические обычаи бурят. Некоторые нормы обычного права бурят и др. // Собр. соч. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. 552 с.; Жамцарано Ц., Турунов А. Обзорение памятников писаного права монгольских племен // Сб. тр. профес. и преподавателей гос. Иркут. ун-та. Иркутск, 1921. С. 1–13.

зановского, который отмечает, что в основе обычного права бурят лежит не монгольское законодательство, а местное обычное право, сходство между ними автор объясняет «не законодательным заимствованием, а общностью юридических обычаев»¹. Вместе с тем ограниченность источниковой базы, отказ от четких хронологических рамок обусловили пробелы в исследовании предмета. В целом же выводы В. А. Рязановского о сущности и правовой природе обычного права бурят до сегодняшнего дня не потеряли своего научного значения, оставаясь источником, содержащим юридический анализ его норм и институтов.

Важный вклад в развитие историко-этнографических исследований внесли Бурятский ученый комитет, в 1929 г. реорганизованный в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры (БМНИИК), и Научное общество им. Д. Банзарова. Научное общество им. Д. Банзарова было основано в 1925 г. В задачу этого учреждения входило «всестороннее научное изучение истории бурят-монголов и стран, как ими занимаемых, так и связанных с ними в географическом и культурно-хозяйственном отношении»². Одним из основных направлений работы историко-этнологической секции научного общества стала разработка архивных материалов по истории Бурятии, в частности, по следующим вопросам: 1) история народного образования; 2) хозяйство Бурятии в XVIII и XIX вв.; 3) история г. Верхнеудинска; 4) декабристы в Бурятии; 5) история золотопромышленности в Западном Забайкалье; 6) история кяхтинской торговли³.

В эти годы в журнале «Бурятиеведение», научно-краеведческом органе Бурят-Монгольского ученого комитета и Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова, публикуются статьи В. П. Гирченко, Ф. А. Кудрявцева, Г. Ц. Цыбикова, П. П. Хороших и других авторов по приоритетным направлениям истории, археологии и этнографии Бурятии. Интересные работы этих же авторов были опубликованы в другом журнале – «Жизнь Бурятии», издании ЦИК и Совнаркома БМАССР.

¹ Рязановский В. А. Обычное право бурят. Чита : Изд-во Бурят-Монгольской автономной области, 1921. 120 с.

² ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 26. Л. 18а.

³ ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

Среди авторов исследований выделяется В. П. Гирченко, в статьях которого на основании архивных документов и исследований разных авторов показаны процессы развития хозяйства, социального расслоения бурятского общества на протяжении XVII–XIX вв. Несомненный интерес представляет исторический очерк о хоринских «происшествиях», свидетельствующий о борьбе разных нойонских партий за место главного тайши и роли царской администрации в этом¹.

Его статья о социальном расслоении в бурятском обществе XVII–XIX вв. представляет собой исследование местного самоуправления у бурят, учрежденного по Уставу 1822 г., с характеристикой должностных лиц. По мнению Гирченко, именно статьи Устава, законодательно закрепив обычай закрепления земельных участков по количеству скота, создали для родового начальства стимул к дальнейшему расширению своих земельных владений².

Во второй половине 1920-х гг. публикуются работы Б. Б. Барадина, в которых изложены его взгляды на историю бурятского народа³. В историческом очерке Барадин делает попытку периодизации истории управления бурятами в составе Российского государства. Первый период он называет «периодом покорения и объясачивания» (1628–1689), охватывающем время от первого столкновения бурят-монголов с русскими до заключения Нерчинского договора. Второй период под названием «период ясачного порабощения и начала колонизации и административной опеки» заканчивается 1822-м г. Третий период с 1822 по 1917 гг. характеризуется как «период административного угнетения, колонизаторской и обрусительной политики» и начинается с принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского.

¹ Гирченко В. П. Социальное расслоение среди бурят-монгол в XVIII–XIX вв. // Жизнь Бурятии. 1929. № 2. С. 100–108; № 3–4. С. 60–66; Он же. Хозяйство кудинских бурят в XVIII и первой трети XIX века // Жизнь Бурятии. 1927. № 1–3. С. 73–76; Он же. Хоринские «происшествия» 1848–49 гг. и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 119–124; Он же. Материалы по истории хозяйства и родового управления забайкальских бурят во второй половине XVIII и начале XIX в. // Бурятиеведение. 1926. № 2; Он же. К истории бурят-монголов – хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. 1928. № 1–3. С. 43–62.

² Гирченко В. П. Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVII–XIX в. // Жизнь Бурятии. 1929. № 3–4. С. 60–65.

³ Барадин Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятиеведение. 1927. № 3–4. С. 39–52.

Характеризуя реформы М. Сперанского, Б. Барадин, на наш взгляд, дает им самую объективную оценку. Он пишет, что «Устав Сперанского 1822 г. имел некоторую либерально-покровительственную тенденцию, представлявшую бурят-монголам некоторую свободу самоуправления в области хозяйства и суда», однако результатами введения Устава М. М. Сперанского стали «развитие и укрепление нойонства и ламства, стремление тайшей и хамб к наследственности»¹.

Отдельного внимания заслуживает публикация С. Фридмана «Революция 1905 г. и буряты», в которой подробно рассматривается история управления бурятами, учрежденного по Уставу М. М. Сперанского. Как отмечает исследователь, характерной особенностью Устава об управлении инородцев 1822 г. было устранение грубого вмешательства русского чиновничества во внутреннюю жизнь инородцев².

Для сравнительного анализа истории управления бурятами в XIX в. необходимо рассмотреть работу В. Неупокоева «Тунгусы в Бурятии», в которой автор исследует историю тунгусов начиная с XVII в., уделяя большое внимание вопросам этнографии и хозяйственно-экономического развития³.

Значительный вклад в бурятиеведение внес Н. Н. Козьмин, переехавший в г. Верхнеудинск в 1923 г., где он стал заместителем наркома земледелия, заместителем председателя Госплана Бурят-Монгольской АССР, был членом правления Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова, членом редколлегии журнала «Жизнь Бурятии». В своей работе по истории скотоводческого хозяйства Бурятии он отмечает, что скотоводческий тип хозяйства в Бурятии был обусловлен не национальными или бытовыми особенностями, а совокупностью физико-географических и общих экономических условий. Политика Российского государства в отношении бурят-скотоводов на протяжении нескольких веков, как он считает, была направлена на колонизацию, заселение Забайкалья и Добайкалья русскими людьми, в ходе которого правительственная власть систематически

¹ Барадин Б. Указ. соч. С. 48

² Фридман С. Революция 1905 г. и буряты // Жизнь Бурятии. 1925. № 9–12. С. 117–127.

³ Неупокоев В. Тунгусы в Бурятии // Жизнь Бурятии. 1927. № 7–9. С. 80–91; Там же. № 11–12. С. 59–69.

занималась освобождением наиболее ценных сельскохозяйственных земель от инородцев¹.

В эти же годы появляются публикации по истории народного образования бурят: Б. П. Махатова – об истории кударо-бурятской школы, открытой по инициативе тайши Кударинской степной думы З. Хамаганова², Ф. М. Кудрявцева – по истории народного образования в Прибайкалье в первой четверти XIX в.³, истории бурятского учительства в Прибайкалье в 1850–1860-е гг.⁴

В историко-этнологической секции Научного общества им. Д. Банзарова разрабатываются программы по собиранию материалов этнографического характера⁵. Так, в программе Л. Я. Штернберга в разделе социальной культуры отдельным пунктом был включен вопрос об исследовании органов родовой власти, роли и значении «лучших» людей в роде, организации родового суда.

В 1927 г. издается сборник «Декабристы в Бурятии», содержащий очерки Н. А. Бестужева «Гусиное озеро» и «Бурятское хозяйство». В 1926 г. Архивное управление БМАССР осуществило публикацию 27 документов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в. под редакцией и с примечаниями В. П. Гирченко, таким образом впервые в Бурятии были введены в научный оборот интересные архивные документы. Для публикации были отобраны документы по следующим разделам: хозяйство, родовое управление и суд, обычное право и культ⁶. Интерес представляют комментарии к документам, археографическое и историческое предисловия.

¹ Козьмин Н. Н. Очерки скотоводческого хозяйства в Буреспублике // Жизнь Бурятии. 1925. № 5–6, № 9–12. С. 43–60.

² Махатов Б. П. К истории кударо-бурятской школы // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 53–54.

³ Кудрявцев Ф. М. Из истории народного образования в Прибайкалье первой четверти XIX в. // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 100–106; Там же. № 7–9. С. 64–69; Он же. Из истории народного образования в Прибайкалье в эпоху Николая I // Жизнь Бурятии. 1926. № 10–12. С. 49–55.

⁴ Кудрявцев Ф. М. Из истории бурятского учительства в Прибайкалье в 50–60 гг. XIX в. // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 100–106; Там же. № 4–6. С. 62–67.

⁵ Штернберг Л. Я. Краткая программа по этнографии // Бурятияведение. Верхнеудинск. 1927. № 3–4. С. 122–139; Б. Петри. Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами. Верхнеудинск, 1925.

⁶ Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века. Вып. 1 / под ред. и с прим. В. П. Гирченко. Верхнеудинск, 1926. 42 с.

Важным событием в исторической науке Бурятии стало издание в 1926 г. Бурят-Монгольским научным обществом им. Д. Банзарова исторических очерков М. Н. Богданова¹, в которых автор исследовал ключевые события в истории бурятского народа: вопросы происхождения, расселения бурятских племен, присоединения к Российскому государству, общественный строй и хозяйственный уклад, просвещение и культуру. Ценность работы М. Н. Богданова заключается в том, что в монографии впервые дается научная разработка истории бурят на длительном хронологическом фоне. Как отмечает Т. Е. Санжиева, постановка проблемы, использование ранее не известных источников, научная интерпретация исторических событий и фактов, высокий уровень исследовательской процедуры, несмотря на очерковое содержание, делают труд М. Н. Богданова классическим².

Следующий этап изучения поставленной проблемы охватывает период со второй половины 1930-х гг. до середины 1950-х гг., характеризующийся исчезновением альтернативности суждений в отечественной историографии и господством официальной точки зрения на историю. В стране происходит процесс усиления административно-командной системы, массовых репрессий. Именно в эти годы происходит утверждение марксистско-ленинской методологии в исторической науке. В 1937 г. был проведен территориальный раздел Бурятии, в это время резко сокращается число публикаций по исследуемой теме. Внимание исследователей к социально-экономической тематике было ослаблено, творческих дискуссий и обсуждений кардинальных проблем истории Сибири почти не проводилось. Вместе с тем, в эти годы развернулась плодотворная научная деятельность историков Ф. А. Кудрявцева, А. П. Окладникова и П. Т. Хаптаева.

В 1934 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП (б) и Советского правительства по вопросам преподавания истории. В связи с этим интерес представляют материалы дискуссии 1934 г.³, которые способствовали оживлению работы по изучению исто-

¹ Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск : Бурят-Монг. изд-во, 1926.

² Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 8.

³ К истории Бурят-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ. М., 1935.

рии бурятского народа. Участники дискуссии подвергли резкой критике концепции буржуазных националистов, искажавших историю общественного строя бурят-монголов, отрицавших классовую борьбу в бурятском улусе. В процессе обсуждения были рассмотрены вопросы об общественном строе бурят на разных этапах исторического развития, о роли патриархально-родовых, феодальных и капиталистических отношений¹.

На наш взгляд, интерес представляют тезисы доклада П. Т. Хаптаева «К спорным вопросам исторического процесса в Бурятии». В связи с проведением земельной реформы, изучением своеобразий национально-освободительного движения и Октябрьской революции перед учеными историками были поставлены основные вопросы исторического процесса в Бурятии, в частности о том, прошла ли Бурятия через стадию феодализма. По одной концепции Бурятия прошла в своем историческом развитии через стадию феодализма, а по другой – Бурятия в прошлом не переживала феодальную стадию развития, испытав интенсивный процесс внедрения капиталистических отношений на фоне разлагающихся патриархально-родовых отношений (Косоков).

П. Т. Хаптаев на основании анализа административно-хозяйственного развития бурятских ведомств делает вывод о том, что «Бурятия до революции была на пути от средневековья к буржуазной демократии, на пути ломки остатков патриархально-родовых и полуфеодальных отношений, создания капиталистических отношений... Величайшее значение Октябрьской революции состоит в том, что она мимоходом разрешила задачи национально-освободительного движения и поставила Бурятию на социалистический путь развития, минуя стадию капитализма». Важными являются замечания о бурятском нойонатстве как об определенной группе людей, особом сословии, господствующем классе, в руках которого находилась вся политическая власть улуса: судопроизводство, албаный сбор и т. д., благодаря чему они становились крупными скотовладельцами и землевладельцами².

В 1935–1940 гг. начинается работа по выявлению и изучению документальных материалов по истории Бурятии, храня-

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1951. С. 17.

² Хаптаев П. Т. Тезисы доклада «К спорным вопросам исторического процесса в Бурятии». Иркутск, 1934. 10 с.

щихся в государственных архивах Москвы, Ленинграда, Улан-Удэ, Иркутска и Читы, и на их основе публикуется ряд работ историко-этнографического характера. Были опубликованы работы А. И. Андреева, В. П. Гирченко. Институтом востоковедения АН СССР и Государственным научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории БМАССР были изданы летописи хоринских, селенгинских и баргузинских бурят, которые содержали огромный фактический материал, дополнявший архивные документы¹.

Богатый материал по истории Восточной Сибири был опубликован М. П. Алексеевым, который поставил своей целью выявить иностранную литературу о Сибири и сделать ее доступной для изучения. Интересные сведения этнографического характера о бурятах даны в работах Ж. Жербильона, Ф. Авриля, И. Идеса².

В 1937 г. вышла книга А. П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов»³, основанная на изучении неопубликованных материалов. Особые разделы издания посвящены вопросам происхождения бурят и эвенков, их древней истории. С книги А. П. Окладникова начинается новый этап в бурятоведении, ставший в основу исследований серьезное изучение источников.

Первым опытом научно-популярного изложения истории бурятского народа с древних времен до Октябрьской революции 1917 г. становятся опубликованные в 1938-1947 гг. монографии П. Т. Хаптаева⁴. Используя комплекс архивных документов, автор рассматривает вопросы национального движения в Бурятии в период революции 1905 г. Ценным является освещение автором вопросов образования и ликвидации степных дум, борьбы за власть между тайшами, введения волостной реформы. Интерес представ-

¹ Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 108 с. ; Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова 1868 г. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 56 с. ; Летописи баргузинских бурят. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 75 с.

² Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты, комментарий. XIII–XVII вв. 2-е изд. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1941. 612 с.

³ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.

⁴ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. Улан-Удэ, 1938. 148 с.; Он же. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1942; Он же. Бурят-Монголия в период Октябрьской социалистической революции. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1947. 120 с.

ляет позиция П. Т. Хаптаева о буржуазной направленности процесса ликвидации степных дум и упразднения должности тайшей¹.

В работе М. И. Помуса «Бурят-Монгольская АССР» подробно освещены географические условия, природные ресурсы; хозяйственное и культурное строительство БМАССР; значительное внимание уделено дореволюционной истории Бурятии: истории присоединения бурят к России, деятельности миссионеров; дана характеристика хозяйства бурят и т. д. Несмотря на идеологические моменты, так, автор характеризует степные думы как «орудия эксплуатации бурятского крестьянства высшим нойонатом», книга содержит большой фактический материал по дореволюционной истории бурят².

Важное значение в истории изучения вопроса имел труд Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа»³, в котором наряду с изучением общих закономерностей и особенностей социально-экономического развития народов Сибири, автор охарактеризовал и некоторые направления политики самодержавия в отношении этих народов. Ценность работы заключалась в изучении автором огромного комплекса архивных и литературных документов, что позволило ему написать первый обобщающий труд по истории Бурятии. Оценивая преобразования М. М. Сперанского, Ф. А. Кудрявцев обратил внимание на ограничение административного произвола чиновничества и введение самоуправления у сибирских инородцев.

Новые данные по истории бурят и ценные данные относительно обычного права были опубликованы в статьях С. А. Токарева⁴.

Значительную роль в определении задач, стоявших перед исторической наукой, сыграло состоявшееся 13–16 октября 1947 г. совещание историков г. Улан-Удэ, созванное Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом культуры и экономики. Наиболее полным по охвату было выступление

¹ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии... С. 36.

² Помус М. И. Бурят-Монгольская АССР. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 390 с.

³ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М. ; Л., 1940.

⁴ Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Зап. Бурят-Монг. гос. науч.-исслед. ин-та языка, лит., искусства (далее – БМГНИИЯЛИ). Улан-Удэ, 1939. Вып. 1. С. 101–130 ; Он же. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. // Зап. БМГНИИЯЛИ. Улан-Удэ, 1939. Вып. 2. С. 136–155; Он же. О происхождении бурятского народа // Сов. этнография. 1953. № 2.

В. И. Шункова, который подверг критике книгу П. Т. Хаптаева «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа», в то же время признавая, что она является единственной работой, претендующей охватить историю Бурят-Монголии с древнейших времен до 1917 г. По его мнению, скудность материалов по раннебурятскому обществу, слабая его разработанность, часто примитивное и некритическое использование материалов эпоса послужили причиной ряду весьма неточных и иногда спорных положений.

Далее В. И. Шунков поставил основные задачи в изучении истории Бурят-Монголии, требующие дальнейшей разработки: 1) выяснение вопроса об этногенезе; 2) установление правильной периодизации с определением более четких граней, разделяющих эти периоды; 3) борьба с идеализацией дорусского прошлого Бурят-Монголии; 4) история русской колонизации; 5) положение о добровольном присоединении бурят к России; 6) история производительных сил.

В целом дискуссия показала, что имеется ряд существенных недостатков в изданных работах по истории Бурят-Монголии, которые вполне возможно устранить при наличии серьезных кадров историков, имеющих солидный запас конкретно-исторического материала, среди недостатков были отмечены: 1) слабая разработка исторических проблем; 2) отставание местных работ от уровня исследовательских работ центра; 3) наличие грубых ошибок буржуазно-националистического характера¹.

На наш взгляд, также необходимо отметить статью Б. Д. Цибикова «О националистических ошибках по истории Бурят-Монголии», написанную в 1948 г. и подвергшую резкой критике работы П. Т. Хаптаева, А. П. Окладникова, Ф. А. Кудрявцева за националистический подход по многим кардинальным вопросам истории Бурятии. Б. Д. Цибиков поднимает вопрос о необходимости разработки истории добровольного присоединения части бурят к России, экономического развития Бурят-Монголии, истории советского периода и т. д.

В 1951 г. вышло первое издание первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» под редакцией А. П. Окладникова, в кото-

¹ Шунков В. И. Выступление на совещании историков Бурят-Монголии 16.10.1947 // Зап. Бурят-Монг. научно-исслед. ин-та культуры и экономики (далее – НИИКЭ). Улан-Удэ, 1948. Вып. 7. С. 223–237.

ром были преодолены ошибки буржуазно-националистического характера, отмеченные на совещании историков 1947 г.¹ Однако издание было подвергнуто критике из-за отсутствия четкой периодизации истории Бурятии, слабого раскрытия социально-экономического развития и т. д. Ценность же издания для исследуемой темы заключалась в подробном рассмотрении вопросов причин принятия Устава 1822 г., организации управления и социальных отношений бурятского общества. Оценивая реформы М. М. Сперанского, авторы отмечают, что «Устав 1822 г. обобщал и систематизировал то, что сложилось в процессе административной практики. Вместе с тем составители Устава об управлении инородцев будущий декабрист Г. С. Батеньков и М. М. Сперанский ввели новшество в виде установления самоуправления и выборности некоторых должностей инородческих родоначальников». Положительными моментами реформы инородческого управления они считали введение норм, ограничивающих вмешательство чиновников в степное управление, их мелочную административную опеку, сопровождающуюся лихоимством и притеснениями сибирского населения; стремление упорядочить взимание податных сборов, ограничить личную власть инородческих начальников коллегиальностью, однако эти стремления составителей Устава, как отмечают авторы, не осуществились².

В октябре 1952 г. при отделении истории и философии АН СССР состоялось совместное совещание институтов истории, востоковедения, этнографии АН СССР и Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, посвященное обсуждению основных вопросов истории БМАССР. На совещании были заслушаны доклады Ф. А. Кудрявцева «К вопросу о периодизации истории Бурят-Монголии», Г. Н. Румянцева «К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа»³, И. А. Асалханова «Развитие капиталистических отношений в бурятском улусе», Н. Д. Шулунова «Общественное движение и классовая борьба в Бурят-Монголии во второй половине XIX в.», которые свидетельст-

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ : Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1951. С. 331–336.

² История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. С. 334.

³ Румянцев Г. Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Зап. БМНИИ. Улан-Удэ, 1953. Вып. 17. С. 30–61.

вовали о большой исследовательской работе, проводимой историками Бурят-Монголии. Собрание имело важное значение для дальнейшего углубленного изучения истории Бурят-Монголии и оказало большую помощь авторскому коллективу, работавшему над вторым изданием первого тома «Истории БМАССР».

Во втором, исправленном и дополненном, издании первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» под редакцией П. Т. Хаптаева¹, вышедшем в конце 1954 г., была четко проведена периодизация истории Бурятии, шире освещено развитие производительных сил, яснее охарактеризованы социально-экономические отношения. В главе «Социальные отношения в Бурят-Монголии в конце XVIII – первой половине XIX в.» Уставу 1822 г. и степному управлению был уделен отдельный пункт. В отличие от первого издания «Истории БМАССР», во втором была дана оценка не только деятельности М. М. Сперанского, попытавшегося «упорядочить управление обширным краем, провести здесь административные реформы», но и Уставу об управлении инородцев 1822 г.

В начале 1950-х гг. появляются работы, в которых также анализируется Устав 1822 г. Так, А. И. Мурзина считает, что он не внес существенных изменений во внутреннюю жизнь народов Сибири, Л. И. Светличная же видит в Уставе попытку реформировать хозяйственную и административную жизнь сибирского населения в буржуазном направлении².

Со второй половины 1950-х гг. начинается следующий этап советской историографии. Решения XX съезда КПСС способствовали подъему исторической науки, появлению интересных работ. В это время разрабатываются проблемы социально-экономического развития народов Сибири в период капитализма. В составе Сибирского отделения Академии наук СССР, созданного в конце 1950-х гг., был образован Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР. Одновременно с этим происходит переименование республики. Все это обусловило новый этап развития исторической науки.

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / под ред. П. Т. Хаптаева. Улан-Удэ : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. С. 222–225.

² Мурзина А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. ЛГУ. 1950. № 115. Вып. 1; Светличная Л. И. Преобразовательные планы и административная деятельность М. М. Сперанского в Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

По рассматриваемой проблеме во второй половине 1950-х гг. в печати появляются исследования В. И. Дулова, В. И. Шункова, Ф. А. Кудрявцева¹, в которых на обширном архивном материале исследуется аграрная история Сибири. В своей монографии В. И. Дулов и Ф. А. Кудрявцев отмечают усиление колонизаторской политики царизма в начале XX в., которое выражалось в обезземеливании коренных народов Сибири, русификации и насаждении христианства, росте административного произвола². В 1956 г. выходит капитальный труд В. И. Шункова «Очерки по истории земледелия Сибири XVII в.», в котором рассматривается история русского земледелия в Предбайкалье и Забайкалье.

К серьезным обобщающим работам этого периода относятся исследования Е. М. Залкинда³. На протяжении многих лет он занимался изучением истории Бурятии, ввел в научный оборот обширный корпус архивных документов и стал признанным исследователем в этой области. В его монографии «Присоединение Бурятии к России» характеризуются процессы присоединения, развития отношений между бурятами и русскими, выясняются состояние экономики и характер социальных отношений у бурят. Е. М. Залкинд, исследуя на основании архивных документов хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII в., приходит к заключению о переводе повинностей, вопреки правительственной политике, преследовавшей цель максимального выжимания пушнины из сибирских народов, в денежную форму. Это свидетельствовало о развитии товарно-денежных отношений в бурятском хозяйстве, что было прямым следствием усиления русской колонизации Восточной Сибири⁴.

В его следующей работе рассматриваются вопросы образования бурят-монгольской народности, решающую роль в котором

¹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956; Дулов В. И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956.

² Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905–1907 гг. Иркутск, 1955.

³ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958; Он же. Из истории обычного права западных бурят // Сов. этнография. 1952. № 1; Он же. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII – первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2; Он же. К характеристике политики царизма по отношению к бурятам в XVIII в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968.

⁴ Залкинд Е. М. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII вв. // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1957. Вып. 24. С. 140–170.

сыграл Буринский договор 1727 г., окончательно разграничивший бурят с монголами¹. Характеризуя политику царизма по отношению к бурятам, Е. М. Залкинд отмечает, что «политика царизма в бурятском вопросе ... была довольно гибкой. Тяжкое угнетение и большие ... поборы сочетались с защитой бурят от чрезмерного произвола низших чинов власти и сохранением некоторого, фактически иллюзорного, самоуправления, что способствовало ослаблению движения улусных низов и укреплению ... положения нойонства»². Исследуя ясачную политику царизма, Е. М. Залкинд связывает ее с развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве бурят. Ясак он считает натуральным налогом, который платили сибирские народы в Кабинет, «т. е. в личные доходы дома Романовых»³.

Вопросы хозяйственного развития и социальных отношений в Бурятии XVII – начала XX в. нашли освещение в статьях Д. Г. Бажеева, Е. М. Залкинда, Ф. А. Кудрявцева, И. А. Асалханова, Н. Р. Мангутова⁴. Так, Н. Р. Мангутов изучал социально-экономические отношения в Западной Бурятии в конце XIX – начале XX в. и пришел к выводу, что основным содержанием развития земельных отношений было «многоземелье нойонско-кулацких хозяйств и малоземелье и даже безземелье бедняцких хозяйств»⁵. Д. Г. Бажеев в своем исследовании о развитии земледелия среди добайкальских бурят пишет о существовании у них к началу XVII в. примитивного земледелия. С приходом русских начинается новый этап в развитии земледелия, основанного на технике русской земледельческой культуры⁶.

Большой вклад в изучение социально-экономического развития Сибири XIX – начала XX в. внес известный историк-

¹ Залкинд Е. М. К вопросу об образовании бурят-монгольской народности. Он же. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII вв. // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1956. Вып. 22. С. 23–45.

² Залкинд Е. М. К характеристике политики царизма ... С. 149.

³ Залкинд Е. М. Ясачная политика царизма ... С. 245.

⁴ Кудрявцев Ф. А. Декабрист Н. А. Бестужев о хозяйстве бурят Селенгинского района. // Зап. БМНИИК. 1957. Вып. 24.

⁵ Мангутов Н. Р. Социально-экономические отношения в Западной Бурятии // Культура и быт народов Бурятии : этнограф. сб. Улан-Удэ, 1965. Вып. 4. С. 119.

⁶ Бажеев Д. Г. К вопросу о развитии земледелия у бурят // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1952. Вып. 15. С. 33–52.

сибиревед И. А. Асалханов¹. В своих работах, основанных на тщательном анализе многих источников, он изучает вопросы развития земледелия и скотоводства, землевладения и землепользования, роста капиталистических отношений в сельском хозяйстве Юго-Восточной Сибири в XIX в. Исследуя хозяйство русских крестьян Предбайкалья и Забайкалья, забайкальских казаков и бурятского населения, он приходит к выводу, что социально-экономические процессы, происходившие в русских деревнях и бурятских улусах, расширение торговли свидетельствовали о том, что в конце XIX в. капиталистические отношения заняли господствующие позиции в сельском хозяйстве Юго-Восточной Сибири, в том числе Бурятии. Его исследования социально-экономической истории Сибири являются актуальными и в наши дни.

В эти же годы появляются работы В. И. Андреева, посвященные проблемам развития народного образования в бурятских ведомствах². На основании исследования самых разнообразных источников он приходит к выводу, что буряты стремились получать образование, а царское правительство поддерживало бурятские приходские училища постольку, поскольку они отвечали его политическим задачам и стремлениям.

Большое значение в изучении ламаизма и национально-колониальной политики царизма в Забайкалье в XIX – начале XX в. имели работы К. М. Герасимовой³, в которых исследуется

¹ Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Он же. К вопросу о социально-экономическом развитии забайкальской деревни в конце XIX в. // Зап. БМНИИК. 1955. Вып. 19; Он же. О некоторых вопросах социально-экономического развития бурят Верхоленского ведомства Иркутской губернии в первой половине XIX в. // Учен. зап. Бурят-Монг. пед. ин-та им. Д. Банзарова. 1957. Вып. 11; Он же. О правах хоринских и агинских бурят на занимаемые ими земли // Зап. БМНИИК. 1957. Вып. 23; Он же. Социально-экономическое развитие улусов Кудинского ведомства Иркутского уезда Иркутской губернии во II половине XIX в. // Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та. Улан-Удэ, 1958; Он же. О бурятских родах // Этнографич. сб. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1; Он же. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968.

² Андреев В. И. Бурятские приходские училища в первой половине XIX в. Иркутск, 1957. 76 с.; Он же. Из истории Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1957. Вып. 26. С. 276–278; Он же. Бурят-Монгольской школе 150 лет // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1955. Вып. 19. С. 71–90.

³ Герасимова К. М. Материалы о доходах дацанских казначейств // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ, 1955. Вып. 20. С. 134–154; Она же. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX – начале XX вв. Улан-Удэ, 1957.

история ламаистской церкви за этот период, связь политики Российского государства в ее отношении с разработкой и проведением в среде коренного населения аграрных и административных преобразований, показывается ее взаимоотношения с царским правительством.

В 1960-х гг. публикуются исследования о Временном положении о крестьянских начальниках 1898 г. Интересно исследование Н. П. Егунова¹, который связывает причины введения института крестьянских начальников с историей крестьянского законодательства в России после отмены крепостного права. П. Т. Хаптаев отмечает, что Временное положение передало власть в бурятских улусах из рук тайшей в руки крестьянских начальников².

Важным событием в отечественной историографии стало издание пятитомного коллективного труда «История Сибири», в рамках которого можно рассмотреть освещение политики царизма в отношении сибирских народов, в том числе бурят. В издании отмечается, что «политика царизма была направлена к эксплуатации их путем взывания «без недоимок» казенных сборов и повинностей, усилению административно-полицейской опеки над ними, насильственной русификации. Административная реформа конца XIX в. и начала XX в. оценивалась как отражение развития капиталистических и разложение патриархально-феодалных отношений³.

Исследование проблем организации органов самоуправления сибирских народов, политики царского правительства в Сибири невозможно проводить без изучения истории социально-экономического развития региона. С начала 1970-х гг. начинается следующий этап советской историографии рассматриваемой темы, характеризующийся более пристальным и специальным изучением вопроса о социально-экономическом развитии, истории реформ в Сибири, которое велось на базе широкого круга источников с учетом трудов обобщающего характера.

В 1970 г. выходит монография Е. М. Залкинда «Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX в.», в которой ис-

¹ Егунов Н. П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова. 1962. Вып. 25. Ист.-филол. сер.

² Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964.

³ История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 104–105, 107.

следуются вопросы о степени феодализации бурятского общества, общественном строе бурят. Использование обширных архивных материалов судебного, административного содержания в тесной взаимосвязи с нормами обычного права бурят делают ее одним из первых монографических трудов, содержащих анализ общественных отношений на основе правовой культуры народа. Ученый акцентирует внимание исследователей на актуальности изучения источников норм обычного права: «Использование опубликованных памятников обычного права в исторической науке значительно ограничивается отсутствием системности исследований их юридических институтов и норм. Поэтому, как никогда ранее для действующего права, так и для истории права, основополагающее значение имеет исследование источников права»¹.

Автор проводит анализ брачно-семейных, административных, имущественных отношений в бурятском обществе после присоединения к России до середины XIX в. Изучение архивных документов XVII и начала XVIII в. привело автора к выводу, что «до присоединения к России феодальные отношения у бурят еще не сложились и буряты находились к этому времени на стадии разложения первобытно-общинного строя»². В более поздний период утверждаются феодальные отношения в так называемой государственной форме, при которой государство является верховным собственником земли, взимающим в свою пользу ренту и различные повинности. С середины XIX в. буряты вовлекаются в капиталистические отношения. Е. М. Залкинд подробно рассматривает социальную структуру бурятского общества, его имущественное расслоение. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что, несмотря на локальные особенности отдельных ведомств, в целом речь может идти о единстве общественного строя бурят. Работа представляет интерес для исследователей экономического и социального развития бурятского общества в рассматриваемый период.

На этом этапе появляются исследования, в которых рассматриваются проблемы истории народов Сибири, политики самодержавия по отношению к аборигенам. Так, в работах Л. М. Горюшкина, известного исследователя аграрной истории

¹ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 7–8.

² Там же. С. 9.

Сибири, нашли отражение также вопросы политики царизма по отношению к инородцам. На основе статистических материалов он приходит к выводу, что в Сибири не было вымирания аборигенов, и предполагает, что это связано с особенностями политики царского правительства в Сибири, «проводимой в более смягченной форме, чем, например, в испанских и португальских колониях»¹. Рассматривая вопрос о развитии и характере собственности в Сибири, он указывает, что «собственником кабинетных земель являлась корона, монархия, как государственный институт, владельцем и распорядителем – царствующий император, а непосредственно управлял ими Кабинет – главный хозяйственно-финансовый орган коронного ведомства»².

Н. А. Миненко в своей работе оспаривает этот тезис, отрицая наличие в Уставе 1822 г. каких-либо буржуазных черт³. Т. П. Прудникова рассматривает вопросы о положении оседлых инородцев, попытках царского правительства уравнивать их с крестьянами в платежах податей и привлечь к отбыванию воинской повинности⁴. Известный вклад в разработку изучения вопросов социально-экономического положения народов Сибири внес З. В. Гоголев, исследовавший развитие капиталистических отношений у якутов. Он отмечает своеобразие системы управления якутами, основанное на принципах Устава 1822 г., тяжесть налогового гнета, приводившего к обнищанию народа⁵.

Большой вклад в изучение рассматриваемой темы внесли исследования В. Г. Карцова и Н. И. Ефремовой, в которых авторы

¹ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство в эпоху капитализма (проблемы и направления исследования) // Проблемы истории советского общества Сибири : материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1970.

² Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск, 1976. С. 250.

³ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

⁴ Прудникова Т. П. Основные проблемы истории крестьянства пореформенной Сибири (60–80-е годы) // Проблемы истории советского общества Сибири : материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. 2. История крестьянства Сибири досоветского периода.

⁵ Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. Новосибирск, 1971.

дают положительную оценку Уставу об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского¹.

Следует отметить монографии Н. П. Ерошкина, в которых подробно анализируется история государственных учреждений дореволюционной России, в том числе и история управления окраинами Российской империи в дореформенный и пореформенный период, называются специфические черты управления окраинами, указываются изменения, произошедшие в управлении после реформ 1860–1880-х гг.²

В 1970-х – начале 1980-х гг. нашли отражение вопросы аграрной политики царизма в Сибири³. В 1975 г. выходит монография И. А. Асалханова о сельском хозяйстве Сибири конца XIX – начала XX в.⁴, написанная на основе широкого круга ранее не использованных источников. Он дает анализ землеустройства в Сибири начала XX в., его связь с переселенческой политикой царизма, рассчитанной смягчить аграрные противоречия в Европейской России. И. А. Асалханов связывает распространение закона о поземельном устройстве поселян Сибири на инородцев также и с политикой их русификации⁵. Закон должен был решить земельный вопрос населения Сибири, а также проблему переселения крестьян из европейских губерний России в Сибирь, тем самым правительство рассчитывало смягчить аграрные противоречия в центре страны и сохранить в нем помещичьи землевладения. Подчинением сибирского землеустройства задачам переселенческой политики объясняется то обстоятельство, что правительст-

¹ Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970; Ефремова Н. И. Управление у хакасов накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Доклады научной конференции ТГУ. Томск, 1972. С. 21–24.

² Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.; Он же. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.

³ Сухотина Л. Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии) // Вopr. ист. Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 62–72; Худяков В. Н. К вопросу об аграрной политике царизма пореформенного периода в Сибири // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1978. С. 34–48; Островский И. В. Земельная и фискальная политика царизма в Сибири периода империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980. С. 57–68 и др.

⁴ Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975.

⁵ Асалханов И. А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. С. 91.

во не согласилось на предоставление земельных наделов в собственность сибирским крестьянам. В целом И. А. Асалханов отмечает, что сибирский землеустроительный закон носил консервативный характер и не был связан с задачами поднятия производительных сил Сибири.

Необходимо отметить работу А. Т. Топчего, который исследовал историю крестьянских преобразований в Сибири конца XIX в. Он рассматривает положение крестьян накануне реформы 1861 г., историю разработки аграрного законодательства закона о крестьянских начальниках 1898 г. Монография неопценима для изучения истории аграрной политики царизма в Сибири конца XIX в.¹

Для сравнительного анализа социально-экономического состояния бурятских обществ интерес представляют работы В. Н. Никулина, В. А. Демидова. В. Н. Никулин исследовал вопросы организации управления русского крестьянства Сибири, однако отдельные его положения могут быть использованы при изучении управления коренного населения Сибири². В. А. Демидов изучал состояние хозяйства и развитие социальных отношений у алтайцев в конце XIX – начале XX в. Он отмечает прогрессивный характер административных преобразований у народов Сибири в конце XIX – начале XX в., связывая их с развитием капиталистических отношений³.

Изучение этих публикаций, посвященных социально-экономическому развитию Сибири, безусловно, необходимо для правильного понимания основных принципов аграрной политики царизма в отношении коренных народов Сибири как особой словенной группы сельского населения Сибири. Однако проблемам аграрной политики непосредственно в отношении коренных народов Сибири были посвящены публикации М. Б. Шейнфельда и Г. А. Елбачевой⁴. На местном архивном материале авторы проана-

¹ Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). Томск, 1979.

² Никулин В. Н. Управление крестьянами Сибири в 1861–1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979.

³ Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири (1917–1923). Новосибирск, 1983.

⁴ Шейнфельд М. Б. Землеустройство и введение волостных учреждений у хакасов в 1908–1914 гг. // Вопр. ист. Хакасии. Абакан, 1977. С. 106–108; Елбачева Г. А. Землеустроительная политика Кабинета в Горном Алтае в 1897–1913 гг. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981. С. 68–82.

лизировали итоги землеустройства у хакасов и алтайцев, отметили связь землеустройства с переселенческой политикой.

Анализу правового положения народов Восточной Сибири в составе России в XVII – первой половине XIX в. посвящена монография М. М. Федорова¹, внесшая значительный вклад в исследование проблемы взаимоотношений Российского государства и коренных народов Сибири. Он подробно рассматривает предшествующие Уставу 1822 г. законодательные акты царизма, отмечает в целом положительное влияние Устава на развитие народов Сибири. На наш взгляд, интересным представляется предложенная автором периодизация истории управления и правового положения народов Сибири, основным критерием которой является изменение правового статуса народов Восточной Сибири. По мнению ученого, их статус изменялся в три этапа:

1) XVII – начало XVIII вв., когда были полностью сохранены старые формы общественного устройства; правительство как собственник земли довольствовалось сбором пушных выплат;

2) 1720–1820 гг. – период принятия первых актов, направленных на обеспечение взаимодействия коренных сибиряков с русскими администраторами, купцами и т. д.;

3) 1820–1917 гг., когда целью правительства стало приведение образа жизни коренных народов края в соответствие с общероссийскими канонами².

Важный вклад в изучение вопроса внесли исследования Л. М. Дамешека³, в которых он разрабатывает вопросы политики царского правительства в отношении управления Сибирью в целом и коренного населения региона на протяжении длительного времени – с конца XVIII в. до начала XX в. Несомненный интерес представляют его выводы о том, что колонизационная политика России в Сибири принципиально отличалась от колонизации европейских стран и США – аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль. В Сибири русская и аборигенная цивилизация не просто существовали и

¹ Федоров М. М. Правовое положение народов Сибири в XVII – первой половине XIX вв. Якутск, 1978.

² Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири ... С. 11.

³ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма ...; Он же. Внутренняя политика царизма ...

развивались параллельно, а как бы проникали, входили друг в друга. Л. М. Дамешек отмечает особенность политики царского правительства в Сибири, заключающуюся в том, что сибирские аборигены и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и платили налоги на его содержание, в то время как индейцы в США не платили налоги и не считались гражданами государства. Изучив ясачную политику царизма в Сибири, автор приходит к выводу, что «на протяжении XVIII и первой половины XIX в. ясак от недифференцированной ренты-налога (дани) эволюционирует к обложению, тождественному обложению государственных крестьян»¹.

Л. М. Дамешек в своих работах рассматривает эволюцию административного управления коренным населением Сибири от регионализма М. М. Сперанского до системы управления, основанной по крестьянскому образцу. Основным направлением правительственной политики в области управления народами Сибири явились мероприятия «по введению волостного и сельского управления, устроенного по крестьянскому образцу, паспортной системы у аборигенов, попытки привлечения их к отбыванию воинской повинности»².

В 1970 г. Б. Д. Цибиковым был опубликован сборник текстов обычного права селенгинских бурят, в который вошли Селенгинское уложение 1775 г., Селенгинское уложение 1823 г., Новое постановление о жизни и обычаях (правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 г.)³. В введении к сборнику автор-составитель дал краткое описание и характеристику памятников обычного и писаного права бурят с обзором российской историографии по данной теме. По нашему мнению, своими работами Б. Д. Цибиков внес значительный вклад в изучение дореволюционного периода истории бурят.

Своеобразный итог изучению рассматриваемой проблемы подводят историографические работы В. Г. Мирзоева, Л. М. Горюшкина, Н. А. Миненко, Б. М. Шейнфельда, Ф. А. Кудрявцева,

¹ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма... С. 132, 134.

² Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма... С. 165.

³ Цибиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. 284 с.

Ч. Г. Андреева¹, опубликованные в 1970–1980-х гг. Так, характеристика взглядов областников на инородческий вопрос появляется в 1970 г. в работе В. Г. Мирзоева «Историография Сибири (домарксистский период)», в которой автор дает положительную оценку их просветительской деятельности, введению ими коренных народов Сибири в общую историю человеческого общества. В 1973 г. в свет выходит исследование М. Б. Шейнфельда, в котором автором делается анализ областнического и народнических направлений в российской историографии. Он позитивно оценивает их борьбу с великодержавными и расовыми теориями, а также стремление приобщить коренные народы к плодам современной им цивилизации и вывести на путь исторического возрождения.

Особое место занимает работа Л. М. Дамешка по историографии и источниковедению истории Сибири, в которой освещается процесс развития историографических концепций истории народов Сибири в отечественной, дореволюционной, советской и зарубежной исторической науке, анализируется основной комплекс опубликованных и архивных источников по истории народов Сибири с 1861 по 1917 г. Преимущественное внимание уделяется анализу общественно-социальных проблем и внутренней политике самодержавия².

Таким образом, предметом изучения советской историографией стали вопросы экономического развития Сибири, степени проникновения капиталистических отношений в хозяйство и социальные отношения. В большей мере изучены аграрная политика, ее связь с аграрной политикой в Европейской России. Вместе с

¹ Мирзоев В. Г. Историография Сибири. Первая половина XIX в. Кемерово, 1965; Он же. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; Миненко Н. А. Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1978; Горюшкин Л. М., Н. А. Миненко. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.) Новосибирск, 1984; Они же. Историография Сибири досоветского периода (конец XVI – начало XX вв.) Новосибирск, 1984; Шейнфельд Б. М. Бахрушин и историография Сибири советского периода. Красноярск, 1980; Кудрявцев Ф. А. Изучение истории Бурятии за годы Советской власти // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968; Андреев Ч. Г. Историография аграрного развития Забайкалья конца XIX – начала XX вв. // Социально-экономическое развитие Бурятии XVII – начало XX вв. Новосибирск, 1987.

² Дамешек Л. М. Историография и источниковедение истории Сибири эпохи капитализма. Иркутск, 1990; Он же. Историко-правовое положение народов Сибири в освещении русской историографии XIX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982.

тем практически не изученными остались вопросы политики самодержавия по отношению к кочевым народам Сибири, деятельности органов самоуправления, их отношения с вышестоящими органами власти, проведения волостной реформы, землеустройства кочевых народов конца XIX – начала XX в.

С распадом Советского Союза и образованием Российской Федерации начинается новый этап российской историографии, характеризующийся переосмыслением истории с новых теоретико-методологических позиций: пересматриваются стереотипы, сложившиеся в советской историографии, в оборот вводятся новые документальные источники. Начинаются научные изыскания в разных направлениях, в том числе и в области окраинной и национальной политики Российской империи.

На этом этапе появляется множество научных исследований, посвящённых политике Российского государства в отношении Сибири, истории Сибири, сибирских народов, среди которых выделяются работы А. В. Ремнева и Л. М. Дамешека.

Исследования А. В. Ремнева имеют большое значение в современной историографии. Для нашего исследования интерес представляют его взгляды на эволюцию политики Российского государства в отношении Сибири и сибирских народов. Автор акцентирует особое внимание на периодизации имперской политики России, на ее связи с региональной как совокупности правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности империи, хозяйственное освоение регионов, ответ на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций. Первую половину XIX в. Ремнев условно определяет как классический период имперской политики и управления, который характеризовался многовариантностью систем управления, высокой степенью этноконфессиональной толерантности и прагматизмом.

Значимым в смене политического имперского курса А. В. Ремнев считает рубеж 1850–1860-х гг., когда ускоренная модернизация страны, обострение польского вопроса, а также давление национальной идеологии привели к деформации традиционной имперской политики и обострению национальных и региональных противоречий. В этот период колонизационное движение русского населения начинает восприниматься в прави-

тельстве как целенаправленное политическое конструирование империи, когда важным становится не только экономическое освоение Сибири, но и заселение ее по возможности однородным и единоверным с Россией населением.

Следующим рубежом в имперской политике становится конец XIX – начало XX в. Русско-японская война заставила приостановить внешнюю экспансию и обратить взоры на внутренние проблемы российского Дальнего Востока, когда главными инструментами становятся русская крестьянская колонизация, железная дорога, таможенный протекционизм и опора на национальный капитал¹. Надо отметить, что работы Ремнева по истории административных преобразований в большей степени касались Западной Сибири и Дальнего Востока, а Восточная Сибирь практически осталась не затронутой. В целом же исследования А. В. Ремнева внесли значительный вклад в историографию данного вопроса.

Ни один современный исследователь Сибири не может обойтись без трудов Л. М. Дамешека. Начиная с 1980-х гг. темой его исследований становится изучение правительственной политики в отношении сибирских коренных народов, организации управления ими, место Сибири в составе Российского государства. В 1995 г. издается коллективный труд «История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» под редакцией Л. М. Дамешека², ставший заметным событием в жизни региона. Ценность работы заключается в том, что в ней рассматривается история иркутских бурят за огромный период – от эпохи первобытно-общинного строя до 1990-х гг. Следует отметить еще одну книгу Л. М. Дамешека «Иркутск в панораме веков: очерки истории города», в которой автор акцентируется на вопросах своеобразия колонизации Восточной Сибири³.

Как отмечает Ю. П. Петрушин, в 2000-е гг. Л. М. Дамешек сосредотачивается на переосмыслении вопросов политики российского самодержавия в отношении сибирских коренных народов в

¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995; Он же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 1997; Он же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. 554 с.

² История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М., 1995. 564 с.

³ Дамешек Л. М. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002.

XVIII – начале XX в. Одновременно ученый обращает пристальное внимание на административную политику самодержавия в Сибири этого периода, заложившего законодательную базу региональных преобразований. С этой точки зрения реформы М. М. Сперанского предстояло рассматривать как сибирский вариант имперского регионализма¹. В 2007 г. выходит в свет коллективный труд «Сибирь в составе Российской империи», в котором авторы (И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев и др.) стремились не только обобщить уже имеющиеся результаты изучения истории Сибири имперского периода, но и представить новые подходы. Сибирская специфика (видение «образов Сибири») здесь прочитывается на протяжении значительного временного отрезка с разных ступеней властной вертикали, таких ступеней, которые определялись не политическими пристрастиями или классовой принадлежностью, а пространственным расположением, что позволяет приблизиться к созданию общей концепции развития Российской империи².

В 2007 г. под руководством Л. М. Дамешека выходят сразу три книги, объединенные серией «Азиатская Россия» и написанные Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Гимельштейном, А. В. Даниленко, Е. А. Сениной³. В монографии Л. М. Дамешека «Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.)» предметом исследования становится правительственная политика по отношению к народам Сибири, главное внимание в ней сконцентрировано на аграрной политике и землеустройстве, организации управления и ясачной политики. Автор проецирует интеграционные процессы в России и Сибири на общемировую историю. Он подчеркивает, что продвижение Российского государства на восток не было исключительно русским явлением, а являлось выражением общеевропейских колонизаци-

¹ Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. И. Л. Дамешек, Ю. П. Петрушин. Иркутск, 2008. С. 20–21. Сер. Азиатская Россия.

² Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 368 с.

³ Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2007. 320 с. Сер. Азиатская Россия; Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск, 2007; Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.) / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Даниленко. Иркутск, 2007.

онных движений. Стержнем правительственного курса в отношении сибирских народов становится аграрная политика самодержавия, при этом наблюдается единство имперских методов аграрной политики в отношении и к русскому крестьянству, и к аборигенам. В двух других работах авторы рассматривают инородческий вопрос с точки зрения его освещения на страницах сибирской периодической печати и восприятия власти общественностью Сибири.

Заслуживают внимания монографические работы других авторов – А. Ю. Конева, В. А. Зибирева, М. М. Федорова, посвященные исследованию политики Российского государства в отношении сибирских народов¹.

Интерес представляют работы Н. П. Матхановой о генерал-губернаторском и губернаторском корпусе Восточной Сибири, которые дали значительный фактический материал для исследования темы². Особо надо отметить ее монографию «Сибирская мемуаристика», в которой дается источниковедческий анализ сибирской мемуаристики XIX в., включающей в себя воспоминания, дневники, путевые записки³. Следует отметить исследования И. Л. Дамешек, в которых она рассматривает место Сибири в социально-экономических процессах Российского государства, сочетание имперских принципов и регионализма в законодательной политике империи в регионе⁴.

В последние десятилетия значительное место в исследовании инородческого вопроса занимает тема образа инородцев на страницах сибирской периодической печати. Появились интерес-

¹ Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995; Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990; Федоров М. М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск, 1991.

² Матханова Н. П. Генерал-губернатор в системе управления России: закон и практика (на примере Восточной Сибири середины XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVIII–XX вв. / Новосибирск, 1996; Она же. Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в. // Гуманит. науки в Сибири. 1996. № 2; Она же. От Трескина до Муравьева-Амурского (биография сибирского чиновника) // Там же. 1994. № 2; Она же. Чиновник и мемуарист Бернгард Васильевич Струве // Там же. 1995. № 1.

³ Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века.

⁴ Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск. 2005.

ные работы Е. А. Сениной, А. Ю. Ледовских¹, авторского коллектива в составе А. В. Гимельштейна, Л. М. Дамешека и Е. А. Сениной². А. Ю. Ледовских в ходе своего исследования тем сибирского инородческого вопроса на страницах журнальной прессы начала XX в. отмечает, что сибирская журнальная публицистика начала XX в. представлена двумя изданиями – «Сибирский наблюдатель» и «Сибирские вопросы», за 1901–1912 гг. в них было опубликовано около 190 статей, посвященных «инородцам»³.

Заметное место в историографии Сибири занимает труд Д. А. Ананьева, Е. В. Комлевой, Д. Я. Раева, Д. Я. Резуна, И. Р. Соколовского, Е. Н. Туманик, которые в результате обобщения исследований издали коллективную работу «Новые земли и освоение Сибири в XVII – XIX вв.»⁴. Большой вклад в изучение истории народов Сибири внес В. Я. Бутанаев, исследователь социально-экономической истории Хакасии⁵.

В Бурятии усиливается интерес к истории дореволюционного периода, в научный оборот вводятся новые документальные источники. Вышли в свет работы по истории закаменских бурят Г. Р. Галдановой и Б. Ш. Доржиева⁶. П. С. Дырхеев написал очерк об истории верхоленских бурят, используя обширный архивный материал ГАИО и ГАРБ⁷. Важное значение имеют материалы историков Б. Б. Батуева и И. Б. Батуевой – о селенгинских бурятах⁸, Ж. Т. Тумунова – об агинских бурятах⁹, Ж. А. Зимина – об истории

¹ Сенина Е. А. Инородческий вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005; Ледовских А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008.

² Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Указ. соч.

³ Ледовских А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. С. 8.

⁴ «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX в.: очерки истории и историографии / Д. А. Ананьев [и др.] ; под ред. Д. Я. Резуна. Новосибирск, 2006.

⁵ Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX в. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2002. 212 с.

⁶ Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). Новосибирск, 1992; Б. Ш. Доржиев. Закамна : ист. очерк. Улан-Удэ, 1993.

⁷ Дырхеев П. С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ, 2005.

⁸ Батуев Б. Б., Батуева И. Б. Очерки истории селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1992; Они же. Буряты в XVII–XIX в. Улан-Удэ, 1996.

⁹ Тумунов Ж. Т. История Аги (1648–1917). Ч. 1. Дооктябрьский период. Улан-Удэ, 2006.

аларских бурят¹. В каждой работе исследуется хозяйство и быт бурят, история создания органов местного самоуправления бурят.

Тема возникновения и развития государственности Бурятии, становления, развития и самоопределения бурят, в том числе история национального самоуправления бурят, учрежденного по уставу 1822 г. М. М. Сперанского, нашла отражение в работах А. А. Елаева², в которых приведены выводы автора об особенностях формирования власти в бурятских обществах, основанных на наследственном принципе передачи власти. В связи с этим он подвергает сомнению утвердившуюся в исторической литературе однозначную оценку родоначальников как угнетателей своих сородичей, прислужников царизма, носителей отсталых патриархально-феодальных отношений, тогда как именно родовая аристократия оставалась «единственным естественным выразителем и защитником коллективных интересов бурят как этнической общности». По мнению автора, принцип наследственности является основополагающим в существовании родовой организации в обществе, средством обуздания «стихий» кочевого общества. Присоединение к Российскому государству и введение принципа выборности родоначальников ломало вековые психологические установки на незыблемость наследственной власти, что явилось одной из причин нарушения равновесия во властных отношениях и борьбы за родовую власть³.

Вопросы административного управления Российского государства Бурятией во второй половине XVII в. – 1917 г. рассмотрены в диссертационной работе С. С. Балданова⁴. Интерес представляет монография С. Г. Жамбаловой о профанном и сакральном мирах ольхонских бурят, в которой отдельный параграф посвящен деятельности Ольхонской степной думы⁵.

Монография С. Ю. Даржаева является практически единственной работой по истории бурятских степных дум как органов

¹ Зимин Ж. А. История Аларского района. Иркутск, 1994.

² Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. 176 с.; Он же. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. 352 с.

³ Елаев А. А. Бурятский народ... С. 74–75.

⁴ Балданов С. С. Административное управление Российского государства Бурятией (II половина XVII в. – 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1999.

⁵ Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск, 2000. С. 59–67.

местного самоуправления бурят, в которой раскрыт процесс формирования степных дум, на основании анализа архивных документов рассмотрена их административно-хозяйственная и судебная деятельность¹.

Важной исследовательской темой постсоветского этапа отечественной историографии становится сфера межнациональных отношений, культурный и хозяйственный быт сибирских народов. Среди них можно отметить работы Б. Б. и И. Б. Батуевых, О. В. Бураевой². Следует также обратить внимание на книгу Ч. Г. Андреева о коренных народах Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.³, в которой автор на основе привлечения обширных источников исследует разные сферы жизни сибирских народов.

В 2002 г. выходит межархивный справочник «Власть в Сибири XVI – начало XX в.»⁴, содержащий в концентрированном виде информацию об эволюции административно-территориального деления, о высших должностных лицах, структуре и компетенции органов власти Сибири на протяжении всего времени существования региона в составе Российского государства.

В 2004 г. выходит коллективная монография «Буряты» под редакцией Л. Л. Абаевой и Н. Л. Жуковской⁵. В ней собраны обширные сведения по этнической истории и культуре бурят: особый интерес для нашей работы представляют статьи Д. Д. Нимаева об этнической истории бурят, С. Г. Жамбаловой об облавной охоте бурят как отражении ранней формы социальной организации, В. С. Ханхараева об общественном строе бурят в XVII–XIX в., Р. П. Сыденовой об иерархии общинных структур в Бурятии.

Важное значение для исследования темы имеет монография С. Ч. Мантуровой, посвященная вопросам социального признания в Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в. Ею впервые рассмотрена деятельность бурятских степных дум по

¹ Даржаев С. Ю. Указ. соч.

² Батуев Б. Б., Батуева И. Б. Буряты в XVII–XIX вв. Улан-Удэ, 1996; Бураева О. В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – I половине XIX вв. Улан-Удэ, 2000.

³ Андреев Ч. Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.). Улан-Удэ, 2001. 287 с.

⁴ Власть в Сибири XVI– начала XX вв. Новосибирск, 2002.

⁵ Буряты. М.: Наука, 2004. 633 с.

социальной поддержке коренного населения, выявлены такие их формы, как содержание сельских экономических магазинов, содержание приходских школ, подбор и направление стипендиатов в уездные гимназии и училища. Вместе с тем автор отмечает, что степные думы явились национальными органами самоуправления, благодаря которым сохранились традиционный образ жизни, уникальная культура и традиционные черты взаимоотношений бурят, такие как любовь к ближнему, взаимная помощь и поддержка, взаимная верность, справедливость, честность¹.

Заслуживают внимания для исследования темы диссертации А. В. Сивковой и В. А. Мунханова. Так, в диссертации А. В. Сивковой нашла отражение тема законодательного регулирования политики царского правительства в отношении Сибири в 70-е годы XVIII – 80-е годы XIX в. По мнению автора, если в XVIII в. основными для российского правительства оставались финансовые интересы, то в XIX в. происходит переориентация правительственного взгляда на полную ассимиляцию народов Сибири посредством приобщения их к земледелию². Надо отметить также диссертацию В. А. Мунханова об организации управления народами Юго-Восточной Сибири в имперский период (1721–1917 гг.), рассматривающего вопрос об административной политике Российского государства в отношении сибирских народов, перешедшего от патерналистских установок XVIII в. к унификации управленческих форм к концу XIX в., что было вызвано окончательной интеграцией Сибири во внутргосударственное пространство России³.

Значительный вклад в исследование темы внесла научно-практическая конференция «Якутская степная дума – первый опыт областного самоуправления», состоявшаяся в 2007 г. в г. Якутске. По итогам конференции был опубликован сборник статей ученых, парламентариев и представителей общественности. На наш взгляд, статья А. А. Борисова о деятельности Якутской думы в контексте общероссийских тенденций в организации управ-

¹ Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. Улан-Удэ, 2005. 232 с.

² Сивкова А. В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е годы XVIII – 80-е годы XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006.

³ Мунханов В. А. Организация управления народами Юго-Восточной Сибири в имперский период (1721–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010.

ления в первой половине XIX в. и статья Б. В. Базарова и С. Ю. Даржаева о деятельности бурятских степных дум позволяют провести сравнительный анализ между ними, хотя их трудно сопоставить даже в количественном и хронологическом плане. Якутская степная дума функционировала в течение 11 лет, а 12 бурятских степных дум 80 лет. Именно тот факт, что Якутская степная дума была создана для одного Якутского округа и превратилась в общеякутский орган самоуправления с большим размахом функций и полномочий, позволяет исследователю сделать вывод об уникальности опыта самоуправления на большой территории с охватом широких слоев населения¹.

Следует отметить исследования Т. С. Ивановой, С. И. Бояковой, В. К. Иванова, посвященные юридическому статусу инородцев и местных органов самоуправления в законодательной и государственной системе Российского государства², а также работу Е. А. Пахомова об административно-территориальном устройстве якутов согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г., в которой прослеживается история местного самоуправления якутов вплоть до 1917 г.³

История хакасских степных дум нашла отражение в монографии Е. П. Мамышевой, которая в результате проведенных исследований приходит к выводу о положительной роли создания хакасских степных дум в общественно-политическом развитии минусинских и ачинских инородцев, которые стали основой будущей государственности хакасов⁴.

Предметом изучения Е. П. Ковалешкиной становится исследование концепции государственной политики и областни-

¹ Борисов А. А. Деятельность Якутской Степной думы в контексте общероссийских тенденций в организации управления первой половины XIX в. // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Якутск, 2007. С. 10–16.

² Иванова Т. С. Значение Устава об управлении инородцев 1822 г. в развитии правового положения народов Якутии; Боякова С. И. Становление и эволюция системы органов общественного управления народов Севера Якутии (2-я пол. XVIII в. – начало XX в.); Иванов В. К. Якутская Степная дума и Якутское областное правление: правовой статус и полномочия // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. С. 76–105.

³ Пахомов Е. А. Административно-территориальное устройство и традиции местного самоуправления Якутии по «Уставу об управлении инородцев Сибири» // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. С. 41–46.

⁴ Мамышева Е. П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.). Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. 124 с.

ческой мысли в инородческом вопросе в Сибири. Автор анализирует принципы оппозитивных друг другу подходов к решению инородческого вопроса в Сибири, представленных традициями государственной политики и областнической мысли¹. Любопытно ее мнение о том, что одной из причин изменения политики Российского государства к инородцам во второй половине XIX – начале XX в. стало утвердившееся в общественном и политическом сознании в качестве нормы деление народов на исторические и неисторические. Слияние русской государственной идеи с идеей этнической, православной вызвало административный ассимиляционный национализм – грандиозную программу обрусения инородческого населения России, в частности полного уравнивания правового положения народов Сибири с русскими².

Работы Л. И. Шерстовой позволяют сделать сравнительный анализ бурятских обществ с тюркоязычными южносибирскими народами, у которых в конце XIX – начале XX в. со стороны Российского государства также проводится политика, направленная на нивелировку, унификацию этнически пестрых регионов, с переводом всего инородческого сословия в крестьянское, с общей унификацией прав, обязанностей и органов управления. Государство всеми способами готовило ликвидацию сословия сибирских инородцев, базируясь на извечном, но модифицированном в духе времени принципе о тождестве русских и русифицированных аборигенов, совмещенном с «уваровскими» установками государственной идеологии (православие, самодержавие, народность)³.

Важным событием в исторической науке Бурятии стало издание в 2011 г. фундаментальной истории Бурятии. Во втором томе издания дается характеристика реформам М. М. Сперанского, в частности Устава об управлении инородцев 1822 г., закрепившего «основные принципы административной, финансовой,

¹ Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 326 с.

² Ковалышкина Е. П. Российская государственная идея и аборигенная политика в Сибири // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 187.

³ Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика в XVII – начале XX вв. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. 312 с.

национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам» до конца XIX в.¹

На этом этапе наблюдается большой интерес к изучению норм обычного права бурят, появляются научные работы, рассматривающие обычное право с историко-правовых позиций. Значительный вклад в изучение обычного права бурят, о его влиянии на жизнь бурятских обществ внесла работа Б. Д. Цибикова об обычном праве хоринских бурят². Автор впервые опубликовал все известные памятники обычного права хоринских бурят на старомонгольской письменности с переводом на русский язык, с комментариями и кратким обзором самих документов и литературы по данной проблеме, тем самым внес огромный вклад в расширение источниковой базы темы исследования.

Эмпирическую направленность носят работы историков права В. В. Увачана, М. Н. Игнатъевой, А. Т. Тумуровой, Г. А. Тюньдешева. В них авторы, используя социальную практику (В. Увачан – эвенков, М. Н. Игнатъева – якутов, А. Т. Тумурова – бурят, Г. А. Тюньдешев – хакасов)³, описывают обычно-правовую соционормативную систему в определенных хронологических и территориальных рамках. Однако эти работы, по мнению И. Б. Ломакиной, будучи историко-правовыми, не выходят на тот уровень обобщения, где исследуются онтология и аксиология обычного права⁴.

Проблеме обычного права бурят посвящена монография А. Т. Тумуровой, в которой проводится исследование брачно-семейного, гражданско-правового и уголовно-правового институтов обычного права бурят на основе анализа одного из первых писанных памятников обычного права бурят – Селенгинского уло-

¹ История Бурятии. В 3 т. Т. 2. XVII – начало XX в. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 159.

² Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск, 1992.

³ Тюньдешев Г. А. Обычай как элемент культуры хакасов : автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1997; Игнатъева М. Н. Обычное право якутов (XVII–XIX вв.) : дис ... канд. юрид. наук. М., 1989; Тумурова А. Т. Обычное право бурят по Селенгинскому уложению 1775 года : дис ... канд. юрид. наук. М., 1997; Увачан В. В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX в. М. : Кн. дом «Ун-т», 2001. 133 с.

⁴ Ломакина И. Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2005. С. 3.

жения 1775 г.¹ В разработке темы изучения, вылившегося в диссертационную работу «Обычное право бурят: историко-правовое исследование»², А. Т. Тумурова осуществила реконструкцию процесса генезиса обычного права бурят, раскрыла его роль и значение в социальном развитии бурятского общества, показала место в системе социального регулирования.

Значительный вклад в исследование обычного права сибирских народов внесла И. Б. Ломакина, впервые введшая в научный оборот термин «этническое обычное право» с целью различения современного обычного права и этнического традиционного обычного права как первоосновы формирования национального государственно организованного права³. В своем исследовании институционального аспекта обычного права народов Сибири автор ставит задачу объяснить его природу, его органическую связь с духовным миром, ментальностью жителей суровой земли. На этой методологической основе Ломакиной предпринята попытка сформулировать положения и выводы, «которые актуализируют проблему интеграции обычно-правовых систем с государственно-организованным правом».

Следует отметить исследование Е. С. Гылыковой «Обычное право бурят. (Историко-правовое исследование)», рассматривающее историко-правовую действительность, в которой применялись нормы обычного права бурят в период с XVII по начало XX в., выделение основных отраслей обычного права и их исследование как части правовой системы России. Интерес представляют выводы автора о влиянии русского права на обычное право бурят, прежде всего отразившееся на системе управления бурятскими родами, отсюда присутствие в памятниках обычного права бурят большого количества статей, посвященных порядку управления, назначению должностей в родовой администрации⁴.

Обычное право сибирских народов с позиций его места в правовой системе Российского государства в XIX – начале XX в.

¹ Тумурова А. Т. Обычное право бурят: Селенгинское уложение 1775 г. Улан-Удэ, 2004.

² Тумурова А. Т. Обычное право бурят: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

³ Ломакина И. Б. Указ. соч.

⁴ Гылыкова Е. С. Обычное право бурят. (Историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

рассмотрено в работе В. В. Наумкиной¹. В исследовании выявлены особенности содержания и действия обычного права кочевых народов Восточной Сибири в контексте государственно-правовых процессов, направленных на интеграцию обычного права в правовую систему Российского государства XIX – начала XX в.

Наиболее полное собрание переводов памятников обычного права бурят было опубликовано в сборнике «Обычное право сибирских народов (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы)» в 1997 г. Сборник сопровождается статьями известных российских этнологов и антропологов Ю. И. Семенова и В. В. Карлова. Ученые признают обычное право сибирских народов важным эмпирическим материалом для анализа проблемы правогенеза. Ю. И. Семенов в очерке обычного права выделяет главным образом процесс формирования обычного права – нормативной системы, отличной от первоначального табуитета и первобытной морали, и видит в нем прежде всего институт межсоциальных отношений. В. В. Карлов анализирует исследования обычного права народов Сибири в аспекте практической значимости обычноеправовых институтов в решении актуальных задач правового регулирования. Вместе с тем обращает внимание на себя тот факт, что общие и частные выводы ученых базируются в основном на нормах северных народов. Нормы обычного права бурят в приведенных исследованиях рассматриваются лишь фрагментарно, в основном в аспекте особенного и нетипичного.

Таким образом, нами рассмотрена отечественная историография истории местного самоуправления бурят XIX – начала XX в., в которой можно выделить три этапа, соответствующих общей периодизации отечественной исторической науки: дореволюционный (XIX в. – 1917 г.), советский (1918–1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г. – по настоящее время).

Дореволюционная историография характеризуется тем, что вопросы истории самоуправления сибирских народов, в том числе бурят, не были темой специальных исследований. Речь идет о фрагментарных сообщениях в сочинениях путешественников и трудах отдельных этнографов, в которых имеются историко-

¹ Наумкина В. В. Обычное право сибирских народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

этнографические и чисто этнографические описания с упоминанием об их общественном строе. Внимание исследователей, представителей различных идейных течений в основном сосредотачивалось на изучении Устава об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского, статистико-экономическом обозрении хозяйства и быта бурят.

Новый этап в отечественной историографии начинается после Октябрьской революции 1917 г. с развитием и доминированием марксистско-ленинской методологии в изучении истории. Советскими историками была проведена огромная работа по введению в научный оборот широкого комплекса исторических источников, в том числе и архивных, что позволило рассматривать вопросы социально-экономического развития и развития капиталистических отношений у сибирских коренных народов. Наиболее разработанной и изученной является аграрная политика Российского государства в Сибири, ее связь с аграрной политикой в Европейской России, при этом советские исследователи отмечали реакционный характер сибирского землеустройства, стремление унифицировать кочевые народы с крестьянским населением Сибири. Вместе с тем, практически неизученными остались вопросы политики Российского государства в отношении сибирских инородцев, истории их управления и самоуправления, влияния крестьянской реформы 1861 г., проведения волостной реформы в начале XX в. и т. д.

Постсоветский период отечественной историографии характеризуется переосмыслением истории с новых теоретико-методологических позиций. Расширение источниковой базы, новые методологические подходы к ранее введенным в научный оборот документам и материалам позволили исследователям объективно проводить научные изыскания и рассматривать новые направления в области изучения темы истории сибирских аборигенов. К ним относятся имперская политика Российского государства в Сибири, окраинная национальная политика государства, место сибирских инородцев в имперской стратегии власти и т. д. В целом, оценивая историографию проблемы, можно отметить, что кроме рассмотренных выше, существует ряд проблем, практически не исследованных в полной мере: это история местного самоуправления сибирских инородцев. На наш взгляд,

не сформирован системный подход к проблеме местного самоуправления сибирских инородцев, учрежденного по Уставу об управлении инородцев 1822 г., не выявлены общие и частные тенденции его развития у сибирских инородцев, слабо исследована история их формирования, развития и деятельности. Становится очевидной необходимость изучения проблемы на региональном материале, чтобы составить целостную картину окраинной национальной политики Российского государства в XIX – начале XX в.

Нами также исследована источниковая база истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в., включающая в себя разные виды источников: законодательные акты Российской империи, опубликованные и неопубликованные документы архивов, статистические данные, памятники обычного права бурят, бурятские летописи, материалы региональной периодической печати, сибирская мемуаристика, энциклопедические издания, справочные издания, фотодокументы, картографические документы. Таким образом, тема истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. имеет широкую и разнообразную источниковую базу, требующую комплексного изучения и использования. Однако исторические источники нуждаются в критическом и осторожном отношении к ним, требуют дополнительных уточнений и сравнительного анализа.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о начальном этапе изученности данной темы. Обобщающие научные труды по данной теме отсутствуют, а исследований, рассматривающих вопросы местного самоуправления сибирских народов в конце XIX – начале XX в., немного.

Глава 2

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ИНОРОДЦЕВ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

2.1. Российское законодательство в отношении инородцев Сибири с 1822 г. до середины 1890-х гг.

В силу своей сложности и вариативности изучение истории Российской империи требует регионального измерения. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство¹, которые нашли свое отражение в законодательной политике Российского государства в отношении регионов, в частности инородцев Сибири.

Сибирь, как и все остальные губернии и области Российской империи, подчинялась законам, принятым царским правительством. Важное значение для раскрытия сущности политики российского государства в отношении сибирских инородцев, уяснения их правового положения имеют нормативные акты царского правительства, которые отличались многообразием: уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, наказания (инструкции), манифесты, указы, мнения государственного совета и доклады, удостоенные высочайшего утверждения.

¹ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. С. 9.

Наиболее полно нормативные акты в отношении инородцев Сибири с XVII по начало XX в. отложились в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), которые сгруппированы в следующие разновидности: 1) уложения, уставы, учреждения, указы; 2) жалованные грамоты; 3) манифесты и указы; 4) трактаты.

В предисловии к первому собранию ПСЗРИ отмечается, что «законы, от самодержавной власти исходящие, и общие постановления, именем Ее от учрежденных мест издаваемые, двумя путями достигают общего сведения и исполнения: 1) через объявление и обнаружение каждого из них в свое время, посредством мест и властей, для сего установленных; и 2) через издание их, уже по обнаружении, в виде собраний. Первый путь: обнаружение, всегда признаваем был существенным, и для обязательной силы закона необходимым». В течение XIX в. развивались оба эти направления.

В результате грандиозной работы, проведенной в 1826–1830 гг. II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, в 1830 г. были изданы 45 томов первого ПСЗРИ, включавшие 30 920 законодательных актов от Соборного уложения 1649 г. по 12 декабря 1825 г., начало правления Николая I. Второе собрание законов охватывает период правления Николая I и Александра II (55 томов, или 125 книг). Издание третьего собрания законов включает законодательные акты периодов правления Александра III и Николая II.

Собрание столь большого количества законодательных актов стоило большого труда. Однако руководствоваться собранными законами было трудно, поэтому по мере собирания законов для удобства их поисков и изучения проводилась работа по выборке из Полного собрания законов именно тех узаконений, которые сохранили свою силу, и расположению по порядку и по предметам, которых они касались. Результатом этой работы было составление свода законов Российской империи, явившегося воплощением попыток кодификации законов в XIX в. Первый Свод законов был издан в 1832 г., второй в 1842 г., третий, который явился последним единовременным изданием, в 1857г., в последствии он издавался отдельными уставами.

Свод законов 1832 г. состоял из 15 томов, заключавших 42 198 статей. Структура свода законов была определена

М. Сперанским и включала восемь главных отделов: 1) учреждения (первые три тома); 2) законы правительственных сил (уставы о повинностях, уставы о податях и пошлинах, устав таможенный, устав монетный, горный и о соли, лесной и т. д.); 3) законы о состояниях; 4) законы гражданские и межевые; 5) уставы государственного благоустройства (уставы кредитный, торговый, промышленности т. д.); 6) уставы благочиния (законы полиции); 7) законы уголовные; 8) законы уголовно-процессуальные. Свод законов приводил существующие законы в единообразие и порядок. В 1845 г. было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, после реформы 1864 г. в Свод был добавлены судебные уставы. Положение об инородцах входило во 2-й том Свода законов продолжением 1892 г. в части 1 «Общее учреждение губерний».

Следующим источником законодательных актов служат издававшиеся с 1809 г. «Санкт-Петербургские сенатские ведомости», в которых особым разделом под названием «Собрание узаконений и распоряжений правительства» помещались все манифесты, высочайшие повеления, указы сената, трактаты, постановления, имеющие силу закона. С 1863 г. этот раздел начал выходить отдельным изданием Правительствующего сената – «Собрание узаконений и распоряжений правительства». Как отмечает Н. И. Дружинин, Собрание узаконений отличалось значительной полнотой по сравнению с Полным собранием законов Российской империи¹.

Кроме официальных изданий законов, существовали и неофициальные, которые имели важное значение для правительственных учреждений и частных лиц. Они выпускались быстрее официальных изданий и пользовались большим спросом. К таковым относятся, например, Городовое положение с разъяснениями 1897 г., Устав гражданского судопроизводства с разъяснениями 1896 г. и т. д.

В соотношении с мировыми системами права российская система права в XVIII в. была основана на судебных прецедентах и больше тяготела к англосаксонской системе, особенностями которой были: во-первых, то, что все суды имели общую юрисдикцию, т. е. могли разбирать разные категории дел: публично- и частноправовые, гражданские, торговые, уголовные; во-вторых, суд,

¹ Дружинин Н. П. Общедоступное руководство к изучению законов. СПб., 1899. С. 56.

рассматривая дело, выяснял, не было ли аналогичное дело рассмотрено раньше, и в случае положительного ответа руководствовался уже имеющимся решением. Например, на судебных прецедентах основаны указ Иркутского губернского правительства от 17 июля 1817 г. о том, чтобы без ведома старшин и их местного начальства «никто не осмеливался задолжать якутов и других иноверцев», принятый по делу о чинимых титулярным советником Климонтовичем и бывшим чиновником Кычкиным якутам налогов и притеснениях¹; июньский указ 1817 г. по вопросу, «может ли засватанная братская девка и впоследствии времени приведенная в грекороссийское исповедание Марья быть в замужестве за некрещеным братским Хандреевым?», разрешающий браки между крещеными и некрещеными бурятами² и т. д.

В XIX в. в России большим влиянием стало пользоваться континентальное право, основанное на сводах писаных законов, образующих систему гражданского права, которое регулировали и договорные отношения. Другие источники права (административные акты, обычаи и т. д.) играли незначительную роль, а судебная практика вообще не считалась источником права. Примером реализации континентального права являются законодательные акты Российского государства. Следует отметить, что специфика российского законодательства определялась личностным фактором. Право окончательного утверждения законодательных актов принадлежало царю, его убеждения, окружение серьезным образом влияли на характер политики правительства и принятие конкретных решений.

С учетом иерархии законодательных актов российские исследователи выделяют следующие разновидности законодательных актов:

1) манифесты – законодательные акты, провозглашавшие вступление на престол нового императора, сообщавшие о рождениях, браках и кончинах лиц императорской фамилии, а также о наиболее существенных реформах (Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству от 18 февраля 1702 г., Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 г.). Ма-

¹ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 20–20об.

² ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 39об.

нифесты издавались при объявлении войны, заключении мира и при стихийных бедствиях (например, во время эпидемии чумы);

2) указы – наиболее многочисленная и разнообразная группа законодательных актов. Указами могли регулироваться почти все сферы государственной и общественной жизни;

3) уставы – специальные законодательные акты, регулирующие какую-либо сферу деятельности (Новоторговый устав 1667 г., Воинский устав 1716 г., Морской устав 1720 г., Устав благочиния 1782 г., Таможенный устав по европейской торговле 1819 г.) или отрасль материального права (Устав о векселях 1729 г., Устав о банкротях 1800 г.);

4) регламенты и учреждения – законодательные акты учредительного характера, определявшие организацию, состав, компетенцию и регулирующие деятельность государственных учреждений (Регламент главного магистрата 1721 г., Генеральный регламент 1720 г., Духовный регламент 1721 г.);

5) уставы и регламенты – законодательные акты кодифицирующего характера¹.

По содержанию же законодательных актов М. М. Сперанский и А. Д. Градовский выделяют следующие разновидности:

1) учреждения (Учреждение для управления сибирских губерний 1822 г.) – законы, которыми определяется образование мест и властей, их состав, предмет ведомства и порядок производства в них дел;

2) уставы (Устав об управлении инородцев 1822 г., Устав о ссыльных) – порядок заведования какой-либо отдельной частью управления. В уставах нередко определяется образование и устройство мест и властей, получающих известную отрасль государственных дел в управление; в отличие от учреждений, в которых определяется главным образом состав мест и властей, в уставах подробно указывается, как учреждения должны действовать;

3) наказ – определяет порядок деятельности органов управления единоличных властей;

4) положения – определяют образование и порядок деятельности мест и властей не правительственных, а сословных и общественных; в положениях устанавливались иногда и права состояния;

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод ... С. 380–381.

5) указы – предписания верховной власти, касающиеся приведения в исполнение учреждений и уставов; иногда указы заключали в себе самостоятельное содержание;

6) манифесты – объявление непосредственной высочайшей воли в чрезвычайных случаях, как объявление войны или заключение мира, или объявление особо важных законоположений;

7) мнения государственного совета – законы, рассмотренные в совещательном учреждении и получившие утверждение со стороны верховной власти;

8) доклады – утвержденные предположения, делающиеся в отчете, докладе или донесении, представляемые единоличным органом управления непосредственно верховной власти;

9) уложения – все законодательство или часть его, получившая особую обработку и развитие, усовершенствованная по определенному плану¹.

По мнению Г. Савича, исследовавшего российское законодательство об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края, в политике Российского государства в азиатских областях, направленной на насаждение в них гражданственности и устройство местного самоуправления, можно выделить три периода: 1) введение русского гражданского управления; 2) выработка положений об этом управлении согласно особенностям края; 3) устройство местного управления и быта сибирского населения на общих основаниях с российскими губерниями².

Первый период он связывает с изданием указа об учреждении Сибирской губернии в 1708 г. и введением в ней гражданского управления во главе с губернатором³.

Издание Учреждения для управления Сибирских губерний и Устава об управлении инородцев 1822 г. с последующими изменениями составляют второй период законодательной деятельности самодержавия. Эти два законоположения составили основу относящихся к Сибири частей Свода губернских учреждений 1892 г. с теми изменениями, которые были вызваны новыми По-

¹ Дружинин Н. П. Общедоступное руководство к изучению законов. СПб., 1899. С. 144–145.

² Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб., 1903. С. 8–13.

³ Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ). Ст. 2218. 1 собр. Т. 4. СПб., 1830.

ложениями об управлении степных областей 1868 и 1891 гг., упразднением Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1882 г., учреждением Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г., преобразованием Главного управления в Восточной Сибири и введением крестьянского общественного управления на основании Положений Манифеста от 19 февраля 1861 г. Все указанные законодательные акты регулировали административное управление в Сибири, однако мало касались «существа быта и условий жизни» населения Сибири.

Третий период начинается с утверждения Главных оснований поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 23 мая 1896 г. Этим законом сельскому населению Сибири было даровано право на надел земли из казенных владений, установлены общие основания такого наделения, равно как пользования отведенными участками, и вместе с тем предоставлено было министру земледелия и государственных имуществ и министру финансов внести на законодательное рассмотрение проекты: 1) правил о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях; 2) постановлений об отводе лесных наделов, лесном на них хозяйстве и о размере и способе взимания лесного налога в означенных губерниях; 3) закона о замене государственной оброчной податью сборов и податей, взимавшихся в тех же губерниях с крестьян, равно как с инородцев, не принадлежащих к числу бродячих.

Представленные проекты послужили основанием для принятия законов 2 июня 1898 г.¹, 4 июня 1898 г.² – по первым двум из указанных выше предметов землеустройства и 19 января 1898 г. относительно установления в четырех сибирских губерниях государственной оброчной с земли подати, взамен существовавших до того времени сборов душевых.

Г. Савич особо отмечает законоположение от 2 июня 1898 г., приведенное в действие в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, Забайкальской, Амурской и Приморской

¹ ПСЗРИ. Ст. 15503.3 собр. Т. 21, отд.-ние 1. СПб., 1903.

² ПСЗРИ. Ст. 15539.3 собр. Т. 21, отд.-ние 1. СПб., 1903.

областях в силу законов от 23 апреля 1901 г.¹, 27 мая 1902 г. и в четырех степных областях – Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской – на основании закона от 10 июня 1902 г. Эти четыре узаконения распространили на административное управление сельским населением указанных местностей Сибири и Степного края начала, установленные для внутренних губерний Российской империи Положением от 12 июля 1889 г. о земских участковых начальниках, сосредоточив власть такового управления во вновь образованных учреждениях по крестьянским делам и возложив на эти учреждения обязанность упорядочить управление этими делами и направлять их сообразно действительным пользам и нуждам сельских жителей.

Интерес представляет периодизация М. М. Федорова, предложившего в качестве основного критерия изменение правового статуса народов Восточной Сибири. По его мнению, их статус изменялся в три этапа: 1) XVII – начало XVIII в., когда полностью сохранены старые формы общественного устройства; правительство как собственник земли довольствовалось сбором пушных выплат; 2) 1720–1820 гг. – период принятия первых актов, направленных на обеспечение взаимодействия коренных сибиряков с русскими администраторами, купцами и т. д.; 3) 1820–1917 гг., когда целью правительства стало приведение образа жизни коренных народов края в соответствие с общероссийскими канонами².

Л. М. Дамешек рассматривает законодательную политику Российского государства в отношении сибирских народов в связи с изучением основных направлений правительственной политики в отношении сибирских аборигенов XIX – начала XX в. и приходит к выводу, что «в имперской административной практике в Сибири применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию от косвенной системы управления к управлению по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи

¹ ПСЗРИ. Ст. 19984. 3 собр. Т. 21, отд.-ние 1. СПб., 1903.

² Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири ... С. 11.

по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального Российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания»¹.

Говоря об исследовании проблематики управления Сибирью, сибирскими народами в XIX – начале XX в., необходимо отметить важность изучения российского законодательства в системе с конкретно-историческим материалом. В связи с этим возникает необходимость периодизации не только законодательной деятельности Российского государства в отношении Сибири, но и имперской политики и имперского строительства Российского государства. А. В. Ремнев, исследуя имперскую политику России, акцентирует особое внимание на периодизации имперской политики, на связи имперской политики Российского государства с региональной как совокупности правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности империи, хозяйственное освоение регионов, ответ на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций.

Первую половину XIX в. он условно определяет как классический период имперской политики и управления, который характеризовался многовариантностью систем управления, высокой степенью этноконфессиональной толерантности и прагматизмом. Дореформационное воздействие национальной идеи еще остро не ощущалось, так как и стремление к правовой, административной и судебной унификации отступало перед стихийно признанной практикой учета местных реалий.

Определенной вехой в смене политического имперского курса А. В. Ремнев считает рубеж 1850–1860-х гг., когда ускоренная модернизация страны, обострение польского вопроса, а также давление национальной идеологии привели к деформации традиционной имперской политики и обострению национальных и региональных противоречий, когда происходит пересмотр прежней имперской политики. В этот период колонизационное движение русского населения начинает восприниматься в прави-

¹ Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. Л. Зиновьев, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова, В. Л. Шахеров, М. В. Шиловский. М. : Новое лит. обозрение, 2007. С. 243.

тельстве как целенаправленное политическое конструирование империи, когда важным становится не только экономическое освоение Сибири, но и заселение ее по возможности однородным и единоверным с Россией населением.

Следующим рубежом в имперской политике становится конец XIX – начало XX в. Русско-японская война заставила приостановить внешнюю экспансию и обратить свои взоры на внутренние проблемы российского Дальнего Востока, когда главными инструментами становятся русская крестьянская колонизация, железная дорога, таможенный протекционизм и опора на национальный капитал¹.

Таким образом, исходя из приведенных выше периодизаций с учетом хронологических рамок исследования, целесообразнее выделить два периода:

1) законодательство Российского государства с принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. с последующими изменениями и дополнениями до принятия Положения об инородцах 1892 г., основным содержанием которого стала политика регионализма, политика учета особенностей жизни сибирских народов;

2) законодательство с утверждения Главных оснований земельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 23 мая 1896 г. вплоть до 1917 г., направленных на унификацию управления сибирских народов, отход от принципов политики регионализма М. Сперанского.

До принятия Устава 1822 г. регулирование отношений с инородцами Сибири обеспечивало ряд правовых актов. В целом законодательство Российского государства в XVII – начале XIX в. в отношении сибирских инородцев было фрагментарным, в основном речь шла о ясаке и христианизации местного населения. Все законодательные акты Российского государства в отношении инородцев можно условно разделить по направлениям политики:

- 1) организация сбора ясака;
- 2) крещение сибирских инородцев;
- 3) уголовное законодательство;
- 4) земельный вопрос;
- 5) охрана границ.

¹ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока ...

Появление значительного количества законодательных актов в отношении сибирских народов по организации сбора ясака связано с тем, что Сибирь долгое время оставалась основным поставщиком пушнины в российскую казну. На протяжении XVI–XVIII вв. российское правительство чаще регулировало вопросы налогообложения инородческого населения, придерживаясь курса минимизации административного вмешательства. К таким законодательным актам относятся:

1) именной указ, данный Сибирскому приказу от 26 декабря 1695 г. «О нечинении казней и пыток Сибирским ясачным инородцам ни по каким делам без доклада государям, об охранении их от обид и налогов и притеснений, о посылке приказчиков для ясачного сбора людей добрых по выбору градскому, и о наблюдении, чтобы они ясачных людей не грабили, запрещенными товарами не торговали, и вина не курили и не продавали»¹;

2) именной указ, объявленный из Кабинета Ее Величества Сенату от 22 июля 1735 г. «О взимании ясака в Иркутской провинции с ясачных людей соболями, а не деньгами»²;

3) Сенатский указ от 12 января 1737 г. «О сборе с русских ясачных крестьян, с татар и с прочих иноверцев сверх подушных денег провианта натурой, о магазинах, в которые оный хлеб ставить из какой провинции должно, и о сроках, назначенных для сего сбора»³;

4) резолюция Кабинета министров на доклад иркутского вице-губернатора от 20 ноября 1739 г. «О сборе податей с тайшей, зайсангов и с улусных их людей соболями, а за недостатком соболей и другой мягкой рухлядью или деньгами, полагая по три рубля за каждый соболь»⁴;

5) Сенатский указ от 23 сентября 1761 г. «Об учинении новой переписи ясачным народам в Сибирской губернии»⁵;

6) Сенатский указ от 3 сентября 1769 г. «О не посылании к якутам в их улусы для сбора ясака нарочных, о привозе им оного самим в назначенные сроки»⁶;

¹ ПСЗРИ. Ст. 1526. 1 собр. Т. 3. СПб., 1830. С. 213–215

² ПСЗРИ. Ст. 6775. 1 собр. Т. 9. СПб., 1830. С. 549.

³ ПСЗРИ. Ст. 7480. 1 собр. СПб., 1830.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 7955. 1 собр. СПб., 1830.

⁵ ПСЗРИ. Ст. 11191. 1 собр. СПб., 1830.

⁶ ПСЗРИ. Ст. 13344. 1 собр. СПб., 1830.

7) именной указ, объявленный Сенату от 31 октября 1782 г., «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1783 г. в ведении Кабинета по – прежнему»¹;

8) высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 марта 1812 г. «Об освобождении ясачных в Сибири народов от платежа положенной на них 2-рублевой подати»².

Особо надо отметить еще несколько указов, имевших важное значение в сборе ясака. В именном указе Сенату от 6 февраля 1763 г. Екатерина объявила, «что известно нам, что по всей Сибирской губернии и Иркутской провинции положенный ясак с тамошних жителей с крайним отягощением и беспорядком собирают, или, справедливее сказать, посылаемые для сбора ясака сибирские дворяне, казаки и дети боярские ненастоящие положенные ясаки в казну нашу собирают, но бессовестным образом всех таковых безгласных и беззаступных ясачных, яко-то: якутов, тунгусов, чукч, братских казаков и прочих тому подобных разного звания подданных нам народов грабят и до конца разоряют»³. С целью упорядочения сбора налогов в Сибирь был направлен капитан Алексей Щербаков.

Указом от 15 декабря 1763 г. Екатерина II объявила свое монаршее покровительство над народами Сибири, и оно обрело вполне конкретную «материальную» форму: с упразднением Сибирского приказа ясачный сбор и все связанные с ним вопросы передавались в ведение Кабинета Ее Императорского Величества⁴.

Следующий высочайше утвержденный доклад Сенату от 12 февраля 1764 г. «О произведении следствия по взяткам с сибирских инородцев и о положении бухарцев, живущих в Сибирской губернии по прошествии льготного времени, в оклад против государственных крестьян» ужесточил наказания в отношении лиц, обвиненных «во взятках с иноверцев» вплоть до конфискации имущества и последующих наказаний⁵.

Именной указ, объявленный государственным казначеем от 10 октября 1799 г., «О произвождении ясачным людям за исправ-

¹ ПСЗРИ. Ст. 15564. 1 собр. Т. 21. СПб., 1830. С. 720

² ПСЗРИ. Ст. 25062. 1 собр. СПб., 1830.

³ ПСЗРИ. Ст. 11749. 1 собр. Т. 16. СПб., 1830. С. 153–154.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 11989. 1 собр. Т. 16. СПб., 1830. С. 462–468.

⁵ ПСЗРИ. Ст. 12041. 1 собр. Т. 16. СПб., 1830. С. 532–534.

ный платеж ясака награждения на счет Кабинета» предусматривал поощрение ясачным народам за исправный платеж ясака в размере 20 руб. на 1000 руб.¹

Следующее направление в законодательной политике Российского государства в отношении сибирских инородцев связано с их христианизацией, политикой по приравниванию инородцев к другим своим подданным. Законодательные акты XVIII в. предусматривали различные льготы инородцам, принявшим православие:

1) Сенатский указ от 1 сентября 1720 г. «О выдаче награждений инородцам, восприявшим христианскую веру»²;

2) Сенатский указ от 1 сентября 1720 г. «О льготах новокрещенным от всяких сборов и податей на три года»³;

3) указ Сенату от 26 сентября 1726 г. «О выключке из подушной переписи крестившихся в грекороссийскую веру сибирских ясачных иноверцев, и о собирании с них ясака по-прежнему», согласно которому был снова введен сбор ясака с сибирских инородцев, принявших православие⁴;

4) высочайше утвержденный доклад Сенату от 3 апреля 1731 г. «О даче новокрещенным разных народов людям льготы от платежа подушных денег»⁵.

Определенным поворотом в политике Российского государства в отношении сибирских народов становится изданный в 1763 г. Манифест относительно переписи инородцев в Сибири, в котором Екатерина объявила: «Монаршим нашим словом обнадеживаем, что не только все подвластные подданные наши ясачные, равным образом и впредь в империю нашу и в подданство приходящие, содержаны будут в желаемом спокойствии, почему Мы всем нашим верноподданным повелеваем с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но ниже малейших убытков; если же кто за сим нашим монаршим повелением дерзнет чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения, а от ясачных в учреждениях от нас правитель-

¹ ПСЗРИ. Ст. 19145. 1 собр. Т. 25. СПб., 1830. С. 806–807.

² ПСЗРИ. Ст. 3636. 1 собр. Т. 6. СПб., 1830. С. 233.

³ ПСЗРИ. Ст. 3637. 1 собр. Т. 6. СПб., 1830. С. 234–235.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 4860. 1 собр. Т. 7. СПб., 1830

⁵ ПСЗРИ. Ст. 5737. 1 собр. Т. 8. СПб., 1830.

ствах принесены будут нам на кого во взятках и в прочем тому подобном жалобы, то повелеваем наистрожайше следовать и с винными поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления малейшего времени, о чем сей наш манифест по всей Сибирской губернии публиковать во всенародное известие». Идея покровительства и заботы об инородцах правительства ярко выступает в этом Манифесте.

По мнению Н. М. Ядринцева, Екатерина II смотрела на Сибирь как на обширную инородческую колонию России, где необходима либеральная колониальная политика. Руководствуясь таким взглядом, императрица простирает свое внимание до вызова инородцев к двору, до покровительства бухарцам в Сибири, предоставления им многих привилегий, как торговому сословию, и водружения некоторых символов инородческого царства. И. Щеглов пишет по этому поводу, что Екатерина II пыталась «создать нечто вроде отдельного и местного управления наподобие колониальных европейских правительств. Но план этот не был окончательно приведен в исполнение и не был завершен, а обрывком от него осталась в Сибири обширная наместническая власть, обладая которой, уже первый наместник Сибирский вместо того, чтобы стоять на ступенях трона, учрежденного в Тобольске и наминавшего власть одной монархини, взобрался сам на него и таким образом возвел себя как бы в царское достоинство»¹.

Следующим направлением в законодательной политике Российского государства в отношении сибирских инородцев являлось уголовное законодательство. Российские исследователи особо отмечают всемилостивейший манифест Екатерины II от 17 марта 1775 г., провозгласивший отмену наказания «батожем, кошками и плетьюми» без суда, ибо таковые наказания не есть исправление, а сущая казнь, что было в дальнейшем подтверждено Именным высочайшим указом от 25 сентября 1795 г.

Следует также отметить именной указ, данный Сенату от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях», согласно которому воровство следовало «исследовать и судить порядком уголовных дел». За воровство-кражу в четвертый раз или выше 20 руб. вводилось наказание – содержание под стражей и судеб-

¹ Щеглов И. Хронология истории Сибири. Кяхта. 1884. С. 274–275

ное решение, за воровство ниже 20 руб. – заключить под стражу и отправить в рабочий дом¹.

6 марта 1783 г. был принят именной указ, данный Сенату, «Об устройстве Иркутского наместничества», подтвердивший правила местного разбирательства малых судебных дел. В указе четко было прописано, что «разным народам, населяющим сие Наместничество, оставить свободу по гражданским делам между ними разбираться словесным образом у своих старших, или выборных, да и вообще начальству стараться, колико можно, без притеснения и ссоры миролюбно между ними прекращать; в случае однако ж неудовольствия и таковым словесным разбором просить им суда в Нижних расправах по порядку»².

Именной указ от 31 июля 1799 г. «О наказаниях за смертоубийство, воровство, грабеж и кражу» вводил наказание – каторжную казнь только за смертоубийство и воровство-грабеж. Наказание плетью вводилось за кражу от 20 руб. и выше с отдачей в рекруты или в Сибирь на поселение³.

Указом от 14 мая 1802 г. «О мере наказания преступников, учинивших воровство от 20 до 100 руб. и выше» определялось, что отныне за воровство, кражу от 20 руб. и до 100, в первый раз «судом обличенных», наказать телесно в самих селениях и возвращать их домой⁴. С теми же, кто во второй раз были пойманы на воровстве или в воровстве на сумму выше 100 руб., поступать на основании Указа от 3 апреля 1781 г.

Именной высочайший указ от 16 мая 1812 г. определил, что по всем делам, где преступление не будет заключать в себе большей важности, как кража, не превышающая 5 руб. и т. д., головы могли судить на мирской сходке домашним образом, за кражи же выше 5 руб. следовало судить уездными судами и оставлять их на работах в уездных городах⁵.

15 июня 1814 г. Правительствующий сенат определил, что в «преступлениях до 5 руб. виновных наказывать домашним обра-

¹ ПСЗРИ. Ст. 15147. 1 собр. Т. 21. СПб., 1830. С. 108

² ПСЗРИ. Ст. 15680. 1 собр. Т. 25. СПб., 1830. С. 875

³ ПСЗРИ. Ст. 19059. 1 собр. Т. 25. СПб., 1830. С. 742

⁴ ПСЗРИ. Ст. 20263. 1 собр. СПб., 1830.

⁵ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 31

зом или легким полицейским исправлением, а свыше 5 до 20 руб. отсылать к суду»¹.

Следующий указ Правительствующего сената от 13 декабря 1820 г. подтвердил право «предоставить иноверцам, обитающим в Сибирских губерниях, право разбираться в кражах скота и других маловажных делах, кроме криминальных дел и смертного убийства, через своих старшин или родоначальников».

Близость к китайской границе, соседство с родственными монгольскими племенами диктовали русскому правительству особый подход в политике по управлению бурятами, направленной на закрепление их подданства при минимальном вмешательстве во внутренние дела и на использование их в охране границ. Надо отметить, что буряты и тунгусы начали нести пограничную службу еще до заключения Буринского договора 1727 г. С заключением же договора сразу же была организована пограничная охрана из 25 караулов, при каждом из которых «состояло 5–10 юрт (семейств) тунгусов или бурят. Наблюдение за пограничными маяками и за переходом за границу скота и людей вверено было инородческим родам и весьма малой части русских, поставленных более для надзора»².

По указу Екатерины от 30 июня 1764 г. для усиления селенгинской и нерчинской границ были сформированы 4 бурятских полка, получивших название бурятского нерегулярного войска, которые находились на полном содержании бурятских обществ. 17 октября 1760 г. был принят Указ Сената об учреждении тунгусского конного полка. Учреждением бурятских и тунгусских полков был успешно разрешен вопрос охраны границ в Забайкалье³.

О влиянии пограничного фактора свидетельствует такой законодательный акт, как Сенатский указ от 24 июля 1766 г. «О ссылке новокрещенных из так называемой братской породы, оказавшихся в смертных убийствах, вечно в работу на Колывановск-ресенские заводы»⁴, который был издан по прецеденту о братском новокрещеном колоднике Логине Панкове, приговоренном за совершение убийства к вечной ссылке на даурские серебряные заво-

¹ ПСЗРИ. Ст. 25605. 1 собр. Т. 32. Ст. 25605. СПб., 1830. С. 825

² Васильев А. П. Забайкальские казаки : ист. очерк : в 3 т. Т. 2. С. 20–21.

³ Там же. С. 20–21.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 12706. 1 собр. Т. 17. СПб., 1830. С. 860.

ды. Эти заводы находились в непосредственной близости к китайской границе, и ссылка братских иноверцев создали бы условия для их побегов в Китай. В связи с этим Сенат приказал всех братских колодников, «дабы оные за границу бежать не могли, ссылать вечно в работу на Колывановоскресенские заводы».

Высочайшая резолюция на доклад Сената от 30 января 1773 г. «Об оставлении кочующих в Сибири иноверцев при древнем их обыкновении делать кумыс и вино кумысное и о запрещении ввозить в Камчатку на партикулярную продажу французскую водку, арак, ром и шром» была принята в ответ на донесение Иркутской губернской канцелярии о прошении содержателя питейных сборов Ивана Савельева о запрете кочующим иноверцам на изготовление ими кумыса и кумысного вина, причиняющего убыток в продаже казенных питей¹. В этой резолюции прослеживается желание российского правительства «переменой древнего их обычая не произвести в них неудовольствия и склонности к каковому-либо по их легкомыслию и по смежности с единовверными с ними китайским народом вредным замыслом»².

О близости границы с Китаем и Монголией говорится в высочайше утвержденном докладе Сената от 22 июня 1775 г. «Об определении в Иркутскую губернию для китайского и монгольского языков одного переводчика, а для бурятского и тунгусского двух толмачей, о содержании при них до 10 человек учеников и о назначении им окладов жалованья из государственных доходов»³, в именном указе, объявленном Президентом Коммерц-коллегии от 17 августа 1800 г. «О дозволении пропускать в Россию книги на тунгусском языке, вымениваемых у китайцев тамошними братскими для отправления богослужения», разрешавшем ввоз книг с условием строжайшего досмотра, «чтобы под видом сим не прокралось чего другого»⁴.

Надо отметить, у русского правительства был неоднозначный подход к разным бурятским ведомствам. По мнению В. П. Гирченко, исследовавшего историю хоринских бурят в первой половине XIX в., именно буряты Хоринского ведомства поль-

¹ ПСЗРИ. Ст. 13944. 1 собр. Т. 19. СПб., 1830. С. 714–718.

² ПСЗРИ. Ст. 13944. 1 собр. Т. 19. СПб., 1830. С. 716.

³ ПСЗРИ. Ст. 14000. 1 собр. СПб., 1830.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 19517. 1 собр. Т. 26. СПб., 1830. С. 264.

зовались определенными преимуществами, продиктованными не только их многочисленностью, богатством и огромными территориями, которые они занимали, но в большей мере их соседством с Монголией: «Пользуясь своим соседством с Монголией, хори-буряты сохранили большую, по сравнению с другими бурят-монгольскими племенами, независимость по отношению к русскому правительству вообще, и к русской восточносибирской администрации в частности, угрожая в случаях недовольства своим уходом за границу, в Монголию»¹.

В 1823 г. М. М. Сперанский, генерал-губернатор Сибири, пишет министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну: «Хоринцы прилегают к китайской границе, и спокойствие их должно быть охраняемо не токмо по уважению собственного их благосостояния, но и по уважениям пограничным. Каждое движение между ними не может быть принято равнодушно для соседей их и однородцев, в смежной с ними китайской Монголии обитающих»².

Такое представление о хори-бурятах заставляло русское правительство обходиться с ними возможно осторожнее и мягче, при этом вести наблюдение за их настроением. Среди бурятских ведомств только у хоринских бурят было законодательно закреплено право собственности на занимаемые ими земли. Они скрупулезно вели учет всех важных законодательных актов о правах собственности на занимаемые ими земли, принятых в их отношении, с даты вхождения в состав Российского государства. Так, хоринские буряты делают ссылки:

1) на указ Петра I от 22 марта 1703 г. «стольникам и воеводам Петру Савичу и Федору Петровичу Мусиным-Пушкиным о приписке братских людей и ясашных (подчиненных или подданных) к Нерчинску, по поводу жалобы их на притеснения русскими людьми, с наказом, чтобы они кочевали на природных своих землях, и быть бы им в вечном ясачном платеже, и чтобы всяких чинов люди, оберегали братских, и в случае споров защищали их от всяких обид»;

2) на патент Петра Великого от 4 июня 1729 г., «жалующий зайсана Шодоя в чин тайши за оказание великого содействия с 11

¹ Гирченко В. П. К истории бурят-монголов-хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. Вып. 1-3. Верхнеудинск, 1928. С. 43.

² Вагин В. Исторические сведения о деятельности ... Т. 1. С. 277.

родами хоринцев послу Иллирийскому графу Савве Владиславичу при установлении границы»;

3) на указ Иркутской провинциальной канцелярии от 3 марта 1749 г. № 1066 тайшам Иринцею Шодоеву и Олборию Дашиеву, запрещающий русским людям притеснять хоринских бурят и доставить право этим бурятам свободно кочевать и занимать все порожние места от Байкала до китайской границы. 25 февраля 1749 г. братские хоринские 11 родов обратились с челобитной в Иркутскую провинциальную канцелярию, в которой жаловались на притеснения со стороны русских людей, поселившихся в самых звероловных и плодородных местах. В Указе было определено: «Вы тайши Иринцей и Олбори по силе дабы за многолюдством в ваших 11 родах ясашных иноверцев, позволить Вам кочевье иметь за Байкалом по сю сторону границы по разным удобным местам свободно, на оное Вам от Нерчинского и Селенгинского канцелярий позволено учинить с таким определением, дабы Вы такое свободное кочевье имели в порозжих местах, где русские жительства не имеют и никому бы того вашего кочевья помешательства не происходило и тайшам Иринцею Шодоеву, Олборею Дашееву о том ведать»;

4) на именной высочайший указ, данный Правительствующему сенату от 17 октября 1799 г., об отведении под русское поселение в южной части Забайкалья самых удобнейших мест по 30 десятин на душу, не касаясь земель между Удинским и Читинским, буде оно занято братскими хоринцами, и других мест, занимаемых кочующими народами;

5) на высочайший указ, данный Правительствующему сенату от 29 июня 1806 г., об уступке хоринскими бурятами своих земель.

Интерес представляет объяснительная записка П. А. Бадмаева от 28 мая 1892 г.¹, поданная председателю Комиссии для рассмотрения ходатайства забайкальских бурят о специально-коштном межевании занимаемых ими земель, о праве собственности хоринских бурят Хоринского и Агинского ведомств. В записке дается юридическая оценка законодательных актов в отношении прав на землю хоринских и агинских бурят, начиная с указа царя Михаила Федоровича от 11 декабря 1623 г. служилым людям о привлечении бурят в российское подданство. Вследствие

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 4–17

этого указа «один из родоначальников 11 хоринских бурят Турукай принял чрезвычайно радушно и ласково четырех казаков, посланных казацким атаманом Василием Колесниковым, впервые явившимся в Забайкалье в 1647 г.».

Далее П. А. Бадмаев перечисляет указ Петра I от 22 марта 1703 г. о праве хоринских бурят на свои породные земли, указы Екатерины Великой от 1763 г.¹ и 1765 г. Важное значение имел для хоринских и агинских бурят указ Александра I, данный Сенату от 29 июня 1806 г., в котором повелевалось: «уступленные хоринскими бурятами земли по р. Ингоде принять для водворения поселенцев, отдав им взамен те земли, на получение коих они, при личном осмотре действительного статского советника Лабы, желание изъявили; все земли хоринским бурятам предоставленные обмежевать без продолжения времени и на всегдашнее владение оными выдать план и грамоту»².

б) на именной указ, данный Тобольскому и Иркутскому генерал-губернатору И. О. Селифонтову от 9 октября 1803 г. «О раздаче землепахотных орудий обитающим в Верхнеудинском уезде бурятам, тайшам, зайсангам и прочим, также некоторым чиновникам Бурятского казачьего войска, изъявившим желание заниматься хлебопашеством, и о ссуде их из сельских запасных магазинов семенами»³.

Положение Комитета министров от 9 декабря 1813 г. «Об избрании голов между ясачными; о разделении комиссарств, о киргизцах, о Туркинских минеральных водах, о штрафах за не предоставление в срок подписок о состоянии запасных магазинов и о квартирных комиссиях в Иркутской губернии» подтвердил положение о ненаследственном характере должности головы у ясачных⁴.

Н. Н. Козьмин, рассматривая законодательную политику Российского государства в отношении инородцев, считает, что до принятия Устава 1822 г. она ограничивалась небольшим количеством указов о приведении их в христианство и двумя инструкциями: 1) инструкцией, данной в 1728 г. С. Л. Владиславичем-Рагузинским пограничным (по китайской линии) дозорщикам,

¹ ПСЗРИ. Ст. 11749. 1 собр. СПб., 1830.

² ПСЗРИ. 1 собр. Ст. 22189. Т. 29. СПб., 1830

³ ПСЗРИ. Ст. 20977. 1 собр. СПб., 1830.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 25494. 1 собр. Т. 32. СПб, 1830. С. 695–697.

Фирсову и Михалеву, о разборе маловажных дел ясачных инородцев; 2) инструкцией, данной за высочайшим предписанием в 1763 г. секунд-майору А. Щербачеву, о ясачной подати. «При этом обе последние инструкции, заключая одно предварительное начертание тех оснований, на коих должны были быть составлены полные правила об инородцах, вовсе не определяли многих необходимых подробностей»¹.

Первый из приведенных выше документов, в котором излагались правовые основы управления ясачными народами, инструкция пограничным дозорщикам, составленная 22 июля 1728 г. С. Л. Владиславичем-Рагузинским. Главные положения инструкции сводились к следующему:

1) малые дела: споры о калыме, воровстве, драке и пр., за исключением «криминальных» дел и убийств, подлежали суду бурятских начальников, что было продиктовано целью царской администрации, «дабы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли»; «когда дело малое», суд мог вершить один начальник, а «когда побольше», то назначали из трех родов по два начальника для судебного процесса²;

2) ясак собирался натурой или деньгами по его действительной стоимости; сбор производился через бурятских начальников;

3) каждый бурят был обязан числиться в каком-нибудь роде под ведением своих начальников и подчиняться им; перебежка из одного рода в другой запрещалась; бежавших возвращали в те роды, к которым они были приписаны.

Данная Инструкция стала одним из первых административно-правовых актов, предназначенных для регулирования отношений государства с его подданными – бурятами. Как отмечает А. А. Елаев, значение Инструкции вышло за рамки, первоначально определенные ей. Разработанная для конкретных задач управления инородцами на приграничных территориях, на практике она превратилась в директиву для всей администрации края и стала основным правовым документом, регулировавшим внутреннюю жизнь бурят и их взаимоотношения с государством, наряду с другими актами, вплоть до принятия Устава 1822 г.³

¹ Козьмин Н. Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак ... С. 155.

² ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 30об.

³ Елаев А. А. Бурятский народ ... С. 68.

Следующий документ, определявший порядок управления и суда для сибирских народностей, – это Инструкция капитану А. Щербачеву, командированному Екатериной II в Сибирь в 1763 г. для урегулирования ясачных сборов у жителей Сибирской губернии и Иркутской провинции «для отвращения происходящих там непорядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака»¹. Инструкция определяла порядок сбора ясака, предоставив решение вопросов по раскладке податей и повинностей, земельных, судебных и других дел сугланам, руководствовавшимся нормами обычного права. Важным пунктом Инструкции было «веление по всем принесенным от ясачных жалобам кратчайшим способом» решать по справедливости и по законам, а не в форме суда². По мнению М. М. Федорова, Инструкция А. Щербачеву сыграла решающую юридическую роль в установлении новой системы общественного управления. Этим актом предусматривалось учреждение сугланов «по примеру кочующих» хоринских бурят³.

Существовала третья инструкция, которая редко упоминается исследователями в числе законодательных документов, это Инструкция, данная господину действительному тайному советнику, Тобольскому и Иркутскому генерал-губернатору И. О. Селифонтову от 23 мая 1803 г. «Об образе управления сими губерниями»⁴. Инструкция существенно расширяла его права, ее основные принципы сводились к упорядочению и усилению местного управления. Генерал-губернатор именовался «хозяином» вверенных губерний, он мог собирать совет из высших чиновников края, но при этом не должен был быть связан с их мнением. Согласно Инструкции И. О. Селифонтов имел право назначать и увольнять местных чиновников, кроме губернаторов, вице-губернаторов и начальников губернских палат. В отношении сибирских аборигенов пункт 9 Инструкции подтвердил силу Инструкции пограничным дозорщикам от 22 июля 1728 г. С. Л. Владиславича-Рагузинского: «Многими указами и другими актами повелено было оставить ясачных при их собственных правах и обычаях, кото-

¹ ПСЗРИ. Т. 16. СПб., 1830. С. 153–154

² ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 31

³ Федоров М. М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII– начало XIX в.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. С. 118.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 20771. 1 собр. СПб., 1830.

рыми сами бы они разбирались во всех маловажных своих делах, не привлекая их к тяжбе и волоките по судному обряду доколь не последует о сем надлежащего постановления. Вы должны подтвердить, чтоб отнюдь никто не вмешивался в таковые дела ясачных, исключая уголовных или подлежащих особенной важности, в таких случаях должны они судимы быть по общим государственным узаконениям».

О значимости инструкций для бурятского общества свидетельствуют архивные документы – общественные приговоры, в которых имеются ссылки на инструкции в вопросах судопроизводства и замещения должностей¹. Формально эти инструкции ограничивали вмешательство чиновников во внутренние дела народов Сибири, фактически же «все управление ... перешло большею частью в зависимость от земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям»².

Кроме инструкций, существовали указы местной администрации по отдельным судебным и административным вопросам. Так, Указом Государственной коллегии иностранных дел Иркутской губернии от 8 ноября 1729 г. земским комиссарам и пограничным комендантам было запрещено притеснять и грабить ясачных подданных, чтобы «тех иноверцев не озлоблять и за границу не отгонять»³.

Указом Государственной коллегии иностранных дел Иркутской провинциальной канцелярии от 9 июля 1754 г. было предписано: «Ежели кто из подчиненных ясачных братских и тунгусов пойман будет в краже и в отгоне у ясачных же, или у русских людей конного и рогатого скота, и таковым ворах учинить надлежащее по их обыкновению наказание, по наказании править с них и отдавать истцам, ежели в том между собой полюбовно не помирятся в силе договорных статей в унятие других (кроме заграничного у китайцев и мунгал воровства), за каждую скотину по три головы такого же роду, какова была покрадена, и когда за сим подтверждением более оного будет взыскано и в том на них тайшей и зайсанов и шуленг просьбы, или от кого донос последует,

¹ Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века / под ред. и с примеч. В. П. Гирченко. Верхнеудинск, 1926. Вып. 1. С. 18–22.

² История Сибири. Т. 2. Л., 1968. Т. 2. С. 310–311.

³ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 30об.

того, кому оной по суду отдать велено, воеводским канцеляриям возвращать тому, у кого взять будет, а с них, тайшей, зайсанов и шуленг за такое их по не указам осуждение взять в казну Ее Императорского Величества штрафу такое же число голов, сколько истцу ими присуждено будет, сверх указанных трех излишних отдать»¹.

Указ Иркутского губернского правительства от августа 1812 г. по рассмотрении прецедента, когда волостные старшины, награжденные медалями и донатами Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, приговаривались за невнесение казенными селениями недоимки, заключались в работные дома, предусматривал их задержание в городской полиции вместо работного дома².

Указ Иркутского губернского правительства от 17 июля 1817 г., принятый по прецеденту о чинимых якобы титулярным советником Климонтовичем и бывшим чиновником Кычкиным якутам налогов и притеснениях, приказывал, чтобы без ведома старшин и их местного начальства «никто не осмеливался задолжать якутов и других иноверцев» под опасением в противном случае потери своего иска³.

Июньский Указ 1817 г. из Иркутского губернского правительства также был принят по прецеденту: «Может ли засватанная братская девка и впоследствии времени приведенная в грекороссийское исповедание Марья быть в замужестве за некрещеным братским Хандреевым?» В связи с этим Иркутское губернское правительство запросило мнение Иркутской духовной консистории, которая ответила следующее: «Поелику означенная новокрещеная девка, будучи еще в малолетстве некрещеной отцом и матерью, по иноверческому обыкновению просватана за братского Хандреева за калым, полученный от него оными отцом и матерью, состоящего в 80 скотинах и 50 руб. денег, и впоследствии времени она девка по собственному ее желанию посвящена святым крещением, которой ныне от роду 17 год и как она, так и братский Хандреев имеют желание вступить в брак ... дозволить можно». Основным мотивом разрешения такого брака было возможное будущее крещение мужа, что является немаловажным фактором в процессе христианизации иноверческого населения⁴.

¹ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 30об.-31

² ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 26.

³ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 20-20об.

⁴ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 39об.

Необходимо отметить еще два документа, имеющих законодательную силу для инородцев; Это положения, разработанные иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным в 1812 г.: 1) Положение, учиненное господином Иркутским гражданским губернатором и кавалером в подтверждение и постановление в действие узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управлений; 2) Правила для прекращения несогласий и разврата в супружеской жизни иноверцев, Иркутскую губернию населяющих.

Положение, учиненное господином Иркутским гражданским губернатором и кавалером в подтверждение и постановление в действие узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управлений имело важное значение в политике правительства в отношении управления бурятами¹. Этим правовым актом закреплялся наследственный принцип передачи родовыми начальниками своих прав: «Назначение иноверческих родоначальников, согласно с приведенными узаконениями и собственной их пользой, должно быть наследственно из мужского колена семейства родоначальника». Согласно Положению преемником должности родоначальника являлся его старший сын. В случае же доказанной его недееспособности на место родоначальника заступал ближайший родственник по прямой линии. Малолетство сына или ближайшего родственника не являлось препятствием для его назначения на должность, до его совершеннолетия общество могло избрать «лучшего и способнейшего из ближних родственников его или же, в случае невозможности, из посторонних лучшего качества в правители рода, или временным родоначальником, который вместе с тем обязан иметь попечение в образовании малолетнего»². Как отмечает Е. М. Залкинд, Положение играло по существу роль «избирательного закона» в течение длительного времени³.

Положение Н. И. Трескина также расширило судебные функции родоначальников, предоставив им собственное разбирательство в «малых делах». Местное начальство могло вмешиваться в судебные дела только в случае, когда «иноверец сочтет себя ре-

¹ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 12-18

² ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 12об.

³ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 285.

шением своего родоначальника и даже тайши, или улусного Головы явно обиженным, и принесет о том словесную жалобу земскому чиновнику, и тогда сей последний, не допуская иноверца до судебного места, обязан склонять родоначальников к новому и подробнейшему разбирательству, или к назначению с общего обеих сторон согласия третейского суда»¹, решение которого было окончательным. Расширение судебной власти родоначальников вводилось Н. И. Трескиным с целью освобождения «иноверцев от продолжительной тяжбы в судебных местах».

Правила для прекращения несогласий и разврата в супружеской жизни иноверцев, Иркутскую губернию населяющих, составленные иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным в 1812 г., были призваны регулировать семейно-брачные отношения у инородцев². Поводом для принятия Правил стали «беспорядки, происходящие между братскими со стороны мужей и жен от худого их сожития», и их беспрестанные разбирательства начальством. Сами правила составлены как ответ на мнение Пандито Хамбо-ламы Забайкалья Жамсуева по вопросу о принятии мер к прекращению бракоразводных процессов. Пандито Хамбо-лама отозвался, что «надежнейшим средством прекратить побегу жен от мужей своих» является заключение браков «с позволения ученейших лам, кои руководствуются хиромантическими правилами, значущимися по священным книгам их», и разбирательство бракоразводных дел только буддийским духовенством³.

Правила состояли из семи пунктов:

- 1) браки должны заключаться по взаимному согласию сторон;
- 2) устанавливался брачный возраст для мужчин – 15 лет, для женщин – 13 лет; допускалось снижение возраста по усмотрению родственников;
- 3) в отличие от мнения Пандито Хамбо-ламы о запрете вдовцам жениться, приветствовалась женитьба вдовца, имеющего малолетних детей, «дабы иметь помощницу при воспитании их»⁴;
- 4) браки должны быть основаны на взаимной любви и привязанности, не на «прорицаниях хиромантии»;

¹ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 12об.

² ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 37–38об.

³ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 37

⁴ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 38

5) бракоразводные дела должны разбираться родственниками и лучшими родоначальниками; ламы же, «как люди духовные и по закону своему не женатые, не должны иметь никакого участия, ибо судить о делах сего рода без пристрастия не могут»¹;

6) каждый иноверческий родоначальник должен хорошим поведением и согласной жизнью со своей женой служить примером для своих подчиненных;

7) для женщин, на которых не действуют вышеупомянутые меры, «предавать по общим узаконениям суду и подвергать той же взыскательности, какая определена для всех вообще русских непотребных женщин»².

Таким образом, на основании этих инструкций, указов, положений и правил, основывающихся на принципах невмешательства во внутренние дела сибирских аборигенов, сохранения норм обычного права и традиционного уклада их жизни, происходило управление сибирскими народами до принятия Устава 1822 г.

Правовые акты XVIII – начала XIX в. возложили на сибирских инородцев, кроме обязанности по уплате налогов, обязанности по несению службы в пограничных караулах, выставлению по первому требованию дополнительных вооруженных отрядов, участию в строительстве крепостей и иных оборонительных сооружений, обеспечению подводами и проводниками перевозок вооруженных отрядов, экспедиций, снаряжения, продовольствия, почты и других грузов, строительству и ремонту дорог, содержанию станций и пунктов на этих трактах.

Местное начальство могло вмешаться во внутренние дела инородческих ведомств только в случаях, когда иноверец сочтет себя решением своего родоначальника и даже тайши или улусного головы явно обиженным и принесет о том словесную жалобу земскому чиновнику, но и тогда чиновник, не допуская иноверца до судебного места, обязан склонять родоначальников к новому и подробнейшему разбирательству или к назначению с общего с обеих сторон согласия третьей стороны суда как из своего рода, так и с других родов, смотря по важности дела. Все это делалось для того, чтобы освободить иноверцев от продолжительной тяжбы в судебных местах. Тем не менее, надо отметить, что, стараясь избе-

¹ ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 38об.

² ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 38об.

гать прямого воздействия в делах внутреннего управления, царская администрация четко регламентировала налоговые сборы с населения Сибири.

Увеличение населения Сибири в начале XIX в., возрастание значения Сибири как места ссылки, социально-экономические сдвиги в развитии нерусских народов – все это вызывало необходимость организации более сложной и гибкой системы управления.

В 1819 г. сибирским генерал-губернатором был назначен М. М. Сперанский с целью проведения административных и социально-экономических преобразований. В Петербург поступали сведения о злоупотреблениях и беспорядках в Сибири, нехватке продовольствия, развале административного аппарата. Сперанскому поручалось провести ревизию всей сибирской администрации с правом устранения губернаторов от управления. В ходе ревизии были выявлены многочисленные злоупотребления губернатора И. Б. Пестеля и его помощника Н. И. Трескина, которые были преданы суду. Ревизия подтвердила необходимость административных реформ, вызванных, по мнению М. М. Сперанского, отсутствием законов.

Для рассмотрения материалов, собранных М. М. Сперанским, указом от 21 июня 1821 г. был образован Сибирский комитет¹. Результатом работы Сибирского комитета была реформа всех звеньев сибирского управления, осуществленная в июле 1822 г. принятием разработанных под руководством М. М. Сперанского законодательных актов: Учреждения для управления Сибирских губерний; Устава об управлении инородцев; Устава о ссыльных; Устава об этапах в Сибирских губерниях, Устава о сибирских городских казаках; Положения о земских повинностях в Сибирской губернии, Положения о казенных хлебных запасных магазинах и др.²

Устав об управлении инородцев – основной законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до начала XX столетия. Как отмечает Л. М. Дамешек, Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту

¹ ПСЗРИ. Ст. 28706. 1 собр. Т. 37. СПб., 1830.

² Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 240.

роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи¹.

В основу Устава были положены следующие принципы: 1) разделение инородцев на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие); 2) предоставление обширного самоуправления коренным народам Сибири, ограничение опеки над ними со стороны русской администрации и полиции; 3) уничтожение торговой монополии чиновников, упорядочение займов у инородцев, введение свободной торговли с инородцами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; 4) упорядочение порядка найма на работу инородцев; 5) количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие с экономическими потребностями каждого народа и впредь основываться на данных «общей ревизии, по временам производимой».

Устав состоял из четырех разделов: о правах инородцев, о составе управления, о наказе управлению и о порядке сбора податей и повинностей – и имел в общей сложности 43 главы и 372 параграфа. Устав об инородцах подразделил все нерусские народы Сибири на три категории – бродячих, кочевых и оседлых – и законодательно ввел термин «инородцы».

К разряду оседлых Устав относил народы, живущие в городах и селениях, основными занятиями которых было земледелие и торговля. Оседлые инородцы, занимающиеся свойственными земледельцам упражнениями, приравнивались к сословию государственных крестьян, сравниваясь с ними во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской, от которой они освобождались.

Значительное место в Уставе уделено кочевым народам (бурятам, якутам, хакасам, остякам, вогулам, тунгусам). Разряд кочевых составляли коренные жители, «занимающие определенные места, по времени года переменяемые», т. е. ведущие полуседлый образ жизни. Кочевые жители составляли «особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оногo в образе управления»².

¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 35.

² Там же. С. 396.

Третью группу коренного населения составляли бродячие инородцы (охотничьи и оленеводческие народы Крайнего Севера), переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам.

Основной целью разрядной системы являлся переход бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых инородцев¹. Перевод инородцев в разряд оседлых преследовал цель защиты фискальных интересов самодержавия, так как он сопровождался возведением в более высокий оклад государственных крестьян. Наряду с этим разрядная система преследовала и ассимиляторские цели. Однако нельзя не отметить, что приравнивание народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых была основана на успехах хлебопашества, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Вторая часть Устава посвящена организации управления народами Сибири, учреждалось трехступенчатое административное устройство: родовое управление, инородная управа, степная дума. Следующий раздел Устава посвящен наказу за управлениями инородцами и рассматривал обязанности родовых управлений, инородных управ и степных дум, обязанности земской полиции по управлению инородцами. Оценивая в целом систему органов инородческого местного самоуправления, можно сделать вывод о том, что они являлись частью государственной системы управления России.

Судебные функции органов управления состояли в исполнении определений высших мест по делам гражданским, уголовным, разборе незначительных гражданских дел. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г., инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Устав об инородцах предусматривал сбор сведений о степных законах и дальнейшую кодификацию норм обычного права. Недостаток в степных законах при решении дел восполнялся российскими общегосударственными законами².

Важное место в Уставе об инородцах отводится экономической политике правительства, которая определялась финансовы-

¹ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 397.

² ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 398.

ми интересами самодержавия. Наряду с регламентацией сбора налогов Устав провозгласил принцип свободной торговли, согласно которому инородцам разрешалась свободная торговля «всеми припасами и изделиями, кроме «горячих напитков»¹, не только на ярмарках и сугланах, но и в городах и селениях. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников, служащих в той же губернии, с инородцами, «под каким бы то предлогом и видом ни было»².

Устав регламентировал государственные, земские, уездные и местные сборы. Важное значение для инородцев имело положение о том, что «никакой новый по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет определено»³. Наряду с денежным взносом разрешалось сдавать ясак и пушниной, которая при этом подразделялась на два сорта – обыкновенную и дорогую. Ясачный сбор следовало вносить деньгами или «рухлядью» в инородное управление или непосредственно в земский суд.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и подлежало утверждению генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного местным главным управлением.

Ряд статей Устава был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии Устав стоял на позициях веротерпимости. Устав отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства, земским властям запрещалось стеснять инородцев под предлогом обращения в христианскую веру. Некрещеные аборигены получали свободу «отправлять богослужение по их закону и обрядам»⁴. Вместе с тем Устав подчинял иноверческое духовенство местной полиции наряду с прочими инородцами. Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем Устав не надеялся никакими преимуществами крестившихся инородцев. Поло-

¹ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 397.

² ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 397.

³ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 411.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 410.

жительным моментом Устава было предоставление инородцам права отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

Высочайше утвержденное Положение о земских повинностях в Сибирских губерниях от 22 июля 1822 г. упорядочил раскладку и сбор земских повинностей¹. Денежные земские повинности разделялись на постоянные (содержание почтовых подвод и помещений, земских и этапных подвод и рабочих дорожных команд) и временные (устройство воинских, этапных, почтовых и тюремных помещений). Смета и раскладка земских повинностей утверждались в губернском или областном совете на каждое наступающее трехлетие, и никакие другие сборы в губернии не допускались без утверждения. Положение ввело важные улучшения в содержании земских подвод, дорог и мостов, почти уничтожив натуральные повинности, которые служили источником многочисленных злоупотреблений. Согласно Положению, вводился новый порядок исполнения повинностей, учреждались два вида публичных торгов, с тем чтобы в окончательном результате предпочтение отдавалось тем из них, которые окажутся выгоднее для земства. Однако в связи с приостановлением ввода в действие Устава о сухопутных сообщениях дороги остались на натуральной повинности населения.

Важное значение в хозяйственном развитии инородческих ведомств имело изданное в 1822 г. Положение о казенных хлебных запасных магазинах², согласно которому магазины делились на постоянные и временные. Первые наполнялись положенным количеством хлеба ежегодно, вторые учреждались только в неурожайные годы. Число магазинов и количество запасов определялось расписанием, которое могло быть изменено главным управлением магазинами, подчинявшимся в губернии губернатору, на местах – городничим и исправникам.

Хлеб для магазинов заготавливался или с торгов, или «хозяйственным распоряжением из первых земледельческих рук». Договоры заключались преимущественно с целыми обществами с выдачей вперед под круговую поруку их всей договорной платы. В городах запасы должны быть всегда открыты для пособия бедным с наложением 6 % прибыли на заготовительную цену, а кочевым и

¹ ПСЗРИ. Ст. 29132. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 545–550.

² ПСЗРИ. Ст. 29133. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 550–557.

бродячим инородцам продажа хлеба производилась в случае не улова рыбы и зверя и при недостатке обыкновенных их способов пропитания на наличные деньги или звериные шкуры после оценки их на ярмарках и сугланах или же в долг на известные сроки.

Надо отметить, что Положение о казенных хлебных запасных магазинах было составлено М. М. Сперанским на основе существовавших до него материалов. Во-первых, по высочайше утвержденному докладу министра внутренних дел от 20 января 1805 г. на местное начальство было возложено попечение об устройстве запасных магазинов в Иркутской губернии и на расходы по этому предмету было отпущено заимообразно от казны 200 тыс. руб. На основании этого доклада Тобольский и Иркутский генерал-губернатор И. О. Селифонтов составил подробные правила для управления магазинами о разделении магазинов на запасные и подставные, о покупке хлеба заблаговременно и из первых земледельческих рук и о постройке магазинов в безопасных от огня и воды местах.

Во-вторых, иркутский генерал-губернатор Н. И. Трескин, основываясь на десятилетним опытом, особенно на примерах последних неурожайных лет, представил 27 декабря 1816 г. проект положения о хлебных магазинах, который возводил в закон существовавшую государственную монополию в хлебной торговле. Проект был представлен в Государственный совет, однако был отклонен как вредный для свободной торговли.

Важную роль в упорядочении сделок между народами Сибири сыграло высочайше утвержденное Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в Сибирских губерниях между обывателями разных сословий от 22 июля 1822 г.¹ Как отмечалось в Положении, в Сибири по особенному свойству промыслов долговые обязательства между крестьянами, поселенцами, инородцами и торговыми людьми составлялись словесно, поэтому не могли подлежать общему порядку судебного разбирательства. Это приводило к многочисленным злоупотреблениям и подлогам, обращению обывателей в неоплатных должников.

Положение состояло из трех глав: 1) О наймах на работу; 2) О займах (денежных); 3) Отдача в оброчное содержание. Названия глав отражали три вида долговых исков крестьян и инород-

¹ ПСЗРИ. Ст. 29133. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 557–565.

цев. Наймы на работу составляли все денежные одолжения, заключающие в себе условие заработать взятые деньги. Договоры наймов инородцев заключались лично, составлялись письменно или словесно, но обязательно должны были быть зарегистрированы в родовом управлении, инородной управе или степной думе при двух свидетелях.

Денежные займы производились или наличными деньгами, или вещами, в цену положенными. Важным фактором было запрещение чиновникам, служащим в губернии, вступать в долговые обязательства с крестьянами и инородцами, что должно было устранить многочисленные злоупотребления со стороны начальства. Все денежные займы регистрировались и обеспечивались обязательствами: 1) должны быть написаны на гербовой бумаге; 2) с указанием занятой суммы; 3) с указанием срока платежа; 4) с одобрением и поручительством членов волостного правления или инородной управы.

В целом Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях между обывателями разных сословий, регулировало все роды экономических сделок сельского и инородческого населения и сыграло важную роль в устранении многочисленных злоупотреблений.

Реализация реформы 1822 г. выявила несовершенство многих его пунктов и потребовала многочисленных уточнений и исправлений, поэтому в 30–40-е гг. XIX в. наблюдается всплеск законодательной активности. Приход к власти Николая I также способствовал количественному увеличению законодательных актов. Законодательные акты внесли изменения в Устав 1822 г., 1832 г., 1842 г., затем в 1857 г. были изданы Своды законов об инородцах с внесенными изменениями. Наиболее значимым по количеству внесенных изменений является Учреждение управления инородцев, принятое в 1857 г. (далее – Свод 1857 г.)¹.

Свод законов об инородцах 1857 г. состоит из 7 разделов и 843 статей. 176 статей первой главы посвящены вопросам управления сибирскими инородцами. В свою очередь глава первая состоит из 2 отделений: 1) состав управления сибирских инородцев; 2) наказ управлению инородцев. Свод 1857 г. сохранял трехсту-

¹ Учреждение управления инородцев // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 2, ч. 2.

пенчатое управление инородцев «родовое управление – инородная управа – степная дума», определял их обязанности и обязанности земской полиции по управлению инородцами, порядок сбора податей и повинностей с инородцев и т. д.

В период с июля 1822 г. по 1857 г. было принято более 50 законодательных актов, которые в той или иной мере касались управления кочевыми народами, в том числе бурятами, дополнивших Устав об инородцах 1822 г. Важное значение в дальнейшем упорядочении сбора ясака, других податей и повинностей имело принятие законов, таких как:

1) именной указ, данный министру финансов, от 21 июня 1827 г. «Об освобождении сибирских оседлых инородцев от всех ясачных и других сборов, коим они подлежали до Устава 1822 г., и о ежегодной передаче из Государственного казначейства в Кабинет ЕИВ той суммы, которая с них собирается в оброчную подать»¹;

2) 13 декабря 1827 г. были изданы именной указ, данный Генерал-губернатору Западной Сибири, «О подчинении Главным Сибирским управлениям Комиссий, посланных в Сибирь для составления окладных ясачных книг»² и «Общее наставление Комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг»³. Согласно Указу учреждались и направлялись в Западную и Восточную Сибирь комиссии для составления новых окладных ясачных книг взамен устаревших окладов 1763 г.

Главным предметом комиссий являлось обложение ясаком кочующих и бродячих инородцев. Было определено, что до утверждения новой окладной книги инородцы платят подать по положению 1763 г. согласно Уставу 1822 г. (§§ 306–365). В особом наставлении этим комиссиям было указано, что инородцы должны быть разделены на три разряда по Сибирскому учреждению. При этом отмечалось, что по учреждению предлагалось обложить оседлых податью наравне с государственными крестьянами, а «для кочевых и бродячих, сохранив и определив точностью права их и обязанности и утвердить внутреннее их управление на точных основаниях, распространить свободу промышленности и

¹ ПСЗРИ. Ст. 1197. 2 собр. СПб., 1830.

² ПСЗРИ. Ст. 1610. 2 собр. Т. 2. СПб., 1830. С. 1061.

³ Там же. Ст. 1611. С. 1061–1069.

доставить более удобства к сбыту и платежу податей», а количество сборов основать на общей ревизии, производимой по временам. Комиссии должны были удостовериться в правильности разделения инородцев на разряды по Уставу 1822 г., узнать о причинах накопления на некоторых родах недоимок, принимать от инородцев просьбы об их общих нуждах и особенно жалобы на неправильное завладение их угодьями и на злоупотребления окружных и родовых управлений.

Родовым старшинам оставляли право на получение наград от правительства за исправный сбор платежей. Комиссия определила, что ясак можно вносить другими зверьями, часть зверьями, часть деньгами или одними деньгами. От платежа освобождались по ревизии умершие, престарелые (старше 50 лет), выбывшие из рода по разным причинам. Эти законодательные положения указа составили статьи 47, 133, 137, 143, 145 Свода законов 1857 г.;

3) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. «О передаче подушной подати с сибирских инородцев из Кабинета в Государственное казначейство»¹, которое постановило: «44-копеечную подушную подать, принадлежащую по приложениям 1797 и 1806 гг. Государственному казначейству и взимаемую ныне с кочевых и бродячих инородцев Кабинетом в общей массе ясака, ежегодно передавать из Кабинета в казначейство»;

4) высочайше утвержденный доклад министра императорского двора и финансов от 3 марта 1835 г. «О вновь положенных на кочевых и бродячих инородцев окладах звериными шкурами и деньгами», согласно которому кочевые и бродячие инородцы должны были вносить ясак, поступающий в Кабинет Его Величества, деньгами и звериными шкурами, в особых случаях заменять шкуры деньгами²;

5) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «Об окладе податями и земскими повинностями семейств инородцев в Сибири, переходящих из кочевого в оседлое состояние» от 31 декабря 1836 г., определившее, что инородцам, переходящим в оседлое состояние, в качестве поощрения разрешить пла-

¹ ПСЗРИ. Ст. 5720. 2 собр. Т. 7. СПб., 1833. С. 816.

² ПСЗРИ. Ст. 7917. 2 собр. Т. 10. СПб., 1836.

тить подати и ясак как кочевым до наступления новой ревизии, после ревизии – облагать на общем основании¹;

6) высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное министром финансов «Об обложении земскими повинностями инородческих семейств в Сибири» от 26 июля 1838 г., утвердившее «обложение инородческих семейств сбором на земские повинности на том самом основании, как и ясаком, возвышая токмо оклад по соразмерности; семейства, перешедшие в оседлое состояние, облагать оными по окладам волостей, в кои они вступили за те только души, которые будут обязаны до новой ревизии платить подати по положению Сибирского комитета от 31 декабря 1836 г. ... взимание земского сбора по сей части Сибири начать с 1842 г.»²;

7) именной указ, данный Сенату, «О переложении на серебро разных податей и сборов» от 9 ноября 1839 г., о переводе всех платежей с 1 января 1840 г. на серебро³.

Важным стимулом к крещению инородцев послужили:

1) высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 17 июня 1826 г. «О выгодах, предоставляемых иноверцам магометанского или языческого закона, принимающим святое крещение»⁴;

2) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступивших в христианскую веру» от 23 декабря 1832 г., постановившее, что вместе с освобождением от платежа податей в течение трехлетней льготы вычитать из общего родового сбора и таковую же часть ясачной подати⁵.

Устав 1822 г. установил порядок надзора губернского начальства за инородцами, предусматривавший обязательное посещение гражданским губернатором их стойбищ один раз в год⁶. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об обозрении Тобольской и Томской губерний и состоящего в Енисейской губернии Туруханского края в два года один раз» от

¹ ПСЗРИ. Ст. 9823. 2 собр. Т. 11, отд-ние 2. СПб., 1837. С. 368–369.

² ПСЗРИ. Ст. 11438. 2 собр. Т. 13, отд-ние 2. СПб., 1839. С. 31.

³ ПСЗРИ. Ст. 12867. 2 собр. Т. 14, отд-ние 1. СПб., 1840. С. 839.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 409. 2 собр.

⁵ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1833. Т. 7. Ст. 5847. С. 918–919.

⁶ ПСЗРИ. 1 собр. СПб., 1830. Т. 38. Ст. 29126. С. 411.

11 ноября 1830 г.¹ установило новую периодичность посещения губернатором инородцев: «Губернатор обязан сам лично, или через доверенного чиновника по его выбору, один раз в два года посещать стойбища инородцев или места, с которыми они могут иметь сообщение»².

Важную роль в дальнейшем развитии свободной торговли инородцев сыграло высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О свободе торговли с сибирскими инородцами» от 6 ноября 1831 г., в котором строго предписывалось начальникам Восточной Сибири отменить все меры, ограничивающие свободную торговлю³. По ходатайству начальника Якутской области генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский входил с представлением в Сибирский комитет об отмене постановленных в Сибирском учреждении правил о свободе торговли с инородцами. Торговля с инородцами подвергалась всяческому стеснению со стороны местных полиций, которые запрещали торговым людям проникновение в инородческие ведомства без разрешительных билетов, выдаваемых земской полицией.

Царское правительство в своей политике по отношению к народам Сибири опиралось на родовую аристократию, предоставляя почетным инородцам различные льготы и привилегии. Подтверждением служит принятое 1 ноября 1832 г. Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «Об освобождении от ясака детей и внучат тех инородцев сибирских, кои пользуются правами личного дворянства»: «Согласно Высочайшему Манифесту от 10 апреля 1832 г. о почетном гражданстве⁴, законные дети сибирских инородцев, рожденные по получении их отцами их чинов, с коими сопряжено личное дворянство, принадлежат по праву рождения к почетному гражданству потомственному и должны пользоваться свободой от платежа подати»⁵.

Значительные изменения в Устав были внесены высочайше утвержденным уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. По Уставу 1822 г. уголовные дела

¹ ПСЗРИ. Ст. 4088. 2 собр. Т. 5, отд-ние 2. СПб., 1832. С. 364–365.

² Учреждения управления инородцев издания 1857 г. С. 19.

³ ПСЗРИ. Ст. 4922. 2 собр. Т. 6. СПб., 1832.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 5284. 2 собр. Т. 7. СПб., 1833. С. 193.

⁵ ПСЗРИ. Ст. 5721. 2 собр. Т. 7. СПб., 1833. С. 816–817.

словесным судом не разбирались¹. Согласно Приложению IV к статье 173 уложения, было внесено дополнение о том, что все кочующие и бродячие сибирские инородцы за преступления и проступки менее важные судились по их обычаям и приговаривались к наказаниям по общим законам империи, если преступление или проступок совершены не в местах их кочевья, а в городе, селениях. Инородцы могли отдаваться на военную службу, если законом определялся этот вид наказания².

Царское правительство стремилось контролировать деятельность родоначальников во избежание злоупотреблений с их стороны. 9 апреля 1845 г. было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное министром государственных имуществ, о порядке удаления от исполнения должностных обязанностей. На основании этого мнения было внесено дополнение, предусматривавшее освобождение от должностных обязанностей в случае наличия долга, когда должник не имел других средств к его уплате, кроме поступления на срочную работу. В этом случае уволенный не лишался на будущее время права быть избранным на общественную службу³.

Важным дополнением в инородческое законодательство стало Положение Сибирского комитета от 4 июня 1853 г. «О порядке избрания Сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выбору», по которому разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием»⁴.

В целом по новому Своду 1857 г. управление инородцами не претерпело значительных изменений. Изменения коснулись статей о налогообложении инородческого населения.

Большое значение в улучшении административной системы бурятских ведомств и их взаимоотношений с вышестоящим начальством имело высочайше утвержденное положение об управлении Забайкальской областью и образовании Забайкальской области с административным центром в г. Чите от 11 июля 1851 г.: «...

¹ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 401.

² ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1845. Т. 20. Ст. 19284. С. 1008–1009.

³ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1845. Т. 20, отд-ние 1. Ст. 18908. С. 316.

⁴ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1853. Т. 28., отд-ние 1. С. 279.

Признав полезным некоторым частям Восточной Сибири дать новое устройство, повелеваем: 1. Из Забайкальских округов Иркутской губернии: Верхнеудинского, за исключением Троицко-савска и слобод Кяхтинской и Усть-Кяхтинской с прилегающими к ним землями и Нерчинского образовать особую Забайкальскую область с учреждением Областного управления в Чите, которое возвести на степень областного города...»¹.

Образование Забайкальской области позволило создать новый управленческий центр, способный принимать важные военно-политические и экономические решения, не отягощенный сложной системой учреждений и делопроизводства. Административное преобразование упростило управление, предоставив губернаторам больше самостоятельности, значительно ускорив и уменьшив делопроизводство, сократив расходы казны. Согласно этому положению Хоринская, Агинская, Кударинская, Баргузинская и Селенгинская степные думы вошли в состав Забайкальской области.

Надо отметить высочайше утвержденное положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири от 15 мая 1853 г., которое не было внесено в Свод законов Российской империи². Положение утвердило список из 34 буддийских дацанов, обязательный штат комплектных лам и ховараков для них. Должность Пандито Хамбо-ламы как главы ламайского духовенства Восточной Сибири являлась выборной. Выборы обязательно должны были проходить при Селенгинской степной думе на альтернативной основе. Кандидатур должно было быть три, среди основных требований – наличие необходимых познаний и качеств, а также неперемненное знание русского языка. Пандито Хамбо-лама непосредственно подчинялся генерал-губернатору Восточной Сибири. Его резиденцией официально был утвержден Тамчинский (Гусиноозерский) дацан. Положение не только регламентировало количество штатных служащих, но и запретило строительство новых дацанов без разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири.

Вступление России на путь капитализма оказало сильное влияние на развитие сибирских окраин. Административная система, призванная обеспечить проведение колонизаторской политики царизма, взыскание податей и повинностей, ведать катор-

¹ ПСЗРИ. Ст. 25394. 2 собр. Т. 26. Отд-ние1. СПб., 1852. С. 476–479

² ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 539.

гой и ссылкой, казенными заводами, проводить закупки для казны, не отвечала новым условиям. Появляются идеи коренной реформы управления инородцами на русификаторских началах. Однако начавшаяся Крымская война и отмена крепостного права отодвинули Сибирь в круг государственных интересов на второй план. После поражения России в Крымской войне остро встал вопрос о поисках дополнительных источников пополнения государственной казны. В этих условиях самодержавие вновь обратилось к Сибири.

С 1857 по 1892 г. было принято более 60 законодательных актов в отношении сибирских инородцев, внесших изменения и уточнения в Учреждение управления инородцев 1857 г., и в 1892 г. было издано Положение об инородцах с учетом внесенных изменений.

Положение состояло из 4 разделов: 1) о сибирских инородцах; 2) об инородцах Архангельской губернии, именуемых самоедами; 3) об инородцах в губерниях Ставропольской и Астраханской; 4) об управлении киргизов, кочующих в степях между Каспийским морем, землей Уральского казачьего войска и губернией Астраханской, включавших 588 статей.

Непосредственно управления бурятами касается 224 статьи первого раздела, состоявшего из двух глав: 1) о правах сибирских инородцев; 2) учреждение управления сибирских инородцев. Во втором отделении главы о правах сибирских инородцев рассматриваются личные и имущественные права кочевых и бродячих инородцев. Первое отделение второй главы посвящено управлению оседлых, кочевых и бродячих инородцев Сибири, составу и обязанностям степной думы, судам словесной расправы, торговле, ярмарке и сугланам инородцев, вопросам утверждения и увольнения инородческих должностных лиц, порядку подчинения степного управления, его связям с местным гражданским начальством.

Второе отделение второй главы называется «Наказ управлению инородцев» и рассматривает обязанности родовых управлений, инородных управ, степных дум, обязанности полиции по управлению инородцами, вопросы о разъездах чинов полиции по инородческим стойбищам, о судах по уголовным делам, о податях и повинностях инородцев, о казенных продажах и богослужении, о надзоре и ответственности губернского начальства.

В инородческое законодательство было внесено изменение о количестве выборных инородных управ на основании Высочайше утвержденного положения Сибирского комитета «О прибавке в Агинскую инородную управу двух выборных» от 23 декабря 1832 г. По статье 27 Учреждения управления инородцев 1857 г. каждой инородной управе полагалось иметь двух выборных, но «во уважение многолюдства заведываемых упомянутой управой инородцев и рассеянности их стойбищ» было разрешено добавить еще двух выборных¹, и статья 11 Положения об инородцах 1892 г. определяла, что инородная управа может состоять из двух или более выборных².

Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, объявленное Сенату министерством государственных имуществ, «О порядке разделения инородческих в Сибири родов и перечисления инородцев из одного рода в другой» от 3 июня 1858 г.³ нанес, по мнению А. Н. Куломзина, последний удар родовому принципу. Согласно закону, разделение инородческих родов допускалось с разрешения Главных управлений Сибири по причине отдаленности кочевий и других местных обстоятельств в видах пользы инородцев или облегчения управления ими. Перечисления кочевых инородцев из одного рода в другой разрешались Казенными палатами вследствие их просьбы по увольнительным и приемным свидетельствам только после уплаты всех податей и недоимок, с перенесением их доли ясака и податей в новый род и при отсутствии претензий на земельные наделы в оставленном роде.

11 марта 1859 г. был принят именной указ, объявленный Сенату министром юстиции «Определение в Восточную Сибирь чиновника для наблюдения за правильным сбором ясака и ограждения инородцев от притеснений торгующего населения», согласно которому был определен «в Восточную Сибирь со стороны Кабинета Его Величества чиновник для наблюдения за правильным сбором ясака и ограждения инородцев от притеснения торгующего сословия⁴».

¹ ПСЗРИ. Ст. 5848. 2 собр. Т. 7. СПб., 1833. С. 919.

² Положение об инородцах 1892 г. СПб., 1892. Т. 2. С. 2.

³ ПСЗРИ. Ст. 33244. 2 собр. Т. 33, отд-ние 1. СПб., 1860. С. 707–708.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 34230. 2 собр. Т. 34, отд-ние 1. СПб., 1861. С. 195.

20 октября 1859 г. принято высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, объявленное Сенату министром государственных имуществ, «О порядке отлучек инородцев, кочующих в Восточной Сибири», которое постановило дополнить статью 516 Свода законов Устава о паспортном порядке отлучек инородцев Якутской области из мест их кочевья следующим примечанием: «Изъясненные в сей статье правила об отлучках инородцев Якутской области могут быть по усмотрению Главного управления Восточной Сибири распространяемы и на других инородцев, в Восточной Сибири кочующих»¹. Положение уточнило статью 148 об отлучках инородцев с мест кочевья по правилам, изложенным в Уставе о паспортах².

Манифест «О Всемиловитом даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» от 19 февраля 1861 г. относится к великим событиям XIX в.³ Реформа имела исключительно важное значение, она освободила крестьян от крепостной зависимости и положила начало реализации долгосрочной программы российского правительства в крестьянском вопросе.

Одним из важных пунктов этой программы была реформа управления сибирскими инородцами, которая предусматривала подчинение оседлых инородцев общим крестьянским учреждениям и установлениям, в отношении кочевых и бродячих инородцев предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости. Так, в 1862 г. вышло предписание военного губернатора Забайкальской области о принятии мер по переходу кочующих инородцев к оседлости путем наделения их землей. Однако предписание не нашло поддержки у бурятских ведомств. В своем донесении главный тайша Кударинского ведомства Заяхан Хамаганов выразил мнение бурят: «... Главным препятствием к оседлому водворению бурят служит инстинктивная их привычка к кочевой жизни, укоренившаяся и переходящая из одного поколения в другое»⁴. Далее он указывает, что основным препятствием для перехода бурят к оседлости является земельный вопрос.

¹ ПСЗРИ. Ст. 35001. 2 собр. СПб., 1861. Т. 34., отд-ние 2. Ст. 35001. С. 170.

² Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 16.

³ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1863. Т. 46, отд-ние 1. Ст. 36650. С. 425.

⁴ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 207. Л. 11–12.

Большое значение для распространения православия имело высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О допущении в степные думы выборных от крещеных инородцев» от 12 июня 1867 г., в котором отмечается, что «в видах оказания инородцам, принимающим святое крещение, надлежащего покровительства, а также для ограждения их от могущих быть со стороны некрещеных инородцев стеснений за оставление прежней веры и для усиления через это самого обращения некрещеных инородцев в православие, генерал-губернатор Восточной Сибири сделал распоряжение о допущении в степные думы Восточной Сибири депутатов от инородцев крещеных»¹. К этой мере сибирская администрация вынуждена была прибегнуть из-за невозможности отделить крещеных инородцев от некрещеных и учредить из первых, при их малочисленности и бедственном состоянии, особые самостоятельные управления. Тем более все повинности инородцы, вне зависимости от религиозной принадлежности, отбывали целыми обществами. Это положение вошло в статью 68 «Положения об инородцах» 1892 г. как примечание².

18 июня 1868 г. была принята высочайше утвержденная новая редакция статей Устава о питейном сборе³. Статья 290 Устава регламентировала правила продажи вина в стойбищах сибирских инородцев и вошла в статью 163 Положения об инородцах 1892 г.: «Продажа крепких напитков в стойбищах и на ярмарках сибирских кочевых и бродячих инородцев строжайше запрещается. За ввоз и продажу сим инородцам крепких напитков непосредственно отвечает инородная управа, имея такую продажу остановить, напитки отобрать и виновных представить начальству для поступления по законам»⁴. Самим инородцам не запрещалось покупать вино в местах дозволенной продажи для собственного потребления, но они не имели права перепродавать вино.

11 октября 1868 г. было принято высочайше утвержденное положение Комитета министров «Относительно установления единообразного взимания с инородцев ясака деньгами»⁵. В нем

¹ ПСЗРИ. Ст. 44682. 2 собр. Т. 42, отд-ние 1. СПб., 1869. С. 881.

² Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 9.

³ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1873. Т. 43, отд-ние 1. Ст. 46003. С. 861.

⁴ Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 18.

⁵ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1874. Т. 43. Ст. 46341. С. 335–337.

было предложено оставить по-прежнему сбор ясака звериными шукурами с тех инородцев, которые имеют возможность вносить ясак зверьями, остальных инородцев обложить денежным сбором с производством нового переобложения и составлением вновь окладных книг.

Принятое 16 июня 1870 г. Городовое положение¹ практически закрепило содержащиеся в статье 167 Положения об инородцах нормы о том, что «Степные Думы представляют общественные собрания и имеют одни хозяйственные обязанности»².

Интерес представляет высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату управляющим министерством государственных имуществ, «О предоставлении генерал-губернатору Восточной Сибири права награждать должностных лиц Чукотских обществ и других инородцев установленными для государственных крестьян форменными кафтанам» от 5 августа 1872 г., согласно которому генерал-губернатор имел право награждать инородческих должностных лиц форменными кафтанам. Им также разрешалось носить кортики, при этом они служили только знаком должности, а не наградой и при смене одного должностного лица передавались другому вновь избранному³. Положение вошло в статью 11 Положения об инородцах 1892 г. как примечание⁴.

В 1874 г. были приняты высочайше утвержденные мнения Государственного совета «О введении общей воинской повинности»⁵ и Устав о гербовом сборе⁶. Общая воинская повинность не распространялась на «не отбывающее доселе рекрутские повинности ни натурою, ни деньгами инородческое население... Восточной Сибири...».

Устав о гербовом сборе предусматривал заключение всех явочных наймов (трудовых договоров) с соблюдением правил о гербовом сборе. От гербового сбора освобождались «по делам, актам и документам разного рода, а также при совершении долговых обязательств и других сделок: кочевые и бродячие инородцы

¹ Там же. Т. 45, отд-ние 1. Ст. 48498. С. 821–823

² Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 18.

³ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1874. Т. 47. Ст. 51180. С. 365.

⁴ Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 2.

⁵ ПСЗРИ. 2 собр. СПб. Т. 49. Ст. 52983. С. 27.

⁶ ПСЗРИ. Ст. 53379. С. 638.

в Сибири... за исключением дел по искам между сими инородцами и другими лицами»¹. Эти изменения вошли в Приложение к статье 38 «О наймах в работу сибирских обывателей и самоедов Архангельской губернии» Положения об инородцах².

В 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство. Области Забайкальская, Амурская и Приморская, также Владивостокское военное губернаторство и остров Сахалин были изъяты из ведения Главного управления Восточной Сибири и подчинены Главному начальству отдельного Приамурского генерал-губернаторства. В высочайше утвержденном мнении Государственного совета «Об учреждении Приамурского генерал-губернаторства» определялись права и обязанности Приамурского генерал-губернатора, на основании которых были внесены изменения в статьи 15, 125 и 202 Положения об управлении инородцами – праве освобождать от должностей лиц степного управления, утверждении сметы внутренних повинностей³.

В 1885 г. было принято высочайше утвержденные временные правила «О некоторых изменениях по судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае»⁴, согласно которым были внесены изменения в статьи 81, 83, 94, 98, 128, 133 Положения об инородцах. Так, все жалобы на управы и суды волостные, станичные и инородческие приносились на окружные суды. Исковые дела рассматривались в окружных судах только после рассмотрения во всех степенях суда словесной расправы и производились по правилам, изложенным в Законах гражданского судопроизводства. В порядке судопроизводства инородные управы подчинялись окружному суду, и жалобы в них решались окончательно, с соблюдением годового срока, по истечении которого не принимались.

12 июля 1889 г. было принято Положение о земских участковых начальниках⁵, которое сыграло значительную роль в последующих изменениях в административном устройстве инородцев Сибири. Земские участковые начальники сосредоточили всю ад-

¹ Там же. С. 638.

² Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 5.

³ ПСЗРИ. 3 собр. СПб., 1886. Т. 4. Ст. 2324. С. 376–378.

⁴ ПСЗРИ. 3 собр. СПб., 1887. Т. 5. Ст. 2770. С. 80–86.

⁵ ПСЗРИ. 3 собр. СПб., 1891. Т. 9. Ст. 6196. С. 508–535.

министративную власть во вновь образованных учреждениях по крестьянским собственно делам.

Таким образом, российское законодательство в период с принятия Устава 1822 г. до середины 1890-х г. в отношении сибирских инородцев характеризуется доминированием политики регионализма, позволившей бурятским ведомствам сохранить традиционный образ жизни. Устав 1822 г. стал основным законодательным документом по управлению инородцами и действовал на протяжении длительного периода, в течение которого были приняты законодательные акты, которые не внесли значительных изменений в систему управления инородцев Сибири, учрежденной Уставом 1822 г. Они лишь дополнили и уточнили многие параграфы Устава, касавшиеся налогообложения инородцев, контроля за деятельностью местных органов самоуправления, уголовного судопроизводства. С учетом изменений вышли Свод законов 1842 г., Свод законов 1857 г. и Положение об инородцах 1892 г.

Достоинствами Устава 1822 г. были, по мнению В. Вагина, введение в российское законодательство нового существенного элемента – «разделение инородцев по их образу жизни и степени развития»; предоставление инородцам такого обширного самоуправления, «каким, до последнего времени, не пользовалось ни одно сословие в государстве». В целом Устав М. М. Сперанского освобождал инородцев от посторонних и вредных для них влияний, способствовал свободному их развитию, ввел в сибирскую жизнь много нового, вызванного объективными требованиями¹.

Н. Ядринцев пишет, что «Установление Сперанского существовало около 50 лет, и после него этот опыт дал достаточные результаты, чтобы судить о нем. Придуманные Сперанским советы далеко не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, ни ограничивали власть отдельных начальников»².

Осуществление реформы, кроме того, было передано в руки принципиальных противников ее в лице представителей высшей местной администрации, которые, используя разномыслие в правительственных сферах, свели на нет и те зачатки

¹ Вагин В. Исторические сведения о деятельности ... Т. 2. С. 335, 338.

² Ядринцев Н. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 520.

нового порядка, которые в других условиях могли бы получить соответствующее развитие.

Сенаторы, ревизовавшие Сибирь, находили, что разделение инородцев на разряды и административные единицы произведено неосновательно, неверно и вопреки правилам, в Уставе изображенным. Как отмечает Н. Козьмин, «в позднейшее время высшая администрация края признавала, что в Иркутской и Енисейской губерниях практика в управлении инородцами и прежде значительно расходилась, и теперь расходится с буквальным смыслом действующего закона, быть может, именно вследствие неопределенности и неполноты последнего»¹.

2.2. Российское законодательство в отношении инородцев Сибири в конце XIX – начале XX в.

В конце XIX – начале XX в. возрождается интерес российского правительства к Сибири, который был вызван прежде всего экономическими и политическими факторами. Вступление России на путь капиталистического развития после 1861 г. оказывало сильнейшее влияние на развитие национальных окраин, которые постепенно втягиваются в единый общероссийский рынок. В Польше и на Кавказе упраздняются должности наместников, в Прибалтике проводятся городская и полицейская реформы, в Средней Азии было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, а затем и Степное генерал-губернаторство.

Значительные изменения происходят и в управлении Сибирью: в 1882 г. было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, управление входящих в его состав губерний получило общее устройство. В 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого вошла Забайкальская область², Восточно-Сибирское генерал-губернаторство в 1887 г. было переименовано в Иркутское генерал-губернаторство.

Проведенные правительством мероприятия по крестьянскому вопросу не смогли решить проблему крестьянского малоземелья, и этот фактор на фоне революционных настроений в общест-

¹ Козьмин Н. Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак ... С. 155.

² ПСЗРИ. 3 собр. СПб., 1886. Т. 4. Ст. 2324. С. 376–378.

ве заставило самодержавие взглянуть на Сибирь как на источник дополнительного земельного фонда и предпринять ряд конкретных мер по освоению «свободных» земель¹.

Дальнейшее развитие России предполагало унификацию ее этнически пестрых регионов, одним из которых являлась Сибирь. Конкретным вариантом этого процесса стал бы перевод всего инородческого сословия в крестьянское, с общей унификацией прав, обязанностей и органов управления. Необходимые земли можно было получить в Сибири через отождествление инородческого и крестьянского землепользования и через выделение «свободных земель» из инородческих территорий.

С середины 1890-х гг. последовали важные законы, которые свидетельствовали об изменении политики российского государства в отношении сибирских инородцев – переходе от политики регионализма к политике унификации управления. В 1896 г. был издан закон о поземельном устройстве населения Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, имевший огромное значение в экономической жизни сибирских инородцев. Как отмечает И. А. Асалханов, особенность аграрного строя в Сибири заключалась в том, что здесь не было генерального межевания, земельные угодья, находившиеся в фактическом владении сельского населения, не были приведены в надлежащую известность и юридически разграничены, поэтому местное население привыкло распоряжаться казенными землями и лесами бесконтрольно и безгранично, как своей личной собственностью².

Закон от 23 мая 1896 г. должен был решить земельный вопрос населения Сибири, а также проблему переселения крестьян из европейских губерний России в Сибирь, тем самым правительство рассчитывало смягчить аграрные противоречия в центре страны и сохранить в нем помещичьи землевладения. Подчинением сибирского землеустройства задачам переселенческой политики объясняется то обстоятельство, что правительство не согласилось на предоставление земельных наделов в собственность сибирским крестьянам.

¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 67.

² Асалханов И. А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 82.

Издание закона о поземельном устройстве в Сибири имело свою предысторию: в 1885 г. новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Игнатьев образовал в Иркутске комиссию для составления проекта о поземельном устройстве крестьян и инородцев Иркутской и Енисейской губерний. Проект, составленный этой комиссией, был отправлен в 1886 г. в министерство государственных имуществ для внесения его в Государственный совет на утверждение. Однако Министерство государственных имуществ отказалось ходатайствовать об утверждении этого проекта, так как оно не располагало подробными данными о фактических условиях землепользования сельского населения края. Для получения этих данных Государственный совет в мае 1887 г. разрешил Министерству государственных имуществ организовать специальное статистико-экономическое обследование современного условия пользования землей в среде сельского населения Иркутской и Енисейской губерний.

Для рассмотрения проекта петербургской комиссией Главное управление Западной Сибири собирало всевозможные сведения в течение трех лет, которые Министерством государственных имуществ были признаны недостаточными. Для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири были отправлены особые чиновники. Статистико-экономическое обследование четырех сибирских губерний было закончено к 1890 г., материалы его опубликованы по Западной Сибири в 21-м выпуске, по Восточной Сибири в 13 отдельных выпусках¹.

После издания этих материалов генерал-губернатор Восточной Сибири в 1893 г. образовал особую комиссию по земельному устройству сельского населения Восточной Сибири. Комиссия, руководствуясь материалами статистико-экономического обследования, составила проект поземельного устройства Иркутской и Енисейской губерний, который был одобрен генерал-губернатором и представлен министру государственных имуществ с просьбой внести его на законодательное рассмотрение и утверждение в возможно скором времени, без дальнейших отсрочек и промедлений.

Основные положения проекта сводились к следующему: размер земельного надела каждого общества должен соответство-

¹ Асалханов И. А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. С. 87.

вать душевой норме пахотной и сенокосной земли, устанавливаемой для каждой местности особо, сообразно с естественными и хозяйственными условиями; «на владение наделами каждому обществу выдается владенная запись; наделы отводятся в общественное пользование, но обществам предоставляется право по истечении 10 лет со дня выдачи им владенной записи разделить их на подворные участки, а затем выкупать в течение 44 лет в полную собственность». Однако в последствии генерал-губернатор отказался от основного положения своего проекта «о предоставлении земли на выкуп в полную собственность», о чем он сделал соответствующее заявление на заседании Государственного совета в январе 1896 г.¹

Проект закона о поземельном устройстве Иркутской и Енисейской губерний, составленный комиссией, был рассмотрен на трех заседаниях соединенных департаментов Государственного совета, состоявшихся 20, 27 января и 13 апреля 1896 г. Основные положения закона были утверждены на общем собрании Государственного совета 11 мая 1896 г., а 23 мая 1896 г. – царем.

Таким образом, издание Высочайше утвержденного положения от 23 мая 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской»² было вызвано желанием царского правительства изъять под колониционный фонд часть земель, находившихся в пользовании у сибирских крестьян и инородцев для переселенцев из внутренних губерний Европейской России. Интересы переселенческой политики были основными факторами для проведения давно назревшего сибирского землеустройства. И. А. Асалханов связывает распространение закона о поземельном устройстве поселян Сибири на инородцев также и с политикой их русификации³.

Согласно статье 1 Положения поземельное устройство получали крестьяне и инородцы (оседлые и кочевые), хотя изначально по проекту земельное устройство получали все русские крестьяне и оседлые инородцы края. По настоянию иркутского генерал-губернатора, заявившего, что из кочевых инородцев многие,

¹ Асалханов И. А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. С. 87–88.

² ПСЗРИ. Ст. 12998. 3 собр. Т. 16. Отд-ние 1. СПб., 1899. С. 503–505.

³ Асалханов И. А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. С. 91.

числясь в разряде кочевых, фактически перешли к оседлому образу жизни, Государственный совет постановил распространить действие закона и на кочевых инородцев. Таким образом, буряты Иркутской губернии получали землеустройство наряду с русскими крестьянами.

Закон установил 15-десятичную норму на душу мужского пола (статья 5), хотя многие члены Государственного совета были против такой нормы, считая ее слишком высокой для Сибири. Однако большинство членов Государственного совета, в том числе А. Н. Куломзин, не согласились с 15-десятичной нормой для Сибири, учитывая многоземельные размеры края. В связи с этим они ссылались на именной указ, данный Сенату, «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях» от 24 ноября 1866 г.¹, по которому в малоземельных уездах определялась норма – 8 десятин на душу, а в многоземельных уездах разрешалось отводить крестьянам наделы размером до 15 десятин на душу (статья 1). Следующим обоснованием послужили доводы, высказанные А. Н. Куломзиным, о кочевом образе жизни сибирских народов, требующем значительных территорий для выгонов и пастбищ. Надо отметить, что предусмотренная положением 15-десятичная норма надела на наличную душу мужского пола не обеспечивала потребности бурятского кочевого хозяйства.

В законе был предусмотрен отвод обществам и селениям лесных наделов в размере не свыше 3 десятин на наличную мужскую душу, независимо от земельных наделов, по мере возможности (11 статья). Статья 12 определяла, что за пользование лесными наделами крестьяне и инородцы уплачивают в пользу казны особый лесной налог. Казенные земли и леса, отведенные по отводным записям обществам и селениям, не могли быть ими ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами, т. е. наделы предоставлялись в пользование, а не на правах собственности².

Статья 3 определяла, что «крестьяне и инородцы, владея предоставленными им, по отводным записям, землями, обязаны вносить в казну определенный законом ежегодный платеж, под названием государственной оброчной подати»³.

¹ ПСЗРИ. Ст. 43888. 2 собр. Т. 41. Отд-ние 2. СПб., 1868. С. 280–283.

² ПСЗРИ. Ст. 12998. 3 собр. Т. 16. Отд-ние 1. СПб., 1899. С. 504.

³ Там же. С. 503.

Наделы обществам и селениям должны были отводиться за счет земельных угодий, находившихся в фактическом пользовании этих обществ и сел к началу поземельно-устроительных работ в данной местности. В статье 8 говорилось: «Если пространство земель и угодий, подлежащих отводу в земельный надел... не достигает 15-десятинного на наличную мужского пола душу размера, то, по ходатайству подлежащих обществ и селений, надел может быть увеличиваем, не свыше упомянутого размера, в тех случаях, когда такая прирезка окажется возможной и необходимой для обеспечения хозяйственного быта сих обществ и селений». Если фактическое землепользование превышало 15-десятинный надел на наличную душу мужского пола, то излишняя часть могла быть оставлена во владении обществ и селений лишь в том случае, когда эти общества и селения принимали на себя обязанность допринять такое число членов, какое будет соответствовать излишне отводимому количеству земли. В течение трех лет со времени составления отводной записи эти новые члены принимаются только по приемным приговорам, по прошествии этого срока могли быть заселены и без приговоров, по распоряжению местного начальства¹.

В отношении недр земли, отведенные в надел крестьянам и инородцам, соблюдались правила, изложенные в статье 201 Устава горного, согласно которой недра казенных земель, отведенных в постоянное пользование государственных крестьян и иных поселян, но не предоставленных им в собственность, принадлежат государству.

4 июня 1898 г. были опубликованы высочайше утвержденные Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской², согласно которым определялся порядок отвода и отграничения земельных наделов крестьянам и инородцам, их состав и размер.

Земельные наделы должны были отводиться каждому селению особо, а в исключительных случаях, когда все угодья или

¹ Там же. С. 504.

² ПСЗРИ. Ст. 15539. 3 собр. Т. 18. СПб., 1901. С. 454–465.

часть пашен или сенокосов находятся в общем пользовании, двум или несколькими селениям.

Для работ по отграничению и отводу земельных наделов создавались поземельно-устроительные комиссии под председательством старшего производителя работ, производителя работ, местного крестьянского начальника, податного инспектора, исправника и лесничего. В работе комиссии должны были принимать участие уполномоченные от крестьян и инородцев. Важными этапами работы комиссии были: установление количества наличных душ, съемки местности, на которых обязательно показывались удобные и неудобные земли. Собирались сведения «об избытке или недостатке земли против пятнадцатидесятиной нормы, о числе душ, подлежащих обязательному допринятию, в случае избытка земли в наделе».

По итогам работы поземельно-устроительной комиссии принималось постановление в виде актов, в которых значилось:

1) подлежит ли надел утверждению на основании главного отвода по ст. 4 Положения «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской» от 23 мая 1896 г. или же проектируется по существующему пользованию;

2) число наделяемых душ;

3) общая площадь проектируемого земельного надела с показанием земель удобных и неудобных и количества удобной земли по расчету на наделяемую душу;

4) число душ, подлежащих обязательному допринятию и т. д.¹

Высочайше утвержденным мнением Государственного совета «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной оброчной и поземельной податями» от 19 января 1898 г. в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях отменялись подушная и оброчная подати, ясачный сбор и сбор на межевание с 1 января 1899 г. Вместо отмененных сборов взимались государственная оброчная подать за отведенные от казны земельные наделы и с инородцев за земли, принадлежавшие им на правах собственности, поземельная подать².

¹ Там же. С. 460.

² ПСЗРИ. 3 собр. СПб., 1901. Т. 18, отд-ние 1. Ст. 14908. С. 40–43.

Важное значение для инородческого вопроса имело высочайше утвержденное Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 2 июня 1898 г., наделившее крестьянских начальников широкими правами в «общественном управлении сельских обывателей, а также обязанности по устройству быта этих обывателей и переселенцев и по управлению и суду инородцев»¹. Крестьянские начальники учреждались для контроля за работой волостных учреждений и наделялись исключительными правами: они были правомочны без ведома схода снять волостного старшину, а также сельского старосту, наложить штраф, подвергать аресту неблагонадежных граждан.

Статья 35 закона гласила: «Крестьянским начальникам принадлежит: 1) исполнение, лежащих на полиции, согласно положению об инородцах, обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев и 2) разрешение в качестве третьей ступени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям»². Таким образом, они стали исполнять роль суда словесной расправы 3-й степени, ранее находившегося в компетенции местной полиции³.

Крестьянские начальники получили право утверждать повестку инородческих сугланов, что приводило к полному контролю с его стороны решений собраний.

В судебных делах в отношении инородцев они имели право разбирать дела по спорам на сумму не свыше 2-х тыс. руб.: «1) по найму на сельскохозяйственные работы и должности; 2) по отдаче в наем земель или оброчных при них статей, когда на таковую отдачу не было совершено крепостного, нотариального или засвидетельствованного у нотариуса договора; 3) по пользованию земельными и иными угодьями, отведенными в надел сельским обывателям; 4) по потравам полей, лугов и других угодий»⁴.

В случае неисполнения законных его распоряжений или требований предписаний лицами, «подведомственными крестьянскому и

¹ ПСЗРИ. Ст. 15503. 3 собр. Т. 18. СПб., 1901. С. 403–416.

² Там же. С. 409.

³ Положение об инородцах. Т. 2. СПб., 1892 г. С. 10.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 15503. 3 собр. Т. 18. СПб., 1901. С. 409.

инородческому управлению, начальник имеет право подвергать виновного, без формального производства, аресту не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей»¹.

Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении инородческих должностных лиц: «... Крестьянский начальник, вследствие рассмотрения жалоб, принесенных на действия должностных лиц сельского, волостного и инородческого управлений, а также непосредственно усмотренных им самим маловажных проступков означенных лиц по должности, имеет право подвергнуть их, без формального производства, одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней»². В случае более серьезных преступлений им предоставлялось право отстранять должностных лиц волостного и инородческого управления от должности.

Согласно Временному положению о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 2 июня 1898 г. был утвержден временный штат крестьянских установлений. Так, в Тобольской губернии полагалось иметь 36 крестьянских начальников с денежным содержанием 1500 руб. в месяц, в Томской губернии – 29, в Енисейской губернии – 21, в Иркутской губернии – 21 с денежным содержанием 1700 руб. в год³. В Забайкальской области в соответствии с временным штатом крестьянских установлений полагалось 19 крестьянских начальников с годовым содержанием в 2200 руб. каждому⁴. В целом же, по данным официального источника – Свода предположений местного начальства и совещания представителей подлежащих ведомств на трехлетие 1909–1911 гг., расходы крестьянских начальников по Иркутской губернии определялись суммой 69 917 руб., по Забайкальской области – 33 430 руб.

Введение института крестьянских начальников было призвано дать крестьянину, в том числе и инородцам, в лице началь-

¹ Там же. С. 409.

² Там же. С. 410.

³ Штаты крестьянских установлений // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому 1902 г. изданию / сост. Г. Г. Савич. СПб., 1903. С. 241.

⁴ Там же. С. 242.

ника «и судью, и попечителя, и друга, и отца»¹, однако на самом деле привело к усилению административной опеки над ними. По мнению многих современников, попечительная деятельность крестьянских начальников дала поразительный материал для печальной характеристики данного института, даже такое официальное лицо, как тобольский вице-губернатор в своем отзыве о крестьянских начальниках на совещании в Тобольском комитете был вынужден высказать следующее мнение: «С глубоким прискорбием должен сознаться, что некоторые крестьянские начальники Тобольской губернии приобрели грустную славу своими беззакониями и даже хищениями».

Прежде всего, сам состав крестьянских начальников был крайне неудовлетворителен по нравственному и образовательному уровню: в их рядах часто можно было встретить чиновников монопольного ведомства, странствующих актеров, лиц с отметкой о домашнем или низшем образовании, что приводило к массовым нарушениям с их стороны. Этому способствовало также отсутствие контроля за деятельностью самих крестьянских начальников.

О многочисленных нарушениях со стороны крестьянских начальников свидетельствовали письма, поступавшие в редакцию журнала «Сибирские вопросы». В. Карпинский приводит такие примеры злоупотреблений, как обращение ими школьных зданий в склады для собственных товаров, выдача себе монополий на право торговли в подведомственном крае, расходование общественных сумм населения, взимание с них дополнительных сумм, применение экзекуций при сборе недоимок и т. д., сравнивая их с «щедринскими помпадурками и господами «ташкентцами» с явно выраженными хищническими хватками».² Соединение административной и судебной власти в руках крестьянских начальников особенно тяжело отражалась на положении инородцев, превращая их в бесправных людей.

Немаловажную роль в усилении полицейской опеки и дальнейшей русификации сибирских окраин сыграло решение Государственного совета «О видах на жительство для инородцев», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г.³, поставившее отлуч-

¹ Карпинский В. Крестьянские начальники в Сибири // Сиб. вopr. 1909. № 41. С. 13–19.

² Карпинский В. Указ. соч. С. 16.

³ ПСЗРИ. 3 собр. СПб., 1901. Т. 18. Ст. 15606. С. 518–519.

ки инородцев из мест проживания под прямой контроль местной администрации. Положение определяло инородцам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт под предлогом обеспечения налоговых поступлений. У оседлых инородцев местом постоянного жительства считалось общество или волость, к которой они были приписаны, у кочевых инородцев – район перекочетов. Все инородцы, за исключением оседлых, должны были иметь паспорта при отлучке из мест постоянного проживания для устройства на работу по найму. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, для его продления требовалось разрешение общества или инородческого начальника. За нарушение паспортных правил инородцы наказывались административной высылкой в 7-дневный срок.

Изданные в 1896 и 1898 гг. главные основания и дополнительные правила земельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в четырех сибирских губерниях на казенных землях, применены были к тем же разрядам сельского населения Алтайского округа на землях Кабинета согласно закону от 31 мая 1899 г.

Все приведенные законоположения относятся по своим названиям и содержанию не только к живущим в Сибири крестьянам, но и к инородцам, которые были поставлены в них на одних и тех же с крестьянами основаниях, за исключением бродячих, потому не соответствующих началам гражданственности, лежащих в основе указанных законов.

Правительственная политика Российского государства, направленная на унификацию управления в Сибири, в 1901 г. была распространена и на Забайкальскую область, входившую на тот момент в состав Приамурского генерал-губернаторства. Еще в 1897 г. для поземельного устройства населения Забайкальской области было высочайше учреждено Особое совещание под председательством статс-секретаря А. Н. Куломзина.

30 июня 1897 г., перед началом работы комиссии, военный губернатор Забайкальской области направил директиву по всем административным учреждениям, в которой предписывалось «окружным начальникам, полицейским управлениям, участковым приставам, волостным старшинам, сельским старостам, станичным и поселковым атаманам, тайшам и всем прочим инородческим начальникам при разъездах по Забайкальской области,

как и самих членов названной комиссии, так и лиц, командированных ею для работ по статистико – экономическому исследованию области, отпускать им без малейшего замедления из обывательских, междудворных, депшурных, пунктовых и других сельских лошадей потребное количество пар с проводниками, и в виду важности возложенного на этих лиц поручения, в очереди им давать преимущество перед прочими чиновниками и чинами земской полиции, отводить бесплатно земские квартиры и оказывать всякое возможное законное содействие к выполнению работ», за неисполнение виновных ожидало строгое взыскание¹.

В работе комиссии участвовали Д. М. Головачев, Д. А. Клеменц, М. А. Кроль и др. На основании собранных комиссией материалов в Забайкалье Особым совещанием были выработаны проекты, послужившие основанием к изданию четырех важнейших законов:

1) высочайше утвержденного положения от 10 апреля 1899 г. «О пределах прав Кабинета Его Императорского Величества на Нерчинский округ», принятого, «дабы установлением сих границ были вместе с тем обеспечены права местного населения и положены твердые основания предстоящего его землеустройства». В Положении были оговорены условия наделения крестьянского и инородческого населения, казачьего войска в пределах Нерчинского округа Забайкальской области земельными, лесными и иными угодьями. Кабинетские земли в пределах Нерчинского округа, подлежащие отводу крестьянскому и инородческому населению, объявлялись казенными, но Кабинету принадлежало право на благородные металлы и драгоценные камни, заключающиеся в недрах этих земель²;

2) 13 февраля 1900 г. условиями земельного обеспечения Забайкальского казачьего войска в пределах Нерчинского округа³;

3) высочайше утвержденных мнением Государственного совета от 5 июня 1900 г. «Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области»⁴;

4) высочайше утвержденными Правилами от 3 июня 1902 г. о порядке определения земельных наделов и производства позе-

¹ ГАРБ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 148. Л. 10.

² ПСЗРИ. Ст. 16736. 3 собр. Т. 19. Отд-ние 1. СПб., 1902. С. 300–302.

³ Собр. Узак., 1508

⁴ ПСЗРИ. Ст. 18735. 3 собр. Т. 20. Отд-ние 1. СПб., 1902. С. 598–601.

мельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в Забайкальской области¹.

Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 5 июня 1900 г. «Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области от 5 июня 1900 г. о главных основаниях поземельного устройства населения Забайкальской области» крестьянским и инородческим обществам отводились наделы, на владение которыми выдавались отводные записи. За владение землей они обязаны были вносить в казну государственную оброчную подать. Независимо от земельных наделов крестьянским и инородческим обществам отводились лесные наделы в размере не свыше трех десятин на наличную мужского пола душу, за которые они должны были уплачивать особый лесной налог.

Министр земледелия и государственных имуществ по соглашению с министром внутренних дел, председателем высочайше утвержденного совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области и приамурским генерал-губернатором могли приостановить применение узаконений об отводе наделов к тем кочевым инородцам, поземельное устройство которых по условиям их быта будет признано преждевременным. Таким образом, кочевые инородцы Забайкальской области получили возможность отодвинуть применение закона об отводе наделов и немедленное перечисление их в разряд оседлых².

Надо отметить особый именной высочайший указ, данный Сенату, от 10 июня 1900 г. «О даровании Хоринским бурятам (Агинским инородцам) права собственности на земли, подлежащие им отводу, в силу высочайше утвержденных 5 июня 1900 г. Главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области». Согласно указу было велено в видах прочного укрепления за хоринскими бурятами земель, подлежащих отводу им в силу высочайше утвержденных 5 июня 1900 г. главных оснований поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области, «даровать означенным бурятам на сии наделы

¹ ПСЗРИ. Ст. 21577. 3 собр. Т. 22. Отд-ние 1. СПб., 1904. С. 523–537.

² ПСЗРИ. Ст. 18735. 3 собр. Т. 20. Отд-ние 1. СПб., 1902. С. 600.

право собственности»¹. На наделы, которые отводятся «сельским обществам и селениям бурят, ныне ведения Хоринской и Агинской степных дум выдавать взамен отводных записей данные, с указанием в последних как причитающейся с сих наделов, вместо государственной оброчной подати и лесного налога, поземельной подати в том размере, который имеет быть особо установлен»².

Высочайше утвержденные правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделями в Забайкальской области от 3 июня 1902 г. были приняты в целях реализации высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 5 июня 1900 г. «Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области»³. Согласно Правилам, если отводные земли присуждались крестьянам и инородцам в собственность, то государственная оброчная заменялась поземельной податью. В Правилах четко оговаривался порядок выдачи сельским обществам и селениям бурят Хоринской и Агинской степных дум актов об отграничении надела.

Следующим законом, имевшим важное значение для инородческого управления и заменившим устаревшие правила Положения об инородцах 1892 г., явилось высочайше утвержденное Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области от 23 апреля 1901 г.⁴ Волостная реформа явилась самым решительным шагом проведения политики Российского государства по унификации бурятского и тунгусского населения с русским крестьянским населением.

Высочайше утвержденное Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области появилось в результате огромной работы, проведенной комиссией А. Н. Куломзина в течение нескольких лет. 18 июня 1899 г. А. Н. Куломзин пишет письмо Приамурскому генерал-губернатору Н. И. Гродекову, в котором ссылается на высказанное желание Николая II от 27 октября 1897 г. «дать ино-

¹ Собр. Узак., 1505

² ПСЗРИ. Ст. 18735. 3 собр. Т. 20. Отд-ние 1. СПб., 1902. С. 629–630.

³ ПСЗРИ. Ст. 21577. 3 собр. Т. 22. Отд-ние 1. СПб., 1904. С. 523–537.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 19984. 3 собр. Т. 21. Отд-ние 1. СПб., 1903. С. 253–260.

родцам Забайкальской области одновременно с прочной земельной организацией и административное устройство, тесно связанное с занимаемой ими территорией»¹. Далее он пишет о целях разрабатываемого проекта: «Стремясь по отношению к бурятам и тунгусам продолжить твердо усвоенную по отношению ко всем инородцам империи политику сближения их с коренным населением государства, я исходил из мысли о необходимости введения в забайкальских степях устройства, сообразованного в главных своих началах с организацией прочего сельского населения империи, но, в частности, столько от нее различного, насколько этого требует характер народа, степень его развития, а также экономические и политические условия, в которые поставлено инородческое население»².

К своему письму А. Н. Куломзин прилагает Записку об административном и судебном устройстве кочевых инородцев Забайкальской области³. В ней рассматривается история административного устройства инородцев Забайкальской области с момента их присоединения к Российскому государству. Первым актом, установившим порядок управления «ясажными иноземцами» Забайкалья, были, по мнению А. Н. Куломзина, особые Правила пограничным дозорщикам, изданные С. Л. Владиславичем-Рагузинским в дополнение к инструкции 27 июня 1827 г., предоставившие управление над инородцами родоначальникам и их собраниям. То же родовое начало было положено в основание Устава об управлении инородцев от 22 июля 1822 г., по силе которого власть судебная и административная поручена родовым управлениям, инородным управам и степным думам.

С 1822 г. прошло почти 80 лет, произошли глубокие изменения в экономической и социальной сфере жизни инородцев, прежде всего связанные с распадом родового строя, переходом инородцев к оседлому образу жизни. В 1840 г. в Хоринском ведомстве из 219 улусов только 62 были с однородным составом, в остальных проживали смешанно представители двух, трех, пяти и даже восьми различных родов, причем во всем ведомстве не наблюдалось ни одного рода, который не имел бы своих членов в чужих

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 дп. Д. 288. Л. 1.

² Там же.

³ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 дп. Д. 288. Л. 3–19.

становищах. В Агинском ведомстве было только девять улусов из 37 с однородным составом.

Закон 1858 г. о порядке перечисления из рода в род и разделения родов, явившийся уступкой требованиям жизни, нанес последний удар родовому принципу¹. С того времени переход из рода в род, даже из бурятского в тунгусский и из тунгусского в бурятский, сделался явлением заурядным и практикующимся в весьма широком.

В целом же по Забайкальской области к 1897 г. из 405 зарегистрированных инородческих общин с 30 420 хозяйствами с однородным составом оказались только 74 (18,3 %) с 5137 хозяйствами (16,9 %)².

За основу Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области были положены результаты исследований особой Степной комиссии, направленной в киргизские степи в 1865 г. для изучения на месте быта кочевников. Труды Степной комиссии и ее заключения о необходимости органического слияния населения степей с прочими частями Российской империи и о приближении административного устройства края к формам управления, существующим в России, были высочайше одобрены в журнале Особого совещания об устройстве среднеазиатских владений, определившего, что «внутреннее управление туземным населением Туркестанского края по всем делам, не имеющим политического характера, предоставить выборным из среды самого народа, применяясь к его обычаям и нравам».

Изложенное указание было принято к руководству, как и все последующие законы об устройстве инородцев:

1) именной указ, данный Сенату, «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской» от 11 июля 1867 г.³;

2) именной указ, данный Сенату, «О преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими казачьими войсками» от

¹ ПСЗРИ. Ст. 33244. 2 собр. Т. 33, отд-ние 1. СПб., 1860. С. 707–708

² ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 дп. Д. 288. Л. 3об.

³ ПСЗРИ. Ст. 44831. 2 собр. Т. 42. Отд-ние 1. СПб., 1871. С. 1150–1151.

21 октября 1868 г. об управлении областями Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской¹;

3) высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края и Правила о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае от 12 июня 1886 г.²;

4) высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края от 25 марта 1891 г.³

Согласно этим законодательным актам происходило административное, судебное, поземельное устройство и складывалась система податей и повинностей по степным областям Туркестанского края и Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. В целях постепенного введения в пределах инородческих кочевий общего строя управления, насколько это допускают местные условия, особенности и обычаи, и с учетом положений закона от 19 февраля 1861 г., вышеперечисленные акты должны были способствовать выполнению таких важных задач: установлению выборного начала как основы организации низшей общественно-народной власти и разделению администрации и суда, насколько это было возможно по местным обычаям.

А. Н. Куломзин, приняв во внимание то, что Временные правила от 11 июля 1867 г. об управлении Сыр-Дарьинской и Семиреченской областями были экстренно введены на юго-востоке киргизских степей ввиду расширения среднеазиатских владений и что введение Временного положения от 21 октября 1868 г. об управлении областями Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, объединившего всех киргизов от Урала до Зайсана и Иссык-Куля, с точки зрения права прошло вполне удачно и без всяких потрясений, решил применить эти же правила для инородцев Забайкальской области, связанных с киргизами объединяющим влиянием степи и степного быта и в то же время по образу жизни и степени хозяйственно-экономического развития стоящих гораздо ближе к оседлому сельскому населению⁴.

¹ ПСЗРИ. Ст. 46380. 2 собр. Т. 43. Отд-ние 2. СПб., 1873. С. 364–365.

² ПСЗРИ. Ст. 3814. 3 собр. Т. 6. СПб., 1888. С. 318.

³ ПСЗРИ. Ст. 7574. 3 собр. Т. 11. СПб., 1894. С. 133–147.

⁴ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 8об.

8 сентября 1899 г. Н. И. Гродеков пишет ответ А. Н. Куломзину, в котором он, в целом принимая проект закона, выражает беспокойство по поводу того, как примут буряты реформу, в особенности каково настроение «бурятских вожаков», справедливо полагая, что именно от их позиции зависит общее состояние бурятского населения. По его мнению, едва ли настроение бурятской верхушки может быть благоприятным, так как даже недогадливый человек, не говоря об умственно развитых и образованных бурятах, поймет, «к чему клонится дело и как радикально изменится общественное и имущественное положение родовичей, играющих роль «улусных князьцев», а впоследствии вынужденных подчиниться, а подчас просить, кланяться простым, вовсе не родовым людям, избираемым в волостные управители, сельские старшины и народные судьи»¹.

Он предлагает военному губернатору Забайкальской области провести секретные исследования настроения выдающихся инородческих родовичей, обратив внимание и на религиозную сторону, потому что даже философскипокойный и безразличный буддизм при благоприятных обстоятельствах и в искусных руках может создать фанатиков на почве религиозно-национальных идей и мечтаний².

Н. И. Гродеков, подробно изучив проект закона об общественном управлении и суде кочевых народов Забайкальской области, высказал свои замечания по ряду его статей. Так, в статье проекта А. Н. Куломзина он предложил заменить названия «волостной управитель» на «волостного начальника», «сельский старшина» на «сельский староста», в статье 10 обойтись без упоминания слова «инородческий» в отношении судов. Самой значительной правкой в проект закона было его замечание о том, что все должности, включая и должности судей, должны быть платными, т. е. всем должностным лицам необходимо назначить жалованье из общественных сборов для привлечения в состав туземной администрации отборных лиц из элемента, отличающегося средней достаточностью и привычкой работать за вознаграждение.

25, 31 августа и 3 сентября 1899 г. состоялись заседания Комиссии, образованной военным губернатором Забайкальской об-

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 45.

² ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 49.

ласти Е. О. Мациевским для обсуждения проекта Положения об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области, на которых обсуждались статьи проекта и вносились замечания к нему. Например, предлагалось заменить сочетание «волостной управитель» на «волостной старшина», «сельский старшина» – на «сельский староста», «волостной съезд» – на «волостной сход», «сельский съезд» – на «сельский сход». Важным явилось предложение дополнить статью 4, где говорилось о порядке перечисления инородцев из одного общества в другое, примечание об обязательном сообщении о перечислениях в Забайкальскую казенную палату.

В статью 6 предлагалось включить пункт об избрании помощников волостных старшин, в статью 10 к требованиям для избрания должностных лиц добавить фразу «знающих русскую грамоту и русский язык». Областная комиссия также поддержала предложение Н. И. Гродекова об обязательном назначении содержания выборным должностным лицам.

Статья 20 дополнялась примечанием о том, что книги и отчетность должны вестись на русском языке. Статью 29, в которой говорилось о том, что «для письменных приговоров съездов никакой особой формы не требуется», исключить и предложить обязательные формы для оформления приговоров.

14 и 21 августа 1900 г. состоялся журнал образованной военным губернатором Забайкальской области Комиссии для обсуждения выработки высочайше утвержденного Совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А. Н. Куломзина. Председателем комиссии был вице-губернатор Забайкальской области коллежский советник Я. Д. Бологовский. После обсуждения проекта было предложено статью 1 изложить в следующей редакции: «Кочевые инородцы Забайкальской области для управления оными разделяются на волости, из которых каждая состоит из одного или нескольких сельских обществ». В статье 9 предлагалось определить количество участвующих в волостном сходе выборных не от 50 дворов, как в проекте, а от 25 дворов. В статье 14 было предложено добавить, что в случае несостоявшихся выборов крестьянский начальник может без выборов назначить лицо по своему усмотрению¹.

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 178–184.

По вопросу об устройстве инородческого суда было решено, что наиболее приемлемым является проект Э. Э. Ухтомского о двух инородческих судах: 1) волостном инородческом; 2) участковом съезде инородческих судей. Окружному органу крестьянского управления отводилась роль кассационной коронной инстанции.

Таким образом, в течение 1899–1900 гг. шла переписка А. Н. Куломзина с приамурским генерал-губернатором Н. И. Гродековым и военным губернатором Забайкальской области Е. О. Мациевским по проекту. Все предложенные замечания и дополнения не вносили особого изменения в проект Положения об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области, кроме пунктов об обязательном вознаграждении должностным лицам управления и суда.

16 и 19 июня 1900 г. состоялось заседание высочайше утвержденного совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А. Н. Куломзина, которое после обсуждения истории вопроса и всех замечаний, дополнений, высказанных Приамурским генерал-губернатором и Комиссией, образованной военным губернатором Забайкальской области Е. О. Мациевским для обсуждения проекта Положения об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области», пришло к заключению:

1. Представить проект с изменениями на рассмотрение и утверждение Николаю II;
2. Ввести Положение об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области одновременно с введением в Забайкальской области Положения о крестьянских начальниках;
3. С упразднением инородческих органов местного самоуправления текущие административные дела всех учреждений и должностных лиц инородческого управления распределить между вновь образуемыми инородческими волостями и сельскими обществами¹.

С введением волостной реформы упразднялось административное устройство бурят и эвенков Забайкальской области, основанное на Уставе об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского, имевшее почти 80-летнюю историю. Правительство Вре-

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 113–140.

менным положением преследовало цель заменить родовые органы самоуправления волостными правлениями, упразднить должности тайшей, заседателей, голов и выборных, образовать вместо ведомств волости по территориальному принципу.

С введением в действие Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области все текущие дела степных дум, инородных управ и родовых управлений распределялись между новыми волостными и сельскими учреждениями, не оконченные производством судебные дела во всех степенях словесной расправы прекращались и начинались по новым искам в учреждаемых инородческих судах, все оконченные производством дела передавались в областной архив¹.

Волости управлялись волостными старшинами, а сельские общества – сельскими старостами. Для содействия старшинам в исполнении их обязанностей могли назначаться помощники старшины. Волостные старшины, их помощники и сельские старосты могли носить почетные инородческие звания шуленг, зайсанов и т. п., но в сношениях с правительственными учреждениями должны были именоваться по должностям, которые они занимают².

Волостные старшины, их помощники и сельские старосты назначались по выбору своих обществ на четыре года, что является существенным отличием от Положения об инородцах 1892 г., согласно которому выборными считались только должности головы и выборных инородных управ, избравшихся сроком на три года. Требования к должностным лицам оставались такими же, как и к должностным лицам степного управления: домохозяин, старше 25 лет, не бывший и не находящийся под судом и следствием. На каждую должность волостного старшины и его помощника избирались по два кандидата, на которых в случае их отсутствия, увольнения от должности, болезни или смерти возлагалось исполнение их обязанностей. Особо был выделен пункт о том, что волостные старшины и их помощники избираются преимущественно из лиц, знающих русский язык и русскую грамоту³.

¹ ПСЗРИ. Ст. 19984. 3 собр. Т. 21. Отд-ние 1. СПб., 1903. С. 254.

² Там же. С. 255.

³ ПСЗРИ. Ст. 19984. 3 собр. Т. 21. Отд-ние 1. СПб., 1903. С. 257.

Согласно волостной реформе инородческим должностным лицам полагалось содержание в соответствии с величиной и благосостоянием общества, что отличалось от Положения об инородцах 1892 г., сохранившего пункт об общественном характере службы инородческих родоначальников Устава 1822 г. Так, волостной старшина должен был получать не больше 500 руб. в год, его помощник – не более 300 руб., сельский староста – не более 250 руб. в год¹.

Место сугланов заняли волостные сходы выборных, избираемых от каждых 25 домохозяев на сельских сходах простым большинством голосов.

Волостная реформа проводилась одновременно с распространением на Забайкальскую область с 1 октября 1901 г. высочайше утвержденного Временного положения о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 2 июня 1898 г. согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 23 апреля 1901 г. о распространении на Забайкальскую область действия названного положения².

В соответствии с Временным положением вводился институт крестьянских начальников, которые наделялись исключительными правами: они были правомочны без ведома схода снять волостного старшину, сельского старосту, наложить штраф, подвергать аресту крестьян, контролировать всю деятельность волостных учреждений.

Согласно статье 48 Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области у кочевых инородцев учреждался «инородческий» суд, в круг ведения которого входило разрешение подсудных ему дел «на основании существующих у названных инородцев обычаев».

Ведению инородческого суда подлежали:

- 1) все дела о преступлениях и проступках, совершенных кочевыми инородцами, кроме, как изъятых из их подсудности;
- 2) возникающие между кочевыми инородцами дела брачные и семейные, о недвижимом имуществе, входящем в состав их на-

¹ ПСЗРИ. Ст. 19984. 3 собр. Т. 21. Отд-ние 1. СПб., 1903. С. 256.

² Собр. узак. № 1080 // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изд. / сост. Г. Савич. СПб., 1903. С. 427-428.

дела, а также по наследованию и разделам имущества между наследниками без ограничения суммы;

3) все остальные гражданские дела между инородцами, если цена иска не превышает 2 тыс. руб., за исключением случаев: а) когда ответчик имеет постоянное жительство в пределах поселений оседлых жителей и б) когда дела эти основаны на документах, совершенных либо засвидетельствованных при участии подлежащих властей по общим законам империи, или на векселях.

Из подсудности инородческого суда были изъяты преступления и проступки, за которые инородцы привлекались к ответственности на общих основаниях:

- 1) против христианской веры;
- 2) государственные;
- 3) против порядка управления;
- 4) по государственной и общественной службе;
- 5) против постановлений о государственной и общественной повинностях;
- 6) против имущества и доходов казны;
- 7) против общественного благоустройства и казны;
- 8) против общественного спокойствия и порядка;
- 9) против законов о состояниях;
- 10) против жизни, здоровья, свободы и чести;
- 11) против собственности¹.

Вводились выборные должности инородческих судей, которых назначали по выбору общества на волостных сходах сроком на четыре года. Число инородческих судей в каждой волости устанавливалось согласно «пространству и населенности», но не более четырех. Судьей мог быть избран домохозяин не младше 30 лет, пользующийся уважением и доверием общества. К избранию не допускались подвергшиеся по приговору суда наказаниям, превышающим 7-дневный арест или денежное взыскание в 30 руб.; состоявшие или состоящие под следствием или судом за преступления и проступки.

Особо надо отметить пункт о том, что лица, занимающие другие должности по инородческому управлению, не могли избраться в судьи², тем самым согласно волостной реформе судеб-

¹ ПСЗРИ. Ст. 19984. 3 собр. Т. 21. Отд-ние 1. СПб., 1903. С. 258.

² Там же. С. 257.

ная власть в бурятских и тунгусских обществах отделялась от исполнительной власти. Председатели инородческих судов и инородческие судьи должны были получать денежное содержание: первые – не свыше 500 руб., а вторые – не свыше 300 руб. в год за счет общественных средств.

Инородческий суд мог выносить следующие наказания: 1) выговор; 2) штраф не свыше 300 руб.; 3) заключение под стражу не свыше шести месяцев, а при повторении или совокупности преступлений и проступков – не свыше одного года.

Таким образом, учреждение инородческого суда в корне изменило систему судопроизводства у бурят и тунгусов Забайкальской области. Если в Уставе об управлении инородцев 1822 г., а потом и в Положении об инородцах 1892 г. исполнительная и судебная власть не были отделены, должностные лица местного самоуправления являлись одновременно судьями, то волостная реформа впервые отделила инородческий суд от органов местного самоуправления.

Волостная реформа полностью изменила административное устройство забайкальских бурят и тунгусов и явилась, по мнению П. Т. Хаптаева, «самым решительным и вместе с тем самым обнаженным проведением русификаторской политики царизма в деле административного устройства бурят». Однако соседство с Монголией продолжает оставаться козырной картой бурят во взаимоотношениях с русским правительством. По этому поводу миссионер священник Е. Кузнецов пишет в 1904 г.: «Если в некоторых, по их мнению, важных случаях ходатайства их не будут уважены, то буряты готовы решиться на самое крайнее средство – выселиться в Монголию»¹. Так, на неопределенный срок был отложен вопрос о воинской повинности бурят, предполагалось меньшее налогообложение бурят и выделение большего земельного надела по сравнению с русскими крестьянами.

Администрация Забайкальской области понимала, что основной экономической причиной массовых перекочевков бурят в пределы Монголии может стать наступающее на их родине земельное утеснение, несоответствие существующих хозяйственных форм занятыми бурятами земельным площадям. На первый взгляд, выселение бурят может быть выгодно для остающегося

¹ ИЕВ. 15 дек. 1904. № 24. С. 347.

здесь оседлого крестьянства, в некоторых местностях малоземельного населения¹. Это привело, казалось бы, к освобождению земли для русского коренного населения и однообразию состава жителей области.

Однако все эти меры, по мнению администрации Забайкальской области, могли бы привести:

1) к международному скандалу: международное положение России на Дальнем Востоке было бы окончательно потеряно, экономические связи России и Монголии порваны навсегда:

2) к обезлюдению приграничных областей, что ослабило бы экономическую мощь. Восполнить пробел путем колонизации их выходцами из коренной России – дело затяжное и не вполне осуществимое, потому что большая часть земель бурят в силу физико-географических условий совершенно непригодна для оседлого земледельческого хозяйства. После перекочевков эти земли превратятся в пустыни, скотоводство придет в упадок, и все это увеличит ввоз продуктов скотоводства².

К числу экономических последствий нарушения добрососедских отношений с Монголией администрация Забайкальской области относит «выселение из Монголии всех русских, разрушение русских торгово-промышленных предприятий и разорение работающих там торговых фирм, усиление китайского влияния, захват монгольского рынка Китаем, усиленную колонизацию пограничной Монголии китайскими переселенцами, которые будут еще в большем размере проникать в пределы России, конкурировать с русскими рабочими и мелкими производителями, вытесняя их массами, как теперь китайские торговцы, ремесленники, огородники и рабочие вытесняют частично русских», что, несомненно, в дальнейшем может привести к мясному голоду в Иркутске и Забайкалье³.

Общее настроение политики Российского государства в отношении бурят выразил приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф: «Я считаю крайне желательным успокоение бурят, этого весьма нравственного и добродушного населения, отбывающего бездомно все повинности, всецело приверженного к

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17327. Л. Зоб.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17327. Л. Зоб.-4.

³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17327. Л. Зоб.

России и занимающего на большом протяжении пограничной полосы с соплеменными с ними монголами, китайскими подданными. Чем счастливее и спокойнее будет жизнь наших бурят, тем больше усиливается тяготение к России китайских монголов и тем обеспеченнее будет наша забайкальская граница»¹.

Надо отметить положения Устава духовных дел иностранных исповеданий, изданного в 1896 г., согласно которому большое значение придавалось управлению духовными делами ламаитов и язычников. К ламаитам были отнесены некоторые калмыки, кочующие в Астраханской и Ставропольской губерниях, часть войска Донского и некоторые буряты в Иркутской губернии и Забайкальской области, при этом в примечании указывается, что правила о ламайском духовенстве в Восточной Сибири определяются особыми постановлениями.

Об изменениях в миссионерской политике свидетельствовали такие пункты Устава, как, например:

1) сибирские инородцы, не исповедующие христианскую веру, имеют свободу отправлять богослужение по их обрядам и обычаям;

2) православное духовенство в обращении сибирских инородцев к христианству имеет поступать по правилам кротким, ограничиваясь одними убеждениями, без малейших принуждений, в то же время местное начальство обязано не допускать стеснения тех и других инородцев под предлогом обращения их в христианскую веру;

3) в случаях несоблюдения инородцами церковных обрядов по невежеству их не подвергать никаким взысканиям².

Важное значение не только для бурятского, но и для всего российского общества имел именной высочайший указ, данный Сенату от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», который провозгласил для всех жителей империи «свободу верования и молитв по велениям его совести»³. Вслед за указом было принято высочайше утвержденное Положение Комитета

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 3об.

² Устав духовных дел иностранных исповеданий 1896 г. // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб., 1903. С. 207–208.

³ ПСЗРИ. 3 собр. Ст. 26125. Т. 25. Отд-ние 1. СПб., 1908. С. 257–258.

министров «Об укреплении начал веротерпимости», разработанное в соответствии с пунктом 6 именного высочайшего указа от 12 декабря 1904 г. «Для выполнения высочайшей воли об охране терпимости в делах веры»¹.

Указ предоставлял всякому совершеннолетнему русскому подданному право исповедовать любое христианское вероучение и признал подлежащими пересмотру законоположения, касавшиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания, а также изменял действующие узаконения о ламаитах, «возбранив впредь именование их в официальных актах идолопоклонниками и язычниками»².

Данный указ сыграл огромную роль в жизни народов России, в том числе и бурят, он отменил все действовавшие до этого законы, противоречившие веротерпимости, существенно изменил правовой статус инославных и иноверных исповеданий. Издание указа раскрепостило религиозное исповедание, и способствовало укреплению и взаимопониманию народов, населявших Россию.

В связи с принятыми законами, внесшими значительные изменения в управление инородцев, назрела необходимость в новой редакции Положения об инородцах 1892 г. С учетом законодательных актов, утвержденных после 1895 г., было принято Продолжение 1906 г. Положения об инородцах 1892 г. (Свод законов 1906 г.).

В статью 8 на основании Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области от 23 апреля 1901 г. были внесены два примечания:

1) «общественное управление и инородческий суд кочевых инородцев Забайкальской области образуются на основании правил, при сем приложенных»;

2) «степные думы, инородные управы и родовые управления кочевых инородцев Забайкальской области, а также должности по управлению этих инородцев, существовавшие до издания правил ... упразднены»³. Это же примечание относилось ко всем статьям, где упоминались органы степного управления.

¹ ПСЗРИ. 3 собр. Ст. 26126. Т. 25. Отд-ние 1. СПб., 1908. С. 258–262.

² Там же. С. 258.

³ Свод законов 1906 г. СПб., 1907. Ст. 8.

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 мая 1902 г. «О распространении на Амурскую и Приморскую области действия Временного положения 2 июня 1898 г. о крестьянских начальниках»¹ возложило обязанности по управлению, суду и по земельному устройству сибирских инородцев в местностях, в которых было введено в действие Временное положение о крестьянских начальниках, на крестьянских и инородческих начальников, уездные съезды крестьянских начальников, губернские управления (областные по крестьянским делам присутствия) и поземельно-устроительные комиссии, по принадлежности, на основании правил, изложенных в особом Приложении к Законам о состояниях². Данный пункт дополнил статью 15 Положения об инородцах 1892 г., в которой управление кочевыми и бродячими инородцами Приморской и Амурской областей предоставлялось военным губернаторам³.

Закон о состояниях издания 1899 г. определил, что к числу обитающих в Российской империи инородцев принадлежат сибирские инородцы, самоеды Архангельской губернии, кочевые инородцы Ставропольской губернии, киргизы Внутренней Орды, инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, инородческое население Закаспийской области и евреи. Права сибирских инородцев определялись Положением об инородцах. Принятие христианской веры кочевыми сибирскими инородцами не препятствовало им оставаться при прежних правах⁴.

На основании высочайше утвержденного Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 4 июня 1898 г. статья 26 была дополнена примечанием: «В губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской кочевые инородцы, полу-

¹ ПСЗРИ. Ст. 21505. 3 собр. Т. 22. Отд-ние 1. СПб., 1902. С. 394–395.

² Положение об инородцах // Продолжение Свода законов Российской империи 1906 г. Часть 1. Статьи к Т. I и II. СПб., 1907. С. 3.

³ Положение об инородцах. СПб., 1892. С. 3.

⁴ Закон о состояниях. Ст. 762–764 // Продолжение Свода законов ... С. 24–25.

чив поземельное устройство, при выдаче им отводных записей, перечисляются в разряд оседлых».

Статья 34 дополнилась соответственно двумя примечаниями: «В губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской кочевые инородцы по делам, касающимся поземельного их устройства, имеют право составлять сходы и постановлять на них приговоры, на одинаковых основаниях с инородцами оседлыми» и «Правила о поземельном устройстве кочевых инородцев, водворенных в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской в казенных землях, в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества и в области Забайкальской, изложены в Особом Приложении к Законам о состояниях».

Были внесены изменения в статьи о деятельности инородческого суда, основанные на Временном положении о крестьянских начальниках от 2 июня 1898 г. и Временном положении об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области от 23 апреля 1901 г. В статью 75 о словесной расправе инородцев были добавлены два примечания об исключении кочевых инородцев Забайкальской области из народов, судящихся по нормам обычного права, и о праве крестьянских и инородческих начальников налагать взыскания за маловажные проступки инородцев¹.

В примечании к статье 81 указывалось, что у инородцев, кроме инородцев Забайкальской области, крестьянским и инородческим начальникам давалось право выступать в качестве суда третьей степени словесной расправы. Были внесены изменения в статьи о деятельности судов, так, статья 98 была заменена следующим текстом: «Исковые дела кочевых и бродячих инородцев начинаются в окружных судах не прежде, как по неудовольствиям на решение во всех степенях словесной расправы. Дела эти производятся в окружных судах с соблюдением правил, постановленных в Законах о судопроизводстве гражданском. Решения окружных судов по сим делам признаются окончательными и обжалованию не подлежат»².

В статью 94 Положения об инородцах 1892 г. было внесено примечание о том, что в губерниях Тобольской, Томской, Енисей-

¹ Положение об инородцах // Продолжение Свода законов ... С. 4.

² Там же. С. 5.

ской и Иркутской, а также в областях Забайкальской, Амурской и Приморской переименованы: округа – в уезды; должностные лица в учреждении, коим присвоено было название окружных, – в уездные и земские заседатели (участковые приставы) – в становые приставы¹.

В местностях, на которые распространялось Временное положение о крестьянских начальниках, исполнение ранее лежавших на полиции обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев по Положению об инородцах 1892 г. возлагалось на крестьянских и инородческих начальников (статья 128, примечание 2)².

Высочайше утвержденные Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири от 13 мая 1896 г. существенно изменили уголовное судопроизводство инородцев, отменив статьи 817–826 Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках издания 1892 г.³ Уголовные дела рассматривались на основании правил, изложенных в Уставе уголовного судопроизводства. Дела о преступлениях и проступках, совершенных туземцами, подлежали ведению местных народных судов, за исключением обвинений в совершении следующих преступлений:

- 1) против христианской веры;
- 2) против государственной власти;
- 3) против порядка управления;
- 4) по службе государственной и общественной;
- 5) против постановлений о повинностях государственных и земских;
- 6) против имущества и доходов казны;
- 7) против общественного благоустройства и благочиния, нарушения постановлений, ограждающих народное здравие;
- 8) против общественного спокойствия и порядка: а) составление злонамеренных шаек и пристанодержательство; б) лживые доносы и лжесвидетельство по делам, судимым по законам империи; в) укрывательство беглых; г) порча телеграфов и путей сообщения;
- 9) против законов о состояниях;

¹ Положение об инородцах. Ст. 94 // Продолжение Свода законов ... С. 5.

² Положение об инородцах. Ст. 128 // Продолжение Свода законов ... С. 5.

³ ПСЗРИ. Ст. 12932. 3 собр. Т. 16. Отд-ние 1. СПб., 1899. С. 416–425.

10) против жизни, здоровья, свободы и чести: а) убийство; б) нанесение ран и побоев, последствием коих была смерть, а также умышленное причинение тяжелых ран и увечий и подвергающих жизнь опасности побоев или иных истязаний и мучений; в) изнасилование; г) мужеложство с насилием или над малолетними; д) противозаконное задержание и заключение;

11) против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом; б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества; в) разбой и грабеж; г) подложное составление актов, совершенных по русским законам; д) похищение казенного имущества, а равно дела о преступных деяниях, хотя и не принадлежащих к вышеперечисленным, но совершенных туземцами относительно русских или иностранных подданных, ведаются судебными установлениями на общем основании¹.

По статье 187 Положения об инородцах 1892 г. разъезды чиновников по стойбищам инородцев допускались в следующих случаях: 1) для ревизии порядка по управлению; 2) для следствий; 3) для сбора податей; 4) для надзора за порядком на ярмарках². В связи с принятием высочайше утвержденных Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири от 13 мая 1896 г. в пункт 2 статьи было внесено изменение о том, что разъезды чиновников по стойбищам инородцев допускаются для производства дознаний и следствий³.

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 21 апреля 1903 г. «О возложении на уездные съезды крестьянских начальников в Тобольской и Томской губерниях рассмотрения жалоб на решения волостных управ и о распространении на Усинский пограничный округ действия высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Положения о крестьянских начальниках»⁴ отменило положение о представлении сметы внутренних повинностей для рассмотрения Губернскому совету. Исчисление внутренних повинностей теперь предоставлялось местному губернатору и Общему присутствию губернского управления.

¹ Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1407 // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб., 1903. С. 170–174.

² Положение об инородцах. Ст. 187. СПб., 1892. С. 3.

³ Положение об инородцах. Ст. 187 // Продолжение Свода законов ... С. 6.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 22821. 3 собр. Т. 23. СПб., 1905. С. 404–405.

После издания Свода законов 1906 г. были приняты законодательные акты, с учетом которых появилось Продолжение 1912 г. Положения об инородцах 1892 г. Эти законы коснулись в основном управления инородцев Архангельской, Ставропольской, Астраханской губерний и не внесли изменений в управление бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области.

Вышеуказанное позволяет нам сделать следующий вывод: с середины 1890-х г. начинается новый этап в законодательной политике Российского государства в отношении инородцев, связанный с переходом к политике унификации управления окраинами. Законы 1896–1905 гг., совершенно переработав все существовавшее до них законодательство по крестьянскому и инородческому делу в Сибири и Степном крае, в корне изменили быт населения и устройство управления в Сибири.

Таким образом, на основании анализа инородческого вопроса в общеимперском и местном законодательстве можно проследить эволюцию правительственного взгляда на коренное население Сибири от политики регулирования сбора налогов до политики регионализма М. М. Сперанского с идеей сохранения особого статуса Сибири и сибирских народов, от него до политики унификации сибирских народов.

Законодательство XVIII – начала XIX в. в отношении инородцев Сибири носило фрагментарный характер, и законодательные акты касались в основном вопросов организации сбора налогов и крещения инородцев.

Устав 1822 г. явился переломным моментом в политике Российского государства в отношении инородцев, основной смысл которой заключался не только в стремлении обеспечить бесперебойное пополнение государственной казны налоговыми поступлениями, но и в процессе унификации управления, который происходил за счет приобщения инородцев к земледелию, уравнивания в правах оседлых инородцев с крестьянами.

Российское государство до середины 90-х гг. XIX в. стремилось не ломать существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, основанную на родоплеменном принципе, и сохранить традиционный образ жизни. Однако такой подход перестал отвечать политике Российского государства, пытавшегося изменить геополитическую ситуацию на востоке – сделать азиатские окраины России русскими.

Законы конца XIX – начала XX в. отразили изменения в политике Российского государства в отношении инородцев, связанные с ассимиляцией инородцев с русским населением, с социально-экономическим развитием народов Сибири, разложением патриархально-феодалных и развитием капиталистических отношений. Новое законодательство уничтожило систему М. Сперанского, также упразднило и юридическую функцию родов. Царское правительство привело администрацию бурят в соответствие с принципами управления русскими крестьянами в Сибири, разрушив родоплеменную организацию.

Характеризуя политику Российского государства на всем протяжении XVII–XIX вв. в отношении бурят, надо отметить, что оно старалось чрезвычайно бережно и осторожно подходить к разрешению вопросов, затрагивающих существенные интересы бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области¹.

Буряты экономическими и культурными узами были всегда крепко связаны с Россией, и, как отмечают многие чиновники, на всем протяжении долгой совместной жизни бурят с русскими не было ни одного момента, когда симпатии бурят к России были бы заглушены соображениями расового или племенного характера². Основной причиной проведения такой политики стал пограничный фактор, желание России сохранить свои государственные границы, развивать в Монголии торговые интересы, восстановить и закрепить свое международное положение на Дальнем Востоке.

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17327. Л. 4об.-5.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17327. Л. 4.

Глава 3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

3.1. Образование и развитие системы бурятских органов местного самоуправления в 1820–1890-х гг.

В начале XIX в. в российском правительстве шел интенсивный поиск приемлемых форм организации власти на окраинах Российской империи. В этот период система управления национальными окраинами России отличалась «особенным характером административно-территориального деления (наместничества в Царстве Польском с 1815 г. и на Кавказе с 1844–1845 гг., генерал-губернаторства в Прибалтике, Оренбургском крае, Западной и Восточной Сибири и т. д.) и наличием специфических, нередко для данной окраины, учреждений и должностных лиц. Специфика же управления отдельными национальными окраинами определялась местными задачами царизма: например, на Кавказе она была вызвана частыми войнами с Турцией и Персией и почти постоянным состоянием войны с борющимися за свою независимость горскими народами, в Польше – необходимостью укрепления западных границ и угрозой восстания и т. п.»¹ Основной задачей Российского государства в Сибири было удержание под своей властью более 30 народностей, столь отличных по своему этническому, хозяйственному, культурному облику наро-

¹ Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 239.

дов, а также создание механизмов их интеграции в систему общероссийских государственных связей, которые обеспечили бы целостность государства¹.

Особую остроту вопросу об управлении в Сибири придавал непрекращающийся поток жалоб о злоупотреблениях сибирских чиновников. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство, административный произвол снижали податные возможности сибирского населения, что наносило ощутимый ущерб фискальным интересам царизма. В правительственных кругах шла борьба между сторонниками унификации управления окраинами и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий².

Следующим фактором проведения реформы управления в Сибири становятся изменения в хозяйственном укладе бурятского населения, происходившие в конце XVIII и первой половине XIX в. Наряду со скотоводством развивается земледелие, увеличивается сенокосение, распространяется использование наемного труда в сельском хозяйстве, развиваются товарно-денежные отношения. Уменьшение доли охоты приводит к вытеснению натурального ясака денежным. Все эти факторы свидетельствовали о вхождении бурятского хозяйства в рыночные отношения и необходимости перестройки системы управления.

В целом рассматриваемое время было периодом преобладания регионалистских тенденций в политике царизма по управлению окраинами. Создание и деятельность органов местного самоуправления у некоторых сибирских народов в форме степных дум, инородных управ и родовых управлений было проявлением этих тенденций.

История органов местного самоуправления сибирских народов в XIX – начале XX в., как уникальный опыт самоуправления коренных сибирских народов, представляет огромный интерес для исследователей. В ходе присоединения новых сибирских территорий Русское государство встало на путь инкорпорирования существовавших ранее форм социальной самоорганизации народов Сибири, в том числе и имеющих властные полномочия, в свой состав. Кроме того, царское правительство было вынуждено счи-

¹ Мамышева Е. П. Указ. соч. С. 21–22.

² Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти. (Начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005. С. 70.

таться с нормами обычного права и некоторыми другими обычаями, регулировавшими жизнь этих народов¹.

Согласно Уставу 1822 г. устанавливалось трехступенчатое управление кочевыми народами: степная дума, инородная управа, родовое управление. Степные думы, как высшая ступень органов инородческого самоуправления, были образованы у бурят, хакасов, эвенков и якутов. У бурят было учреждено 12 степных дум, у хакасов – 4: Кызыльская, Койбальская, Качинская, Аскызская, у эвенков – Урульгинская степная дума, у якутов – Якутская степная дума. Всего по Уставу 1822 г. было образовано 18 степных дум в Сибири.

Новая система органов местного самоуправления была достаточно эффективной: инородческие общества самостоятельно, в пределах своего ведомства, при четком следовании общероссийским законам решали все административные, хозяйственные, судебные, кроме уголовных, вопросы, занимались развитием народного образования, здравоохранения, социальным призрением и благотворительностью. Таким образом, на протяжении XIX в. у сибирских народов, в том числе и бурят, создавался уникальный опыт самоуправления.

Хакасские степные думы были учреждены по предписанию Енисейского губернского правления от 4 февраля 1825 г., согласно которому «инородцы, живущие в Ачинском и Минусинском уездах, причислены по образу их занятий ко 2 разряду и разделены на южных скотоводцев и промышленников и на кочующих земледельцев, между ними учреждены и думы, и 39 родовых управ, и выбраны начальники и головы. Инородцы, занимающие Енисейский округ, по образу их занятий подходят все к 3-му разряду и наименованы бродячими; разделены на 42 родовых управления, каждое под ведомство своего князца». На момент реформы инородцев в Енисейской губернии, по данным губернского правления, насчитывалось 15 076 душ; по уездам они распределялись так: в Ачинском – 2855, в Минусинском – 8069, в Енисейском – 4152².

¹ Борисов А. А., Дамешек Л. М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1(6).

² Чибизев И. Я. Указ. соч. С. 379.

Особенностью системы местного самоуправления хакасов является то, что трехступенчатая система была создана по настоянию енисейского гражданского губернатора А. П. Степанова в обход Устава об управлении инородцев 1822 г. По его инициативе от минусинских и ачинских инородцев были собраны «приговоры, утвержденные рукоприкладством и печатями князцов», с просьбой об учреждении у них степных дум «по образцу забайкальских». На основе эти приговоров в Енисейском губернском совете вынесли соответствующее решение, утвержденное восточносибирским генерал-губернатором¹.

Качинская (Усть-Абаканская) степная дума была учреждена в Минусинском уезде Енисейской губернии и функционировала в 1823–1854 гг. В состав думы вошли административные роды Шалошина I и II половины, Тубинского, Кубанова, Татарова, Мунгатова, Абалтаева, Таташева, Абалакова, Тинского и Ярино-Остынского численностью в 3821 человек². Местонахождение думы было в с. Усть-Абаканское. После упразднения в 1854 г. образованы Абаканская и Июсская инородные управы³.

Койбальская степная дума была учреждена в 1823 г. в Минусинском округе Енисейской губернии и состояла из 7 административных родов, или улусов: Таражаковского, Больше-Байкотского, Мало-Байкотского, Абугачаевского, Кольского, Арши, Кандыковского⁴. Общее количество населения составляло в 1823 г. 1317 человек (861 – м. п. и 456 – ж. п.). Местонахождение думы сначала было на протоке р. Абакан, а позже в д. Уты. По инициативе Минусинского окружного начальника в 1856 г. семь родов были объединены в 2: Койбальский и Салбино-Койбальский. Койбальский род был причислен к степной думе соединенных разных племен, а Сабино-Койбальский – к Абаканской инородной управе⁵.

Аскызская (Сагайская) степная дума входила в состав Минусинского уезда и состояла из 10 административных родов: Бельтирского, Кизильско-Каргинского, Бийско-Ковинского, Ближне-

¹ Мамышева Е. П. Указ. соч. С. 29.

² Чибизев И. Я. Указ. соч. С. 380.

³ Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. С. 270–271.

⁴ Чибизев И. Я. Указ. соч. С. 381.

⁵ Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. С. 286–287.

Каргинского, Дальне-Каргинского, Кивинско-Кубинского, Казановского II половины, Сагайского I и II половины, Карачаровского. В ведомстве числилось 3654 души¹.

Кызыльская степная дума была учреждена в Ачинском округе из 12 родовых управ во главе с родоначальником Григорием Ульчегачевым и состояла из инородцев Кызыльского, Мелецкого I и II половины, Большеачинского, Малоачинского, Игинского, Шуйского, Малоаргунского, Басагарского, отделенного от II половины, Басагарского I и II половины, Камларского и Курчиковского административных родов. По статистике Енисейского губернского правления, по ведомству числилось 2855 душ «скотоводцев и промышленников», из них 374 «кочевых земледельца»². Место пребывания думы – улус Печищенский, с 1868 г. – улус Божьеозерский. В 1835 г. из ведомства думы выделились в Мелецкую инородную управу Мелецкий I и II половины административные роды. В 1893 г. Кызыльская степная дума преобразована в Кызыльскую инородную управу³.

Кроме кочевых инородцев в Енисейской губернии проживали бродячие инородцы: тунгусы – 1434 души, остяки – 1299, юрки – 249, самоеды – 429, якуты – 296, для которых были учреждены 42 родовых управления.

К 1872 г. в Минусинском округе Енисейской губернии население инородцев было представлено двумя ведомствами: Абаканской инородной управой и Сагайской степной думой, которые были разделенными на родовые управления. Население вело кочевой образ жизни и, как отмечается, «занимаются скотоводством, отчасти зверопромышленностью, оседлых же инородцев, имеющих хлебопашество и живущих отдельными селениями из числа 5336 ревизских душ мужского пола, состоящих в ведомстве Абаканской инородной управы, считается только 135, проживающих в отдельных селениях Устьерыркальском, Биджинском, Устьябаканском и Талчанском, земледелием занимаются 113 душ, которыми в 1869 г. употреблено под посевы до 106 десятин»⁴.

¹ Чибизев И. Я. Указ. соч. С. 381.

² Чибизев И. Я. Указ. соч. С. 379.

³ Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. С. 335–336.

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3771. Л. 5.

В Сагайской степной думе из 7443 душ, ведущих кочевую жизнь, земледелием занимается до 1070 душ, которыми было посеяно в 1869 г. озимого и ярового хлеба 1425 четвертей. Эти оседлые инородцы проживают в инородческих селениях Удах, Синявиной, Азкыз, Устьсее и др.¹

Из общего населения инородцев Минусинского округа в христианской вере считается до 11 520 душ мужского пола и до 1250 душ язычников и шаманов, но из числа принявших крещение весьма многие придерживаются обычаев и шаманства и никогда не бывают у исповеди и святого причастия, как это видно из производства следственных дел. Причины неполного развития христианства между инородцами, по мнению исправника, заключается в непонимании русского языка большей половиной всего инородческого населения, в малом количестве церквей, которых у инородцев во всем округе только три, и наличии влияния шаманствующих, пользующихся доверием и уважением среди населения².

Главное благосостояние инородцев Минусинского округа заключается в скотоводстве; мало- и среднесостоятельные составляют более половины населения, имеют от 5 до 70 лошадей, от 10 до 50 голов рогатого скота и от 20 до 100 овец, более богатые инородцы имеют от 500 до 1000 лошадей, до 500 голов рогатого скота и до 2000 овец. Совершенно бедных инородцев, приобретающих необходимые потребности для жизни и для уплаты податей заработками у крестьян, при сплаве барок или на золотых приисках, по Абаканской инородной управе считается до 160 душ мужского пола и столько же женского, приблизительно в подобном же размере можно считать и совершенно бедных инородцев Сагайской степной думы.

По мнению минусинского окружного исправника, умственное развитие инородцев остается в самом грубом невежестве, и хотя при инородной управе и степной думе имеются приходские училища, но в каждом из них обучается не более 10 мальчиков. При обычаях кочевой жизни, занимаясь одним скотоводством, инородцы ведут жизнь более праздную и склонны к пьянству, для которого употребляется ими напиток собственного изделия – «айрак». Несмотря на это, случаи уголовных преступлений между

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 5об.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 6-6об.

ними бывают редки и все население инородцев отличается преданностью русскому правительству и с покорностью исполняют все распоряжения местных властей.

В Ачинском округе Енисейской губернии к 1869 г. имелись два инородческих ведомства: Кызыльская степная дума и Мелецкая отдельная инородная управа, население которых вели кочевую жизнь. Инородцы Кызыльской степной думы в основном занимались скотоводством и звероловством, а Мелецкой управы – звероловством и рыболовством. Хлебопашеством занимались до 460 душ в Кызыльской думе и до 130 душ в Мелецкой управе. По мнению Ачинского окружного исправника, для успешного развития хлебопашества необходимо поселить русских, одобренных в поведении своими обществами и волостными начальниками, между инородцами думы с их согласия с воспрещением ввоза и продажи крепких напитков. В Мелецкой же управе инородцы, постоянно кочующие по северным лесам и тундрам, не имеют ни средства, ни возможности сделаться земледельцем. Все инородцы Ачинского округа приняли святое крещение, но большая часть из них прибегают к шаманству. Что же касается их взгляда на русское правительство, как считает окружной исправник, инородцы понимают, что правительство есть власть, которой они обязаны повиноваться и повинуются беспрекословно¹.

К 1893 г. оставшиеся две степные думы были упразднены и установилась двухступенчатая система органов местного самоуправления: инородная управа – родовое управление. В 1908–1914 гг. в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губернии в рамках активизировавшегося землеустройства проводилась и административная реформа: традиционные органы самоуправления заменялись волостными учреждениями по крестьянскому образцу. Постановлением Енисейского губернского управления от 28 октября 1911 г. хакасы были перечислены из кочевых в оседлые, а инородные управы были преобразованы в волости².

Особенность реформы управления в Якутской области заключалась в том, что к концу 1823 г. была создана система территориального административного управления, имеющая в своем составе 17 инородных управ и 195 родовых управлений, и только

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 7–8.

² Мамышева Е. П. Указ. соч. С. 50–51.

в 1827 г. была учреждена Якутская степная дума. По характеру и значению своей деятельности Якутская степная дума вскоре стала органом самоуправления областного уровня. Среди основных дел думы наиболее впечатляющими были организация хозяйственного освоения значительных площадей земельных угодий в Центральной Якутии, распределение населения по пяти земельно-ясачным разрядам и проведение в 1830 г. в г. Якутске съезда представителей инородческого населения¹.

Однако по распоряжению иркутского генерал-губернатора в 1838 г. через 11 лет после учреждения Якутская степная дума была распущена. В обоснование этого было сказано следующее: якуты никогда не были подчинены, подобно бурятам, одному главному родоначальнику; учреждение степной думы в многолюдном городе само по себе было незаконным; выбор главного родоначальника провоцировал вражду между родоначальниками; содержание думы стоило более 4000 руб. ежегодно. По мнению В. К. Иванова, действительной причиной роспуска думы явилось то, что власти опасались деятельности думы, которая проводила достаточно самостоятельную политику и противодействовала власти, защищая права и свободы якутского народа. Оценивая значение Якутской степной думы, автор отмечает, что ее деятельность привела: 1) к уменьшению письмоводительства в наслегах; 2) к сокращению разъездов чиновников, казаков и транспортных смотрителей по наслегам и улусам; 3) к уменьшению собраний старост и старшин; 4) к прекращению самоуправного жительства русских в якутских местностях; 5) к ограничению содержания скота русскими и т. д. В целом, благодаря деятельности Якутской степной думы, стало возможным добиваться большей экономической, финансовой, политической деятельности².

Важное место в истории народов Сибири XIX в. занимают тунгусские органы местного самоуправления. Тунгусы, населявшие Западное Забайкалье, были объединены в несколько инородных управ и родовые управления. Так, в Баргузинском ведомстве были учреждены Баргузинская тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарское Чильчагирское, Нижнеангарское Киндигирское, Подлеморско-Шемагирское и Кучитское ро-

¹ Пахомов Е. А. Указ. соч. С. 44–45.

² Иванов В. К. Указ. соч. С. 104–105.

довые управления. В Селенгинском ведомстве была учреждена Армакская инородная управа со смешанным тунгусским и бурятским населением. Малочисленные роды тунгусов также входили как административные единицы в состав степных дум, как, например, род Малобельских тунгусов входил в состав Аларской степной думы. В Восточном Забайкалье тунгусы были объединены в Урульгинскую степную думу, состоявшую из 6 инородных управ с родовым управлением.

Согласно Уставу 1822 г., тунгусы были отнесены к бродячим народам, приравненным в правах с кочующими инородцами, т. е. они составляли особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от него по управлению.

На тунгусов распространялся сбор ясака, освобождение от рекрутской повинности, они имели полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами в своих землях, другим же сословиям запрещалось самовольно селиться на их землях. Так, в предписании крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Нижнеангарскому Киндигирскому родовому управлению от 22 июня 1903 г. указывалось, что «на землях бродячих инородцев не имеет права селиться никто без согласия общества тунгусов, отразившегося в общественном приговоре. Ввиду сказанного предписываю родовому управлению не разрешать никому из лиц, не принадлежащих к обществу тунгусов, строить дома, занимать участки земли без общественных приговоров, утвержденных крестьянским начальником»¹.

Все мирские расходы производились из доходов, получаемых за отдачу в аренду сенокосных угодий и рыболовных оброчных статей. Так, в 1908 г. общественным приговором тунгусов Подлеморско-Шемагирского родового управления реки Большая Черемшанка, Кудалды, Урбикан и Томпа были отданы в арендное содержание за 4117 руб. на срок с 1 сентября 1908 г. по 1 марта 1909 г. На деньги, вырученные от отдачи с торгов зверопромышленных речек, содержали родовое управление, уплачивали ясак в размере 41 руб. 40коп., заготавливали для тунгусов с торгов по приговорам общества товары и припасы в необходимом количестве. Товары и припасы хранились в магазине при родовом

¹ ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 40. Л. 20–20об.

управлении, на них велась товарно-учетная книга и в случае необходимости выдавались тунгусам на сугланах¹.

Отдача тунгусскими обществами рек в аренду находилась под строгим наблюдением вышестоящего начальства, с согласия которого производилась процедура аренды. Например, в 1911 г. крестьянский начальник Баргузинского уезда подал объявления об отдаче с торгов в Нижнеангарском Киндигирском родовом управлении с 1 октября для зверопромышленности нижеследующих речек, принадлежавших тунгусам Киндигирского рода: Горячая, Берно, Аея, Фромиха, Ироктакань, Акуликан, Аркуликан².

Урульгинская степная дума объединила роды степных, или так называемых конных, тунгусов и бродячих орочен Восточного Забайкалья. Тунгусы (хамниганы) ононские к началу XX в., по мнению Ц. Жамцарано, представляли собой «обурятиявшийся и омонголившийся» народ³. Тунгусы Восточного Забайкалья приняли русское подданство в 1667 г. Родоначальниками тунгусских родов являлись князья Гантимуровы по наследственному принципу с конца XVII в. Гантимур, «по происхождению манджур, родственник китайского богдыхана», был послан последним с войском в Сибирь для завоевания Аргунского острога, но, «увидя русских людей житие доброе, и поревновав тому житию», вывез из Китая своих жен, детей и родственников, всего более 500 человек, и поселился в Русской земле⁴.

В Именном указе царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 5 марта 1685 г. Нерчинскому стольному воеводе Ивану Астафьевичу Власову отмечается, что даурских острогов тунгусские князьцы Гантимур с сыном своим Катанаем решили принять православную христианскую веру. Обряд крещения был проведен в г. Нерчинске: Гантимур был наречен Петром, Катанай – Павлом. После крещения Гантимур-Петр со своим сыном Катанаем-Павлом отправились на прием к царям в Москву, однако Гантимур не доехал до столицы, умер и был похоронен в Нарыме. Катанай-Павел был принят царями, и ему были даны «за восприятие православной христианской веры жалованье, платье и поденного платья

¹ ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 15.

² ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 57. Л. 49–49об.

³ Котвич В. Л. Из эпистолярного наследия. Улан-Батор, 2011. С. 87.

⁴ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48.

и корма довольно и велели его Павла писать княжьим именем и написать его по Московскому списку и из Москвы его отпустить в Дауры в Нерчинск по-прежнему». Конечно, такие почести Павлу Гантимурову были оказаны не только за принятие христианской веры, но и за обещание защитить русские границы на востоке.

Князю Павлу Гантимурову было выдано жалование в размере 30 руб., хлеба и соли он должен был получить в Енисейске, к тому указывалось «для его иноземства построить в Нерчинске двор добрый Нерчинскими служилыми людьми и пашенными крестьянами».

В донесении Читинского окружного начальника военному губернатору от 11 июня 1894 г. отмечается, что с Гантимуром в Россию пришли 39 тунгусских родов, которые «заселились не самовольно, а по распоряжению правительства, так как были хранителями русской границы от набегов братских и китайских людей»¹.

С этого времени тунгусы под предводительством князей Гантимуровых твердо стояли на защите русской границы в Нерчинском уезде. По отзывам царских чиновников, нерчинские тунгусы были храбрейшими из всех сибирских инородцев, почему их и привлекли к несению пограничной службы. Согласно установленной графом С. Л. Владиславичем-Рагузинским системе наблюдений за границами, в 1727–1752 гг. нерчинские тунгусы содержали пограничные караулы в Восточном Забайкалье. В 1756 г. для борьбы с монгольской угрозой тунгусы впервые выставили по примеру селенгинских бурят три сторожевые партии: две партии князя Павла Гантимурова – одна в 200, а другая в 150 человек; третья партия находилась под началом Алексея Гантимурова и состояла из 50 человек.

Однако несение караульной службы было сопряжено с большими трудностями для тунгусов. Они были вынуждены жить в неудобных для скотоводства местах, вдали от кочевьев своих сородичей, при пограничных караулах; от тяжести службы и монгольских грабежей многие тунгусы оказались в совершенном разорении, особенно шилкинские тунгусы из Сардаульского, Цамцагирского и Почегатского родов. В 1758 г. появляется проект создания команды из 500 тунгусов для охраны Нерчинской границы, причем комплектование должно было происходить из всех тун-

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 93.

гусских родов самыми зажиточными мужчинами, освобожденными от уплаты ясака.

17 октября 1760 г. был принят Указ Сената об учреждении тунгусского конного полка. Устройство Тунгусской пятисотенной команды и распределение ее на Нерчинской границе было поручено бригадиру В. Якоби. 15-го января 1761 г. он командировал с этой целью в Нерчинск своего сына, секунд-майора Ивана Якоби. Зима была чрезвычайно снежная, и собрать в одно место тунгусов было затруднительно. Поэтому секунд-майор И. Якоби назначил несколько сборных пунктов, куда Нерчинская воеводская канцелярия и вытребовала тунгусов:

1) шилкинские тунгусы собирались на р. Мотакон около заимки Епифанцева;

2) аргунские – на р. Верхней Борзе при устье р. Бырки, а часть на Средней Борзее;

3) ононским тунгусам предоставлялось самим выбрать сборное место;

4) тунгусы, жившие по Нерче, вызваны были в Нерчинск;

5) все роды, кочевавшие в других местах, избирали места сборищ и сообщали в Нерчинск.

Переезжая с места на место, секунд-майор постепенно выбрал 500 тунгусов, не замеченных в пограничном воровстве. Выборы производились из охотников по состоянию и исправности. Выбранные таким образом тунгусы были приведены по их обычаю к присяге на верность службы (некрещеные целовали ружье, а принявшие православие – по христианскому обряду). В 1761 г. все команды были уже отправлены на караулы под начальством ефрейторов вместе с семействами, пожитками и скотом.

Каждый тунгус-казак имел по две лошади: одну собственную, другую от хоринских бурят. Вооружить тунгусских казаков предполагали саблями и луками. Тунгусы заявили желание купить сабли на собственные деньги.

Тунгусы, выделенные в пятисотенную команду, стали называться тунгусскими казаками. Звание казака было наследственным в этих родах. Однако они сохранили связь со своими сородичами, так как подчинялись одному начальнику – князю Павлу Гантимурову, объединявшему в своем лице командира команды и начальника родов, судились по одному и тому же обычному праву

своими родовыми начальниками и были связаны материальной порукой¹.

Таким образом, в 1667 г. тунгусы приняли российское подданство, в 1760–1761 гг. был образован Тунгусский пятисотенный полк, который на протяжении долгого времени стоял на охране государственной границы России. Тунгусский пятисотенный полк со 162 нерчинскими казаками и 22 солдатами якутскими положил основание будущему пограничному Забайкальскому казачеству, сыгравшему огромную роль в освоении новых сибирских земель, укреплении и охране российской границы на востоке.

По Уставу об управлении инородцев 1822 г. тунгусы, наряду с другими сибирскими народами, получили систему местного самоуправления, действовавшую у них до 1901–1902 гг., до проведения волостной реформы.

Территория Урульгинской думы была обширной и включала в себя плодородные земли в верховьях р. Онон, ниже по течению, а также земли по рекам Ингода, Шилка и т. д. В ведение думы первоначально вошли шесть инородных управ: Урульгинская, Оловская, Шундуинская, Маньковская, Кужертаевская, Онгоцонская, каждая из которых в свою очередь состояла из нескольких родовых управлений. О местах кочевий, названии родов и количестве населения свидетельствуют данные за 1827 г.

Согласно статистическим отчетам, численность тунгусов ведомства составляла: в 1827 г. – 4834, в 1852 г. – 13 779 чел., в 1864 г. – 16 295 чел., в 1874 г. – 15 845 чел., в 1886 г. – 22 564, в 1894 г. – 26 209 чел., т. е. на протяжении всего XIX в. шел непрерывный рост населения. Основное население ведомства было отнесено к разряду кочевых – 99,9 %, только 0,1 % составляли оседлые тунгусы. В составе населения числились около 400 бродячих ороchon.

В 1864 г. из 16 295 жителей ведомства 8333 были мужского пола, 7962 женского пола, т. е. мужское население преобладало над женским на 371 чел., что является обычным показателем среди инородческих ведомств². Например, в Агинском ведомстве на 15 696 мужчин приходилось 14 828 женщин³, в Хоринском ведом-

¹ Васильев А. П. Забайкальские казаки : ист. очерк. Т. 2. С. 157–163.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 145.

³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2672. Л. 87–88.

стве на 23 827 мужчин 22 407 женщин, в Селенгинском ведомстве на 16 135 мужчин 16 023 женщины¹.

В 1851 г. из 14 740 жителей Урульгинской думы 4270 (29 %) человек исповедовали ламаизм, 7526 (51 %) – христианскую веру, а остальные 20 % относились к «идолопоклонникам». В 1886 г. православные тунгусы составляли 66 %, а буддисты и шаманисты – 34 %. Тунгусы Оловской, Шундуинской и Маньковской инородных управ почти все были православными, а в Урульгинской, Кужертаевской и Онгоцонской управах большая часть населения были «идолопоклонниками», т. е. буддистами и шаманистами.

Согласно Уставу 1822 г., тунгусы имели полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами в своих землях, другим же сословиям запрещалось самовольно селиться на их землях. О хозяйственной деятельности тунгусов свидетельствуют ежегодные отчеты степной думы. Так, в отчете думы за 1864 г. отмечается, что «тунгусы Маньчжурского племени; православные живут в русских селениях, занимаются свойственными крестьянам работами, а идолопоклонники проводят жизнь кочевую, занимаясь скотоводством и зверопромышленностью»². Далее пишется: «При общем взгляде на народную нравственность, можно заметить патриархальную простоту и нравы инородцев довольно чисты, что можно заключить из того, что в течение последнего десятилетия случилось только одно уголовное преступление, воровство и конокрадство хотя и были, но, в посредственном количестве, и виновные подвергнуты законному наказанию. К 1864 г. подобных дел в производстве не состоит»³.

По данным отчета, на 16 295 жителей ведомства приходилось 14 447 голов лошадей, 9806 – крупного рогатого скота, 19 675 овец, 713 свиней, 3975 коз, 64 верблюда, 32 оленя, девять буйволов⁴, в среднем на одного жителя приходилось по три головы домашнего скота. Земледелие было ограничено. Рыболовством занимались для собственного пропитания, а охотой – для уплаты ясака. В Урульгинском ведомстве было учреждено 26 экономических хлебозапасных

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 70.

² ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 566. Л. 48.

³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 119об.-120.

⁴ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 566. Л. 123.

магазинов, имелось 1042 деревянных частных дома, 1574 войлочных и деревянных юрт, 26 кузниц, 73 мельницы.

Отличие от кочевых народов заключалось в том, что бродячим тунгусам отводились целые полосы земли и на них не распространялись земские и губернские повинности, не предусматривались расходы на содержание степного управления¹. Забайкальские же тунгусы были приравнены к кочевым инородцам, поэтому на них распространялись земские, губернские и внутренние повинности. В 1894 г. Урульгинская степная дума внесла в казну 25 866 руб. 80 коп, из них подушная подать составляла 4208 руб. 56 коп, частные повинности 36 руб., межевой капитал – 115 руб. 29 коп, ясак – 4336 руб. 84 коп, губернская земская повинность – 13 982 руб. 47 коп. В эту же сумму входили оброчная подать и пожарный капитал, уплачиваемые оседлыми инородцами².

В 1886 г. содержание степного местного самоуправления обходилось Урульгинскому ведомству в 11 742 руб. 56 ½ коп, с каждой ревизской души по 1 руб. 39 ¼ коп. Эта цифра является также средней по сравнению с другими инородческими ведомствами, так в Селенгинской степной думе собирали по 1 руб. 5 ½ коп. с одной ревизской души, Баргузинской степной думе по 1 руб. 46 ¼ коп, Кударинской степной думе по 3 руб. 60 коп³. и т. д.

Внутренние повинности включали в себя жалованья писарям 26 экономических магазинов, 6 письмоводителям инородных управ, письмоводителю думы, его двум помощникам, содержание семи мальчиков при Урульгинском приходском училище, жалованье учителя, содержание тюремных помещений, дорог, мостов, наем лошадей под воинские и арестантские партии с продовольствием и т. д.⁴.

Тунгусы управлялись собственными родоначальниками и почетными людьми, из которых составлялось свое управление. Из всех сибирских народов только у тунгусов были потомственные дворяне Гантимуровы по Московскому списку, что свидетельствовало об их значимости для Российского государства. Они с самого начала носи-

¹ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 398.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 84.

³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 19об.

⁴ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 101–102.

ли титул начальника тунгусских родов, а позднее председателя Урульгинской степной думы, который передавался по наследству только прямым наследникам Петра Гантимурова. Должности заседателей думы, голов и выборных были выборными.

Все важные административные и хозяйственные вопросы решались на общих собраниях-сугланах при степной думе, которые обычно созывались два раза в год, в марте и декабре. На сугланах производили раскладку казенных сборов, обсуждали различные хозяйственные вопросы. Все дела решались с общего согласия, принятием общественных приговоров (решений).

Урульгинская степная дума была ликвидирована после введения волостной реформы 1901 г. К моменту ликвидации Урульгинской степной думы в ее составе числилось 7 инородных управ, добавилась Ульдургинская инородная управа, образовавшаяся из бурят, выселившихся из Баргузинского ведомства на р. Улдургу. Согласно журналу Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г., Урульгинская степная дума была упразднена, а инородные управы реорганизованы в инородческие волости:

1) Урульгинская инородная управа – в Урульгинскую волость, куда вошли Урульгинское, Верхне-Талачинское, Байцетуевское, Березинское, Бургенское сельские общества;

2) Оловская инородная управа – в Зюльзинскую волость с центром в с. Зюльзинское (Зюльзинское, Илимское, Кокуйское, Цагакшинское, Наринзорское сельские общества);

3) Маньковская инородная управа – в Маньковскую волость с центром в с. Маньковское (Маньковское, Кутугуйское, Акурайское, Барун-Кондуевское, Олдоиндинское, Нижне-Пергонинское отдельные общества);

4) Шундуинская инородная управа – в Шундуинскую волость с центром в с. Шундуинское (Шундуинское, Шивиинское, Усть-Караксарское, Хара-Быркинское, Больше-Соктуевское, Быркинское, Эдартуйское отдельные общества);

5) Ульдургинская инородная управа – в Ульдургинское сельское отдельное общество;

6) Кужертаевская инородная управа – в Кужертаевскую волость с центром в с. Кужертаевское (Тулутаевское и Кужертаевское отдельные общества);

7) Онгоцонская инородная управа – в Онгоцонскую волость с центром в с. Бырцинское (Тарбалджейское, Бырцинское)¹.

Тунгусы же, населявшие Западное Забайкалье, были объединены в несколько инородных управ и родовые управления. Так, в Баргузинском ведомстве были учреждены Баргузинская тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарское Чильчагирское, Нижнеангарское Киндигирское, Подлеморско-Шимагирское и Кучитское родовые управления. В Селенгинском ведомстве была учреждена Армакская инородная управа со смешанным тунгусским и бурятским населением. Малочисленные роды тунгусов также входили как административные единицы в состав степных дум, как, например, род Малобельских тунгусов входил в состав Аларской степной думы.

Баргузинская инородная управа была учреждена для тунгусов Лимагирского, Мунгальского, Баликагирского и Чильчагирского родов, проживавших оседло в селениях, расположенных по обеим сторонам р. Баргузин. В 1872 г. управа насчитывала 516 ревизских душ. Наиболее значительным селением баргузинских тунгусов было урочище Бодон, здесь же размещалась и управа².

Во главе рода стоял шуленга, каждое родовое управление подчинялось Баргузинской тунгусской инородной управе. Основными занятиями местных жителей было рыболовство, охота, скотоводство. Предметами охоты у тунгусов были россомахи, рыси, волки, сохатые, медведи, белки, соболь и т. д. Например, в 1871 г. было добыто: «медведей – 1, коз – 20, кабарговой струи – 25, белок – 200»³. Шкуры дикого и домашнего животного служили основным материалом для изготовления одежды и обуви. Из числа домашнего скота тунгусы имели: «рогатый скот лучшего качества для приплода и работ, а корова вообще для домашнего хозяйства»⁴. Часть тунгусов занималась хлебопашеством.

Баунтовская тунгусская инородная управа объединяла тунгусов трех родов, живших в районе Баунтовских озер: 1 и 2-го Чильчагирского, 3-го Киндигирского⁵. На 1 января 1896 г. населе-

¹ ГАЗК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 38. Л. 32–33.

² ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–7.

³ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

⁴ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.

⁵ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 41. Л. 329об.

ние управы составляло 453 мужчины и 372 женщины, всего 825 человек¹. Они проживали в четырех районах:

- 1) по Витимкану и Чипе;
- 2) по Ципикану;
- 3) по Аупику и Амалатам;
- 4) по Муе².

Баунтовские тунгусы относились к бродячим инородцам. Основными занятиями населения были охота, оленеводство, рыболовство. Охота являлась для тунгусов источником существования и средством для уплаты ясака. В среднем в год баунтовские тунгусы промышляли 20 кабанов, 600 кабарги, 50 лисиц, 20 волков, 5–10 медведей, 10–15 выдр, 50 сохатых, 100 изюбрей, 800 коз, 20–25 соболей, 20 000 белок³.

Оленеводство играло в хозяйственной жизни тунгусов, кроме охоты, решающую роль. Олени использовались как средство передвижения, всего в 1909 г. оленей насчитывалось 665 голов⁴. Из домашнего скота тунгусы содержали 60 лошадей, в незначительном количестве рогатый скот. Рыболовство служило средством пропитания и сбыта в обмен на другие продукты.

Инородная управа занималась развитием промыслов, сбором ясака и взиманием арендной платы за сенокосные угодья и рыбную ловлю с приискового населения. Должностными лицами управы служили голова управы и родовые старосты, получавшие жалованье в размере 25–50 руб. в год. Голова избирался на общем собрании родовичей и утверждался приказом военного губернатора Забайкальской области. Так, в 1913 г. головой служил тунгус И. И. Найканчин с жалованьем 25 руб. в год⁵.

Взыскание ясака с ороchon проводилось родовыми старостами во время ярмарок в декабре, а за свинец и порох плату вносили в управу по мере возможности.

Подлеморско-Шемагирское родовое управление объединяло тунгусов, проживавших между Баргузинским хребтом и оз. Байкал по рекам Шигнанда, Ширильда, Томпа и Чивыркуй. Тунгусы

¹ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

² ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 64.

³ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

⁴ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.

⁵ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

были представлены Шемагирским родом, во главе которого стоял избранный на общем собрании родовой староста – шуленга. Родовой староста избирался на летнем суглане сроком на три года, жалованья не получал, так как «исправлял должность как общественную службу»¹.

В пользовании Шемагирского рода находились земли, прилегающие к восточному берегу оз. Байкал, северной гранью служил мыс Турем за р. Ширильдой, южной – нижнее изголовье Святого Носа. Зверопромысловые речки распределялись между тунгусами следующим образом: речки Малая Черемшанка, Верхняя Кабанья, Вершина Томпы, Согнендон состояли в пользовании тунгусов Власа и Бориса Семушевых, Михаила Колмакова и Афанасия Мисюркеева, живших оседло в Читканской волости и Бодонском отдельном тунгусском обществе; речка Сосновка – К. И. Черных, речка Таркулик – В. Черных, речки Керма и Яксакон – А. Газенвинкелю, речка Шигнанда – З. Цивилеву и А. Малыгину, речка Аминдакань – П. Черных.

Нижнеангарское Киндигирское родовое управление было учреждено для тунгусов Киндигирского рода.

Большой интерес представляет история бурятских степных дум, инородных управ и родовых управлений, которая охватывают в хронологическом отношении длительный период времени – с 1822 по 1904 г., в территориальном отношении – значительные площади в Иркутской губернии и Забайкальской области, в количественном отношении – учреждением 12 степных дум, 53 инородных управ.

Согласно Уставу 1822 г., в течение 1823–1825 гг. было учреждено 11 степных дум в Иркутской губернии – Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, Тункинская, Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская. В 1839 г. из Хоринской степной думы выделилась Агинская степная дума. Таким образом, было учреждено 12 бурятских степных дум. С образованием Забайкальской области в 1851 г. Хоринская, Агинская, Селенгинская, Кударинская и Баргузинская степные думы вошли в ее состав, а остальные 7 степных дум остались в территориальном ведомстве Иркутской губернии.

¹ ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

В середине 1824 г. началось формирование новых бурятских органов местного самоуправления. Указом Иркутского губернского правления от июля 1824 г. «О новом образе устройства инородческого управления» объявлялось «инородцам об их разделении на родовые управления, инородные управы и степные думы и вместе с тем привести в действие согласно высочайшему Уставу новый образ инородческого управления»¹.

Новая система органов местного самоуправления создавалась не на пустом месте. Надо отметить, что первыми органами местного самоуправления бурят стали «мирские сборные избы», затем переименованные в степные конторы, учрежденные в середине XVIII в. По сведениям Главного управления Восточной Сибири, буряты имели родовые конторы, составленные из шуленгов под председательством тайши, остяки – сборные или сугланские места, у якутов местное самоуправление делилось по родам и старшинами и князьцами родовыми и наследными, а по улусам – головами улусными и т. д.².

Первая мирская изба была учреждена для хоринских бурят в 1749 г. в с. Онинское. В задачу степных контор входили раскладка, сбор и передача в казну податей, распределение повинностей, исполнение предписаний губернского и уездного начальников. В состав конторы входили главный тайша и депутаты.

Впоследствии в разные годы были учреждены степные конторы в Балаганском, Верхоленском, Кудинском, Ольхонском, Селенгинском и других ведомствах. Как пишет М. Н. Хангалов, балаганские, идинские, аларские и китойские буряты имели одну общую контору, учрежденную около 1750 г. в с. Черемхово³. В Селенгинском ведомстве степная контора была учреждена в 1808 г., в Баргузинском ведомстве – в 1811 г. Одной из последних, видимо, была образована Тункинская степная контора в 1823 г.⁴ Так, в фонде Баргузинской степной думы сохранился документ об учреждении степной конторы: в 1810 г. баргузинские братские главные зайсаны Цанкир Андреев и Танхи Имышкеев обратились с прошени-

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 131–136об.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 180.

³ Хангалов М. Н. Юридические обычаи бурят // Собр. соч. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. С. 198.

⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 66об.

ем в Иркутский губернский суд об учреждении у них братской конторы для исправлений государственных дел и ярмарки¹.

В связи с учреждением новой системы местного самоуправления по Уставу 1822 г. степные конторы переименовываются в степные думы, образуются инородные управы и родовые управления. Особенностью формирования новой системы инородческого управления бурят явилось учреждение в разных ведомствах полной трехступенчатой и неполной – двухступенчатой системы. В справке Иркутского губернского общего управления, представленной в ГУВС 26 июля 1882 г., отмечается, что само губернское управление оказалось в затруднительном положении по вопросу об истории учреждения инородческого местного самоуправления по Уставу 1822 г. из-за отсутствия архивных документов.

По всем бурятским ведомствам были направлены запросы о предоставлении сведений об образовании системы местного самоуправления по Уставу 1822 г. Благодаря представленному подлинному делу Балаганской степной думы за 1823–1824 гг. удалось установить, что степные думы, инородные управы и родовые управления у бурят были учреждены по указу Иркутского губернского правления от июля 1824 г. «О новом образе устройства инородческого управления». Из представленных донесений степных дум оказалось, что все степные думы были образованы в августе-декабре 1824 гг. Так, в августе 1824 г. были образованы Идинская и Балаганская степные думы, в ноябре 1824 г. – Кудинская степная дума, в декабре 1824 г. Верховенская степная дума и т. д.²

Таким образом, оказалось, что в большинстве бурятских ведомств были учреждены степные думы и родовые управления, т. е. двухступенчатая система органов местного самоуправления, что явилось нарушением статьи 114 Устава об управлении инородцев 1822 г., согласно которой степные думы разрешалось учредить только забайкальским бурятам³. Однако в нарушение этой статьи Устава у западных бурят были повсеместно учреждены степные думы, и, как отмечает П. Т. Хаптаев⁴, степные думы оттеснили инородные управы на задний план. В результате здесь к концу XIX в. суще-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 66об., 114–116, 131–136об.

³ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 29126. С. 400.

⁴ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии ... С. 32.

ствовали две системы управления: 1) родовое управление – степная дума; 2) родовое управление – инородная управа.

В связи с этим в 1889 г. более четко высказался иркутский генерал-губернатор А. П. Игнатъев в своем докладе: «Со времени моего вступления в управление высочайше вверенным мне краем, обращая особенное внимание на инородческое управление, я принужден был неоднократно убеждаться во многих неправильностях и отступлениях от основных начал, установленных для него положением 22 июля 1822 г. ... По силе этого закона в инородческом управлении должно быть всего две степени управления: первая – родовое управление, состоящее из старосты и одного или двух помощников, и вторая – инородная управа в лице одного головы и двух выборных. Только для исключительно хозяйственных дел многих родов, соединенных вместе, дозволялось иметь, и то лишь забайкальским бурятам, еще третью степень – степную думу».

Далее Игнатъев отмечает, что несмотря на положения Устава 1822 г., «в ведомствах Тункинском, Балаганском, Верхоленском, Аларском, Кудинском, Ольхонском и Идинском были, как оказалось, еще с 1824 г. по указу Иркутского губернского правления, учреждены степные думы, принявшие на себя, вопреки точному указанию закона, права и обязанности инородных управ; причем в тех ведомствах, где были образованы думы, инородные управы, установление которых также требовалось вышеупомянутым указом Губернского правления, по всему вероятно, или вовсе не были учреждены, или поглощенные захватом власти первыми и их председателями главными родоначальниками, совершенно прекратили свое существование»¹.

Трехступенчатая система в полном соответствии с Уставом 1822 г. была первоначально учреждена только в Хоринском ведомстве, самом многочисленном и крупном бурятском ведомстве. По 7-й ревизии в Хоринском ведомстве насчитывалось крещеных и некрещеных инородцев мужского пола 21 116 душ, которые состояли в ведении Верхнеудинского земского суда под управлением главной Анинской конторы, состоявшей из «4-х тайшей и некоторого числа депутатов», избираемых из всех родов. Их кочевья простирались по Верхнеудинскому и Нерчинскому уездам, а также по Нерчинско-Заводскому ведомству, которых насчитывалось

¹ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 87.

7007 душ в 2770 семьях. Отдаленность от главной конторы, огромные расстояния между родами от 150 до 600 верст привели к разделению 3 хоринских родов из 11 на две части: Харганатский, Кубдутский и Хуацайский стали делиться на восточные (*зүүн*) и западные (*баруун*) роды. Удаленность хоринских родов от Верхнеудинского уезда затрудняла следственные и другие дела, вела к их затягиванию и увеличению переписки между Верхнеудинским и Нерчинским земскими судами.

По этому поводу нерчинский окружной начальник в 1823 г. обратился к гражданскому губернатору Иркутской губернии с предложением учредить для хоринских бурят, кочующих по Нерчинскому уезду и Нерчинскому Заводскому ведомству, отдельную Агинскую степную думу. Однако хоринское общество выступило против такого предложения, обосновывая свой протест тем, что отделение части хоринских бурят вызовет затруднения в платежах государственных и общественных повинностей. С другой стороны, создание и содержание новой степной думы приведет к новым материальным издержкам¹.

Учитывая мнения двух сторон, с целью сохранения целостности хоринского общества Иркутское губернское правление приняло решение об учреждении Агинской бурятской инородной управы в Нерчинском уезде с непосредственным подчинением Анинской (Хоринской) степной думе, в судебной и полицейской части – под ведение Нерчинского земского суда. Агинским бурятам было предоставлено право избирать в звание головы одного из тайшей или родоначальника, двух выборных из старшин или почетных родовичей.

По сведениям Иркутского губернского правления, изначально предполагалось учреждение в бурятских ведомствах двухступенчатой системы «инородные управы – родовые управления»: например, в Балаганском ведомстве 16 инородных управ и 23 родовых управлений для бурятского населения численностью 6206 душ м. п. и 6084 души ж. п., в Идинском – 12 инородных управ и 39 родовых управлений для 6562 душ м. п. и 6120 душ ж. п.² Однако во всех бурятских ведомствах, кроме Хоринского, была учреждена двухступенчатая система «родовое управление – степная дума»: в

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–8.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 200–202.

Аларском, Балаганском, Идинском, Кудинском, Верхоленском, Ольхонском, Тункинском, Кударинском, Баргузинском, Селенгинском ведомствах. Двухступенчатая система «родовое управление – инородная управа» была учреждена у закаменских бурят, цонголов, ленских, китойских, капсальских бурят.

Учреждение двухступенчатой системы органов местного самоуправления «степная дума – родовое управление» у западных бурят и бурят Селенгинского, Баргузинского, Кударинского ведомств, возможно, оправдывалось необходимостью экономии средств на их содержание, ведь введение еще одной ступени предполагало увеличение суммы внутренних повинностей и значительное увеличение числа должностных лиц, пользовавшихся различными льготами, в том числе и налоговыми, а также увеличение междудворной гоньбы.

Однако подтвердить этот довод не представляется возможным, так как не сохранились архивные документы из-за случившегося пожара в Иркутске в 1879 г., когда огнем были уничтожены фонды Иркутского губернского архива. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1880-х гг., при рассмотрении инородческого вопроса, и Иркутское губернское правление, и Главное управление Восточной Сибири, и сами бурятские ведомства оказались в неведении, каким образом происходило формирование системы инородческого местного самоуправления по Уставу 1822 г.

1. Селенгинская степная дума. Селенгинская степная дума была учреждена в 1825 г. на месте Селенгинской инородческой конторы и первоначально объединяла 18 родовых управлений: Атагановское, Сартоловское, 1-е Табангутское, 2-е Табангутское, 3-е Табангутское, Чернорудское, Селенгинско-Харанутское, Бабай-Хуромшинское, Ользоновское, Хатагинское, Подгородное, Узеновское, Бумал-Готольское, Цонгольское, Ашебагатское, Чикойско-Харанутское, Иройско-Харанутское, Алагуевское¹.

В 1832 г. Иркутское общее губернское управление рассматривало вопрос об отделении бурят Ашабагатского рода от Селенгинской степной думы и учреждении отдельного родового управления с выборным головой. Буряты Ашабагатского рода обратились в Комиссию для составления окладных книг с просьбой об их отделении от степной думы по причине взимания с них излишних

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 185.

поборов и разных притеснений со стороны должностных лиц думы и родовых старшин: во-первых, они вынуждены платить подати за шуленгу, его помощников – шести зайсанов, освобожденных от уплаты налогов; во-вторых, они оплачивают их командировки в степную думу; в-третьих, большие суммы поборов на содержание думы, например, при думе числятся шесть монгольских писарей, один толмач (переводчик), шесть денщиков, двое караульных, которые получают жалование за счет общества и т. д. После рассмотрения вопроса Совет губернского управления решил оставить просьбу ясачных Ашабагатского родового управления без внимания¹.

В ноябре 1863 г. поступило донесение главного тайши Д. Минеева Верхнеудинскому земскому исправнику с просьбой от бурят Селенгинско-Харанутского и Атаганова родов о разделе первого на два родовых управления и второго – на два десятка по причине разбросанности территории. Прошение было направлено в Главное управление Восточной Сибири, и 11 февраля 1864 г. вышло предписание генерал-губернатора Восточной Сибири М. Корсакова: «Раздел Атаганова рода на два десятка под управлением одного головы и двух старост не соответствует никаким пунктам законов, поэтому разрешено не может быть»², и следующее – 11 марта 1864 г.: «Раздел Селенгинско-Харанутского рода на два родовых управления разрешить из-за дальности расстояний»³.

В 1888 г. в состав Селенгинской степной думы входили 22 родовых управления. Дума располагалась в с. Иннокентьевское, в 45 верстах от г. Селенгинска. В своей деятельности дума подчинялась до 1851 г. Верхнеудинскому общему окружному управлению, с 1851 г., с образованием Забайкальской области – Селенгинскому окружному исправнику.

В 1833 г. во главе думы стоял главный родоначальник (тайша), который имел двух помощников, также в думе служило 8 заседателей. Канцелярия думы состояла из письмоводителя и его помощника – переводчика⁴. Выборы родовых начальников производились общественным собранием, на которых присутствова-

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 200. Л. 2–5об.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 54.

³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 66.

⁴ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 174. Л. 91

ли родоначальники, старшины, почетные родовичи и доверенные от инородцев. Все начальники утверждались в своих должностях военным губернатором области, а тайши – генерал-губернатором.

Главными тайшами в разные годы были: Ломбоцыренов Юмдэлэг (Дамби-Жалсан) (1825–1836), Вампилов Ниндак (1837–1853), Буянтуев Жамбал-Доржи (1853–1860), Минеев Дмитрий (1860–1875), Дансорунов Эрдэни (1875–1882), Михайлов Дарма (1882–1885), Юмов Сайнцак (1885–1895), Жамбалтаров Вандан (1895–1903).

2. Хоринская степная дума. Была образована в 1824 г. на месте Хоринской братской степной конторы и первоначально объединяла 11 родов.

С 1745 г. центр Хоринского ведомства располагался в небольшом зимовье на южном склоне горки Худаг вверх от низовьев р. Ана. В 1797 г. здание конторы было перенесено в местность Улан-Бургасан, что на северной стороне р. Ана, выше Анинского селения, а в 1806 г. было перенесено в Анинское селение. Здание Хоринской думы было построено в 1848 г. Здание деревянное, длиной 10 четвертей, шириной 4 четверти, высотой 3 четверти, состояло из нескольких частей: 1) монгольская канцелярия; 2) русская канцелярия; 3) монгольский архив; 4) русский архив; 5) комната казначейская; 6) комната присутствия¹.

Жители ведомства жили в 297 деревянных домах, 7533 войлочных и 2412 деревянных юртах, имели 11 общественных деревянных зданий: здание степной думы, одна часовня, семь дацанов, одно училище².

В Хоринской степной думе было учреждено 14 инородных управ: Галзотская, Барун-Харганатская, Зун-Харганатская, Барун-Хоацайская, Зун-Хоацайская, Барун-Кубдутская, Зун-Кубдутская, Батанайская, Шарайтская, Ботонгутская, Ходайская, Гучитская, Цаганская, Хальбинская и Курбинское отдельное общество³.

Галзотская инородная управа занимала территории по р. Кичинга, впадающей в Кудун, и состояла из 10 родовых управлений: Зыргулейского, Субинского, Ангинского, Табан-Нарасунского,

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 132. Л. 23–24.

² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 145. Л. 182–184.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 580. Л. 21–24.

Моксохонского, Кичингинского, Коркинського, Хасуртаевского, Сакирского, Кудунского.

Барун-Харганатская управа размещалась по р. Тугнуй, впадающей в Хилок, и состояла из 10 родовых управлений: Усть-Тугнуйского, Сулхарнинского, Ехэ-Суминского, Бага-Суминского, Улан-Гангинского, Ула-Гантуевского, Харсаевского, Хабширатинского, Кудунского, Удинского.

Зун-Харганатская инородная управа размещалась по р. Конда, на расстоянии 50 верст от Кондинской почтовой станции и состояла из пяти родовых управлений: Кондинского, Эгитуевского, Зугалтуевского, Сакирского, Чисанского.

Барун-Хоацайская инородная управа размещалась по р. Кичинга, впадающей в р. Кудун, и состояла из 7 родовых управлений: Цаган-Хасунского, Ониборского, Бадинского, Жибкесунского, Дабагатуевского, Шибартуевского, Готайского.

Зун-Хоацайская инородная управа размещалась на оз. Карга и р. Курба и состояла из 4-х родовых управлений: Яровинского, Шакшинского, Солбонтуевского, Моготойского.

Барун-Кубдутская инородная управа находилась на реке Тугнуй и состояла из семи родовых управлений: Брянского, Галтайского, Сутайского, Хагширинского, Хатунь-Хатунского, Булакинского, Кахирского.

Зун-Кубдутская инородная управа находилась на реке Ульдурга, впадающей в р. Уда, и состояла из 7 родовых управлений: Эгитуевского, Нарин-Горхонского, Салкингуевского, Ашингинского, Яровинского, Ехэ-Кундуевского, Куренгуевского.

Батанайская инородная управа размещалась по р. Еравна и состояла из 6 родовых управлений: Хилокского, Еравнинского, Шубугтуевского, Чисанского, Тугну-Галтайского, Шолутаевского.

Шарайтская инородная управа находилась между станциями Тарбагатайской и Кульской и состояла из 3 родовых управлений: Курбинского, Кудунского, Еравнинского.

Ботонгутская инородная управа размещалась возле станции Поперечной и состояла из 3 родовых управлений: Хонхолойского, Хару-Шогуйского, Куретуевского.

Ходайская инородная управа размещалась по р. Грязнуха и состояла из 9 родовых управлений: Ортаевского, Кичингинского, Сулхаринского, Хоргинского, Ара-Хонхолойского, Ацагатского, Нарин-Шибирского, Шолотаевского, Могойтуевского.

Гучитская инородная управа находилась на р. Хилок и состояла из 6 родовых управлений: Хайцагарского, Алтачевского, Барун Нарин-Гутайского, Харангуевского, Оборского, Нарын-Ацаганского.

Цаганская инородная управа размещалась по р. Чисан, впадающей в р. Кудун, и состояла из 2 родовых управлений: Чисанского, Хотор-Булатского.

Хальбинская инородная управа размещалась по р. Кичинга, впадающей в р. Кудун, и состояла из 5 родовых управлений: Шинаевского, Аца-Шибирского, Оляборского, Исчисутуевского, Голбайского.

Всего по Хоринскому ведомству в 14 инородных управах и отдельном Курбинском обществе числилось 38 303 человека, однако их распределение по управам было неравномерным. К примеру, самой малочисленной управой была Цаганская – всего 546 жителей. Они имели 22 деревянных дома, 107 деревянных и 190 войлочных юрт. Самой многочисленной была Галзотская управа, в которой проживало 4589 жителей, имевших 51 деревянный дом, 573 деревянных и 795 войлочных юрт. Неравномерность распределения населения по управам объясняется приоритетом родового принципа организации органов самоуправления хоринских бурят.

3. Агинская степная дума. По причине уступки земель по долинам рек Ингода, Тура, Оленгуй и их притокам переселенцам из центральных областей России и перекочевки бурят этих местностей в долины рек Онон – Борзя, Урулюнга, Онон и их притоков возникла территориальная оторванность и отдаленность агинских бурят от основной массы хоринских бурят. Жители Аги стали испытывать большие, часто непреодолимые трудности в решении личных и общественных дел и нужд. Они обратились к генерал-губернатору Восточной Сибири с «жалобой на значительные неудобства», которая была поддержана Иркутским губернским советом. После утверждения решения губернского совета постановлением Восточно-Сибирского генерал-губернатора от 27 июля 1837 г. было образовано ведомство Агинской инородной управы в составе Нерчинского округа.

Однако это преобразование оказалось недостаточным и не решало всех проблем жителей, которые «при посредстве господина Нерчинского окружного начальника представили иркутскому гражданскому губернатору народный приговор о том, чтобы

заново утвердить одну степную думу и шесть инородных управ». Это ходатайство агинских бурят было поддержано Восточно-Сибирским генерал-губернатором, и постановлением от 2 марта 1839 г. была учреждена Агинская степная дума в составе 6 инородных управ (Цугольской, Бырке-Цугольской, Могойтуевской, Шолотуевской, Кялинской, Тутхалтуевской)¹.

Позднее постановлением Иркутского губернского совета от 7 ноября 1846 г. была учреждена Тургинская инородная управа из бурят Галзотского рода Могойтуевской управы². В 1893 г. была образована Барун-Хоацайская инородная управа³. Таким образом, в Агинской степной думе стало 8 инородных управ, включавших в себя в общей сложности 40 родовых управлений.

Тургинская инородная управа находилась в урочище Догой Агинского ведомства Читинского округа. В своей хозяйственной и распорядительной деятельности Тургинская инородная управа подчинялась Агинской степной думе, а в полицейском отношении подчинялась приставу 4-го участка Читинского округа⁴.

Тургинская инородная управа включала в себя 2 родовых управления: Могойтуевское и Жаргаламаевское. В 1893 г. Жаргаламаевское родовое управление было упразднено и на его месте было образовано Усть-Тургинское⁵. В 1893 г. по управе насчитывалось 22 990 голов скота: коней – 3910, крупного рогатого скота – 5950, баранов – 11 700, верблюдов – 330, яманов – 1100⁶. Земледелия практически не было. Часть населения занималась охотой. В 1902 г. на территории управы проживало 2894 человека всех возрастов в 627 юртах, из них 1435 – мужского и 1459 – женского пола⁷.

В 1903 г. в ходе волостной реформы Тургинская инородная управа была упразднена и ее территории вошли в состав Цугольской волости⁸.

¹ Хроника Тугулдура Тобоева // Летописи хоринских бурят. М.; Л., 1940. С. 32.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 387. Л. 2–2об.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2967. Л. 13–15.

⁴ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

⁵ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 73.

⁶ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 50. Л. 18, 18об.

⁷ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 461. Л. 4об., 7, 7об.

⁸ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 5.

Бырке-Цугольская инородная управа была образована в 1839 г.¹ и объединяла 6 родовых управлений: Шибинское, Хара-Шибирское, Бырке-Цугольское, Тургинское, Жаран-Сункурское, Хара-Шибирское – Адакское². Население управы в основном состояло из бурят хоацайского рода. Резиденция управы находилась в урочище Бырка, примерно в 100 верстах от г. Нерчинска.

В 1849 г. на территории управы проживало 2185 человек всех возрастов в 861 юрте, из них 1082 – мужского и 1103 – женского пола³. Большая часть населения управы занималась скотоводством и вела кочевой образ жизни.

В 1854 г. по управе насчитывалось 24 963 головы скота: коней – 4360, крупного рогатого скота – 2948, овец – 16 680, коз – 741, верблюдов – 234⁴. Земледелие было развито слабо. В 1839 г. по управе было занято под посевами 557 десятин, покосами – 1239 десятин, пастбищами – 20 510 десятин, лесными угодьями – 2886 десятин, всего 25 200 десятин земли, и неиспользованных земель было 23 818 десятин⁵. Часть населения занималась охотой.

Головами управы в разные годы были Сулхаев Ирдыни, Сулхаев Абида, Юмцунов Юмдылык, Тапхаев Доржи.

Кялинская инородная управа состояла из бурят Бодонгутского, Кубдутского, Шарайтского, Харганинского родов, входивших в семь родовых управлений: Ножиевское, Кункурское, Хилинское, Хойто-Агинское, Харганашинское, Илейское, Аргалейское. Управа занимала земли по рекам Верхний Зуткулей, Онон, Кужуртай, Иля, местности Кункур, Харганаша, Ангабай, Сарансаг, между горами Табтанай, Улзыто, Улястуй и Зуткулей.

В 1893 г. по управе насчитывалось 5225 человек, в том числе 51 православный; имелись 1272 двора, 82 деревянных зимних дома, 1937 юрт, из скота было: 1465 верблюдов, 20 775 лошадей, 32 657 овец, 7352 козы, 17 свиней. Головой управы в разные годы избирались Хилэб Тэмдэгинов, Сандан Зодбоев, Юндун Сандаков, Дондуб Самданов, Намдак Одонов. Основным занятием населения было скотоводство, под посевы ярицы выделялось всего 118 десятин земли.

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 127. Л. 6об., 7.

² ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.

³ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 12. Л. 8.

⁴ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 12. Л. 44.

⁵ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 3. Л. 59.

Тутхалтуевская инородная управа состояла из бурят Бодонгутского рода и 6 родовых управлений: Табтанаевского, Кусочинского, Зутколеевского, Чиндалеевского, Гашуновского, Тутхалтуйского. Управа размещалась в 60 верстах к востоку от Агинской степной думы в местности Убэр-Тутхалта, с запада в 30 верстах от селения Дульдурга¹.

В 1890 г. в управе проживало 2772 души мужского пола, 2528 – женского пола, всего – 5300 жителей. У них было 265 деревянных домов, 1245 юрт, 11 085 лошадей, 17 696 голов рогатого скота, 34 450 овец, 5225 коз, 219 верблюдов, 24 сарлаков². Головой управы в разные годы были Галсан Дашиев (1856–1877), Дылгыр Аюшиев (1878–1892), Гомбо Ирдынеев, Жигжид Галсанов (1902 г.)

Цугольская инородная управа состояла из бурят Харганатского рода, входивших в 9 родовых управлений: Цугольское, Тургинское, Сункурукское, Уртуевское, Уксахаевское, Боржигантаевское, Жабхаринское, Судунтуйское и Зугалаевское.

В 1901 г. по управе насчитывалось 6928 жителей, которые имели 153 деревянных и 1611 войлочных юрт, 420 домов, 21 276 лошадей, 6851 голову рогатого скота, 36 245 овец, 6254 козы, 921 верблюда. Головой управы в разные годы были Баир Кулуков, Дылгыр Галсанов, Цырен Жамбуев.

Шолотуевская (Челутайская, Шелутаевская, Саган-Шелутаевская) инородная управа состояла из бурят Кубдутского рода, входивших в 6 родовых управлений: Судунтуевское, Аршантуевское, Нортуевское, Ага-Шелотуевское, Кяло-Шолотуевское, Убжигинское.

В 1901 г. по управе насчитывалось 6010 жителей, на которых приходилось 111 деревянных и 1265 войлочных юрт, 500 деревянных домов, 10 125 лошадей, 10 036 голов рогатого скота, 20 434 овцы, 2496 коз, 532 верблюда. Головой управы в разные годы были Юмсун Семенов, Юндун-Доржи Юмсунов, Батомунко Риткиев.

Могойтуевская инородная управа состояла из бурят Цаганского рода, входивших в 3 родовых управления: Уленто-Догоевское, Турго-Могойтуевское, Ульдургинское. Местонахождение управы: зимой – улус Могойто на р. Хилгэндэ, в 15 верстах от Агинского селения, летом – в 35 верстах от Агинского селения³,

¹ ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 256. Л. 3.

² ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 469. Л. 43, 43об.

³ ГАРБ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

они проживали в местностях, улусах Хонин хушун, Хилгэндэ, Ульдурга, Эчигэтэ, Нарин, Онон, Булаг, Хулиндын адаг, Догой, Табтанай, Уленто, Жибхэсэнтэ, Хара-Шибирь, Шулута, Аргали¹.

В 1901 г. по управе насчитывалось 3871 житель, на которых приходилось 50 деревянных и 910 войлочных юрт, 150 деревянных домов, 8376 лошадей, 4786 голов рогатого скота, 23 027 овец, 3394 коз, 363 верблюда. Головой управы в разные годы были Дылгыр Зурбанов, Дансаран Можанов, Очиржаб Сынгеев, Рабдан Аюшиев, Базар Цыбиков.

Барун-Хоацайская инородная управа была учреждена в 1893 г. по ходатайству бурят шарайтского и барун-хоацайского родов в урочище Онон-Борзя из родовых управлений: Харганашиевского, Илинского, Жаргалмаевского Кялинской инородной управы. Численность бурят этих родов увеличилась с 5278 человек в 1858 г. до 7976 человек в 1893 г. Управа была учреждена по причине увеличения количества населения, его разбросанности из-за кочевого образа жизни, которые вызывали большие затруднения как в административном, полицейском, так и в хозяйственном отношении. В 1894 г. было учреждено родовое управление – Борзинско-Шенусутуевское². Головой управы был Сымпил Дамдинов.

4. Кударинская степная дума. Население на период образования Кударинской степной думы в 1826 г. составляло 4103 человека³, в 1895 г. – 4868 человек⁴.

В начале XIX в. кударинские буряты в основной массе были шаманистами. Так, в 1826 г. было 16 крещеных бурят, что составляло 0,4 % населения. На территории Кударинского ведомства к 1841 г. были две миссионерские церкви – во имя святых апостолов Петра и Павла и в честь вознесения Господня. Крещеные буряты были причислены к Кударинской Благовещенской церкви, состоящей в Кударинском селении Ильинской волости⁵. К 1902 г. количество крещеных составило уже 56 %.

Основными занятиями населения были скотоводство, рыболовство, земледелие, извоз; охота не имела особого значения.

¹ ГАРБ. Д. 40. Л. 67.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2967.

³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 21–22.

⁴ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1158. Л. 18.

⁵ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 38. Л. 1–2.

Скотоводство являлось важным промыслом кударинских бурят, которые разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и свиней. За рассматриваемый период количество скота у кударинцев не увеличилось: если в 1840 г. было 13 181 голова скота, то в 1895 г. – 12 343. Причины этому были разные: недостаточная площадь пастбищ, сенокосных угодий, поскольку самые плодородные земли отдавались русским крестьянам, селившимся поблизости; падежи скота; землетрясение 1861 г. Так, в 1870 г. от сибирской язвы пало 1164 животных.

Земледелие не приносило особого дохода, так как полученного урожая не хватало даже на пропитание. Недостаток хлеба кударинцы восполняли его покупкой посредством заработков, обменом рыбы. Нехватка хлеба объяснялась следующей причиной: постоянные наводнения приводили к осадке почвы, что делало невозможным посев зерновых.

Важным источником благополучия кударинских бурят было рыболовство. Так, в 1870 г. было продано рыбы на 5127 руб. Для рыболовства использовали невод, промысел начинался на оз. Байкал с 15 мая и продолжался до 8 июня, на р. Селенге – с 1 августа до 20 сентября. Для рыболовного промысла объявлялись торги по отдаче в оброчное содержание рыболовных статей, местностей, где занимались рыбным промыслом, – Обойха, Собачья Дыра, Пospelовская. Рыболовные статьи могли выкупать только люди состоятельные. Так, в разные годы оброчную статью выкупали Помпо Дарнушкин, Заяхан Хамаганов, Николай Хамаганов и др. Промышляли омуля, хариуса, осетра, сига, щуку. В 1828 г. было добыто осетрины 300 пудов, 30 000 штук хариуса, 60 000 штук омуля, сига 25 пудов, щуки 250 пудов¹. В 1895 г. было добыто 150 бочек омуля, 2000 штук хариусов. Осетровых и других рыб в этом году уже не промышляли.

О значении рыболовства говорит тот факт, что кударинский бурят клялся самым значимым в его благосостоянии: если он совершит какое-либо противоправное действие, то пусть бурхан лишит его промыслов на воде².

Важной статьёй дохода кударинцев был извозный промысел, который заключался в доставке грузов на однокольных подво-

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 162.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1071. Л. 54.

дах в летнее время из г. Троицкосавска до Чертовкинской пристани и в зимнее время на санях из г. Троицкосавска до г. Иркутска. Везли китайский чай и другие товары в Иркутск, а обратно российские товары. В 1856 г. кударинские буряты заработали на извозе 2755 руб., которые употребили на оплату податей и на свои домашние потребности, в 1865 г – 1600 руб.

До 1875 г. степная дума размещалась в улусе Хараузском, однако в связи с угрозой наводнения была перенесена в селение Корсаковское.

Степная дума состояла из главного тайши, помощника тайши, четырех заседателей, четырех родовых голов, улусных старшин. Тайшами, шуленгами, родовыми старостами и старшинами всенародно выбирались уважаемые, авторитетные представители бурятского народа, имевшие крепкое собственное хозяйство, хоршее поведение.

Тайшами Кударинского ведомства в разные годы были: Додоев Карп (1825–1827), Дамбуев Хамаган (1827–1852), Хамаганов Заяхан (1852–1864), Березовский Яков (1864–1868), Соктоев Сувор (1868–1870), Бушин Андрей (1874–1875), Хамаганов Владимир (1879–1880), Заяханов Иван (1880–1883), Новолодский Тимофей (1884–1887), Гашов Митрофан (1887–1894), Хамаганов Семен (1894–1895), Заяханов Илья (1896–1898), Махатов Прокопий (1899–1902).

5. Баргузинская степная дума. Баргузинская степная дума образована в 1824 г.¹ Дума размещалась в селении Улюн, которое находилось в 31 версте от г. Баргузина, в 351 ½ версте от г. Верхнеудинска². Первоначально Баргузинское ведомство состояло из 5 родов: Сборного, Ченоевского, Баяндаевского, Бурского, Чендылдурского³. К 1835 г., судя по документам, Баргузинское ведомство стало состоять из 12 родов, которые кочевали по местностям:

- 1) Бурский – по степи Топук, рекам Улюн и Аргада;
- 2) Чендылдурский – по степям Куйтун, Ахули, р. Аргада;
- 3) Баяндаевский – по степям Дырен, Туракин, Ярикта, р. Улюн;
- 4) Сборный – по рекам Курумкан, Бодон, Улнекчикан, оз. Нура;
- 5) 1-й Ченоевский – по степям Нура и Ина, урочище Заргада;

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–20.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 406. Л. 40.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 22. Л. 120.

6) Олевский – по урочищу Кармадон, степи Дырен, рекам Курумкан, Карга;

7) 1-й Чендылдурский – по р. Аланбург, вместе с тунгусами по Кучутскому острогу;

8) Абазаевский – по степи Дырен, по р. Ахули;

9) Галзутский – по степям Кармадон, Алла, Дырен, р. Карга;

10) 2-й Ченоевский – по степям Дырен и Туракин;

11) Номоловский – по степи Ярикта, рекам Арус и Аласун;

12) Оторшинский – по степям Огноли, Бархан, р. Галдат¹.

В 1889 г. по желанию самих бурят из Бурского рода выделился Сборный род, из Ченоевского рода – Оторчинский². Разделение родов буряты объясняли тем, что «произошло умножение народонаселения, управление одним родовым головой крайне отягощено... нашли нужным разделиться для успешного разрешения разных общественных и частных дел...»³.

С 1889 г. ведомство состояло из 8 родов: Бурского, Сборного, Баяндаевского, 1-го Чендылдурского, 2-го Чендылдурского, Ченоевского, Оторчинского, Галзутского⁴.

В 1899 г. дума состояла из главного тайши, пяти заседателей, восьми родовых голов, одного письмоводителя, восьми помощников родовых голов, 23 улусных (участковых) старшин, выбранного от крещеных бурят⁵.

Главными тайшами Баргузинской степной думы в разные годы были: Мархун Байдуев, из рода галзут, (1820–1826), Хамнай Цанкиров, из рода бура, (1827–1846), Норбо Галсанов, из рода сэнгэлдэр, (1846–1850), Базар Танганов, из рода сэнгэлдэр, (1850–1854), Сахар Хамнаев, из рода бура, (1854–1875), Цэрэнжаб (Константин) Сахаров, из рода бура, (1875–1882), Цэдэджаб (Александр) Сахаров, из рода бура, (1883–1892), Ринчин Сотиев, из рода сэнгэлдэр, (1892–1902).

По статистическому отчету за 1887 г. количество населения составляло 11 061 человек, родилось 172 младенца, умерло 82 человека, заключено 59 браков⁶. Население вело кочевой образ

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 63. Л. 41–41об.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2232. Л. 29–29об.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2232. Л. 159.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2370. Л. 133–134.

⁵ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2528. Л. 3–23.

⁶ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2178.

жизни. Крещенные буряты, за исключением 10 семей, проживающих оседло в улусе Улюн, тоже кочевали по ведомству¹.

Главной отраслью хозяйства баргузинских бурят было скотоводство. В 1869 г. на семью из четырех человек приходилось лошадей до 5 голов, рогатого скота до 12 голов, мелкого скота до 10 голов². Из года в год, судя по ежегодным отчетам, поголовье скота увеличивалось: 1850 г. – 52 367 единиц³, 1865 г. – 76 928 единиц⁴, 1887 г. – 142 900 единиц⁵. Скот преимущественно продавался на золотые промысловые артели в количестве от 400 до 800 голов ежегодно по цене от 18 до 45 руб. за голову, шерсть – купцам г. Баргузина в количестве от 150 до 350 пудов по цене от 2 р. 50 к. до 3 р. 35 к. за пуд⁶.

В 1887 г. выручили денег от продажи: лошадей – 2025 руб., рогатого скота – 30 075 руб., коровьего масла – 8200 руб., скотского масла – 3500 руб., скотских сырых кож – 10 000 руб., овечьей шерсти – 1200 руб.⁷

Земледелие являлось одним из видов хозяйственной деятельности баргузинских бурят. Хлебопашество в ведомстве производилось в ограниченном количестве из-за отсутствия плодородных земель. Хлеб продавали в г. Баргузин, часть на золотые промыслы. Цена провоза 1 пуда хлеба сухопутным путем составляла 50коп. на 100 верст⁸.

б. Тункинская степная дума. Тункинское инородческое ведомство было расположено от южной оконечности Байкала по долине р. Иркут, с северной границы граничило с Аларским ведомством Балаганского округа, отделяясь от него Саянским хребтом, с юга – с Монголией⁹.

По сведениям священника И. Чистохина, первоначально край заселили инородцы Хойготского и Челдарского родов, которые управлялись своими тайшама и шуленгами. В 1790 г. в Торской

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2858. Л. 56.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1422. Л. 8.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 221. Л. 26.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1214. Л. 41об.

⁵ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2178. Л. 70об.

⁶ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1568. Л. 34об.-35.

⁷ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2178. Л. 40об.

⁸ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1568. Л. 34об.

⁹ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

степи была учреждена Торская степная контора, председателем которой был избран главный тайша Хангай Васильев. У него был брат Хамак, у которого впоследствии родился сын Зангей, ставший позже главным тайшой. В 1857 г. он вместе с женой, сыном, невесткой и другими родоначальниками принял крещение в Иркутском кафедральном соборе, за что был пожалован орденом Владимира 4-й степени и кафтаном, расшитым золотом по воротнику и рукавам¹.

Тункинская степная дума располагалась в Торском улусе, состояла «из главного тайши, помощника главного тайши, двух заседателей, письмоводителя»². В состав думы входили 14 родов: Тыртыевский, 1 и 2-й Куркутский, 1, 2, 3, 4-й Хонгодоровский, 1-й, 2-й Хойготский, 1-й, 2-й Челдарский, Шемоловский, Бодорхонский и Иркитский³, всего насчитывалось 11 373 жителя.

В Тункинском ведомстве было учреждено 5 экономических магазинов: Торский, Бухэгорохонский, Койморский, Кыренский, Хорликский. Буряты, проживавшие по долине р. Иркут до Кондинского караула, занимались земледелием и огородничеством. Далее «в западном направлении по караулам Кондинскому, Окинскому и Нарин-Хоройскому по скудности почвы и неблагоприятным климатическим условиям» земледелием не занимались⁴.

7. Верхоленская степная дума. Верхоленская степная дума была образована в конце 1824 г. на месте Верхоленской степной конторы и размещалась в улусе Тотском. На момент образования думы в нее входило 10 родов: 2 Абызаевских, Баяндаевский, Ользоновский, 3 Буровских, Хенхедурский, 2 Чернорудских рода⁵ с населением более 16 000 человек. В 1830 г. буряты пяти родов выступили с прошением об отделении от Верхоленской степной думы на основании отдаленности от думы и об образовании отдельной Ленской думы⁶. По данным архивных документов, в 1836 г. буряты Хенхедурского, 2-го, 4-го, 5-го Чернорудских, 2-го, 3-го Буровских родов с населением около 9000 чел. отделились от Верхоленской думы и образовали отдельную Ленскую инородную

¹ ИЕВ. 1 дек. 1898. № 23. С. 645–648.

² ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 48. Л. 1об., 2 об.

³ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29. Л. 11об.-14.

⁴ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

⁵ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

⁶ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 47–48об.

управу. Таким образом, Верхоленское ведомство было разделено на Верхоленскую степную думу и Ленскую инородную управу.

Основными занятиями населения были скотоводство и земледелие, подсобными – охота, рыболовство и другие промыслы. Количество скота постоянно увеличивалось, несмотря на различные эпидемии. Если в 1849 г. насчитывалось около 40 000 голов скота, то в 1880 г. – более 60 000 голов. Увеличению скота способствовали благоприятные условия: успешное развитие земледелия, благоприятные климатические и географические факторы.

Земледелие получает определенное развитие в течение XIX в. Здесь засевали рожь, ярицу, пшеницу, ячмень, овес и получали достаточно хороший урожай. Так, в 1839 г. было засеяно 3603 десятины и уродилось озимого хлеба 56 210 пудов, ярового – 24 120 пудов, всего – 80 331 пуд¹. Хлеб преимущественно использовался для собственного потребления, также сдавали в экономические магазины, продавали на Елизаветинский винокурный завод.

Во главе думы стояли главный тайша, помощник тайши, два заседателя. Тайшами ведомства были: Александр Ертогаров (1824–1830), Бутухан Кунгеев (1830–1840), Матвей Бутуханов (1840–1862), Александр Номогоев (1862–1863), Бабай Архоков (1864–1878), Степан Александров (1878–1881).

8. Ольхонская степная дума. Ольхонская степная дума была образована в конце 1824 г. на месте Ольхонской братской степной конторы и объединяла первоначально 5 родов: 1-й, 2-й, 3-й Чернорудский, 1-й, 2-й Абызаевский роды². В 1837 г. был учрежден 5-й Чернорудский род из 1-го Чернорудского рода, в 1839 г. 4-й и 6-й Чернорудский род из 1-го Чернорудского рода, в 1847 г. Хенхедурский род из 2-го Абызаевского рода³. Таким образом, к 1847 г. было 9 родов: 1-й и 2-й Абызаевский, 1, 2, 3, 4, 5, 6-й Чернорудский и Хенхедурский. Алагуевская инородная управа в улусе Бугульдейка до 1917 г. относилась к Капсальскому уезду Иркутской губернии. Косостепский участок с селениями Косая Степь, Куреть относился к Манзурской волости Верхоленского округа Иркутской губернии.

¹ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 311. Л. 153–153об.

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5.Л. 2.

³ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 738. Л. 62–63.

В 1836 г. дума размещалась в Кутульском стойбище¹. В 1858 г. – в улусе Тутаевском², в 1885 г. – снова в улусе Кутульском. В 1872 г. было образовано 4 родовых управления³:

1. Сарминское родовое управление из 1-го Чернорудского и Хенхедурского родов;

2. Еланцинское родовое управление из 2, 3, 3, 4, 5-го Чернорудских родов, Тыргинской деревни и выселка Унгуринский;

3. Семисосенское родовое управление из 1-го, 2-го Абызаевских родов;

4. 6-е Чернорудское родовое управление из 6-го Чернорудского рода.

Скотоводство было основным занятием населения ведомства. Разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, свиней. Шерсть ольхонские буряты продавали Иркутской суконной фабрике. Так, в 1833 г. продали 700 пудов шерсти на 6370 р.⁴ Был контракт степной думы с Тельминской казенной фабрикой на поставку овечьей шерсти до 450 пудов и более; 1 пуд продавался по цене 2 руб. 20 коп. серебром⁵.

Земледелие было развито очень слабо из-за отсутствия удобных земель. В 1829 г. в рапорте Ольхонской степной думы отмечается, что хлебопашество производится в незначительных размерах из-за песчаной и гористой местности⁶.

Промышленное производство также было развито слабо. В 1863 г. был построен стеклоплавильный завод «Николаевский» вблизи Тыргинской деревни, в 1864 г. открылся мыловаренный завод в Тыргинском селении. Оба завода принадлежали оседлому буряту М. Х. Рыкову, при этом мыловаренный размещался в доме самого хозяина. 2 июля 1882 г. произошел пожар в Тыргинской деревне, во время которого сгорел дегтярно-смоляной завод Н. М. Рыкова (бывший стеклоплавильный завод). В 1884 г. в отчете отмечается, что заводов и фабрик в ведомстве нет.

Рыболовство являлось одним из важных занятий ольхонских бурят, хотя оно и не приносило больших доходов. В донесении

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 26. Л. 26–26об.

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 400. Л. 51.

³ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 602.

⁴ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

⁵ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 336. Л. 2–2об.

⁶ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 164–167.

Ольхонской степной думы Иркутскому земскому суду отмечается: «Рыба ловится в Байкале – омули, окуни, сиги, хариусы, щуки, налимы, осетры». Для рыбной ловли организовывались артели по 8–15 человек, в том числе обязательно подростки, под руководством башлыка – старосты. Все члены артели при разделе рыбы получали одинаковый пай.

Дума состояла из главного родоначальника – тайши, помощника, двух заседателей, письмоводителя. В 1858–1862 гг. существовала должность второго тайши, в 1872 г. была введена должность 3-го заседателя¹. В состав думы также входил один представитель от крещеных бурят.

Тайши Ольхонской степной думы в разные годы: Банаев Банин (1821–1835), Баинов Суван (1836–1849), Муравьев Иннокентий (1850–1859), Якшеев Хонгор (1860–1872), и. д. Имеев Башин (1872–1873), Хахин Дырхей (1873–1874), и. д. Баронов Александр (1876–1878) (до крещения Халюев Алюбаты, умер 14.03.1878), Тахаев (Тахоев, Тохоев) Дырхун (1880–1882), Муравьев Григорий (1882–1885), Борькин Болхон (1885–1887), Муравьев Григорий (1888–1890).

9. Аларская степная дума. Аларская дума была образована в 1824 г.² и состояла из 10 родовых управлений, представлявших 8 Хонходоровских родов, 1 9-й Шаранутский род и 1 род Малобельских тунгусов³. В 1853 г. из Идинского ведомства в Аларское был перечислен 3-й Халтубаевский (Халтубаев) род, таким образом в Аларском ведомстве стало 11 родовых управлений⁴. Число душ в Аларском инородческом ведомстве по 9-й народной переписи мужского пола составляли: потомственных почетных граждан – 37, оседлых инородцев – 217, кочующих – 5072 и тунгусов – 30, всего – 5356 душ⁵.

Административный центр Аларской степной думы находился в с. Кутулик Иркутского округа, на расстоянии 168 верст от г. Иркутска, от Московского тракта, т. е. от с. Черемховского в 40 верстах.

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 840. Л. 95.

² ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3391. Л. 53.

³ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 15.

⁴ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 155. Л. 1об.

⁵ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 182. Л. 42–47.

Население ведомства занималось скотоводством, земледелием, охотой. Всего в ведомстве на 1854 г. имелось 45 430 голов домашнего скота. Средняя стоимость скота составляла: лошадь – от 10 до 50 руб., корова – от 5 до 15 руб., бык – от 5 до 20 руб., овца – от 1 до 2 руб., коза – от 0,40 до 1,5 руб. Аларские буряты занимались земледелием на открытых и распаханых прежде полях, также промышляли рыболовством. Охотились с ружьями на гусей, уток, глухарей, тетеревов, рябчиков, а также на зверя – медведей, лисиц, белок, соболей. Меха и шкуры шли на продажу, так, медвежья шкура стоила от 2 до 5 р., соболя – от 3 до 10 руб., лисицы – от 1 до 3 руб., волка – от 1 до 2 руб., белки – от 5 до 10 коп.

Продукты питания и товары, произведенные инородцами Аларского ведомства, чаще всего реализовывались в г. Иркутске, на Иркутском солеваренном и Александровском винокуренном заводах и Тельминской фабрике. Закупочные цены: кожи сырые конские – от 0,70 руб. до 1 р. 50 коп., скотские – от 0,60 руб. до 1 руб. 50 коп., овечьи – от 0,30 руб. до 1 руб., сало – от 2 до 3 руб., масло – от 4 до 6 руб., хлеб – от 0,40 до 0,48 руб.

Местное управление в Аларском ведомстве состояло из степной думы, которой заведовали тайша, его помощник и три его заседателя. Первые два наследственно, а последние ежегодно избирались из числа почетных родоначальников или родовичей на суглавах по мирским приговорам. Местное управление по улусам представляли родовые старосты, их помощники и старшины, которые «письменных дел не имеют, а все больше исполняют словесно»¹.

10. Балаганская степная дума. Балаганская степная дума объединяла бурят 19 родов (табл. 1). По ведомству числилось 25 экономических магазинов².

11. Кудинская степная дума. Кудинская степная дума была учреждена в 1824 г. В состав думы первоначально входило 17 родовых управлений: 1, 2, 3, 4-й Абаганатские, 1, 2, 3, 4-й Харанутские, 1, 2, 3, 4-й Бабаевские, 1-й, 2-й Шаралдаевские, Курумчинское и 1-й, 2-й Ашехабатские, 1-й, 2-й, 3-й Буяновские и Алагуевское. После отделения 2 Буяновских и Алагуевского родов в Капсальскую инородную управу в 1839 г. в ведомстве стало 14 родовых управлений.

¹ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 189. Л. 16 об.

² ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 276. Л. 149.

Таблица 1

**Количество населения по родам
Балаганского ведомства в 1840 г.**

Роды	Количество улусов	Жителей		Деревянных юрт	Рабочих душ
		Мужского пола	Женского пола		
Булутский	6	575	570	192	250
Онгоевский	5	339	311	112	143
Кульметский	13	1098	1058	393	489
1-й Олзоевский	3	313	299	112	138
2-й Олзоевский	5	764	733	250	350
1-й Икинатский	4	427	394	139	184
2-й Икинатский	3	265	238	92	134
1-й Муруевский	10	486	472	169	224
2-й Муруевский	8	620	683	219	283
1-й Ноетский	7	613	563	208	229
2-й Ноетский	4	333	325	96	149
3-й Ноетский	1	105	103	38	80
Халтубаевский	4	739	726	224	344
Быкотский	3	372	410	114	160
Зунгарский	5	390	415	124	176
Бараевский	2	235	218	85	108
Онхотоевский	3	274	256	77	125
Шаратский	2	226	211	88	109
Боролдоевский	2	45	37	25	22

В 1852 г. Кудинское ведомство населяли 12 509 «природных бурят», 157 оседлых бурят, 143 бродячих тунгусов, всего – 12 809 жителей. Из них православную веру исповедовали 424 человек, к иноверцам относились остальные 12 385¹.

В 1886 г. в ведомстве проживало 11 736 жителей, из них 1047 православного вероисповедания². Население занималось земледелием, полностью обеспечивая себя хлебом, а излишки продавали в г. Иркутск; скотоводством, в незначительной степени рыболовством и охотой. Тайшами думы были в разные годы: Абахан Шеноев, Алтай Абаханеев, Хантай Ханхаев, Михайло Бунаев и др.

¹ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 543. Л. 22, 35об.

² ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 13–14.

12. Идинская степная дума. В связи с пожаром, случившимся в середине XIX в. в здании степной думы, весь архив думы был уничтожен, поэтому имеются незначительные косвенные данные о деятельности думы. В сведениях Иркутского отделения духовной миссии за 1867 г. отмечается, что Идинское инородческое ведомство является самым многочисленным, в нем числится около 25 000 душ, в том числе 4630 крещеных¹. Согласно отчетам Иркутской духовной миссии за 1874 г., численность населения Боханского ведомства составляла 24 643 души обоего пола, из них православных было более 4000 человек².

В 1882 г. в Боханской степной думе числилось 10 родовых управлений, в которые входили 29 родов.

Самым известным родоначальником Идинского ведомства был Илья Пирожков, главный тайша в 1857–1877 гг. В 1867 г. за активную работу по крещению бурят своего ведомства он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени³.

По свидетельству миссионера Боханского стана Н. Попова, в 1884–1886 гг. в Идинском ведомстве происходили беспорядки в инородческом управлении, которые разделили инородцев на враждебные партии. В 1887 г. Идинское ведомство было разделено на 5 инородных управ.

Закаменская инородная управа состояла из бурят 12 родов, и, по данным переписи 1897 г., в ней проживало 8831 житель (4366 мужчин и 4465 женщин), а также 1225 человек бурятских казаков, причислявшихся к Троицкосавскому округу. Из 8831 хонгодоров было 830 мужчин и 944 женщины, тэртэ – соответственно 705 и 774, хойһо – 1649 мужчин и 1644 женщин. Нойһо разделялись на территориально-административные роды – 1-й и 2-й Бульбуев род, хурхут, хонгодор и тэртэ также имели роды – 1-й и 2-й.

Согласно запискам цакирского миссионера Н. Шастина, в долине р. Джида «разбросано несколько тысяч юрт закаменских бурят и армакских тунгусов 7753 душ обоего пола. Закаменские буряты ютятся в падах собственно Джиды и ее мелких притоков». По его мнению закаменский бурят – это «скотовод-зверопро-

¹ ИЕВ. Прибавления. 1867. 3 июня (№ 22). С. 273–274.

² ИЕВ. Прибавления. 1875. 10 мая (№ 19). С. 274.

³ ИЕВ. 1867. 8 июля (№ 27). С. 163.

мышленник, чуждый чужих обычаев, не знающий ни слова по-русски, притом крайне бедный и неряшливый»¹.

К концу XIX в. большинство улусов представляло собой территориальную общину – булук. У закаменских и селенгинских бурят булуком называется часть населения, проживающего в определенной местности (пади, долине), причем жители этой местности нередко входили в состав особой покосной или вообще земельной общины (называемой здесь десятком – арбан) совместно с жителями других подобных булуков. Деление по населенным пунктам – хотонам и улусам – было невозможно из-за их большой подвижности, поэтому в основу деления населения и был положен булук – участок территории². По сведениям, опубликованным в 1898 г., расселение родов по булукам было следующим:

Булуки: Улекчин – хойхо 1-й и 2-й, бульбэ; Бургалтай – хойхо 1-й и 2-й, хонгодор 2-й; Хуртага – хойхо 1-й и 2-й; Бургуй – хойхо 1-й и 2-й; Улентуй – хурхут 1-й, тэртэ 1-й и 2-й; Модон-хул – хурхут 1-й, тэртэ 1-й и 2-й; Шара-азарга – хонгодор 1-й и 2-й; Цакир – хурхут 1-й; Санага – хонгодор 1-й, шошолок, Ключевской; Бортой – хурхут 1-й, тэртэ 1-й; Хамней – хойхо 1-й и 2-й, бульбэ, тэртэ 1-й³. Последнимиголовами управы были Д. Бальжитов из Тамчи, Морин Базаров из Ехэ-Цакира⁴.

Армакская инородная управа. Кочевое население управы было распределено по булукам: булук Саган-нуга – 11 хозяйств, Дархинтуй – 5, Сангинтуй – 12, Хара-хужир – 23, Хамней – 18, Мэ-лэйский – 44, Баинхорский – 24, Снежинский – 13, Илькейский – 11, Сагаагшанский – 13, Сагаагшанский 2 – 15, Дархинтуевский – 43 хозяйства. В 1886 г. в состав управы входили 4 рода с жителями: Заектаевский – 278 душ, Цингиндинский – 364, 1-й Тыртеевский – 594, 2-й Тыртеевский – 124. Всего 1260 душ⁵. В Армакское ведомство входили также тунгусы, которые были переселены из Тунки в конце XVII в. для охраны Джидинского караула по р. Армак⁶.

¹ Шастин Н. Миссионерский отчет по Цакирскому стану за 1885–1889 гг. // ИЕВ. Прибавления. 26 янв. 1891. С. 3–4.

² Галданова Г. Р. Указ. соч. С. 25–26.

³ Материалы Комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. Вып. 6. С. 104.

⁴ Доржиев Б. Ш. Указ. соч. С. 28.

⁵ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 175–180.

⁶ Галданова Г. Р. Указ. соч. С. 25–26.

Кудинско-Капсальская инородная управа была образована в 1839 г., когда буряты 2 Буяновских и Алагуевского родов отчислились из Кудинской степной думы и выделились в отдельную управу. В ноябре 1837 г. 15 улусных старшин и почетные родовичи трех Буяновских и Алагуевского родов приняли общественный приговор по ходатайству об учреждении у них инородной управы перед вышестоящим начальством. Причиной отделения они называли отдаленность их Капсальского улуса от Усть-Ординской станции, где размещалась степная дума, что приводило к трудностям при судопроизводстве, дополнительным расходам на поездки за увольнительными билетами, за регистрацией заявлений и т. д.¹

Указом Иркутского губернского правления от 27 января 1839 г. № 296 бурятам трех Буяновских и Алагуевского родов было разрешено учредить Капсальскую инородную управу с «зависимостью от Кудинской степной думы» по причине дальности расстояния между центром думы и Капсальским селением. Головой управы стал Шистуй Маханов, выборным – Мойгу Малахаев².

Китойская инородная управа состояла из бурят Чечеловского и Куркутского родов. Здание управы находилось в с. Архиерейске. В ведомстве числилось 438 платежных душ, 218 домохозяев³.

Ленская инородная управа образована в 1836 г. из Верхоленского ведомства из бурят Хенхедурского, 2-го, 4-го, 5-го Чернорудских, 2-го, 3-го Буровских родов. В 1828 г. из состава Верхоленского ведомства отделилась Ленская инородная управа в составе 5 родов: 2-го и 3-го Буровских, 2-го и 4-го Чернорудских и Хэнгэлдэровского рода с населением в 8235 человек. Это примерно 50 % бурятского населения всего ведомства⁴. В разное время должности головы занимали Куреган Убугунов (1840–1848), Банай Куреганов (1860–1868), Махос Илькин (1875–1878) и др⁵.

Тункинская инородная управа была образована в 1844 г. из ясачно-крещеных бурят Тыртеевского, двух Куркутских, четырех Хонгодорских родов, двух Хойгодских, двух Чечелдарских, Шешеловского, Иркутского и Бодорхонского родов. В 1847 г. насчитывалось

¹ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 180. Л. 19–26.

² ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 11–15.

³ ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 33. Л. 1об., 8.

⁴ ГАРБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁵ Дырхеев П. С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ, 2005. С. 62.

валось 1952 жителя, в том числе 1057 мужского пола, 895 – женского пола. В управе было 8 селений, 245 частных деревянных домов, 349 деревянных юрт, 5 экономических магазинов, 6 мельниц, 8 кузниц, 1 общественное здание, 1 деревянная часовня¹. Головой управы в разные годы избирались Павел Порушенов (Пятницкий), Андреев, Федор Кобелев.

В середине XIX в. происходит изменение политики Российского государства в отношении Сибири и сибирских народов, на которую в значительной мере повлияло поражение России на западном и ближневосточном направлениях. Ускоренная модернизация страны, обострение польского вопроса, а также давление национальной идеологии привели к деформации традиционной имперской политики и обострению национальных и региональных противоречий, когда происходит мощная активизация политики Российского государства на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, меняется ее идеологическое обеспечение². Значимым фактором, повлиявшим на смену политики правительства, становится неудачный исход для России в Крымской войне, который поднял вопрос о поисках дополнительных источников пополнения государственной казны. В этих условиях самодержавие вновь обратилось к Сибири.

Важным направлением политики Российского государства становится присоединение к России р. Амур и всех восточных территорий с выходом к Тихому океану, при этом планировалось присоединить эту огромную территорию мирным путем. Для осуществления этой задачи необходим был плацдарм – Забайкальская область и силы – Забайкальское казачье войско. В результате титанических усилий генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева в 1851 г. была образована Забайкальская область³, в состав которой вошли пять бурятских ведомств: Агинская, Баргузинская, Кударинская, Селенгинская и Хоринская степные думы.

Если в первой половине XIX в. Российское государство смотрело на Сибирь как на источник налогового поступления в казну и стремилось к многовариантности систем управления, высокой

¹ ГАРБ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 27. Л. 3, 3об, 6, 6об.

² Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока ... С. 41.

³ ПСЗ-2. Ст. 25394. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. С. 476–479.

степени этноконфессиональной толерантности и прагматизму с учетом местных особенностей, то в 1850–1860-х гг. становится важным не только экономическое освоение Сибири, но и заселение ее однородными единоверным с Россией населением. Идеологическое обоснование дальневосточной политики включило в себя наряду с традиционными утверждениями об освоении новых земель, выполнении православной христианской миссии идеи колониальной политики, национальных интересов, стремлении нести европейскую цивилизацию азиатам и т. д. Появляются идеи коренной реформы управления инородцами на русификаторских началах и системы их налогообложения.

Формальным поводом для реформирования системы налогообложения и местного самоуправления стали многочисленные нарушения, допущенные инородческими обществами при сборе податей и отбывании повинностей, при разборе судебных следственных дел, выборе должностных лиц и т. д.

В 1850–1860 гг. вопрос о реформе управления сибирскими аборигенами неоднократно обсуждается в правительственных кругах и среди местного чиновничества. Национальная программа царизма предусматривала подчинение оседлых инородцев общим крестьянским учреждениям и установлениям. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и ограждению от разных притеснений¹. Были предложены разные проекты, которые так и не были осуществлены на тот период.

В 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев высказался в пользу распространения на коренных жителей края действия общих законов. Он предложил рассмотреть его в губернских советах, и 9–11 февраля 1853 г. в Иркутском губернском совете рассматривался вопрос о подчинении инородцев общим законам. Для достижения этой цели предлагалось начать с создания отдельных инородческих волостей с оседлым населением. Так называемые образцовые инородческие волости для управления оседлыми аборигенами получили распространение в Западной Сибири: к концу 1850-х гг. в Тобольской губернии было образовано 28 образцовых волостей, в Томской губернии – 15².

¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма... С. 54.

² Там же. С. 57.

В 1858 г. на Совете ГУВС вновь обсуждаются вопросы о даровании инородцам льгот от повинности для привлечения их к оседлости; о распространении на них общих законов империи; о введении между ними образования и гражданственности.

Осуществление проекта о подчинении инородцев общим законам империи предполагалось начать с Кударинского ведомства, так как считалось, что кударинские буряты живут оседло, занимаются хлебопашеством. Однако в 1862 г. кударинские буряты приняли общественный приговор о своем нежелании перейти к оседлому образу жизни: «... Желаем в настоящее время продолжать жизнь свою по прежнему порядку, т. е. кочевать с места на место и пользоваться угодьями на том самом порядке как прежде и ныне», об этом же свидетельствует рапорт главного тайши Кударинской степной думы З. Хамаганова¹. Такой же ответ о решительном отказе баргузинских бурят от перехода к оседлой жизни дал главный тайша Баргузинской степной думы С. Хамнаев².

По вопросу о распространении образования и гражданственности планировалось учредить школы во всех инородческих ведомствах, хотя были предложения учредить одно общее училище, как у калмыков. Важным было предложение уничтожить право наследования должностей родоначальников, избирать на должности родоначальников людей не только достойных, но и знающих русский язык³.

Журнал Совета ГУВС не был подписан и утвержден, кроме вопросов о мерах к привлечению к оседлости и введения между ними образования. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев обратился в министерство государственных имуществ с этими предложениями, однако министерство не нашло необходимости во введении этих мер.

В 1872 г. на Совете Главного управления Восточной Сибири обсуждался вопрос о сравнении налогового обложения инородческого населения Восточной Сибири с налоговым обложением русского крестьянского населения как одно из направлений в попытке унификации системы управления инородческим населением Сибири. По сведениям, поданным членами Совета Большаковым и

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 207. Л. 11–12, 14–15.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1054. Л. 12–13.

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 185–187.

Полонским, размер ясака и всех прочих сборов с инородцев по Иркутской губернии составлял от 2 руб. 35 коп. до 3 руб. 56 коп., в Енисейской губернии – от 1 руб. 21,5 коп. до 1 руб. 59 коп., в Забайкальской области – от 1 руб. 65 коп. до 3 руб. 46 коп. с каждой души. В то же время крестьяне платили сборы от 4 р. 87 к. до 6 р. 30 к. в год с каждой души, почти вдвое больше против инородцев¹.

Между тем, по мнению Большакова и Полонского, «инородцы в значительной массе занимаются хлебопашеством также как и крестьяне, имеют в большей части более земли и скотоводства и в равной степени могут пользоваться всеми местными промыслами. Вообще состояние сказанных инородцев никак не ниже состояния крестьян. Поэтому, а равно принимая во внимание, что инородцы не относят самой тяжелой повинности рекрутской, что при таком привилегированном положении их, которое в настоящее время ничем не может быть оправдано, они неохотно приходят к оседлой жизни и избегают обращения в христианскую веру, было бы полезно и справедливо сравнить их к платежу податей и повинностей с крестьянами»². Согласно статистическим данным, приведенным ими, по последней ревизии насчитывалось до 130 000 ревизских душ, из них платят ясак до 60 900 рабочих душ. В случае обложения их ясаком сравнительно с крестьянами сумма должна была бы увеличиться до 300 000 руб. ежегодно.

На основании предоставленных сведений Совет Главного управления Восточной Сибири пришел к заключению о необходимости ходатайства перед Кабинетом об утверждении в законодательном порядке предложения о сравнении по платежу податей с крестьянами тех из кочевых инородцев Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области, экономическое состояние которых не ниже крестьян³. Этот проект также не был претворен в жизнь.

Иркутским губернским управлением и Забайкальским областным правлением неоднократно предпринимались попытки учредить недостающую ступень в инородческом управлении – инородные управы. Опыт управления в инородческих ведомствах показал, что отсутствие инородных управ, их подмена степными

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 2–2об.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 2об.-3.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 13–13об.

думами в системе органов местного самоуправления негативно повлияло на развитие бурятских ведомств.

Во-первых, инородная управа, в отличие от степной думы, имеющей только хозяйственные функции, обладала всей полнотой власти на подведомственных ей территориях. Инородная управа, являясь судом второй степени словесной расправы, была фактически высшей ступенью инородческой судебной власти. В тех ведомствах, где не было инородных управ, была только первая ступень инородческого суда – суд родового управления. В случае немирного исхода дел буряты были вынуждены обращаться в полицейские управления, являвшиеся для них высшей ступенью суда, что представляло для них большие трудности, связанные с незнанием русского языка, грамоты, с необходимостью найма переводчиков, письмоводителей и т. д.

Во-вторых, введенная по закону выборность должностных лиц в инородных управах развивала общественную активность в бурятском обществе, способствуя росту политической культуры бурят. Система же «родовое управление – степная дума», исключавшая инородные управы, приводила к сосредоточению огромной власти у степных дум и главных тайшей, что служило источником многочисленных злоупотреблений и борьбы за власть между тайшинскими династиями. Принцип наследственной передачи власти не позволял выдвигаться на руководящие должности умным и способным людям.

Так, еще в 1838 г. общественным приговором Селенгинское бурятское общество отказалось от учреждения инородных управ по причине того, что «в каждой инородной управе необходимо нужны будут по одному русскому писарю, каковых не только для оных приискать надежды не полагается, но и для степной думы способных желающих совершенно не находится, в чем встречаем затруднение; поелику есть ли установить положенные инородные управы и при оных иметь русских писарей, то на содержание оных с канцелярскими припасами и прочими для инородцев будет служить с немалым отягощением и составлять будут значительные ежегодные издержки»¹.

В середине XIX в. был вновь поднят вопрос об учреждении инородных управ в ведомствах, где они отсутствовали. С целью

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1625. Л. 9–10.

облегчения судопроизводства, улучшения административной системы в бурятских ведомствах предпринимались самостоятельные инициативы учреждения инородных управ, как, например, в Баргузинском ведомстве в 1860 и 1867 гг.

В связи с этим необходимо отметить проект князя Э. Э. Ухтомского об упразднении Баргузинской степной думы, должности главного тайши и учреждении на месте думы двух инородных управ с должностями головы и выборных. Этот проект он разработал в период, когда исполнял должность Баргузинского окружного исправника. Видимо, появление проекта упразднения степной думы и должности главного тайши также было связано с многолетней борьбой за власть между братьями Хамнаевыми.

В 1872 г. появился еще один проект военного губернатора Забайкальской области Н. П. Дитмара об учреждении особой инородной управы для инородцев, недовольных управлением С. Хамнаева. Однако баргузинские буряты не пожелали учредить еще одну инородную управу: «Из нас нет желающих и имеющих надобность выделиться в особую инородную управу согласно предложению бывшего военного губернатора Забайкальской области, изложенного в предписании от 25 октября 1872 г. за № 1672-м, так как недовольных родом Хамнаева (бывшего нашего тайши) в обществе нашем никого нет, да и самое предложение об отделении инородцев в особую управу в то время, вероятно, было основано по возникаемым тогда от некоторых инородцев ложным жалобам на тайшу Хамнаева и которые инородцы ныне все почти перечислены в Урульгинское ведомство»¹.

Следующий проект изменения инородческого управления связан с «идеей» Общего присутствия Забайкальского областного правления об улучшении управления инородцев. 13 ноября 1873 г. на его заседании рассматривалось состояние управления инородцев Забайкальской области. В частности, отмечалось, что степные думы вместо общественного собрания, созываемого для разного рода дел, превратились в присутственные места, захватывающие в свои руки все без исключения отрасли инородческого управления. Далее говорилось о том, что степные думы обезличивают инородные управы, создавая тем самым своим членам преобладающую роль, которой в силу закона они и не должны

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1744. Л. 8–14.

были иметь. Сугланы превратились в сборище богатого «меньшинства», которое решало все инородческие вопросы.

Поводом для обсуждения вопроса стало донесение Верхнеудинского окружного исправника полковника Поротова от 22 июля 1873 г. и. д. военного губернатора Забайкальской области, в котором он отмечает: «Самоуправление, дарованное законом кочующим сибирским инородцам (том II, часть II), бурятами Хоринского ведомства не исполняются в самых существенных началах, указанных для блага их. Нарушение закона повлекло к злоупотреблениям власти родоначальниками их, к деланию громадных сборов денег с инородцев, не утвержденных высшим правительством и полнейшему давлению бедного класса до того, что буряты в настоящее время составляют два отдельных класса людей: один из них – родоначальники и богатые почетные инородцы с ламайским влиянием, а другой класс, громадное большинство рабов (приблизительно $\frac{19}{20}$ всего населения)»¹.

Далее он пишет, что «на исправление дорог и мостов в настоящем 1873 г. также собраны весьма значительные суммы в разном количестве по инородным управам с души от 2 до 3 р. На выполнение объясненных сборов зайсаны и их помощники, если у бурята нет денег, отбирают скот и другие вещи, нередко с употреблением даже насилия по собственной своей оценке, а если нет у бурят скота или других вещей, тогда за бедняка платит богатый, а бедняк остается в работниках у него за самую ничтожную годовую плату и так как сборы производятся ежегодно, то он остается в безвыходной кабале»².

Подобное положение бурятского населения, достойного всякого уважения по своим нравственным началам, по мнению Верхнеудинского окружного исправника, создалось вследствие невыполнения инородными управами функций, положенных по закону.

В связи с этим он предлагает: 1) созывать сугланы при инородных управах, а не при степной думе; 2) воспретить выбор ближайших родственников на любые инородческие должности; 3) в инородных управах должны быть книги для регистрации жалоб инородцев на монгольском и русском языках, копии с которых должны отправляться исправнику или полицейскому управ-

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 1–1об.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 2.

лению; 4) построить 5 зданий для инородных управ (2 – по тракту Чита – Верхнеудинск, 1 – по р. Кудун, 1 – в Тугнуйской степи, 1 – по р. Хилок); 5) усилить контроль со стороны степных дум за сборами денег¹.

Общее присутствие Забайкальского областного правления своим заключением предложило Верхнеудинскому, Селенгинскому и Баргузинскому окружным исправникам принять к сведению то, что касается улучшения деятельности степных дум, инородных управ и родовых управлений. Например, наладить делопроизводство в инородных управах и родовых управлениях, назначить монгольских писарей в родовые управления, утвердить штатную должность монгольского писаря и переводчика в Баргузинском полицейском управлении и т. д.

В ответ на заключение Общего присутствия Забайкальского областного правления генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс 25 июня 1874 г. пишет военному губернатору Забайкальской области И. К. Педашенко, что прежде всего областное начальство обязано принимать меры по устранению беспорядков в инородческих ведомствах и не видит оснований во введении новых штатных единиц монгольских писарей².

Идея сокращения инородных управ со строительством зданий для постоянного местопребывания в инородческих ведомствах получила отклик в Главном управлении Восточной Сибири. 20 июня 1874 г. председательствующий в Совете ГУВС направил губернаторам Енисейской и Иркутской губерний, военному губернатору Забайкальской области предписания, в которых предложил высказать свои мнения по данному вопросу.

22 июля 1875 г. Енисейское общее губернское правление отписывается, что не видит особой необходимости в изменении существующей системы инородческого управления. К этому времени в Енисейской губернии в Ачинском округе функционировали Кызыльская степная дума и Мелецкая отдельная инородная управа; в Минусинском округе – степная дума разнородных соединенных племен и Абаканская инородная управа³.

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 2–6.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 26об.-38.

³ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 д-во. Д. 6. Л. 13–15.

Якутский губернатор в своем рапорте от 11 января 1875 г. просит даже увеличить количество инородных управ и отмечает, что якуты по существу не являются кочевым народом, а живут оседло в своих наслегих и не покидают места своих стойбищ.¹

Иркутский губернатор в донесении от 31 марта 1875 г. отмечает, что иркутские буряты живут почти оседло, и предлагает вообще упразднить степные думы и должность главного родоначальника².

Военный губернатор Забайкальской области 8 ноября 1874 г. направил доклад об инородческом управлении по итогам ревизии делопроизводства, проведенной им в Хоринской степной думе. В ходе ревизии он выяснил, что Хоринская степная дума приняла на себя обязанности инородных управ, причинами чего являются: 1) кочевой образ жизни инородцев; 2) отсутствие постоянного места пребывания инородных управ и родовых управлений. Исходя из этого, военный губернатор предлагает запретить инородцам покидать места своих кочевий, уменьшить число инородных управ с установлением мест их постоянного пребывания³.

К докладу военного губернатора были приложены общественные приговоры селенгинских, хоринских, баргузинских бурят о сокращении инородных управ в их ведомствах. Селенгинские буряты своим приговором от 19 декабря 1874 г. представили следующий проект об образовании 7 инородных управ вместо 22 родовых управлений:

1. Гильбириная (2858 душ) – для 1-го Селенгинско-Харанутского, 1-го Чернорудского, Олзонова, Бумолготольского, Бабайхурамчиевского, Подгородного и 2-го Атагановского родов;

2. Тамчинская (1623 души) – для Подгородного, 2-го Атаганова, 2-го Селенгинско-Харанутского, Бабайхурамчиевского, Хагагинова, Бумолготольского, Сартолова, Узенова родов со Стрелочным селением;

3. Иройская (1276 душ);

4. Нильцагайская (1510 душ);

5. Гыгетуевская (16 430 душ);

6. Большелугская (2001 душ);

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 д-во. Д. 6. Л. 205об.-206.

² ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 д-во. Д. 6. Л. 206об.-207.

³ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 д-во. Д. 6. Л. 1-2.

7. Кударинская (1397 душ)¹.

Баргузинская степная дума предъявила общественный приговор от 10 сентября 1875 г. об образовании двух инородных управ: 1) Улюнской; 2) Аргадинской². Баргузинское общество высказалось против той части проекта, где говорилось об упразднении думы и должности тайши, мотивируя тем, что «степная дума есть единственное учреждение между инородцами, которое по закону обязано наблюдать хозяйственную часть в распространении земледелия и народной промышленности, что главное необходимо для нас, инородцев, вместе с тем, степная дума составляла общественные собрания подобно как городские думы на ее попечении по закону возлагается хозяйство в ограждении нужд инородцев на основании этого закона»³.

Хоринские буряты направили свой приговор от 18 сентября 1875 г. о сокращении инородных управ с 14 до 5: 1) Тугнуйская с населением в 5754 человека; 2) Кудунская – 5439 человек; 3) Удинская – 3677 человек; 4) Шакшинская – 1248 человек; 5) Еравнинская управа – 3345 человек⁴.

Агинские буряты, имевшие всего 6 инородных управ, решили, что им сокращать их ни к чему, так же поступили тунгусы Урульгинской степной думы, принявшие общественный приговор от 13 января 1876 г. об оставлении у них шести инородных управ.

Окончательно вопрос об улучшении управления инородцев обсуждался на Забайкальском областном совете 3 февраля 1876 г., на котором было решено:

1) строго следить за деятельностью степных дум, учрежденных по закону для забайкальских инородцев, сократить расходы на ее содержание, в частности на канцелярские расходы;

2) количество инородных управ определить согласно желаниям инородцев, равно и место его пребывания и распределение инородцев;

3) определить особую инструкцию для ведения делопроизводства в инородных управах;

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 6. Л. 18–21.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1744. Л. 8–14.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1744. Л. 8–14.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 580. Л. 14–16.

4) определить состав родовых управлений: староста, 2 помощника, избираемых обществом;

5) обязать инородческие ведомства определиться с родовыми управлениями;

6) обязать инородческие ведомства разделить земли по границам инородных управ;

7) крещеным инородцам дать право образовать отдельные родовые управления и дать право избирать выборных из своей среды в состав инородных управ¹.

Таким образом, в 1873–1876 гг. обсуждается вопрос об улучшении управления инородцев, при этом начали собирать все сведения об истории их управления. Основными приоритетами политики Главного управления Восточной Сибири в данный период стало вынесение предложений о сравнении платежей податей кочевых инородцев Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области с платежами крестьян, усиление контроля за степными думами и родоначальниками, прощупывание вопроса об их будущем упразднении и учреждении инородных управ или же унификация местного самоуправления сибирских инородцев с крестьянскими.

В 1880-х гг. со стороны царской администрации была предпринята очередная попытка ликвидировать систему органов местного самоуправления бурят в Забайкальской области. Опубликованное в газете «Восточное обозрение» от 2 сентября 1879 г. сообщение со ссылкой на «Новое время» о предстоящем рассмотрении в Комитете министров проекта о подчинении инородцев Восточной Сибири, за исключением бродячих, общим действующим по империи законам вызвало большой резонанс в бурятских ведомствах.

Проект предусматривал слияние как оседлых, так и кочевых инородцев с государственными крестьянам, объединение и во всех правах и обязанностях, т. е. уравнивание с крестьянами в земельных наделах, так как дарованные инородцам в давнее время грамоты на владение большим количеством земли утратили всякое значение; распространение на инородцев обязанности платить взамен ясака все подати, и отбывать все повинности наравне с крестьянами, не исключая и воинской, и подчинение инородцев как уголовным, так и гражданским законам. Предполагалось, что

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. Л. 208об.-210.

инородцы, окруженные русским населением, освоились с обычаями и общественным управлением крестьян и занимаются в равной, если не в большей, степени хлебопашеством.

Сторонники проекта считали, что уравнивание прав и обязанностей поднимет нравственное развитие инородцев, будет способствовать распространению между ними образования и вместе с тем увеличит доходы государства. Важной стороной проекта было упразднение степных дум и инородных управ с переименованием их в волостные правления и сельские общественные управления, а родовые управления, как составляющие принадлежность каждого отдельного рода инородцев, с подчинением общим законам империи должны были сами собой ликвидироваться¹.

В связи с этим 8 декабря 1879 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором, ссылаясь на кочевой характер уклада, более близкий к бродячим инородцам, незнание русского языка и практическое отсутствие земледелия, отмечают, что подчинение их общероссийским законам является преждевременным, даже могущим принести им вред в нравственном и материальном состоянии, а государству – никакой пользы.

Для ходатайства об оставлении их в прежнем состоянии перед правительством был выбран уполномоченный доверенный от агинских бурят Борончо Бородин, второй тайша Агинской степной думы. О процессе обсуждения этого вопроса в правительстве свидетельствует письмо П. А. Бадмаева своему брату Анпилу, написанное 5 сентября 1879 г. По заявлениям генерал-губернатора Восточной Сибири об уравнивании инородцев с государственными крестьянами последовало высочайшее повеление, на основании которого Министерства – военного, внутренних дел и государственных имуществ – потребовали от генерал-губернатора Восточной Сибири П. А. Фредерикса «мнения», по выслушании которого было решено это дело обсудить со всех сторон.

Таким образом, пишет П. А. Бадмаев, важный вопрос по делам инородцев в общем, и в частности поземельный вопрос, потребует много времени и серьезного отношения. По его мнению, доверенные от бурят не должны ехать в Петербург, не имея на это крайней надобности, потому что высшее правительство печется о

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 43об.

них и не решит этого вопроса, от которого зависит их благосостояние, не обсудивши его всесторонне¹.

В 1880-х гг. проблема ликвидации степных дум и должности главного родоначальника особенно остро встает в Идинском ведомстве Иркутской губернии. 23 июня 1882 г. состоялось заседание Совета Главного управления Восточной Сибири, на котором обсуждался вопрос «Обстоятельства по поводу раздела Идинского инородческого ведомства, по восстановлению законного порядка управления инородцами в Иркутской и Енисейской губернии».

Поводом для обсуждения стали «ежедневно поступающие к начальнику Иркутской губернии от инородцев Идинского ведомства жалобы на разные притеснения и обиды, причиняемые будто бы им местными инородческими властями»². При проверках со стороны губернского начальства оказалось, что предъявленные претензии составляют не что иное, как «плод усиленного раздора существующих в Идинском ведомстве враждебных партий, имея во главе людей влиятельных». Подобные усобицы, сопровождаемые тяжбами, жалобами, подаваемыми местному начальству, в конечном своем результате крайне неблагоприятно отражались на материальном положении инородцев. В связи с таким положением в ведомстве иркутский губернатор И. К. Педашенко поручил Балаганскому окружному исправнику изыскать способы к устранению жалоб и распрей.

Балаганский окружной исправник провел исследования состояния дел в Идинском ведомстве, привлекая архивные документы, и составил подробную справку. Идинские буряты занимали пространство земли площадью 1075 квадратных верст, в ведомстве числилось 12 577 душ мужского пола и 11 670 душ женского пола, делившихся на 29 родов. Каждый род управлялся родовым старостой, несколько родов объединялись в родовые управления, которых было учреждено 10. В течение декабря 1881 г. прошли собрания идинских бурят, на которых большинство высказалось за раздел ведомства.

Учитывая огромные площади, занимаемые ведомством, и многочисленность населения, бесконечные распри идинских бурят, Балаганский окружной исправник предложил разделить

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 46–46об., 48–48об.

² ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 1об.

Идинское ведомство на две части: 1) 13 родов (1, 2, 3, 4-й Готольский, 1-й, 2-й Шаралдаевский, Янгутский, 3-й Онгоевский, Кахинский, 1-й, 2-й Ирхидеевский, 1-й, 2-й Холтубаевский роды (7488 ревизских душ) с центром в улусе Бохан; 2) 16 родов (1-й, 2-й, 4-й Онгоевский, 1-й, 2-й, 3-й Ноетский, 1-й, 2-й Онхотоевский, Булатский, 1-й, 2-й Муруевский, 1-й, 2-й, 3-й Бороевский, 3-й, 4-й Холтубаевский роды с населением 5079 ревизских душ) с центром в улусе Бильчир.¹

Управляющий Иркутской губернией, рассмотрев все предложения, поступившие от чиновников, идинских бурят, пришел к выводу, что Идинское ведомство целесообразнее разделить на три части с учреждением в них инородных управ, что способствовало бы облегчению управления инородцами, достижению единства бурят в каждой из них и уменьшению расходов по выполнению различных повинностей.

Иркутский губернский совет, обсуждая вопрос о разделении Идинского ведомства, остановил свое внимание на существующей в этом ведомстве «неправильности» в управлении, состоящей в сосредоточении всей власти в одной степной думе, хотя по Уставу 1822 г. власть должна была бы находиться в руках инородных управ. В итоге Губернский совет пришел к заключению:

1) упразднить Идинскую степную думу и должность главного родоначальника;

2) разделить Идинское ведомство на 3 ведомства:

- Идинское – с учреждением Боханской инородной управы;

- Осинское – Бильчирской инородной управы;

- Молькинское – Молькинской инородной управы².

Таким образом, предполагаемое деление Идинского ведомства на три самостоятельные и независимые части, упразднение степной думы преследовали цель прекращения усобиц, отступления от «неправильного устройства внутреннего управления учреждением степной думы», захватившей в свои руки полное управление инородцами и присвоившей себе те права и обязанности, которые непосредственно должны относиться к инородным управам как единственным распорядительным учреждениям. Между тем степные думы сосредоточили в своих руках и

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 4–8.

² ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 30.

судебную власть, хотя по Уставу 1822 г. они вовсе не должны иметь значения словесных судов. У главного тайши не должно быть распорядительной власти по управлению инородцами, которая по закону принадлежит инородным управам, он является только председателем степной думы, являющейся совещательным учреждением.

Совет ГУВС, рассмотрев все представленные Иркутским губернским советом материалы, пришел к выводу, что не может упразднить степные думы и должность главного родоначальника, учрежденных по закону указом Иркутского губернского правления в 1824 г., тем более упразднить их в одном ведомстве. Совет порекомендовал степным думам исполнять свои функции согласно закону и учредить инородные управы¹. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин в 1884 г. поддержал решение ГУВС, тем самым был отложен вопрос разделе Идинского ведомства.

Попытка разделения Идинского ведомства, упразднения степной думы и должности главного родоначальника, учреждения инородных управ явилась реальным шагом к ликвидации системы инородческого управления в Иркутской губернии и Забайкальской области, основанной на положениях Устава 1822 г. Захват степными думами и главными родоначальниками полной распорядительной и судебной власти привел к многочисленным раздорам, вражде в бурятских ведомствах и как следствие к прекращающемуся потоку жалоб, прошений бурят.

Свидетель тех событий, миссионер Шимковского дацана, в 1882 г. дает такую характеристику степным думам: «Благодаря отсутствию инициативы у бурят, она (степная дума. – Прим. авт.) сохранила все свои права, как управления совершенно самодержавного, и пользуется ими в лице своих членов в духе знаменитого в летописях сибирских Лоскутова. К несчастью, до сих пор не находилось подражателя Сперанскому, хотя бы в миниатюре, который бы взял на себя почин обуздать произвол этой гидры и избавил бы народ от египетского ига ... Насилие, грабеж и беззаконие завоевали себе право гражданства и разгуливают себе преспокойно!»²

В 1885 г. военный губернатор Забайкальской области Я. Ф. Барабаш пишет докладную записку приамурскому генерал-

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 37.

² ИЕВ. 1882. 3 апр. (№ 14). С. 175–176.

губернатору А. Н. Корфу «Доклад об устройстве быта кочевых инородцев Забайкальской области», в которой подробно остановился на проблемах инородческого управления и мерах по его реорганизации. Было отмечено, что удержание инородцев в той форме быта, которая противоречит экономическим интересам российского государства, явление ненормальное. Такие привилегии, данные инородцам по Уставу 1822 г., как 1) освобождение их от воинской повинности; 2) сравнительно слабое обложение прямыми налогами, когда низший оклад с кочевой ревизской души составляет 1 руб. 42 коп., а оседлой – 4 руб. 75 коп.; 3) пользование сравнительно большим количеством земель, когда на одну кочевую ревизскую душу в Забайкальской области приходится по 90 десятин земли, а у крестьян по 18 десятин, привели к кризису инородческого управления.

Прежде всего, как отмечает военный губернатор, недостатки системы инородческого управления привели к появлению массы деспотических родовых начальников и других влиятельных лиц, которые прямо заинтересованы в сохранении существующих порядков. Они присвоили себе право полного господства над инородцами своих ведомств, когда в их руках сосредоточилась и административная, и распорядительная, и полицейская, и хозяйственная, и судебная власть. Главный тайша судит кочевников своего ведомства, наказывает их телесно или сажает на долгое время под арест и в тюрьму. В то же время он делает распоряжения по исправлению дорог по своему определению, назначает для этого людей, количество лошадей и материалов, он же распределяет число подвод на разных трактах и т. д. В руках у родоначальников оказалось так много самой лучшей земли, что из бурятских ведомств стали поступать бесконечные жалобы на нехватку земель.

Главной же причиной существующих беспорядков, как считает Я. Ф. Барабаш, является кочевой образ жизни, когда из-за дальних расстояний нет возможности обратиться к должностным лицам местного самоуправления. Выходом из такой ситуации явилось бы побуждение кочевников к оседлой жизни, ограничение пользованием земли, реорганизация инородческого управления в сторону приближения к крестьянскому управлению путем упразднения степных дум и должности главного тайши. По его мнению, «пока будут присутствовать думы, до тех пор за главны-

ми тайшами останется значение первых людей в своем ведомстве, с соответственным ему влиянием, пользуясь которым, они, как это можно опасаться, будут поддерживать между бурятским населением племенную и религиозную обособленность и, таким образом, тормозить дело объединения инородцев с коренным русским населением, которое неизбежно должно получиться в результате проектируемых мер»¹.

Таковыми мерами являлись:

1) сохранение инородных управ, которые по кругу их деятельности близко подходят к русским волостным правлениям и могут вступать в непосредственные сношения с земской полицией, а степные думы подлежали упразднению «не только без вреда, но и с пользой для дела»;

2) изъятие из употребления степных законов и подчинение всех инородцев юрисдикции русских судов;

3) привлечение всех инородцев к воинской повинности на общих основаниях: «Инородцы, пробыв определенный срок в войсках, ознакомятся и с русскими обычаями и с русским языком, и по возвращении домой, знание их будут распространять между своими соплеменниками, на что нельзя рассчитывать, если из инородцев будут формироваться особые казачьи или милиционные части»².

Предполагалось также сохранение за инородцами таких привилегий, как меньшее налогообложение и выделение большего земельного надела по сравнению с русскими крестьянами. Администрации Забайкальской области в этот период не удалось претворить в жизнь данный проект ликвидации степных дум и должности главных тайшей. Прежде всего это было обусловлено нерешенностью основного вопроса – о земле, отсутствием законодательства в области суда и т. д.

Одним из направлений политики царского правительства в отношении народов Сибири конца XIX – начала XX в., кроме уравнивания кочующих инородцев в управлении и налогах с крестьянским населением, стал еще один вопрос – о привлечении сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности³. Привлече-

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 11об.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 12об.-13

³ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма... С. 112–113.

ние бурят к отбыванию воинской повинности в XIX – начале XX в. рассматривалось как одно из направлений политики Российского государства по их включению в систему общеимперских законов. Согласно определению, воинская повинность является установленной российским законодательством обязанностью мужчин нести военную службу по защите родины.

В соответствии с § 42 Устава об управлении инородцев Сибири 1822 г., «все кочующие инородцы освобождались от рекрутской повинности»¹, таким образом законодательно буряты были освобождены от несения воинской повинности. Надо отметить, что буряты и эвенки начали нести пограничную службу еще до заключения Буринского договора 1727 г. С заключением же договора сразу же была организована пограничная охрана из 25 караулов, при каждом из которых «состояло 5–10 юрт (семейств) тунгусов или бурят. Наблюдение за пограничными маяками и за переходом за границу скота и людей вверено было инородческим родам и весьма малой части русских, поставленных более для надзора»².

По указу Екатерины от 30 июня 1764 г. для усиления Селенгинской и Нерчинской границ были сформированы четыре бурятских полка, получивших название бурятского нерегулярного войска, которые находились на полном содержании бурятских обществ. Учреждением бурятских полков успешно был разрешен вопрос охраны границ в Забайкалье³.

О боеспособности и желании бурят защищать свое Отечество в тяжелое время для России свидетельствует статья, опубликованная в газете «Амур» за 1862 г.: «В 1812, 1813, 1814 годах забайкальским монголо-бурятам было не до русской грамотности. В это время все они – кто бы этому поверил? – с энергией готовились идти войной на француза! Напрасно иркутский губернатор Н. И. Трескин просил добряков письмом на имя хоринского тайши Галсана Мардаева не беспокоиться, потому что русские уже разбили в пух и прах все бесчисленные полчища французов и их союзников немцев: буряты заподозревали Иркутское губернское начальство в измене Белому царю и продолжали готовить себе винтовки и стрелы с сайдаками; практиковались в стрельбе в

¹ ПСЗ-1. Т. 38. Ст. 29126. СПб., 1830. С. 396.

² Васильев А. П. Забайкальские казаки : ист. очерк : в 3 т. Т. 2. С. 20–21.

³ Там же. С. 181–184.

цель и тулуны (кожаные мешки) под добычу и т. п., так, по крайней мере, доносил тайша губернатору»¹.

Несмотря на законодательное освобождение бурят от воинской повинности, со стороны царской администрации на общегосударственном и региональном уровне периодически поднимались вопросы об их привлечении к воинской службе. Так, в 1872 г. на заседании Комиссии о личной военной повинности при Главном управлении Восточной Сибири обсуждался вопрос об обложении кочевых инородцев милиционной военной службой. На инородческую милицию предполагалось возложить «земскую службу, как, например, препровождение местных арестантов по проселочным трактам, назначение конных инородцев в помощь к пешим этапным командам, сопровождение сельской почты, назначение их нарочными от полицейских управлений и т. п.»². В ответ на требование о предоставлении сведений о возможности несения милиционной службы бурятами Агинская степная дума отписывается, что «по неопытности, необразованности и незнанию русского языка, а также по образу кочевой жизни инородцев, составить со своей стороны предположения не может»³.

1 января 1874 г. был принят Манифест «О введении всеобщей воинской повинности», согласно которому был утвержден Устав о воинской повинности. Было объявлено, что «защита престола и отечества есть священная обязанность каждого подданного, Устав сей привлекает к участию в отправлении воинской повинности все мужское население, без допущения денежного выкупа или замены охотниками»⁴.

С введением Устава о всеобщей воинской повинности положение инородцев изменилось следующим образом: в манифесте было определено, что «действие нового закона не должно распространяться лишь на казачье население, несущее военную службу в установленном для него порядке, а также на некоторых инородцев».⁵ Указом Правительствующему сенату в некоторых местностях и на части населения вводился особо установленный по-

¹ Амур. 1862. 11 марта (№ 19). С. 3–4.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1934. Л. 3об.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1934. Л. 6об., 8.

⁴ ПСЗ-2. Т. 49. Отд. 1. Ст. 52982. СПб., 1876. С. 2.

⁵ Там же.

рядок ввиду того, что для них будет определено особое положение: 1) на Закавказский и Туркестанский края, на Приморскую и Амурскую области, на некоторые округа Якутской области, на некоторые отделения Енисейской губернии, тогурское отделение Томской губернии и на некоторые округа Тобольской губернии; 2) на не отбывавшее до сих пор рекрутской повинности ни натурой, ни деньгами инородческое население Северного Кавказа, Астраханской губернии, Тургайской и Уральской областей и всех губерний и областей Западной и Восточной Сибири, равно как на самоедов, обитающих в Мезенском уезде Архангельской губернии¹.

С принятием Устава о воинской повинности возникли вопросы о привлечении сибирских инородцев, в том числе и бурят, к отбыванию воинской повинности по особым положениям. В этом же 1874 г. во все бурятские ведомства были отправлены письма о предоставлении сведений о том, смогут ли быть обеспечены семейства бурят материально в случае призыва мужчин на военную службу. Это было своего рода социологическое исследование, имеющее целью выяснить подлинное отношение инородцев к перспективе привлечения их к отбыванию воинской повинности, а заодно и политическую лояльность империи. Например, Ольхонская степная дума отвечает: «В случае призыва на службу таких инородцев, у которых не будет оставаться в семье других работников, кроме их самих, место мужа или отца для детей, равно и сына для престарелых родителей могут, по мнению думы, заступать их ближайшие или дальние, но живущие отдельно родственники, а если родственников нет, то и посторонние люди, участие которых к таким семействам можно ручаться уже по одному тому, что между ними никогда нет нищих. Кроме того, инородцы, хотя и не связаны кровным родством между собой, но считают себя и живут по большей части как бы родственники, лишь бы они были одного рода и улуса»².

В 1880-х гг. снова поднимается вопрос о подчинении сибирских инородцев действующим общеимперским законам и уравнивании их во всех правах и обязанностях с крестьянами, в том числе в отнесении ими воинской повинности. Предполагалось, что эти мероприятия приведут к росту нравственного развития инород-

¹ Там же. С. 27.

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 921. Л. 42–42об.

цев, будут способствовать распространению среди них образования, и самое главное, увеличит доходы государства¹. По данному вопросу в 1879 г. агинские буряты отмечают, что «при кочевой жизни в степных местах и незнании русского языка еще далеко не освоились с обычаями и общественным управлением крестьян, а подходя более к бродячим инородцам, мы не занимаемся хлебопашеством, как инородцы других ведомств Восточной Сибири, по случаю степной местности нами обитаемой, годной единственно для скотоводства, которое и составляет источник нашего существования... а потому подчинение нас, бурят Агинского ведомства, общим законам империи с привлечением к воинской повинности, уменьшением количества владеемой нами степной земли с изменением существующего ныне порядка управления (упразднением степных дум и инородных управлений), мы признаем по изложенным выше причинам и особенностям нашей жизни преждевременным и могущим принести для нас вред, как в нравственном, так и в материальном состоянии, а для государства не могущим принести существенной пользы»².

Эти факты свидетельствуют о готовности бурят к несению воинской службы в той или иной форме, но в целом отношение бурят к воинской повинности по существу было отрицательным. Администрации большинства сибирских губерний и областей выразили согласие на введение в той или иной форме воинской повинности у аборигенов. В основе этого решения лежали внутривосточные интересы, связанные прежде всего с дальнейшей русификацией аборигенов. Тем не менее военный министр Д. А. Милютин, признавая принципиальную важность участия инородцев в военной службе, как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири, воздержался от введения воинской повинности инородцев, снова отложив на неопределенное время вопрос о привлечении инородцев Сибири к воинской службе³.

¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма... С. 112–113.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 39–42

³ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма... С. 118

3.2. Органы местного самоуправления бурят Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX– начале XX в.

В 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого вошла Забайкальская область.

К числу реализованных правительством программ относится лишь реформа местного управления инородцами в Иркутской губернии, осуществленная в 1880-х гг. Согласно реформе степные думы у бурят Иркутской губернии были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы, бывшие по Уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями¹.

Генерал-губернатор Восточной Сибири указывал, что ликвидация степных дум и учреждение инородных управ были приняты им «для прекращения раздоров» и «для умиротворения враждующих между собой партий, образовавшихся среди бурят». Вместе с тем царское правительство преследовало русификаторскую цель. В представлении Государственному совету статс-секретарь А. Н. Куломзин писал по поводу ликвидации степных дум в Иркутской губернии: «Означенная мера несомненно принесла уже большую пользу, уничтожив среди иркутских бурят понятие о себе... и приблизив население к надзору и воздействию правительственных органов».²

Инородные управы в Иркутской губернии были образованы в основном в 1889–1890 гг. До этого момента в Иркутской губернии было 4 инородные управы, которые являлись самостоятельными административными единицами, не подчинявшимися степным думам: Кудинско-Капсальская, Китайская, Ленская и Тункинская.

В 1880-х гг. перед администрацией Иркутской губернии встала задача упорядочения инородческого управления, вызванная многочисленными нарушениями в бурятских ведомствах, связанными с увеличением расходов на содержание управления, борьбой между тайшинскими династиями за власть, несовершен-

¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма... С. 54.

² История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 290.

ством судебной системы, приводившими к бесконечным апелляциям в вышестоящие учреждения и т. д.

К пониманию необходимости перемен в инородческом управлении пришли и некоторые представители родовой верхушки бурят. Так, в 1885 г. главный родоначальник идинских бурят Илья Пирожков пишет письмо и. д. генерал-губернатора А. П. Игнатьеву, в котором предлагает одновременно с предстоявшим упразднением подушного налога провести уравнение бурят с крестьянским населением Восточной Сибири.

По его мнению, все привилегии, данные инородцам, «в настоящее время утратили не только своего значения, но и всякого смысла на том основании, что: 1) судом по своим обычаям инородцы очень редко и то в самых маловажных случаях бывают довольны, чему доказательством служит переполнение всех присутственных мест и должностных лиц их всевозможными жалобами и просьбами; и 2) о спорах и владениях всякого рода земельными угодьями буряты также и давно не управляют своими обычаями и правами, а постоянно обращаются в полицейские управления или в казенную палату»¹. Христианская вера распространена среди бурят, а по образу жизни они совсем немного отличаются от окружающих их крестьян: занимаются хлебопашеством, грамотных даже больше, чем среди крестьян.

И. Пирожков считает, что «исключительное же положение, в котором теперь находятся инородцы, ведет только к вражде партий, домогающихся получить власть для своих единомышленников и в своих эгоистических интересах, потому только преобразование инородческого управления в духе вводимого ныне в Сибири крестьянского самоуправления с выборными лицами на срок не более трех лет способно положить конец всем распрям и волнениям и обеспечить инородцам спокойствие и благосостояние под покровительством закона»². В порядке исключения он просит «единственную для бурят привилегию, это оставить за ними право не допускать в местах их поселений открытия как питейных заведений, так и оптовых винных складов»³.

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2034. Д. 93. Л. 167об.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2034. Д. 93. Л. 168.

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2034. Д. 93. Л. 168об.

Генерал-губернатор Иркутской губернии А. П. Игнатъев в своем предписании и. д. иркутского губернатора от 16 февраля 1889 г. «О мерах к упорядочению инородческого управления» отмечает, что неоднократно убеждался «во многих неправильностях и отступлениях от основных начал, установленных для него Положением 22 июля 1822 г.»¹.

Далее он пишет, что согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. в инородческом управлении должны быть «учреждены две степени управления: первая – родовое управление, состоящее из старосты и одного или двух помощников и вторая – инородная управа в лице одного головы и двух выборных. Только для исключительно хозяйственных дел многих родов, соединенных вместе, дозволялось иметь, и то лишь забайкальским бурятам, еще третью степень – степную думу. Между тем, при первом моем обозрении мною инородческих ведомств Иркутской губернии я нашел, что в большинстве ведомств вместо двух, предусмотренных законом, действуют три степени управления, а именно в большинстве ведомств степные думы, а в некоторых – инородные управы, затем родовые управления и улусные старшины»².

По мнению А. П. Игнатъева, в Иркутской губернии необходимо было провести упорядочение инородческого общественного управления, основными пунктами которого должны были стать:

1) инородческое управление должно состоять только из двух степеней: инородной управы и родового управления;

2) содержание канцелярий родовых управлений или вообще писарей, а тем более постройка особых помещений не обязательны для инородцев, так как по силе ст. 24 Устава об управлении инородцев 1822 г. все дела в родовом управлении производятся словесно; при этом инородческим обществам следовало указать, что в их небольших и весьма несложных делах они могут обходиться без всяких писмоводителей, за получением приказаний начальства родовые старосты обязаны периодически являться в управы; исполнение тех дел, где может потребоваться письменное производство, должно лежать на инородных управах;

3) низшей степенью инородческого управления по ст. 17–23 Устава об управлении инородцев 1822 г. должно быть родовое

¹ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 87.

² Там же.

управление в лице старосты и одного или двух помощников из почетных и лучших родовичей, причем следует иметь в виду, что нынешние улусные старшины явились последствием неправильной постановки родовых управлений и должны исчезнуть;

4) с установлением правильного порядка в общественном инородческом управлении отпадет необходимость в содержании значительного количества междудворной гоньбы¹.

В ходе подготовительной работы генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев посещает бурятские ведомства, проводит там собрания, на которых разъясняет о пользе предстоящей ликвидации степных дум и должности тайши. Так, 2 февраля 1886 г. он посещает собрание при Балаганской степной думе, где присутствовали родоначальники и доверенные лица. В течение часа он беседовал с бурятами, разъясняя о пользе учреждения инородных управ, расспрашивая об их нуждах, также давал советы по улучшению их быта².

Упразднение степных дум среди бурят Иркутской губернии началось в 1886 г. Ликвидация проводилась следующим образом: распускалась дума, создавались несколько инородных управ, родовых управлений; упразднялась должность тайши, создавались должности голов. Таким образом, тайши потеряли свое доминирующее положение среди бурят Иркутской губернии, и для многих зажиточных бурят был открыт доступ к высшим должностям степного управления.

1. Упразднение Идинской степной думы и учреждение инородных управ. Идинская степная дума была ликвидирована первой согласно журналу Совета ГУВС от 30 июля – 27 августа 1886 г. Идинское ведомство было разделено на 5 инородных управ: Боханскую, Укырскую, Бильчирскую, Улейскую, Молькинскую.

2. Упразднение Верхоленской степной думы и учреждение инородных управ. Верхоленская степная дума была упразднена с 1 января 1889 г. и разделена на 3 инородные управы: Верхнекудинскую, Баяндаевскую, Хоготовскую³. Буряты 2-го Абызаев-

¹ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 87об.

² Медведев А. Посещение генерал-губернатором Восточной Сибири графом А. П. Игнатьевым Балаганского инородческого ведомства // ИЕВ. Прибавления. 1886. 22 февр. (№ 8). С. 97–100.

³ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1918. Л. 53.

ского рода вышли с ходатайством иркутскому генерал-губернатору о выделении из Баяндаевской инородной управы и об образовании отдельной Ользоновской управы с центром в селении Ользоновском ввиду отдаленности от селения Баяндаевского и невозможности из-за этого срочного решения судебных и других дел. Со стороны Иркутского губернского совета это ходатайство было признано целесообразным, и в конце 1890 г. была образована Ользоновская инородная управа.

Верхнекудинская инородная управа образовалась из бурят Ользоновского, 1-го Буровского и 4-го Буровского родов с населением 2555 душ мужского пола.

Баяндаевская инородная управа включала в себя Баяндаевский, Бахаевский роды с населением 2380 душ мужского пола.

Хоготовская инородная управа была образована 1 января 1889 г. и состояла из бурят 1-го Абызаевского рода с населением 1508 душ мужского пола. Головой управы был избран Осип Степанов, 36 лет, житель Токского улуса, выборными – Битху Бидаев, Александр Булгатов. Управа объединяла одно селение Хоготовское, улусы – 1, 2, 3, 4 и 5-й Молойские, Зегеринский, Хоготовский, Баретойский, Шатхолунский, Токский, Шонтойский, 1-й и 2-й Кальский, Унгуринский¹. В 1891 г. в управе было 2918 жителей, 1153 жилых дома, 840 юрт, 7 экономических магазинов, 1 церковь, 1 училище, 1 почтовая станция, 1 тюрьма, 1 анатомический ледник, 11 кузниц, 2 питейных заведения, 1 пожарный сарай, 3 торговые лавки².

Ользоновская инородная управа была образована в конце 1890 г. из бурят 2-го Абызаевского рода и состояла из 13 улусов: Гулунтумурского, Шаракшанского, 1-й Онгоевского, 2-й Онгоевского, 3-й Онгоевского, Нугулурского, Нога-Алыкского, Тыпхисырского, 1-й Молойского, 2-й Молойского, Идыгейского, Маралтуевского, Уваровского и 2 селений: Ользоновского и Маркеловского³. В 1893 г. по ведомству было 5 пожарных сараев, 5 экономических магазинов, 1 сельская тюрьма, 1 анатомический ледник, 1 приходское Ользоновское приходское училище⁴. В 1909 г. было

¹ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 136. Л. 39, 40.

² ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 86.

³ ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 40. Л. 29, 30.

⁴ ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 36. Л. 31–33.

открыто почтовое отделение¹. В 1912 г. были открыты одно-классные училища в Онгоевском и Маралтуевском училище². Головой управы в разные годы избирались: Исаак Ертагаев (1890–1900), Хуригатай Хунгыров, Монхор Могоров.

3. Упразднение Тункинской степной думы и образование инородных управ. В 1889 г. Тункинская степная дума распалась на 3 управы: Харибятскую с центром в улусе Жемчугском, Койморскую с местопребыванием в улусе Узур-Нинугуне, Торскую с центром в улусе Торском и отдельное Окинское родовое управление, при этом к первой управе были отнесены 4834 души обоего пола, ко второй – 2885, к третьей – 2597. К Окинскому родовому управлению были приписаны 1442 души обоего пола. П. Т. Хаптаев приводит текст доклада чиновника особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе Д. В. Безобразова от 18 августа 1890 г. о преобразовании Тункинского инородческого ведомства. Согласно приговору инородцев Тункинского ведомства от 21 февраля 1889 г., Тункинскую степную думу предполагали разделить на 5 самостоятельных управлений: Окинский отдельный род с непосредственным подчинением его Иркутскому окружному полицейскому управлению, Харибятскую, Койморскую, Торскую инородные управы и Тукуринскую волость из ясачных инородцев.

Однако вмешался архиепископ Вениамин, посчитавший нежелательным в интересах распространения православия образование особой из оседлых инородцев волости. По его мнению: 1) с отделением оседлых инородцев в особое управление они будут лишены возможности оказывать на кочевых инородцев влияние к обращению в православие; 2) с образованием отдельной волости оседлые инородцы окажутся обремененными большим количеством разных налогов, их поземельное и экономическое положение ухудшится, и таким образом легко может ослабеть среди инородцев желание к переходу к оседлому образу жизни и принятию православия; 3) распространение на оседлых инородцев общей воинской повинности окончательно отвратит их от принятия христианства. С учетом высказанных доводов архиепископа Вениамина проект был изменен: Тункинское ведом-

¹ ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 322.

² ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 406. Л. 23–28.

ство было разделено на вышеперечисленные 3 инородные управы и 1 родовое управление¹.

Харибятская инородная управа находилась в Жемчугском. В 1898 г. головой управы был избран Иван Дуйбанов, выборными – Ардан Ошоров и Энхэ Якшиев².

В своей деятельности управа подчинялась крестьянскому начальнику 3-го участка Иркутского уезда, входила в Урдобугинский участок.

В 1893 г. управа состояла из бурят шести родов: 1, 2, 3, 4-го Хонгдорского; Шеронхонского; 1-го, 2-го Хойготского; Иркинского; Шишеловского; Челдарского³.

К 1915 г. образовались еще 2 рода – Тыртеевский и Туранский.

По отчету головы управы от 25 августа 1915 г. в ведомстве было 34 улуса, селений, выселок, в которых проживали буряты 8 родов, число жителей всех возрастов составляло 7672 человека, количество земли, находившейся в пользовании 11 467 десятин⁴.

Большая часть населения ведомства занималась скотоводством, земледелием – оседлые буряты, примерно 225 домохозяев. Зажиточная часть населения сеяла хлеб для собственного потребления. Звериным промыслом занимались до 300 человек⁵.

По ведомству было 3 хлебных экономических магазина: Бухогорхонский, Кыренский, Хорликский, 3 водяные мукомольные мельницы, торговый рынок в с. Тунка, 4 перевоза через р. Иркут.

К 1905 г. из религиозных учреждений действовали Жимыгитская (Харибятская) Иннокентьевская церковь (стан), которая находилась в Хабарнутском улусе, Мондинская князя Владимирского церковь (стан) в Мондинском карауле, Шимковская Михайло-Архангельская церковь (стан) в с. Шимки, Ниловой Пустыни церковь, принадлежавшая Иркутскому архиерейскому дому в Туранском карауле, и Кыренский дацан в улусе Кырен⁶.

Дети бурят учились к 1914 г. в 3 инородческих училищах: Харибятском, Нерюхайском, Убулзон-Нугайском⁷.

¹ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии... С. 33–34, 127–131.

² ГАРБ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 259. Л. 50.

³ ГАРБ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 116. Л. 155.

⁴ ГАРБ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 94. Л. 21–22.

⁵ ГАРБ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 625. Л. 14.

⁶ ГАРБ. Ф. 241. Оп. 2. Д. 116. Л. 148.

⁷ ГАРБ. Ф. 241. Оп. 2. Д. 530.

К концу 1917 г. были образованы аймаки, хошуны и сомоны. В Харибятском хошуне были образованы 12 сомонов: 1-й Хонгодорский, Шишеловский, Тыртеевский, Шарагунский, Иркутский, Дармаевский, Токуренский, Челдарский, 2-й Хойготский, 1-й Хойготский, Туранский, Шимковский¹.

Койморская инородная управа размещалась в улусе Узур-Шинугун, в ее состав входили 3999 жителей, 5 родовых управлений: Шеронхонское, Бадарханское, 2-е Хонгодорское, 3-е Хонгодорское, 4-е Хонгодорское; 12 улусов: Тагархайский, Койморский, Шардобунский, Уляборский, Ундур-Шогенский, Ойбойский, Хура-Хобокский, Хебокский, Шархоловский, Кунтенский, Улбугайский, Енгаргинский; 3 села: Тальское, Токуренское, выселок Кутул.

Головой управы в разные годы были Михаил Ефимович Сороковиков, Синельников, Александр Шобонов, Артемий Балсанов, Молонов. Управа содержала совместно с Харибятской и Торской управами анатомический ледник, Тункинское почтовое отделение, Торское и Тункинское училища, Торский и Эхенугинский перевозы.

Торская инородная управа образована в 1891 г., размещалась в улусе Торском Иркутского уезда Иркутской губернии. Подчинялась крестьянскому начальнику 3-го участка Иркутского уезда, приставу 3-го стана.

При образовании управы население составляло 3308 человек, в том числе 1673 мужского пола и 1635 женского пола², и состояло из 4 родовых управлений: Тыртеевского, 1-го Куркутского, 2-го Куркутского и 1-го Хонгодорского³. В 1909 г. было образовано Торское родовое управление⁴.

В 1901 г. в ведении Торской управы числились улусы: Подкокуйский, Шадур Тологойский, Хабин-Дыбинский, Шулутовский, Янданский, Торский, Харагунский, Шинайский, Ноетский и 2 селения – Тибильтийское, Гужирское⁵.

Население управы занималось скотоводством и земледелием. В ведомстве находилось 2 экономических магазина – 1-й Торский и 2-й Еловский⁶.

¹ ГАРБ. Ф. 241. Оп. 2. Д. 579. Л. 55.

² ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 2.

³ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1.

⁴ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 18.

⁵ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 13. Л. 41.

⁶ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 2.

Управой выделялись за счет мирских сборов денежные средства на содержание Тункинского анатомического ледника, Тункинской аптеки, Тункинского почтового отделения, перевоза через р. Иркут. Управа выделяла средства на содержание Торского училища¹.

На должность головы избирались в разные годы: А. Кирилов (1897 г.), Н. Мункуев (1898 г.), А. Хамаков (1901 г.), Манзарханов (1908 г.), Дарма Кырмыгенов (1914 г.), Холбоев (1916 г.)

Окинское родовое управление объединяло бурят 1, 2, 3, 4-го Хонгодорских родов, Шалдаровского, Хайгатского, 2-го Кургутского, Тыртеевского и Иркутского родов.

4. Упразднение Кудинской степной думы и учреждение инородных управ. Кудинская степная дума была упразднена по приказу иркутского губернатора от 8 января 1890 г.: «Упразднить с 1 января 1890 г. Кудинскую степную думу и должность главного родоначальника и затем ведомство это разделить на три инородные управы:

1) Абаганатскую с резиденцией управы против горы Хандагай, на 4-й версте от селения Усть-Ординского на правой стороне почтового тракта из 1, 2, 3, 4 Абаганатских родов с населением 2449 душ обоего пола;

2) Кудинскую с резиденцией управы в с. Усть-Ординском из 1, 2, 3, 4-го Харанутских родов, причисленных к последнему роду инородцев Харбятинского улуса 1 и 4-го Бабаевских родов, Усть-Ординского и Курского селений оседлых инородцев и бродячих тунгусов, с населением 5268 душ обоего пола;

3) Усть-Ординскую с резиденцией управы в 16-ти верстах от с. Усть-Ординского, по левой стороне почтового тракта, около Гушитского улуса, из 1, 2, 3, 4-го Бабаевских родов, за исключением из первого и последнего инородцев Харбятинского улуса, причисленных к 4-му Харанутскому роду Кудинской Управы Курумчинского рода, с населением 3920 душ обоего пола»².

Абаганатская инородная управа была образована 1 января 1890 г. Управа находилась в улусе Хандагаевском, на 4-й версте от селения Усть-Ординского³.

¹ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 18. Л. 14об.-17.

² ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 147. Л. 3–4.

³ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 147. Л. 3об.

При образовании управы население составляло 2449 человек¹ и состояло из 4 Абаганатских родов. Родовое управление 1-го Абаганатского рода находилось в улусе Кулункун (8 верст от управы), 2-го – в улусе Зада (9 верст), 3-го – в улусе Булусинский (12 верст), 4-го – в улусе Боройский (7 верст)².

В своей деятельности Абаганатская инородная управа подчинялась земскому заседателю 2-го участка, с 1899 г. – крестьянскому начальнику 5-го участка, мировому суду 4-го участка, станному приставу 2-го стана, 4-му сельскому врачебному участку.

Первым головой управы в 1890 г. был избран Марк Хантаев. В последующем, в разные годы, головой управы избирались Николай Бутуханов, Алексей Убогонов, Богачев Батоев, Андрей Хахалов.

Население управы занималось скотоводством, земледелием и охотой. В 1895 г. насчитывалось 1528 ревизских душ, из них 784 рабочих. Они имели 2060 домов и юрт, 5570 десятин пахотной земли, 2984 десятины покосной и усадебной земли, 1920 лошадей, 4811 голов крупного рогатого скота, 1151 голову овец, 633 козы³.

В управе не было своего анатомического ледника, поэтому из мирских сборов выделяли деньги на содержание Кудинского анатомического ледника.

За счет мирских сборов также платили за наем и содержание Оекского приемного покоя и следственной тюрьмы. До 1901 г. управа выделяла средства на содержание Кудинского училища, жалование учителю, содержание четырех пансионеров при училище. В марте 1901 г. суглан при инородной управе принял решение о строительстве и открытии своей начальной школы.

Кудинская инородная управа была образована 17 января 1890 г. Почтовый адрес – ст. Жердовская. В 1890 г. население составляло 5168 человек, в том числе 125 грамотных. По ведомству было 1819 жилых домов, 2428 юрт, 16 кузниц, 5 мельниц, 10 экономических магазинов, 1 училище, 7 пожарных сараев, 1 почтовая станция, 1 анатомический ледник, 3 винных склада⁴.

В разные годы головами управы избирались Обук Олоктонов (1891–1896), Василий Холодов (1896–1899), Кузьма

¹ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Л. 3об.

² ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 98. Л. 33.

³ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.

⁴ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 36.

Алагуев (1897–1904), Хажи Хабитуев (1905–1907), Елисей Васильев (1908–1910)

Резиденция *Усть-Ординской инородной управы* размещалась в 16 верстах от селения Усть-Ординского, по левой стороне почтового тракта, около Гушитского улуса и состояла из бурят 1-го, 2-го, 3-го Бабаевских родов, за исключением из первого и последнего инородцев Харбятинского улуса, причисленных к 4-му Харанутскому роду Кудинской управы и Курумчинского рода, с населением 3920 душ обоего пола¹.

5. Упразднение Ольхонской степной думы и учреждение инородных управ. Согласно заключению Иркутского губернского правления от 12 октября 1887 г. упразднялись Ольхонская степная дума и должность главного родоначальника, и учреждалась Ольхонская инородная управа.

Иркутский генерал-губернатор «при рассмотрении этого вопроса усмотрел, что 1) Ольхонское инородческое ведомство, которое составит одну инородческую управу, имеет 5432 души мужского пола; 2) в ведомстве находится 72 улуса, отстоящие на значительном расстоянии от центра управления, причем расстояние самых отдаленных пунктов достигает 180 верст; 3) ведомство имеет в настоящее время девять родовых управлений, количество которых остается без изменения; 4) при указанном преобразовании несколько не изменяются расходы на содержание инородческих управлений и, принимая во внимание, что упразднение Думы было предпринято главным образом в целях предоставления инородцам иметь органы общественного управления в более центральном месте и в недалеком расстоянии от улусов. Вследствие этого одна инородная управа для 72 улусов, разбросанная более чем на 200 верстном расстоянии при таком значительном числе жителей не может выполнять успешно возложенные на нее обязанности»², в связи с этим иркутский генерал-губернатор не признает возможным утвердить проект замены Ольхонской степной думы одной инородной управой.

Ольхонская степная дума и должность главного родоначальника были упразднены по приказу Иркутского генерал-губернатора с 1 января 1890 г., и на ее месте были образованы 2

¹ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии ... С. 35.

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 682. Л. 3–5.

инородные управы: 1) Еланцинская, с резиденцией в улусе Еланцинском, из 4 родов – 2, 3, 4, 5-го Чернорудских родов и Тьргинской деревни оседлых инородцев с населением 1342 души мужского пола и 1279 душ женского пола; 2) Кутульская, с резиденцией в Кутульском улусе, из 5 родов – 1-го и 6-го Чернорудских родов, 1-го и 2-го Абызаевских родов и Хенхедурского рода с населением 1374 души мужского пола и 1413 душ ж.¹

Первым головой Кутульской управы был избран Гаврило Мадакшинов, выборными Баяган Заяхаев, Мангут Бартушкин.² В 1895 г. по Кутульской управе насчитывалось 600 хозяйств, 2645 человек, по Еланцинской управе – 572 хозяйства, 2668 человек³. В 1899 г. головой управы был избран Албашей Елбаскин, выборными Номо Номолов, Ожголкой Харагаев. Основные занятия населения – скотоводство, рыболовство, охота.

6. Упразднение Аларской степной думы и учреждение инородных управ. «Бывшая Аларская дума в начале 1890 г. разделена на 3 управы: Аларскую, Хыгдинскую и Куйтунскую. Каждая управа есть самостоятельная единица. Имеет особый дом, канцелярию, письмоводителя, помощника, сторожа и пр. Содержатся ведомства инородцами. Жалованье дают те же буряты»⁴.

Аларская инородная управа размещалась в Хангинском улусе. Здание управы было двухэтажным деревянным с железной крышей, на территории управы размещались амбар, сарай, ограда, баня. В ведение управы входило население улусов 1, 2, 3, 6, 7-го Хонходорских родов. В управе было 6 экономических магазинов: Верхне-Иретский, Хигинский, Грязнухинский, Куркатский, Шалотский, Бурковский⁵. В 1910 г. 9 школ размещались в улусах: Албазей, Кукунор, Ямат, Киркет, Куркат, Шалот, Туглуй, Аляты, Хандагай⁶. 20 декабря 1906 г. был открыт фельдшерский пункт для обслуживания Аларского, Ныгдинского, Куйтинского ведомств и открыта аптека. При ведомстве был построен дацан в 1811 г., отреставриро-

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 682. Л. 16.

² ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.

³ Кулаков П. Е. Указ. соч.

⁴ Цыбен Жамцарано. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 26.

⁵ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 703. Л. 10.

⁶ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 795. Л. 1.

ван в 1894 г. и освящен в конце 1898 г. Пандито Хамбо -ламой. В 1912 г. управа реорганизована в Аларское волостное правление.

Куйтинская инородная управа имела резиденцию в улусе Куйтинском и состояла из бурят 9-го Шаранутского, 8-го Хонходоровского и 3-го Халтубаевского родов с населением в 1222 ревизских души, наличных 1409 душ и имеющих право голоса 588 душ¹.

Ныгдинская инородная управа состояла из бурят 3-го, 4-го, 5-го Хонходоровских родов с населением в 1457 ревизских душ, наличных 1345 душ, имеющих право голоса 864 души. Размещалась в деревне Бажеево².

7. Упразднение Балаганской степной думы и учреждение инородных управ. Балаганская степная дума разделилась на *Унгинскую, Нельхайскую, Зунгаро-Быкотскую, Ашахабатскую инородные управы.*

Унгинская инородная управа была образована 1 января 1890 г. и состояла из бурят 14 родов: Булутского, Онгоевского, Шалотского, 1-го Олзоевского, 2-го Олзоевского, 1-го Муруевского, 2-го Муруевского, 1-го и 2-го Кульметского, Шаратского, Тыретского, 2-го Икинатского, Тагнитского, Боролдоевского и 98 населенных пунктов. В 1896 г. Боролдоевский род составил отдельное общество – Заблагорскую деревню³ и в 1899 г. была образована Тыретская волость⁴. В итоге Унгинская управа стала состоять из 12 родов.

Управа находилась в Нукутах и подчинялась Балаганскому окружному исправнику, а с 1899 г. – крестьянскому начальнику 1-го участка Балаганского уезда. Здание инородной управы состояло из присутствия, канцелярии, сугланной комнаты, арестантской камеры, приемного покоя.⁵ Первым головой управы был избран Петр Шагланов (1890). В последующем в разные годы головой управы избирались А. Зонхоев (1891–1893), П. Марактаев, М. Мармуев, Ф. Жербаков. В 1899–1900 гг. в Унгинской управе было 4 мануфактурные и 1 мелочная лавки, 4 харчевни, 2 питейных

¹ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии ... С. 34.

² Там же. С. 34.

³ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–3.

⁴ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 333.

⁵ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 239. Л. 4–5.

заведения, 1 фельдшерский пункт¹, 1 православная церковь, 34 общественных зданий, 3525 частных домов².

Ленская инородная управа. В 1888 г. Иркутский губернский совет по крестьянским делам рассмотрел вопрос «О разделении Ленского инородческого ведомства Верхоленского округа на три самостоятельные части с учреждением в каждой инородной управе». Для решения этого вопроса во всех 7 существующих родах были проведены сугланы, затем суглан всего ведомства, куда были избраны по шесть представителей от каждого 100 душ, имеющих право голоса, где были высказаны разные предположения по увеличению числа управ. Доводы были в основном географические – трудно собираться на общие сугланы из-за отдаленности. Материалы обсуждения и предложения были направлены в губернское правление, которое в 1889 г. приняло окончательное решение об упразднении Ленской инородной управы и образовании 3 новых управ:

1) Ангинской – с резиденцией в улусе Краснояровск (Басай) в составе 2-го и 3-го буровских и 2-го, 4-го, 5-го чернорудских родов с населением 1720 душ мужского пола; во главе управы в разные годы находились Педус Ебенов, Николай Бернаев, Алексей Анганов, Гавриил Дырхеев;

2) Куленгской – с резиденцией в Гогоне, состояла из одного 3-го Чернорудского рода с населением 386 душ мужского пола;

3) Ленской (Харбатовской) – с резиденцией в Содое и с населением 2503 души мужского пола. В нее вошли буряты Хэнгэлдэровского и 6-го Чернорудского родов. Хэнгэлдэровский род разделился и образовал три самостоятельных рода: кырменский, никилейский и содохойбетский. В разные годы у руководства управы находились Михаил Бичиханов, Хагдай Дембелов, Михаил Балхаев и др.

В 1909 г. образовалась самостоятельная Кырменская инородная управа³.

Таким образом, на месте 7 степных дум Иркутской губернии были образованы 24 инородные управы, в свою очередь само-

¹ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 353. Л. 3, 4.

² ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 411. Л. 6.

³ Дырхеев П. С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ, 2005. С. 62–63.

стоятельно существовавшие инородные управы разделились на более мелкие инородные управы.

Следующим шагом региональной администрации стало издание в 1890 г. проекта военного губернатора Забайкальской области М. П. Хорошхина о привлечении бурят к воинской повинности, согласно которому они в мирное время должны были привлекаться к учебным сборам один или два раза в год, на срок не более 6 недель. В пояснениях чиновника особых поручений графа А. Кейзерлинга при приамурском генерал-губернаторе главному тайше селенгинских бурят Сайнцаку Юмову отмечается, что «цель привлечения бурят к воинской повинности – в случае войны с Китаем и большего требования войск бурятская милиция будет относить гарнизонную службу, будут наряжаться конвоирами, проводниками войск и на разведки неприятельских войск»¹.

На сборы должны были призываться буряты в возрасте от 21 до 24 лет, они должны были получать деньги на продовольствие. После четырехлетних сборов они должны были зачисляться в ополчение². Граф А. Кейзерлинг отписывает: «Буряты будут привлекаться в мирное время ежегодно на учебные сборы на 4 или 5 недель. Ежегодно для образования бурятской национальной милиции буряты 21 года и в каждой не более 250 человек со всего бурятского населения области и таким порядком в течение четырех лет из четырех возрастов 21, 22, 23, 24-летних должен составить один полк в 1000 человек, впоследствии с запасными будут составлять 4 полка обученного войска»³.

В связи с проблемой привлечения бурят к воинской повинности возникли вопросы: например, как определить возраст буряты, кто будет составлять списки, кто проверит правильность составления списков, кто может быть освобожден от призыва, как должны происходить сборы, как определить количество призываемых – по родам или по обществу, кто должен следить за сборами, как поступить с теми, кто уклоняется от сбора, кто будет производить освидетельствование больных, как собирать их, какое вознаграждение давать призываемым и т. д. Единственным вопросом, на который сразу был дан ответ, это вопрос о том, кто

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 11–13.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2862. Л. 3–4.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 11.

должен осматривать призывников. На предложение Хоринской степной думы о необходимости осмотра лекарями – ламами следует резолюция военного губернатора – «ни в коем случае»¹.

Селенгинский главный тайша откликнулся на призыв к воинской службе следующим образом: «Как я, так и все мои сородичи, поселившиеся в недалеком расстоянии от китайской границы обязаны охранять неприкосновенность престола Его Императорского Величества, охранять интересы Его и защищать границы, принадлежащие России, в подданство которой наши монголы-буряты перешли с лишком 200 лет тому назад. Я полагаю, что в случае каких-либо военных действий, они строго будут держаться к защите своих границ и оберегать как границы России, так и свои жилища и свою имущественность. Я полагаю, что должно настать время, когда забайкальские буряты должны быть привлечены к отнесению воинской повинности»².

Агинские и хоринские же буряты стали активно ходатайствовать об отсрочке исполнения воинской повинности, мотивируя свой отказ кочевым образом жизни, трудными климатическими условиями, незнанием русского языка. Так, 2 октября 1890 г. Хоринская степная дума пишет рапорт военному губернатору Забайкальской области, в котором приводит следующие доводы для отсрочки от воинской повинности: «Если привлечение бурят к отнесению воинской повинности будет сопряжено с денежными расходами с их стороны, то это неминуемо повлечет за собой упадок экономического их благосостояния»³.

Военный губернатор расценил это как намеренное уклонение от воинской службы⁴, на что агинские буряты отвечали: «... Чем могли буряты вызвать такое замечание Его Превосходительства, тогда как хоринские буряты не только не думали намеренно уклоняться от исполнения какой-либо службы в пользу Отечества, но они, питая безупречную любовь и преданность Царю и Престолу, неоднократно доказали свою верность и неизменную покорность как со времени принятия добровольного подданства, охранением русско-китайской границы, о чем свидетельствуют

¹ ГАЗК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2725. Л. 5–9.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 10

³ ГАЗК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2725. Л. 5–9

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2862. Л. 26

не только устные предания, но и государственные документы, как патент императора Петра II, данный хоринскому тайше Шодо Больтирикову от 4 июня 1729 г., так последующее поколение доказало неизменную преданность своему Отечеству уступкою своих удобных земель для поселения русских, оказали значительные услуги при взятии Амура, как пожертвованиями в пользу Аянских и других переселенцев, добровольного флота и раненых и больных воинов, так и передвижением войск и крепостных орудий на Амур, исправным платежом ясака и повинностей»¹. Далее они просили отложить решение вопроса о воинской повинности до окончательного межевания земель и переустройства их быта, образа жизни. Вопрос о привлечении бурят к милиционной службе был отложен снова на неопределенный срок.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки привлечения сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности. Так, в 1896 г. была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, итогом работы которой стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых инородцев Тобольской и Томской губерний.

В январе 1902 г. военный министр А. Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Николаю II, предложив привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых инородцев Сибири и Забайкалья. Идея понравилась императору, и предложения министра были утверждены. Бурятские ведомства были извещены об этом и готовили свои предложения по вопросу о воинской повинности.

По этому поводу Цыбен Жамцарано пишет в своем письме к Андрею Михайлову: «Вы вероятно знаете, какой основательный ответ дало Аларское ведомство – три управы по вопросу о привлечении инородцев к воинской повинности. А Ваши управы? – зазнавшиеся писари не нашли даже нужным посоветоваться со сведущими людьми! Буряты и так вымирают, незачем ускорять эту печальную смерть. Потом – все прямо таки задавлены работой для своего пропитания. Если теперь лучших людей возьмут на службу – кто будет работать? ... Гораздо нужнее – медицинская и просветительская помощь, чем военная служба. Вот, когда буряты

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 8–8об.

станут людьми, перестанут вымирать и болеть – тогда они и сами пожелают служить. Наше Правительство никогда не пожелает, чтоб его инородцы вымерли, но может впасть в заблуждение от ложного донесения ваших управ, и может признать своевременным привлечение инородцев к в[оинской] повинности»¹.

Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. Для вынесения окончательного суждения в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский. В этом же 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение инородцев Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

Принятию изменений в Устав о всеобщей воинской повинности помешала начавшаяся Первая мировая война. Хотя буряты, как инородческое население, было освобождено от воинской повинности, однако они не остались в стороне от этого события. Участие бурят на начальном этапе выражалось в сборе огромных пожертвований для оказания помощи пострадавшим во время военных действий. Так, в 1915 г. по инициативе лидеров бурятских обществ и Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова был учрежден Общебурятский комитет для оказания помощи жертвам войны и оказания помощи нуждам семейств воинов². Целью деятельности Общества было оказание помощи больным и раненым воинам путем устройства лазаретов, коек, полевых питательно-врачебных отрядов, эвакуационных поездов³.

Как отмечал в своем докладе Д.-Д. Итигэлов, сделанном на общем собрании членов Общества 1–2 августа 1915 г., со всего бурятского населения за короткий срок было собрано 86 010 руб. 72 коп., в том числе: от 20 бурятских волостей Забайкальской области – 63 500 руб. 19 коп., по подписным листам – 7269 руб. 32 коп. и т. д. Из них было израсходовано 77 766 руб. 16 коп., в том числе на: со-

¹ ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

² ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 55–56.

³ ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 114.

держание бурятских коек на Кавказе, семьям призванных на войну низших чинов, содержание бурятского лечебно-питательного отряда, содержание Петроградского бурятского лазарета и т. д.¹

Петроградский бурятский лазарет на 30 коек был учрежден на пожертвования бурят и размещался в Старой деревне в доме Буддийского храма в Петрограде. Старшим врачом был назначен Ю. Д. Талько-Гринцевич, врач, в течение 10 лет работавший окружным врачом в г. Троицкосавске (1899–1908), известный краевед, один из инициаторов создания Кяхтинского краеведческого музея. Врачом работал один из первых бурятских врачей Л. Жабэ, письмоводителем – М. М. Сахьянова, будущий лидер бурятских большевиков, секретарь Бурятского областного комитета РКП (б), в то время учившаяся на Высших курсах П. Ф. Лесгафта в Петрограде. Только за период с ноября 1915 г. по июль 1916 г. в лазарете на лечении находились 113 воинов.

Первая мировая война затянулась, и появилась необходимость в привлечении инородцев как дешевой рабочей силы к тыловым работам. 25 июня 1916 г. Николай II издал указ о мобилизации инородцев на тыловые работы в районе действующей армии, согласно которому многие народы Сибири были реквизированы на тыловые работы, в том числе и буряты.

Призыву по мобилизации подлежали лица, родившиеся между 1897 и 1885 гг. в возрасте от 19 до 31 года. Мобилизация бурят началась сразу же после обнародования указа. Количество мобилизованных бурят, по данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа, составляло 20 878 чел. Часть мобилизованных была отправлена в Архангельскую область, другая – на окопные работы Северо-Западного фронта. Незначительная часть их была распределена по разным предприятиям, работавшим на войну. Труд бурят использовался при разгрузочных работах в архангельском порту, при строительстве железнодорожных веток Смольный Буян – Экономия, Экономия – Мудьюг, в качестве кочегаров на поездах Архангельской железной дороги, в Вологодских и Ярославских главных мастерских, Твери, Пскове, при заготовке дров для Москвы, Петрограда и т. д.²

¹ ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 47–48.

² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 32об.

Для организации тыловых работ мобилизованных бурят в Архангельске была образована инородческая дружина. Вскоре ее администрации пришлось столкнуться с серьезными проблемами, связанными с массовыми заболеваниями среди бурят, смертельными случаями. Причинами заболеваний бурят были не только плохое питание, жилищные условия, тяжелый неквалифицированный физический труд, но и местные климатические условия. В своем рапорте врач дружины докладывал, что «иногородцам, привыкшим к сухому степному климату, является тяжелым климат Архангельска, как более сырой по сравнению с климатом их родины»¹.

Бурятская общественность забила тревогу, и в начале 1917 г., благодаря усилиям Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова, Лхаромба Цанит Хамбо А. Доржиева, уполномоченного А. Н. Ханхасаева и других, Петроградский городской бурятский лазарет был предоставлен исключительно для больных реквизируемых бурят. Распоряжением санитарной части Главного командующего Северного фронта больные буряты из Архангельской области стали поступать в бурятский лазарет в Петрограде². Только за период с января по июль 1917 г. через лазарет прошли 218 бурят.

После Февральской революции уполномоченные начинают активнее ходатайствовать об отправке бурят на родину³. 5 мая 1917 г. последовал долгожданный Указ Временного правительства о возвращении на родину сибирских туземцев, в том числе и бурят.

Таким образом, на протяжении длительного периода своей истории в составе Российского государства буряты не только изъявляли желание и готовность служить защите Отечества, но и успешно охраняли границы. О военных заслугах бурятских родов свидетельствуют высочайше пожалованные знамена, служившие знаком существования войска: 1) 29 марта 1728 г. был опубликован указ Петра II о пожаловании 18 родам братских иноземцев Селенгинского и Нерчинского дистриктов; 2) 14 августа 1800 г. – 7 знамен пожалованы Павлом I братскому иррегулярному войску; 3) 20 октября 1837 г. – Николаем I пожалованы 7 знамен бурятскому иррегулярному войску, 14 знамен бурятским родам Хорин-

¹ ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 32об.

² ГАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 395. Л. 78.

³ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 64. Л. 29об.

ского ведомства, 3 знамени табангутским родам; 4) 24 ноября 1842 г. – 9 знамен бурятам Агинского ведомства; 5) 15 августа 1845 г. – 15 знамен бурятам Селенгинского ведомства¹.

С принятием Устава об управлении инородцев 1822 г., учредившего систему местного самоуправления (степные думы, инородные управы, родовые управления), сохранившего степные законы и обычаи, освободившего инородцев от несения воинской повинности, буряты оказались в изоляции. На наш взгляд, именно изоляция стала одним из факторов, приведших к тому, что буряты, готовые в 1812–1813 гг. идти «войной на француза», к концу XIX в. под разными предлогами отказывались от несения воинской повинности. Начавшаяся Первая мировая война, затем реквизиция бурят на тыловые работы внесли огромные изменения в уклад жизни бурятских ведомств: буряты, до этого жившие достаточно изолированно в пределах Забайкальской области и Иркутской губернии, ограничиваясь платой податей и повинностей, оказались непосредственно втянутыми в активную экономическую и политическую жизнь страны.

Следующим проектом по упразднению системы местного самоуправления бурят, учрежденной по Уставу об управлении инородцев 1822 г., стало введение волостной реформы в Забайкальской области, которое предварили подготовительные мероприятия. Одним из таких этапов стал сбор сведений о возможности перечисления кочевых инородцев Забайкальской области в оседлое состояние по предписанию приамурского генерал-губернатора от 28 ноября 1897 г.

13 марта 1899 г. Общее присутствие Забайкальского областного управления рассматривает вопрос о перечислении кочевых инородцев в оседлые. На заседании было отмечено, что баргузинские буряты владеют по 41 десятина на ревизскую душу, крещенные – по 21 десятина. Земледелием они практически не занимаются, засеивается только до 960 десятин из 224 591, т. е. 1/234 часть. Оседлые селенгинские буряты живут в селениях Алтанском, Иннокентьевском, Новопокровском, Новопавловском и Нарынском, а остальные ведут кочевой образ жизни.

В Хоринском ведомстве к 1899 г. числилось всего 301 оседлое хозяйство, разбросанные в 16 поселениях, однако управлявшиеся

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 970. Л. 5.

на основании степных законов. Оседлыми жители могли быть названы только в силу того, что они приняли христианство и оставили обычай перекочевков на зимники и летники. Агинские буряты относились к кочевым, кроме тех, кто проживал в Агинском селении (69 душ мужского пола и 63 души женского пола – оседлые буряты, 62 души мужского пола и 83 души женского пола – кочевые).

Что касается тунгусов, то в Ульдургинской тунгусской отдельной управе проживали только кочевые тунгусы, тунгусы Урульгинской инородной управы оседло жили в 11 селениях, вели кочевой образ жизни в 8 улусах и бродячий – один род. В Оловской управе тунгусы жили оседло в 25 улусах, в Онгоцонской и Кужертаевской управах все вели кочевой образ жизни.

Волостная реформа началась с издания высочайше утвержденного Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области от 23 апреля 1901 г., разработанного высочайше утвержденным Советом о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А. Н. Куломзина.

Проект был разработан Комиссией А. Н. Куломзина на основе законодательных актов в отношении инородцев Западной Сибири в 1860-х гг. Комиссия руководствовалась положениями, изданными большей частью в первой четверти XIX в. Явное отставание инородческих законов вызвало командирование в 1865 г. в киргизские степи особой Степной комиссии для изучения на месте быта кочевников. По результатам работы Комиссии были приняты несколько законодательных актов, которые привели к унификации местного самоуправления с общероссийским крестьянским с учетом местных условий и обычаев населения. Именно этот опыт организации общественного устройства Комиссия А. Н. Куломзина решила применить к бурятам и тунгусам Забайкальской области, взяв за основу Степное и Туркестанское положения и закон от 19 февраля 1861 г.

Развивавшиеся в сельском хозяйстве капиталистические отношения вели к росту общественного разделения труда, частному передвижению населения внутри и за пределы ведомства, к уходу батраков в города и на золотые прииски. Развитие капиталистических отношений, открывая возможность свободного передвижения населения, разрушало и уничтожало не только феодаль-

ные институты, но также и пережитки родового быта. Бурятские роды утрачивали остатки территориального единства, и члены его перемешивались с членами других родов, расселялись по различным местностям. Те из органов «инородческой» администрации, которые были приурочены к родовым подразделениям бурят, утратили прежнее значение, сохранив за собою только распределение денежных повинностей между членами подведомственных им родов. Такое административное деление не отвечало новым условиям, оно мешало нормальной хозяйственной жизни населения бурятских ведомств¹.

А. Н. Куломзин в своей Записке об административном и судебном устройстве кочевых и инородцев Забайкальской области отмечает, что Устав 1822 г. с отжившим родовым принципом устарел и не отвечает требованиям времени. Это подтверждается при рассмотрении характера и значения административных учреждений в Забайкальских степях, которые отступили от многих требований существующего закона. Устав 1822 г., признававший род территориальной единицей, приспособливает к нему всю систему внутреннего управления инородцев и, в частности, пределы власти и круг ведомства отдельных его органов: родовых управлений, инородных управ и степных дум, родовых старост, голов, заседателей и родоначальников.

Род утратил свое территориальное единство, и на замену ему сами собой появились другие, не предусмотренные законодательством, территориальные величины – булуки с их булучным устройством. Таким же образом изменилась общественная организация инородцев: степные думы, являвшиеся фактическими величинами с определенным земельным пространством, унаследовали, помимо закона и в нарушение его, все функции инородных управ. К концу XIX в. род оставался лишь податной единицей, но и в этом отношении его роль не была благоприятной для правильной и стройной организации быта забайкальских инородцев.

А. Н. Куломзин приводит данные о том, что именно благодаря разложению податных тягот по родам дорожная повинность отбывается инородцами совершенно нецелесообразно, когда они были вынуждены отбывать их за сотню верст от мест постоянного жительства. Сборщики податей от родовых управлений круглый год

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. С. 383.

проводили в разъездах по Забайкалью и даже в прилежащих частях Монголии за поисками, часто безрезультатными, своих плательщиков, часто оказывалось, что местные инородческие власти не располагали точными сведениями о действительных размерах податной и повинностной тяготы отдельных своих сородичей¹.

Тем не менее родовое устройство имело свои достоинства. Например, родовая организация забайкальских инородцев оказывала благотворное, уравнивающее, нивелирующее в экономическом отношении влияние на хозяйственную жизнь инородцев, живущих в обществах однородным составом. Родовой принцип способствовал сохранению нравственности у инородцев, связанной с родовыми обычаями и традициями, запрещающими употребление алкогольных напитков, оставление без опеки детей-сирот, стариков и бедных сородичей и т. д.

Проектируемое переустройство административного управления предполагало изменение судебной организации инородцев. А. Н. Куломзин предложил проект судеустройства кочевых инородцев Забайкальской области, главными основаниями которого должны стать: 1) возможность для инородцев разбираться во всех своих спорных делах по их обычаям; 2) отсутствие характера публичности в уголовных преступлениях и проступках, подсудных особому инородческому суду; 3) выборное начало при назначении судей; 4) возможность помимо органов инородческого суда для решения споров обращаться к суду посредников или в общие судебные установления. Главные изменения в организации инородческого суда сводились к введению территориальной подсудности, отделению судебной власти от административной и устранению участия полиции в решении судебных дел инородцев².

Таким образом, проект административной и судебной реформы кочевых инородцев Забайкальской области преследовал цель заменить родовые органы самоуправления территориальными волостными правлениями, упразднить должности тайшей, заседателей, голов и выборных, установить территориальный принцип судов и отделить судебную власть от административной. Все предполагаемые изменения по проекту были направлены на то, чтобы ввести у кочевых инородцев Забайкальской об-

¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 14.

² ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 16-16об.

ласти устройство по подобию устройства крестьянского населения России, в то же время с учетом особенностей народа, степени его развития, политических и экономических условий, в которые поставлено инородческое население.

На проведение волостной реформы повлиял также пограничный фактор. П. Т. Хаптаев связывает актуальность проведения волостной реформы с тем, что буряты Забайкальской области находились в пограничной полосе, в полосе стыка с дальневосточными соседями России (Японией и Китаем). В связи с предстоящей войной с Японией укрепление дальневосточной пограничной полосы приобрело особо важное значение. Российскому государству необходимо было иметь такой оплот, который был бы более или менее надежным на случай войны. С этой целью был ликвидирован старый административный строй бурят и тунгусов и введен институт крестьянских начальников, которым было полностью подчинено их административное управление¹.

Реформа распространялась на бурят и тунгусов Забайкальской области: упразднялись степные думы, инородные управы и родовые управления. Введение волостного управления и института крестьянских начальников было принято кударинскими бурятами, хоринские, агинские, баргузинские и селенгинские буряты не приняли реформу и оказали сопротивление. Причинами неприятия волостной реформы бурятами являлись враждебное отношение родовой верхушки, которая увидела в реформе ограничение их власти над своими сородичами, и нежелание основной массы бурят изменить свой образ жизни.

По этому поводу довольно красноречивую характеристику консервативности бурят дал миссионер священник Е. Кузнецов: «Хотя буряты не представляют из себя самостоятельного государственного организма, тем не менее, у них сильно развито чувство общественности. ... Если они замечают покушения на нарушения их установившихся форм жизни, то не жалеют ни средств, ни трудов, чтобы отстоять свое *statu quo*. Этим только можно объяснить то, что почти ежегодно снаряжаются бурятами депутации в Петербург от всего народа для того, чтобы упротить высшее начальство не нарушать существующего у них порядка жизни». Для примера он берет общенародную негативную на-

¹ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии ... С. 65.

строенность бурят к проводимой волостной реформе только из-за страха перемен в их общественном порядке¹.

Введение волостной реформы растянулось на три года (1901–1904 гг.). До публикации положения о новом административном устройстве кочевых инородцев Забайкальской области 15 ноября 1900 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором писали, что «предполагаемое преобразование не может стремиться к потрясению устоев, на которых опирается быт инородцев». Они отмечали: «Три четверти века, протекшие со времени издания «Положения об инородцах» не прошли, конечно, даром и произвели значительные изменения в нашем быте, за которым, естественно, последовали некоторые изменения во внутреннем управлении»², однако в экономическом отношении жизнь изменилась мало.

Исходя из этого, агинские буряты предложили свой вариант нового административного устройства: 1) земли разделить между восемью родами на восемь территориальных единиц; 2) родовая территория распределяется между аймачными общинами или булуками; 3) руководство аймаком или булуком поручается зайсангу, волостью – аймачному зайсангу; 4) булучные или аймачные зайсанги, родовые шуленги, помощники тех и других, состоящие при волостных (родовых) управлениях, письмоводители избираются булучными и родовыми сугланами; 5) руководство восемью родами возлагается на тайшу, которому присваиваются звание и права крестьянского начальника; тайша избирается съездом родовых управителей; 6) если сохранение степных дум невозможно, учредить при тайше особый совет из восьми лиц, избираемых родовыми сугланами. На содержание совета рассчитывается ежегодно сумма, подлежащая сбору от народа. Предложения о количестве и раскладке этой суммы предоставляется тайшой на утверждение губернатора; 7) должностным лицам присваиваются печати и особые знаки в виде шариков на шапках, сообразно их обычаям. Тайша, кроме рубинового шарика на шапке, носит форму, присвоенную крестьянским начальникам; 8) для рассмотрения по обычаям дел по преступлениям и проступкам, кроме преду-

¹ ИЕВ. № 24. 15 дек. 1904. С. 347–348.

² ГАИО. Ф. 29. Д-во 3. Оп. 1. Д. 288. Л. 186–190.

смотренных в законе, а равно гражданских между собой дел сохраняются народные наши суды, состоящие из выборных судей¹.

Предложенный проект административного устройства практически ничем не отличался от действовавшей системы местного самоуправления, поэтому был сразу отклонен.

Буряты отказывались принимать реформу, саботировали выборы волостных старшин и сельских старост. С опубликованием Временного положения о введении волостного правления агинские буряты отправили делегацию в Петербург к царю с ходатайством о дальнейшем сохранении Устава 1822 г. В сентябре 1902 г. делегации удалось подать прошение, и ответ царя последовал в ноябре: «Благодарю Вас, приехавших из-за дальней окраины, за чувства, выраженные мне от имени бурятского населения Агинской степной думы. Исконная верность бурят Русским Государям мне хорошо известна. Передайте, что я внимательно выслушал ваши слова о тревожном настроении, переживаемом бурятами, вследствие установления нового закона об устройстве их быта. Этот закон, закрепляющий оседлый строй жизни бурят взамен кочевого, ставшего несовместимым с экономическими интересами прочего населения Сибири, вызван государственным ростом Русской державы и отмене не подлежит; вы должны примириться с временными невзгодами, которые может вызвать для представителей бурятских родов применение нового закона, и помните, что мне дорого благо всех подданных бурят, независимо от существующих между ними родовых различий; передайте также бурятскому населению, что веления мои исполняются лицами, облеченными моим доверием, и что к ним поэтому они должны обращаться за разъяснением нового закона. Прощайте, я вас не забуду»².

Приказом крестьянского и инородческого начальника от 16 ноября 1903 г. разъяснялись положения приказа губернатора области о сроках проведения реформы, упразднении органов родового управления: «1, что Приамурский генерал-губернатор, по указанию наместника ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, окончательным сроком введения административной реформы инородческого суда и управления назначил 1 января 1904 г.; 2, что булучные сходы для избрания старост и

¹ ГАИО. Ф. 29. Д-во 3. Оп. 1. Д. 288. Л. 190.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4386. Л. 44, 44об.

прочих должностных лиц должны состояться не позднее 10 декабря с. г. и в том же месяце – волостные сходы; там же, где должностные лица избраны не будут, кандидаты на должности будут представлены крестьянскими и инородческими начальниками и утверждены Приамурским генерал-губернатором; 3, что никакие просьбы инородцев об отсрочке реформы не будут приниматься; 4, что землеустройство будет произведено только у тех инородцев, которые этого сами пожелают, или там, где существуют земельные споры с русскими; 5, что просьбы об отсрочке земельной реформы инородцы должны направлять через губернатора генерал-губернатору, и 6, что 31 декабря с. г. думы, управы и родовые управления должны быть закрыты».¹

Борьба с волостной реформой не прекращалась, несмотря на приказы вышестоящих органов. Военный губернатор был вынужден два раза обратиться к забайкальским бурятам письменно о бесповоротности введения реформы, подчинении властям, наказаниях неповинующихся.

В январе 1904 г. агинские буряты отправили телеграмму императрице Александре Федоровне с просьбой приостановить введение волостной реформы, как вредной для экономического благосостояния, уничтожающей их национальную самобытность, в случае отказа – о разрешении им выселиться за границу, в Монголию². В ответ на это следует приказ военного губернатора Забайкальской области с объявлением об отклонении царем данного прошения: «...Реформа вводится бесповоротно, землей бурят будут наделять в размере от 15 до 30 и даже до 80 десятин на душу, смотря по тому, хорошая земля или плохая; никто не будет заставлять бурят жить большими селениями – как жили улусами, так и будут жить, как кочевали, так и будут кочевать. А если кто самовольно переселится в Монголию, то, согласно трактатов и договоров, я немедленно потребую от китайских и монгольских властей обратного возвращения;... перебежавшие самовольно в Монголию только потеряют там свое имущество и ни с чем вернуться сюда назад»³.

О негативном отношении агинских бурят к введению волостной реформы свидетельствует донесение крестьянскому и ино-

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 4.

² ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 47.

³ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 45.

родческому начальнику 2-го участка головы Тургинской управы Линхово Санжиева. Он описывает события в Агинском селении 4 января 1904 г., когда толпа из более двухсот человек вынуждала должностных лиц, назначенных по приказу военного губернатора, отказаться от должностей и присоединиться к протесту против введения волостной реформы¹. 5 января 1904 г. он просит крестьянского начальника освободить его от занимаемой должности помощника волостного старшины в связи с угрозами физической расправы со стороны противников реформы².

В ходе реформы были приняты репрессивные меры в отношении лиц, оказавших сопротивление ее введению. Одни были подвергнуты аресту и заключены в Читинскую тюрьму, другие высланы за пределы области. Например, постановлением крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Любинского от 29 февраля 1904 г. 12 бурят Улюнской и Гаргинской волостей были подвергнуты аресту при баргузинской полиции каждый на семь суток за отказ подписать протокол о добровольном принятии волостной реформы³.

Кроме того, была проведена разъяснительная работа с населением. Все эти меры способствовали принятию реформы агинскими бурятами. Так, хоринский тайша Э. Вамбоцыренов, убедившись в бесполезности борьбы против реформы, послал телеграмму военному губернатору Забайкальской области о своей готовности принять реформу⁴. 18 февраля 1904 г. агинские буряты отправили телеграмму военному губернатору о подчинении новому управлению и суду. В ответ следует приказ и. д. губернатора с объявлением благодарности царя на решение агинских бурят подчиниться волостной реформе⁵.

В ходе реформы на территории Агинской степной думы были учреждены две волости – Цугольская и Агинская. В 1903 г. в ходе волостной реформы приказом губернатора Забайкальской области органы местного самоуправления (Агинская степная дума, инородные управы, родовые управления) бурят были упразднен-

¹ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 110–110об.

² ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 41–42.

³ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии ... С. 141–142.

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 60, 60об.

⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 48, 49об., 74.

ны. На общественные должности по Цугольской волости были назначены следующие лица: волостным старшиной Намдак Дылыков, его помощником – Линхово Санжиев, председателем инородческого суда – Жан Бодиин, судьями – Цырен Жамбуев, Тарба Намжилов, Жалсан Быкиев, кандидатами в судьи – Тумут Николаев, Вандан Очиров, Баради Хоектуев, Базар Садобарадиев.

Сельскими старостами и кандидатами к ним были назначены Рабдан Зодбоев и Балдан Базаров (Усть-Догойское общество), Базар Цыбиков и Санжа Намжинов (Усть-Ундургинское), Торговой Гармаев и Цырен-Даши Арсолонов (Зугалуевское), Батоцырен Цыденов и Митуб Зодбоев (Усть-Харашибирское), Димчик Дылыгров и Ананда Голгонов (Кяло-Уксахаевское), Даши Бакшиев и Нима Аюрзанаев (Тургинское), Зодбо Занданов и Очир Топтохонов (Борзе-Тургинское), Жамсарай Зодбоев и Жамсаран Цыбыков (Улюрунго-Хуандуевское). Годовые оклады определялись в следующих размерах: волостному старшине – 500 руб., его помощнику – 300 руб., председателю инородческого суда – 500 руб., судьям – по 250 руб. каждому, сельским старостам – по 250 руб. каждому¹.

На общественные должности в Агинской волости были назначены: волостным старшиной – Буда-Шимит Батхайн, его помощником – Бадма-Цырен Шагдуров, председателем инородческого суда – Банзаракша Соктоев, судьями – Цырен-Даши Цыденов, Баради Шариев, Дугар Шагдуров, Дамдил Бадмаев, Шагдур Цыбаков, Петр Шаркуров, кандидатами в судьи – Ринчин Гармаев, Дондок Сандинов, Дамдин Бадмаев, Шагдур Галсанов, Гомбо Ирдыев, Алексей Ларионов.

Сельскими старостами и кандидатами к ним были назначены: Сыбен Сампилов и Галиндив Цынгеев (Харганашиевское общество), Будда Улутуев и Жигжит Цыренов (Зуткулеевское), Нанзат Шагдуров и Цырен Хуриганов (Табтанаевское), Цырен-Жап Очиров и Будда Тыкшиев (Тутхалтуевское), Цырен Цыренов и Дугар Зеректуев (Шелатуевское)².

Буряты Баргузинского ведомства также выступили против волостной реформы. На общем собрании они выбрали доверенных Ринчина Бальжирова и Шагдыржаб Арсаланова от восьми родов ведомства Баргузинской степной думы для ходатайства об

¹ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 5.

² Там же.

отсрочке проведения реформы, которые обратились с прошением 5 января 1901 г. к председателю Комиссии поземельного устройства населения Забайкальской области А. Н. Куломзину.

В прошении они подробно описали историю заселения Баргузинского края, закрепления за ними земельных площадей и устройства их хозяйственной, административной жизни в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г.

В связи с принятием закона от 5 июня 1900 г. об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области, как отмечают доверенные, надел на каждую наличную душу мужского пола сокращается инородцам до 15 десятин, и кочевые инородцы должны быть перечислены в оседлое состояние. Далее они пишут: «После такой казенной и слишком резкой ломки образа жизни и с издревле установившихся обычаев по степным законам, если воле правительства угодно будет сразу установить такой крутой переход от кочевой жизни к оседлой – сельской, то для доверителей наших – кочевников послужит большим упадком в хозяйстве потому, что они хотя и живут в деревянных юртах и даже некоторые в домах, в разброску по степи, но образ жизни ведут буквально кочевой – степной и занимаются специально скотоводством, для пастбы перекочевывают с места на место от двух до четырех раз в году на заранее устроенные стойбища, которые по времени для выгоды корма переносят на новые места и таким образом удобряют навозом почвы сплошных каменистых россыпей, годными для корма и частью для сенокосения; хлебопашеством же занимаются сравнительно небольшая часть бурят и в малом количестве, засевая от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ десятины на семью, по случаю невыгодности этого занятия вследствие того, что в занятых бурятами землях нет удобных земель для разработки под хлебопашество, а из наилучших разработанных под хлебопашество земель далеко не равняются в качестве с соседними крестьянскими землями, так что иногда труды хлебопашцев бурят не оправдывают произведенных затрат, вообще земли, обитаемые баргузинскими бурятами, более пригодны только для кочевников скотоводов».

В прошении отмечается, что всего скота в ведомстве 118 587 голов, что приходится на каждую ревизскую душу 19 голов. В случае перехода бурят в оседлое состояние семья, проживая в селении, не в силах будет заготовить корма для содержания такого количест-

ва скота, даже половины его, тогда как при кочевой жизни может переезжать за кормом с одного места на другое. С другой стороны, при отсутствии пригодных для развития хлебопашества земель хозяйства бурят неминуемо придут к разрушению и полному разорению, что приведет к упадку их нравственного устоя.

В конце прошения они пишут: «... Баргузинские буряты поручили нам подвергнуть на милостивейшее благовоззрение Вашего единокоренных их желания: 1) утвердить за ними земли в том размере, как они пользуются в настоящее время...; 2) оставить их в прежнем кочевом состоянии, и если потребует, непременно распределение земель, то разделить на родовые общества; 3) в отношении административного и судебного устройства, применительно к кочевой степной жизни, оставить те же инородческие управления, именно: степную думу, инородные управы и родовые управления, согласно Уставу 1822 г. с тем лишь изменением, чтобы третью и последнюю инстанцию инородческого суда составляла взамен нынешней полиции степная дума»¹.

В ответ на прошение 8 февраля 1901 г. А. Н. Куломзин подробно разъясняет основные положения поземельного устройства населения Забайкальской области: «Наделение инородцев отнюдь не связано с обращением их в оседлое состояние. Справедливость такого положения вытекает из ст[атьи] 17 отд[еления] II вышеупомянутого узаконения, по силе коей: «кочевые инородцы Забайкальской области получают поземельное устройство, хотя бы перечисление их в разряд оседлых не могло быть осуществлено немедленно». Мало того, по дальнейшему тексту той же 17-й статьи: «Министру земледелия и государственных имуществ предоставляется по соглашению с Министром внутренних дел, Председателем высочайше утвержденного совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области и Приамурским генерал-губернатором, а в подлежащих случаях также с Министром императорского двора, приостанавливать применение узаконений об отводе наделов к тем кочевым инородцам, поземельное устройство коих, по условиям их быта, будет признано преждевременным. Таким образом, выражаемое баргузинскими бурятами опасение обязательного, связанного с земельным наделением обращения в оседлое состояние представляется необоснованным»².

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 7–10об.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 13.

Далее Куломзин отмечает, что столь же неправильным является представление баргузинских бурят о норме наделения, предписываемой законом 5 июня 1900 г. Согласно статье 10 «при уважительных местных условиях, по ходатайствам обществ и селений может быть разрешаемо: 1) сохранение во владении их обществ и селений указанных в статье 9 излишних (сверх 15-ти десятин на наличную мужского пола душу земель, без приселения новых членов, и 2) увеличение отводимых им наделов путем прирезки свободных казенных или кабинетских земель, сверх пятнадцатидесятиного на наличную душу размера, если такое увеличение будет признано необходимым в виду исключительно невыгодного положения сих наделов или особых условий быта наделяемого населения», поэтому не только кочевники, но даже и оседлые жители могли получить свыше 15 десятин на наличную мужского пола душу и в зависимости от качества земли и от особых условий быта наделяемого населения, надел мог быть увеличен до 30 и свыше десятин¹.

Несмотря на ходатайства и противодействия баргузинских бурят, волостная реформа была введена. 20 декабря 1902 г. крестьянский начальник 1-го участка Баргузинского уезда предписывает степной думе и родовым управлениям: «... Все дела должны быть сданы сельским старостам не позже 2 января 1903 г., неоконченные судебные дела прекратить и предоставить право, если пожелают, возобновить иск в новых волостных судах... Привести в порядок книги по взысканию дорожной натуральной повинности и другие учетные книги во избежание споров и недоразумений»².

На основании Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области от 23 апреля 1901 г. и постановления Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г. Баргузинское ведомство было разделено на две волости: Улюнскую и Гаргинскую. В своей деятельности волости подчинялись крестьянскому начальнику 1-го участка Баргузинского уезда³.

Баргузинское ведомство постановлением думы от 22 августа 1902 г. было распределено на 8 сельских обществ, как и предполагалось уездным съездом.

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 14–15.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647. Л. 44.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647. Л. 26.

В Улюнской волости образовано 4 сельских общества, именно:

1) Улюнское, состоящее из улусов: Улюнское, Семо, Чегето, Угда, Алачи, Топук, Яма, Хабаржан, Нарасун, Онегун-барун, Бодон, Чимир, Мухулта, Огноли, Н. Бархан, Дагалжин, Улзаха, Унаган;

2) Караликское: Тасархай, Бальча, Кулен, Сугумен, Яши, Жар-галанта, Алхан, Каралик, Шибькшен, Сахали, Сорок, Гагина, В. Мандай, Асули, Ула-Барга, Н. Мандай, Харухан, Суктони, Ина;

3) Елысунское: Галгатай, Харжакта, Епишка, Харгана, Нуга, Елысун, Буксыкен, Саган-Нур;

4) Нурское: Ярикта, Огноли 2-я, Алачи 2-я, Бархан, Харнай, Карасун, Дутхит, Хилгана¹. Резиденция Улюнской волости была в улусе Улюн.

В Гаргинской волости было также образовано 4 сельских общества:

1) Кармодунское сельское общество: Кармодун, Кашкал, Булак, Халзар, Зактахан, Хартала, Хабталин, Унугутэй, Арогада;

2) Мургунское: Могойто, В. Мургун, Н. Мургун, Хонхино, Туракин, Аргун, Барун-Мургун, Унугутэй, Могжен;

3) Гаргинское: Марикта, Улуг, Тунген, Ольтриг, Буйехан, Усть-Гарга, Ухырын гол, Саран-нуга, Арзагун, Усть-Балгасун, Хатай, Угнаса, Мухулта 2-я, Сахули, Верхний Курумкан, Троицкое село;

4) Подхребетное: Баянкур, Зугдели, Чильчигир, Самахай, Нама, Хахсыр, Ямагана, Холлак, Догдо, Олсо, Хугшигир, Идхита, Хоголой, Верхний Карасун, Шибирсэ, Ангута, В. Ольтрик, Ентыкен, Аян, Алла, Мухулта, Шилбынка, Торхикто, Буктэр, Мухур-Аян, Соргор².

Резиденция Гаргинской волости находилась в улусе Угнасы.

В Хоринском ведомстве было образовано 7 волостей: Хоацайская, Кубдутская, Галзутская, Харганатская, Ходайская, Бодонгутская, Гучитская.

В Кударинском ведомстве была учреждена Кударобурятская волость, состоящая из 4 сельских обществ: Корсаковского (сельский староста Тит Темников, кандидат в старосты – Михаил Мотошкин, 12 выборных); Дологонского (сельский староста – Николай Бажинов, кандидат Николай Албатаев, шесть выборных); Часовенского (староста – Александр Антипов, кандидат – Бахади Николаев, 10 выборных); Хандалинского (староста – Егор Буханев, кандидат – Заяхан Бутуханов, шесть выборных).

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647. Л. 33–34.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647. Л. 34–34об.

В Селенгинском ведомстве было образовано 3 волости: Селенгинская, Чикойская и Оронгойская.

Инородные управы и родовые управления Иркутской губернии были упразднены в ходе проведения волостной реформы в 1912–1917 гг. С 1908 г. началась землеустроительная работа у бурят Иркутской губернии. По плану Иркутского переселенческого управления на 1908 г. предполагалось заселить земли бурят Балаганского, Иркутского и Верхоленского уездов Иркутской губернии. Всего проектировалось обратить в переселенческие участки до 235 000 десятин удобной земли. Такую огромную площадь земли правительство не сумело отвести под колонизационный фонд в течение одного года: оно не имело для этого ни средств, ни специалистов-землемеров. Отвод этих земель растянулся на несколько лет, захватив первые годы Первой мировой войны.

Губернское управление, параллельно с землеустройством, стало вводить среди бурят Иркутской губернии волостную реформу. Учитывая опыт проведения волостной реформы в Забайкальской области в 1901–1903 гг., волостное правление вводилось поэтапно. Бурятам выделялись земельные наделы, затем буряты перечислялись из разряда кочевых в разряд оседлых, только после этого губернское управление вводило волостные учреждения.

Таким образом, реформа проводилась по мере проведения землеустроительных работ: в ведомствах, где заканчивался отвод земельных и лесных наделов, упразднялись инородные управы и создавались органы волостного управления. На практике такая политика привела к тому, что, когда у бурят Аларского ведомства были проведены землеустроительные работы, перевод на оседлость и введено волостное управление, буряты Ленского ведомства управлялись по-старому, являясь кочевым народом. Бурятское население противилось проведению землеустроительных работ, введению волостной реформы. Буряты оказывали сопротивление землеотводным партиям Переселенческого управления, отчуждавшим у них земли в колонизационный фонд. Они отказывались предоставлять землеотводным партиям подводы, рабочую силу. На улусных собраниях выносились решения, требовавшие прекращения землеустройства, возбуждались ходатайства с просьбой сохранить прежние земельные угодья.

Так, доверенными унгинских бурят в 1912 г. было написано письмо в Государственную думу и Правительственный сенат: «...

Нельзя принудительно отводить наделы кочевым бурятам, нельзя переводить их в оседлое состояние против их воли и нельзя причислять к крестьянскому сословию без их согласия... Просим Правительствующий Сенат признать отвод наделов незаконным и преждевременным ...»¹. Такие просьбы отклонялись.

В 1912 г. Аларская инородная управа была упразднена и разделена на 3 волости: Аларскую, Алятскую и Зонскую. В 1913 г. была упразднена Балаганская инородная управа, в 1914 г. Унгинская инородная управа. Последними были ликвидированы инородные управы Тункинского ведомства.

Проведение землеустройства, введение волостной реформы было медленным, мучительным способом ломки устоев патриархального быта бурят, разрушения полуфеодальных отношений, кочевого и полукочевого образа жизни. Введение волостной реформы среди бурят Иркутской губернии имело своим последствием упразднение инородных управ.

Таким образом, в первой половине XIX в. происходит процесс формирования органов местного самоуправления бурят Иркутской губернии согласно Уставу 1822 г., при этом явно без соблюдения его требований. Так, во всех бурятских ведомствах, кроме Хоринского, была учреждена двухступенчатая система местного самоуправления: степная дума – родовое управление, что было уже нарушением, так как степные думы могли учреждаться только у забайкальских бурят. В политике Российского государства в этот период преобладали военные и фискальные интересы, а система местного самоуправления должна была способствовать безболезненной постепенной интеграции сибирских народов в общероссийское пространство, поэтому упор делался на принцип регионализма с учетом местных особенностей.

Однако в 1850–1860-х гг. поражение России на западном и ближневосточном направлениях приводит к активизации политики в Сибири, на Дальнем Востоке, к необходимости проведения реформ в стране, в частности в отношении управления Сибирью и сибирскими аборигенными народами.

В 1870–1880-е гг. дальневосточное направление российской политики вновь отходит на второй план, правительственное и общественное внимание переключается с Дальнего Востока на Среднюю Азию.

¹ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 617. Л. 1–5.

Глава 4

АДМИНИСТРАТИВНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

4.1. Административная деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.

Местное самоуправление понимается как форма осуществления народом своей власти, обеспечивающее на основе законодательства самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций¹.

К вопросам местного значения относятся: формирование, утверждение, исполнение бюджета муниципального района, контроль за исполнением данного бюджета; установление, изменение и отмена местных налогов и сборов муниципального района; владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности муниципального района; организация в границах муниципального района электро- и газоснабжения поселений; содержание и строительство автомобильных дорог общего пользования между населенными пунктами, мостов и иных транспортных инженерных сооружений вне границ населенных пунктов в границах муниципального района, за исключением автомобильных дорог общего пользования, мостов и иных транспортных инженерных сооружений федерального и регионального значения и т. д.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ : федер. закон РФ от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ. Ст. 1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

Административная деятельность органов местного самоуправления бурят регулировалась Уставом об управлении инородцев 1822 г., который учредил новую трехступенчатую административную систему управления:

1) родовое управление – низшая ступень, для отдельных улусов и стойбищ рода, насчитывавших не менее 15 семейств, во главе которого стоял староста, имевший одного или двух помощников. Родовое управление подчинялось инородной управе;

2) инородная управа – средняя ступень, состоявшая из нескольких стойбищ и улусов или нескольких родовых управлений. Управой руководили голова, несколько выборных и письмоводитель. Управа подчинялась степной думе;

3) степная дума – высшая административная единица, объединявшая много родов, могла состоять из нескольких родовых управлений или нескольких инородных управ. Степная дума состояла из главного родоначальника, его помощников, голов.

Таким образом, в административной, хозяйственно-экономической деятельности родовые управления подчинялись инородным управам, инородные управы – степным думам. Только в судебной деятельности инородные управы имели «прямое и непосредственное сношение с местной полицией и исполняли все получаемые от оной предписания».¹ Если названия таких органов местного самоуправления, как родовое управление и инородная управа, вполне соответствуют своему содержанию, то с названием «степная дума» возникает вопрос: почему дума и почему степная?

На наш взгляд, интересным является опубликованная в Иркутских епархиальных ведомостях версия о происхождении названия «степная дума»: М. М. Сперанский, заботясь об устройстве быта инородцев, приехал в Хоринское ведомство и узнал, что у них нет никакого постоянного центрального управления, и, созвав суглан, спросил их главного родоначальника: где бы они желали избрать для себя центральное управление, чтобы лучше наблюдать за инородцами. Родоначальник ответил, что, так как буряты народ кочевой и постоянных жилищ не имеет, то придется избрать местом известный пункт в степи. М. М. Сперанский спросил, как они хотят назвать это управление. Никто не ответил. «Что же вы будете делать в этом управлении?» – спросил опять

¹ Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 19.

он. «Суглужен (думать), – ответили буряты. – «Где?» – «В степи». Тогда М. М. Сперанский сказал: «Ну и пусть называется степной думой»¹. В этой легенде есть смысл. Действительно, степные думы становятся органами местного самоуправления, которые являлись представительной властью в степных бурятских ведомствах. Как считает Ю. А. Гагемейстер, степные думы представляли собой общественное собрание и ведали одними хозяйственными делами².

Местное самоуправление бурят в целом подчинялось окружному управлению, задачами которого являлись: 1) надзор над правильным и успешным течением дел в местах, им подчиненных; 2) ежемесячное свидетельство всех сумм и всего казенного имущества, в том числе и хлебных казенных запасов; 3) ежемесячная ревизия состояния недоимок и удостоверение, все ли законные меры к их взысканию были приняты; 4) ежемесячная ревизия дел на местах; 5) представление о наградах и взысканиях; 6) наряд следствий на места по делам особенной важности; 7) производство торгов и подрядов по установленным правилам; 8) предварительный распорядок повинностей и раскладка их на местах и т. д.

К 1854 г. бурятские ведомства подчинялись в Иркутской губернии Иркутскому окружному управлению, в Забайкальской области – Верхнеудинскому и Нерчинскому окружным правлениям.

Надо отметить, что окружные управления, несмотря на свои властные полномочия, старались не вмешиваться в инородческие дела по таким «мелким» вопросам, как административная и судебная деятельность. Изредка они вмешивались в их управление своими проверками в «степном делопроизводстве», состояния экономических магазинов. Такие дела получали большой резонанс и находили отражение в архивных документах.

Так, в 1852 г. заседатель Затворницкий проверил состояние дел в Цонгольской инородной управе и представил свой отчет на 53 листах в Верхнеудинский земский суд, а суд, в свою очередь, представил на усмотрение военного губернатора Забайкальской области. Например, в нарушение должностным лицам управы чиновник вменил прием на работу писаря Лоскутникова, кяхтинского мещанина, без утверждения вышестоящего начальства и невыполнение предписания земского суда о строительстве со-

¹ ИЕВ. 1882. 3 апр. (№ 14). С. 178.

² Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. С. 58.

вместного экономического магазина с унгуркинскими инородцами. После долгих разбирательств в марте 1854 г. военный губернатор признал указанные нарушения несерьезными. Он пишет: «Не могу не заметить земскому суду на поверхностный его взгляд на дела, отчего самого и не уменьшаются дела, а напротив, умножаются». Военный губернатор отправил дело на дополнительное расследование, которое показало, что серьезных нарушений нет¹.

Интерес представляет дело о проверке делопроизводства Хоринской степной думы, длившейся в течение 1850–1853 гг. 5 октября 1850 г. чиновник Беляев произвел проверку делопроизводства в Хоринской степной думе и уже 23 октября подал материалы проверки в Верхнеудинское общее окружное управление. В своем отчете он обратил внимание на такие негативные моменты, как 1) многие поступившие бумаги остаются без исполнения; 2) журнал исходящих документов не ведется на русском языке; 3) в книгу учета общественных приговоров вносятся только те приговоры, которые связаны с денежными вопросами; 4) дежурные заседатели степной думы отсутствуют и т. д. На основании вышеуказанных моментов он приходит к выводу, что медленное делопроизводство происходит по причине слабого контроля со стороны главного тайши и других должностных лиц степного управления.

Однако в ходе разбирательства выяснились дополнительные обстоятельства, характеризующие чиновника Беляева с неприглядной стороны. Главный тайша Тарба Жигжитов в своей объяснительной записке пишет об этом: «Неудовольствие ко мне *вызвано* (Прим. автора) из-за моего отказа поехать с ним по его личным делам». Далее он отмечает, как «секретарь Беляев в столь краткое однодневное время так быстро и прозорливо мог заметить и даже усмотреть все недостатки, для этого необходимо пробыть здесь несколько месяцев». Действительно, в ходе следствия выяснилось, что Беляев, по его словам, «ездил по своим делам для покупки сена и попутно по указанию исправляющего должность Верхнеудинского окружного начальника проверил один день думу». Учитывая все эти факты, 22 февраля 1853 г. Верхнеудинское окружное управление вынесло резолюцию, что

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58.

дело о ревизии не требует дальнейшего производства, потому что замеченные беспорядки исправлены¹.

Приведенные выше примеры показывают, что царская администрация старалась не вмешиваться во внутренние дела органов местного самоуправления бурят, в случае же выявления недостатков в их работе проводили следствия, завершавшиеся обычно рекомендациями.

В исторической литературе указывается на «аристократический» характер бурятского степного управления. Так, В. Вагин пишет, что «многолюдное бурятское племя – хоринцы – издавна имело «аристократическое правление». Власть находилась в руках нескольких семейств, которые враждовали между собой из-за первенства»². Ф. А. Кудрявцев отмечает, что аристократизм степного управления заключался в том, что оно из поколения в поколение сосредотачивалось в узком кругу богатых и влиятельных нойонских фамилий, между которыми происходила борьба за власть³. Представителей же нойонских династий он называет степными аристократами.

Степные аристократы в бурятском варианте назывались нойонами, сайтами. Под нойонством, можно согласиться с утверждением Е. М. Залкинда, мы понимаем «всех должностных лиц, которым было вверено управление бурятами, что сопровождалось присвоением соответствующих званий, заимствованных по большей части из монгольской феодальной терминологии»⁴.

Высшим в старобурятской иерархии было звание тайши, которое появилось у бурят с начала XVIII в. Сначала присвоение звания тайши рассматривалось как поощрение более влиятельных родоначальников за особые заслуги перед русской администрацией. Впервые звание тайши было присвоено патентом Петра Великого от 4 июня 1729 г., «жалующим зайсана Шодоя в чин тайши за оказание великого содействия с 11 родами хоринцев послу Иллирийскому графу Савве Владиславичу при установлении границы». Согласно Т. Тобоеву, «братья того тайши Шодо и дети его

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15654

² Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности ... Т. 1. С. 267–268.

³ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. (От XVII в. до 60-х годов XIX в.). М.; Л., 1940. С. 178.

⁴ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 268.

были освобождены от уплаты в казну податей, и тот тайша Шодо и наследники его были удостоены ежегодным жалованьем в двадцать руб. от доходов Кяхты. Начиная отсюда, среди хоринских бурят стали править нойоны под именем тайшей»¹.

В дальнейшем большинство хоринских тайшей являлись прямыми потомками Шодо Болторикова: Ринчин Шодоев в 1732–1765 гг., Джанцан Ринчинов в 1765–1768 гг., Дамба-Дугар Ринчинов в 1768–1804 гг., Жигжит Дамбадугаров в 1804–1835 гг., Тарба Жигжитов в 1851–1857 гг.

М. М. Сперанский в письме к дочери дает образное описание тайшей: «Вообрази себе дьякона в парчовом стихаре, подпоясанного золотым поясом с саблею; прибавь только бобровую к стихарю опушку, длинные волосы, заплетенные назад в косу: и тайша будет пред тобою»². В начале XIX в. звания тайшей, шуленг и зайсанов становятся должностными, универсальными для всех бурят.

Отличие от западных бурят, в Забайкалье имелись звания засулов, дамалов, знаменщиков. В ведомости о количестве населения Г. Ф. Миллер приводит сведения о 14 родах селенгинских бурят с указанием наличия у Цонгольского рода тайшей, шуленг, зайсанов и засулов³. С принятием Устава 1822 г. тайши становятся должностными лицами, шуленги, зайсаны, засулы или есаулы почетными званиями⁴, остальные звания постепенно исчезли из употребления.

Устав 1822 г. строго регламентировал состав должностных лиц степного управления. К должностным лицам степной думы относились тайша, заседатели, письмоводитель, его помощник; инородной управы – голова, два выборных, письмоводитель, его помощник; родового управления – родовой староста и его помощник. Должности тайши, заседателей, головы, родовых старост могли быть или наследственными, или выборными и утверждались высшим начальством после процедуры выборов на общественном суглане. Препятствиями к утверждению являлись:

¹ Тобоев Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 10.

² Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. С. 81.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. Д. 481. п. VII. Л. 58–60.

⁴ Тугэлдэр Тобын. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи / сост.: Ш. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. С. 19.

- 1) доказанное судом худое поведение;
- 2) несогласие на выбор более половины родовичей;
- 3) уважительный отзыв от должности самого избираемого¹.

Все должностные лица избирались общими собраниями. Главный тайша утверждался в должности генерал-губернатором Восточной Сибири, заседатели думы, головы инородных управ и родовые старосты утверждались в должности губернаторами Иркутской губернии и Забайкальской области.

Избранные и утвержденные при вступлении в должность принимали присягу, поэтому они назывались присяжными: «... Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться не щадя живота своего до последней капли крови ... права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять ... ущербе, вреде и убытке как скоро о том уведаю не только благовременно объявлять, но и всяческими мерами отвращать и не допускать ... поверенную и возложенную на меня должность ... исполнять надлежащим образом и по совести своей ...»².

Кроме присяжных по ведомству имелись неприсяжные, служащие, это те, которые не принимали присяги при вступлении в должность: смотрители и вахтеры экономических магазинов, доверенные от бурятского общества, сборщики податей, монгольский писарь и переводчик при думе, полевые смотрители, караульные и прочие, всех таковых лиц, например, в 1886 г. по Агинскому ведомству насчитывалось 121 человек³.

На заседателя думы, «имеющего особое доверие общества», возлагали обязанности прихода – расходчика всех денег, поступающих в думу. Недостача денег покрывалась из личных сбережений прихода – расходчика⁴. Заседатели думы по графику помесечно дежурили в думе. Дежурный заседатель должен был «безотлучно присутствовать в думе и отправлять свои служебные обязанности»⁵.

¹ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 403.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2254. Л. 34–35

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2858. Л. 26–28

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2047. Л. 46

⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2370. Л. 2

Обязанности должностных лиц органов бурятского управления расписаны в Уставе, сборниках обычного права. В Хоринском положении 1851 г. подробно говорится об этом:

1. «Тайша в степной думе решает, надзирает и осуществляет казенные и общественные дела, способствует усердию податного населения в хлебопашестве и подобных доходных стремлениях, отвращает от беспутных и плохих занятий. Если кто подаст жалобу по тяжёлым и исковым делам, то, получив ее, для решения и осуществления передает сайтам отока или по желанию обеих тяжущихся сторон, согласно статье 130 Устава, может сам разрешить окончательно. Если подчиненные головы и заседатели в результате отсутствия усердия в исполнении должности не будут выполнять порученные дела, то взыскивать на основании общего положения, а старост сечь розгами установленного образца».

2. «Заседатели степных дум, кроме присутствия и решения дел в думе, должны стараться, чтобы хоринские инородцы занимались хлебопашеством, полезным и доходным делом, следить и строго спрашивать, чтобы сайты отоков, а также лица, ведающие делами экономических магазинов, выполняли казенные подати, пополняли запасы хлеба в магазинах».

3. «Головы и выборные инородных управ, родовые старосты и их помощники, исполняя ко времени и без опозданий, предписания по любому поводу, полученные от соответствующего начальства, рассматривают и разрешают спорные дела, кроме четырех криминальных, поступившие от сайтов родовых управлений... Они должны заботиться и надзирать за сбором казенных податей, пополнением хлеба в экономических магазинах, поощрять податное население к более широкому распространению хлебопашества, разведению скота и стремлению к различным доходным занятиям»¹.

Таким же образом расписывались должностные обязанности у бурят Иркутской губернии в нормах обычного права: «Власть иноверческих родоначальников заключается: во-первых, главного тайши в исполнении и наблюдении законов и предписаний высшего начальства, в сохранении тишины и порядка вверенного ему народа, в наблюдении за правосудием, бескорыстием, за по-

¹ Хоринское Положение 1851 г. // Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992. С. 94–95.

ступками родовых шуленг и старшин, в понуждении их исполнять свои обязанности к беспорочному прохождению службы; в точном и неперменном исполнении указов начальства и его приказаний, по службе им даваемым, во всевозможном старании и попечении доставить своим подчиненным лучшую и спокойную жизнь, улучшая сельское их хозяйство и ограждая законами и древними своими обыкновениями вольную жизнь и имение каждого, без пристрастия, от всякого насилия и удерживая предоставленной ему властью и мерой приличного наказания от всех преступлений, непорядков, лености и радения, а во-вторых, прочих родоначальников власть и обязанность состоит в тех самых предметах, как у главного тайши, яко его помощников или местных родовых начальников над родовыми только своими братскими»¹.

Согласно Уставу 1822 г. должностные лица, кроме письмоводителя и его помощника, «не получают от родовичей своих никакого жалованья, но исправляют должности по сим званиям как общественную службу». (§ 142)². Этой статьей доступ в учреждение родового управления для людей малоимущих был совершенно закрыт. Вместе с тем, следующей статьей Устава за родовой знатью закреплялись «доходы, какие их званию присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и земель»³.

В дальнейшем в степных законах узаконили сосредоточение в руках должностных лиц огромного количества земель, позволявшее им безвозмездно относить общественные должности. Так, в статье 82 Хоринского положения 1851 г. отмечается, что «среди хоринского населения из занимающих должности тайши, заседатели, головы, выборные, старосты не получают жалованье ни от казны, ни от населения, поэтому в силу 143-й статьи вышеуказанного Устава (1822 г.) в соответствии со званием и с одобрения населения сенокосных и пахотных земель получают во владение побольше»⁴. В Положении о степных законах кударинских бурят 1860 г. тоже указывается: «Так как главный начальник в ведомствах, заседатели думы и родовые старосты, головы не получают никакого жалованья, то в вознаграждение за их службу отводятся

¹ Самоквасов Д. Я. Указ. соч. С. 102.

² ПСЗРИ. 1 собр. СПб., 1830. Т. 38. Ст. 29126. С. 402.

³ ГАРБ. С. 402.

⁴ Хоринское положение 1851 г. // Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992. С. 95.

им особые участки пахотной и сенокосной лучшей земли в несколько раз более против простого инородца с общего согласия родовичей целого ведомства или одного рода»¹.

Следующей привилегией должностных лиц инородческого управления было освобождение от уплаты ясака, которое первоначально осуществлялось в двух вариантах: либо они не включались в список плательщиков ясака, либо их ясак раскладывался на весь род. С 1763 г. исключение из списков перестало практиковаться, сохранялось освобождение родоначальников от ясака с разложением их доли на всех родовичей². С принятием Устава об управлении инородцев 1822 г. особых изменений не произошло, бурятские общества продолжали платить ясак за своих родоначальников.

В 1844 г. в Ленской инородной управе были освобождены от уплаты податей по службе голова Куреган Убугунов, два выборных и четыре шуленги, всего семь должностных лиц. Кроме них, подати не платили еще 37 инородцев по болезни и бедности, всего 44 человека³.

В Хоринской степной думе в 1853 г. не платили ясак 50 человек, из них 8 штатных лам и 42 штаб- и обер-офицерских детей и личных дворян⁴. В число дворян от службы входили Намцарай Дарасарев, Константин Курбатов, Данжин Бомужиев, Стефанида Татаурова (Галзотская инородная управа), Бадма Павлов, Цырен Гомбоев (Барун-Харганатская), Дылгыр Номохонов (Зун-Кубдутская), Данжин Дондовой (Бодонгутская), Юмзан Иванов (Шарайтская), Доржи Дарбаев, Цыдыпов (Гочитская)⁵, всего с членами семей 75 человек (39 мужского пола).

По данным миссионера С. Стукова в 1884 г. были освобождены от несения натуральных повинностей 304 человека только в одном Хоринском ведомстве: тайша, его помощник, 12 заседателей, 14 родовых голов, 27 выборных, 83 родовых старост и 166 их помощников⁶.

¹ Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 201.

² Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 309.

³ ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 17а. Т. 2. Л. 65.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 429–430.

⁵ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 145. Л. 174.

⁶ Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1884 г. // ИЕВ. Прибавления. 1885. 13 июля (№ 13). С. 345.

В Селенгинской степной думе в 1879 г. пользовались налоговыми льготами 151 человек, потомственные почетные граждане. В их числе Цыренжаб Дамиранов, потомственный почетный гражданин 1-го Атаганова рода, коллежский регистратор, его сын Жамбалтар, 10 сыновей Жамбалтара, среди них 9-й сын Вандан – последний тайша Селенгинской степной думы; почетные граждане Ашабагатского рода Жигмит Иванов, Буда Балбатуров; Бабайхурамчинского рода – Дондок Юмдылыков, Цыбыкжаб Ринчинов, Цырендоржи Ринчинов, Дугаржаб Банзаракцаев; Чикойско-Харанутского рода – Иван Григорьевич Грудинин с братьями.

В Аларской степной думе в 1866 г. насчитывалось 75 человек, освобожденных от уплаты налогов. Кроме этого, в их владении находились лучшие земли ведомства. Так Ранжур Чойванов владел 40 десятинами хлебопашенной и 20 десятинами сенокосной земли, Зампил Самсонов соответственно 70 и 40 десятинами и т. д.¹ Кроме родоначальников, в 1854 г. 463 бурята Аларской степной думы были освобождены от уплаты ясака как принявшие крещение на три льготных года².

Аналогично бурятским ведомствам также от податей и повинностей освобождались представители семейства родоначальников Гантимуровых у тунгусов. Как известно, Гантимуровы являлись родоначальниками по наследственному принципу с конца XVII в. В Именном указе царей Ивана и Петра Алексеевичей от 5 марта 1685 г. Нерчинскому стольному воеводе Ивану Астафьевичу Власову отмечается, что даурских острогов тунгусские князьцы Гантимур с сыном своим Катанаем решили принять православную христианскую веру. Обряд крещения был проведен в Нерчинске: Гантимур был наречен Петром, Катанай – Павлом.

После крещения Гантимур-Петр со своим сыном Катанаем-Павлом отправились на прием к царям в Москву, однако Гантимур не доехал до столицы, умер в Нарыме. Катанай-Павел был принят царями, и ему были даны «за восприятие православной христианской веры жалованье, платье и поденного платья и корма довольно и велели его Павла писать княжым именем и написать его по Московскому списку и из Москвы его отпустить в Дауры в

¹ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 423. Л. 66–67.

² ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 153а. Л. 2.

Нерчинск по прежнему»¹. Князю Павлу Гантимурову было выдано жалование в размере 30 руб., хлеба и соли он должен был получить в Енисейске, к тому указывалось «для его иноземства построить в Нерчинске двор добрый Нерчинскими служилыми людьми и пашенными крестьянами»².

Далее в указе четко были названы его родственники, которые также получили жалованья и освобождение от ясака: «А братьям его князь Павловым двенадцати человекам, да детям его сыновьям девяти человекам послано наше великих государей жалованье в Нерчинск с ним же князь Павлом и провожатыми Нерчинскими служилыми людьми по портищу сукна, кармазана четьре аршина, да по портищу камки по восемь аршин портища человеку; допо его князь Павлову челобитью пожаловали мы, великие государи, с брата его родного Адугана Гантимурова да племянников с Ширидан, да с Такея, да сына его Алдарка, для их бедности наше великих государей ясак с них иметь не велели»³.

К числу льгот, которых не наблюдалось ни в одном из бурятских ведомств, относилось также содержание дома родоначальника тунгусов. Например, в 1897 г. на наем прислуги выделялась сумма 400 руб. в год, на постройку ограды и служб при доме родоначальника – 5526 руб., на приобретение мебели – 500 руб.⁴

Род Гантимуровых, освобожденных от ясака, со временем разросся, и в середине XIX в. нерчинский окружной начальник Павлинов был вынужден поставить вопрос об учете представителей начальствующего тунгусского семейства с тем, чтобы перевести их в податное состояние. По каждой инородной управе были составлены списки, и оказалось, что в каждой из них имеются Гантимуровы. Так, в одной только Урульгинской инородной управе числились 74 мужчины – представителя семейства⁵, в Кужертаевской инородной управе – 19 мужчин⁶. Окружному начальству были представлены неоспоримые документы, подтверждающие льготы князей Гантимуровых, и вопрос об их переводе в податное состояние был отложен.

¹ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. Л. 129

² ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. Л. 129об.

³ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. Л. 130

⁴ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 146.

⁵ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. Л. 123–124

⁶ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. Л. 125об.-126

Формами же морального поощрения должностных лиц за успешную службу являлись, безусловно, объявление благодарности от вышестоящего начальства и награждение орденами и медалями разного достоинства. В основном они награждались за выслугу лет и определенные заслуги: «за усердие», «за полный сбор податей», «за успешное содействие к распространению среди инородцев хлебопашества», за благотворительность и т. д.

Должностные лица бурятских органов местного самоуправления обычно занимали в Табели о рангах Российской империи с XIV по XII классы (чины: коллежский регистратор, сенатский регистратор, губернский секретарь), соответственно могли награждаться самыми низшими орденами из иерархии орденов – орденами Станислава 3-й степени и Анны 3-й степени. Орденом Святого Станислава 3-й степени могли награждаться чиновники низших классов, начиная с губернского секретаря, прослужившие не менее 15 лет и имевшие классный чин. Орденом Святой Анны награждались нижние чины за особые подвиги и заслуги, не боевые, но соединенные с мужеством и самоотвержением. Орденские знаки дополнялись наградными нагрудными и нашейными серебряными и золотыми медалями «за усердие» и «общепользную деятельность» на Аннинской, Станиславской и Владимирской лентах.

Бурятские должностные лица получали свои классные чины по указу Правительствующего сената. Так, указом от 4 февраля 1835 г. тайше Андрею Назарову был присвоен 12-й классный чин, а заседателю Алексею Андрееву 14-й чин «за водворение на Тыретской станции 26 семейств ясачно-крещеных»¹. В 1849 г. в Хоринской степной думе чиновниками 14-го класса являлись Курбатов, Даржаев, Э. Торгобаев, Д. Тоногоев, Дарбаев, жена второго тайши, 9-го класса – Татауров².

Так, на примере некоторых должностных лиц бурятских органов местного самоуправления можно рассмотреть, за какие заслуги они чаще всего награждались.

Пирожков Илья Иннокентьевич – главный тайша Идинской степной думы. Илья Иннокентьевич Пирожков (1823–1906) – потомственный родоначальник Идинского ведомства. Его отец Халбай Бахеев, пройдя все ступени степного самоуправления от ста-

¹ ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 189. Л. 5–6.

² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 145. Л. 177.

росты родового управления до заседателя степной думы, в 1838 г. становится главным тайшой идинских бурят. Он был одним из самых богатых людей среди своих сородичей. Период его тайшинства сопровождался бесконечной борьбой с местной оппозицией, и, чтобы заручиться поддержкой местной администрации, в 1842 г. Халбай Бахеев принимает крещение и получает новое имя – Иннокентий Михайлович Пирожков.

И. И. Пирожков так же, как и его отец, прошел ступени руководителя местного самоуправления идинских бурят: в 1850 г. был избран родовым старостой Готольского рода, в 1857 г. стал главным тайшой идинских бурят. В 1873–1878 гг. он находился в отставке, а в 1878 г. снова был утвержден в должности главного родоначальника Идинского ведомства по ходатайству начальника Иркутской губернии.

Служба И. И. Пирожкова была весьма успешной: в 1857 г. он был награжден форменным без украшения кафтаном «за успешное содействие по закупу хлеба в 1857 г. для Александровского винокуренного завода», в 1860 г. – серебряной медалью на Аннинской ленте для ношения на шее «за усердную службу», в 1867 г. – орденом святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени «за успешное и усердное распространение православной веры между своими единомышленниками», в 1868 г. – малой серебряной медалью «за распространение сельского хозяйства по земледелию» на Иркутской публичной выставке, в 1877 г. – орденом св. Станислава 2-й степени «за службу смотрителя Киренского уездного училища, в 1882 г. – орденом св. Анны 2-й степени «по засвидетельствованию Святейшего Синода за отличное усердие и особые труды»¹.

Кроме вышеперечисленных наград, И. И. Пирожков имел многочисленные благодарности от Иркутского губернского правления, заседателя Иркутского земского суда, Иркутского земского исправника «за успешные действия в пополнении экономических магазинов», «за успешный сбор и взнос в казну податей, ясака, повинностей и капиталов», «за пожертвование и пособие, сделанные при производившемся II частном рекрутском наборе», «за

¹ ГАРБ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–13.

особенное усердие и пожертвование денег на постройку миссионерской церкви при Кудинской степной думе» и т. д.¹

Характер его наград и благодарностей позволяют сделать вывод не только о многогранной деятельности И. И. Пирожкова как руководителя местного самоуправления, но и об активной работе по распространению православия среди своих сородичей.

Несомненным достижением И. И. Пирожкова было крупчато-мельничное заведение, начало которому было положено еще в 1850–1860-х гг. К 1902 г. заведение представляло собой шестиэтажное здание на правом берегу р. Тарасы с железной крышей, которое оценивалось в 43 867 руб. 4 ¼ коп. Смежно со зданием крупчато-мельничного заведения было построено здание паровичного отделения, оборудованное машинами, стоимость строения составляла 28 538 руб. 37 коп. При заведении были построены трехэтажное здание раструсной мельницы, здание машинного отделения при ней, оцениваемое в 4972 руб. 85 коп. В комплекс заведения входили также мост через р. Тарасу, соединяющий «крупчатку» с мельницей, и плотина, всего крупчато-мельничное заведение с раструсной мельницей оценивалось в 100 000 руб.

В «Пообщинном бланке», составленном 27 июня 1888 г. И. И. Пирожковым, даны подробные сведения о владеемой им земле, его площадях, урожайности посевов и т. д. Он безвозмездно владел земельными угодьями площадью 1000 десятин согласно общественным отводным приговорам, из которых на 164 десятинах сеял рожь, ярицу, овес и картофель. В его хозяйстве насчитывалось 77 лошадей, 23 головы рогатого скота, 63 свиньи. И. И. Пирожков активно использовал труд 124 наемных работников.

Еще одной стороной деятельности И. И. Пирожкова была благотворительность: в 1883 г. в г. Балаганске было учреждено отделение Общества попечительства о тюрьмах, и И. И. Пирожков был утвержден в должности директора Балаганского тюремного отделения. Два журнала исходящих и входящих документов за 1883–1884 гг. свидетельствуют о его активной деятельности по сбору пожертвований для Балаганской тюрьмы: так, ежемесячно И. И. Пирожков отправлял в Балаганское тюремное отделение со-

¹ ГАРБ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–13.

бренные им по пригласительным листам денежные суммы в размере от 18 до 50 руб.¹

О высоком качестве выпускаемой предприятиями И. И. Пирожкова мукомольной продукции свидетельствуют документы фонда о наградах, полученных им на различных выставках: в 1866 г. он был награжден малой серебряной медалью Иркутской публичной выставки; в 1905 г. золотой медалью Международной выставки мукомольного дела в г. Париже. Судя по переписке с полковником В. В. фон Гауптом, незадолго до смерти, в 1905 г., И. И. Пирожков принял участие в международной выставке по мукомольному делу в Париже, где коллекции образцов произведений его паровой мельницы за высокое качество была присуждена золотая медаль.

Тарба Жигжитов, 1819 г. р., из дворян – тайшинских детей, главный тайша хоринских бурят в 1849–1857 гг., ламайского вероисповедания, бурят Галзутского рода. В 1835–1837 гг. воспитывался в доме у коменданта Нерчинских рудников генерал-лейтенанта С. Р. Лепарского в Петровском Заводе, известного своим добрым отношением к декабристам. Образование получил в Троицкосавской русско-монгольской школе. В 1845 г. становится заседателем Хоринской степной думы, в 1849 г. – главным тайшой. В 1850 г. награжден серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на шее за пожертвование своего дома для Онинского бурятского приходского училища. В 1852 г. ему был пожалован почетный кафтан черного цвета, украшенный золотыми нагрудными петлицами с навесом кистей, обложенных таким же галуном и шнуром, за содействие при следовании Сибирского линейного 14-го батальона от г. Верхнеудинска до г. Читы².

Бадма Ошоров – главный тайша Хоринской степной думы в 1857–1874 гг. В 1858 г. был удостоен серебряной медали на Станиславской ленте для ношения на груди, в 1859 г. золотой медали на Аннинской ленте для ношения на шее, в 1860 г. серебряного кортика³, в 1861 г. золотой медали, в 1863 г. удостоился чина коллежского регистратора⁴.

¹ ГАРБ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3. Д. 4. Л. 1–10б.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–3

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 14. Л. 36–37.

⁴ Хроника Тугулдура Тобоева // Летописи хоринских бурят. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 27.

Цыдын Бадмаев, 1840 г. р., главный тайша хоринских бурят в 1875–1889 гг., из тайшинских детей, получил образование в Анинском бурятском приходском училище. В 1858 г. становится шуленгой, в 1864 г. – выборным Зун-Хоацайской инородной управы, в 1875 г. – главным тайшой Хоринской степной думы. В 1867 г. получил похвальный лист от военного губернатора Забайкальской области за успешное взыскание податей¹.

Дмитрий Петрович Минеев, православный бурят из Бумал-Готольского рода, коллежский регистратор, происходил из инородческих старшинских детей, имел собственный дом. Образование получил в Селенгинском бурятском приходском училище. Свою общественную деятельность начал в 1842 г. письмоводителем в Селенгинской степной думе. В 1852 г. получил благодарность генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского за пожертвование двух лошадей в пользу Пекинской миссии. В 1854 г. становится головой Бумал-Готольского рода и утверждается в должности военным губернатором Забайкальской области. В 1856 г. избран помощником главного тайши по приговору селенгинских бурят 19 родов, в этом же году был награжден серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте за усердие в службе и похвальные действия. В 1858 г. получил благодарность от председателя Сибирского отделения Русского географического общества за содействие во время ученых изысканий.

В 1860 г. был избран главным тайшой думы по выбору селенгинских бурят 20 родов и в этом же году награжден серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на шее за усердие к службе и похвальные действия. Как свидетельствует Вениамин, архиепископ Иркутский, в своем отношении генерал-губернатору Восточной Сибири от 22 ноября 1883 г., Минеев был «единственный во всем Забайкалье начальник из христиан-инородцев ... возведенный в эту почетную должность содействием начальства»². В 1861 г. был избран в члены Комитета акклиматизации животных и растений Императорского московского общества сельского хозяйства. Получил монаршее Его Им-

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1704. Л. 34–36

² ИЕВ. 28 июля 1884. № 30. С. 345–346.

ператорского Величества благоволение через Верхнеудинского земского исправника за успешное взыскание податей.

В 1862 г. был награжден золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на шее. В 1863 г. получил очередную благодарность за поднесение письма 28 родов селенгинских монголо-бурят Его Императорскому Величеству. В 1864 г. был возведен в чин коллежского регистратора. В 1865 г. стал членом Комитета по устройству в г. Чите гимназии. В 1866 г. получил благодарность от М. Корсакова, покровителя СОРГО, за поднесение в дар СОРГО бурятского костюма и других этнографических предметов, благодарность военного губернатора Забайкальской области за усердие в деле устройства гимназии в г. Чите. В 1867 г. Дмитрий Минеев становится кавалером ордена Святой Анны 3-й степени. В эти же годы он был избран почетным блюстителем Селенгинского бурятского приходского училища, членом Восточно-Сибирского отделения РГО (ВСОРГО), действительным членом ВСОРГО. В 1870 г. получил благодарность от инспектора училищ Маака за пожертвование книг детской библиотеке уездного училища, в 1872 г. награжден очередным орденом Святого Станислава 2-й степени, в 1874 г. – орденом Святой Анны 2-й степени¹.

Ирдыни Дансоронов, 1832 г. р., главный тайша селенгинских бурят с 1875 по 1882 г., ламайского вероисповедания, бурят Ашабагатского рода. Происходил из инородческих старшинских детей, имел собственный дом. Окончил Троицкосавскую войсковую русско-монгольскую школу. Первое поощрение получил в 1850 г. – благодарность генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского за пожертвование трех лошадей в пользу Пекинской миссии. В 1853 г. становится головой Ашабагатского рода, в 1860 г. – заседателем Селенгинской степной думы, в 1875 г. – главным тайшой думы. В 1861 г. награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения в петлице².

Сахар Хамнаев, 1814 г. р., главный тайша 12 родов баргузинских бурят в 1854–1875 гг., бурят Буровского рода, вероисповедания ламайского. Происходит из тайшинских детей, сын Хамная

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1198. Л. 1–14

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1704. Л. 1–6

Цанкирова. Имеет два деревянных дома, выстроенных на русский манер, и две деревянные юрты на зимних и летних стойбищах.

В службу вступил 19 марта 1834 г. по выбору баргузинских 12 родов родоначальников и родовичей с утверждения господином исправляющим должность иркутского гражданского губернатора помощником главного зайсана.

В числе его многочисленных наград числятся:

1) награждение кортиком «в личную его бытность в Санкт-Петербурге» 16 января 1833 г. и деньгами в 1000 руб. ассигнациями;

2) благодарность иркутского гражданского губернатора в 1838 г. за содействие при закупе в Тельминскую фабрику овечьей шерсти;

3) благодарность иркутского гражданского губернатора за пожертвование на Кругобайкальскую дорожную работу для рабочего люда 8 коров;

4) благодарность Верхнеудинского земского суда за приведение устройства архива Баргузинской степной думы;

5) благодарность иркутского гражданского губернатора за убеждение состоятельных инородцев к пожертвованию для бедных сородичей 180 лошадей для занятия хлебопашеством;

6) благодарность иркутского гражданского губернатора за введение первоначального посева картофеля между баргузинскими бурятами;

7) серебряная медаль на Аннинской ленте для ношения на шею за открытие приходского училища у баргузинских инородцев в доме, пожертвованном им;

8) благодарность ревизующего Восточную Сибирь сенатора Толстого за бездоимочный платеж ясака баргузинскими инородцами, за исправное делопроизводство думы;

9) благодарность от Русского географического общества в Санкт-Петербурге за доставление сведений о климате;

10) Высочайшая благодарность за денежное пожертвование в пользу военных действий и на Амурскую экспедицию;

11) Золотая медаль на Аннинской ленте для ношения на шею в ознаменование полезно неутомимой для пользы службы¹.

Цэрэнжаб (Константин) Сахаров, 1841 г. р., главный тайша баргузинских бурят в 1875–1882 гг., бурят из рода Бура, вероис-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 616. Л. 4–12

поведания ламайского, из обер-офицерских детей, происходящих из инородческих главных тайшей, сын Сахара Хамнаева.

Телеграммой господина генерал-губернатора Восточной Сибири от 18 августа 1876 г. объявлена благодарность Её Императорского Величества за благотворительность, за сделанное пожертвование, на которое был отправлен в Черногорию санитарный отряд.

Цэдэбжэб (Александр) Сахаров, главный тайша баргузинских бурят в 1883–1892 гг., бурят из рода Бура, коллежский регистратор, вероисповедания ламайского, происходит из наследственных главных тайшей баргузинских бурят, из обер-офицерских детей.

В 1862 г. получил благодарность от военного губернатора Забайкальской области Е. О. Жуковского за составление им сочинения описания о баргузинских бурятах. В 1874 г. получил благодарность от военного губернатора Забайкальской области за пожертвование в числе прочих в пользу вдов и сирот воинов, погибших в войне с Турцией¹.

Заяхан Хамаганов, 1827 г. р., бурят Абазаевского рода. Избран главным тайшой кударинских бурят общественным приговором от 29 апреля 1852 г. 25 лет, веры шаманской, грамотный по-русски. Заяхан Хамаганов является ярким представителем тайшинской династии Хамагановых-Заяхановых, находился на этой должности 12 лет.

За период службы он проявил свои недюжинные способности не только как хозяйственник, умелый организатор, но и как знаток и защитник исконных обычаев и традиций кударинских бурят. Так, за период с 1852 по 1958 г. он ликвидировал имевшуюся за кударинскими бурятами недоимку хлеба в 40 000 пудов и заполнил четыре экономических магазина нужным объемом хлеба; размер посевных площадей увеличился с 1500 до 2400 десятин. Имевшуюся значительную недоимку налогов он частью собрал, а большую часть списал путем различных ходатайств и перерасчетов с окружным казначейством.

Вступив в должность, он построил новую дорогу от Кабанской станции до Степнодворецкого, сократив старую дорогу с мостами, гатями, которые требовали постоянного ремонта, на 2

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2203. Л. 140–145об.

версты, при этом без мостов и гатей, тем самым сократив расходы общества на ремонт дорог.

О личных качествах Заяхана Хамаганова свидетельствуют строки из общественного приговора Кударинского общества: «В 1856 г., когда обществом кударинских бурят перевозились тяжелые артиллерийские орудия через станции Таракановскую и Ильинскую, Хамаганов, находясь тут по распоряжению начальства, оказывал для родовичей примером своим полезные пособия, не быв даже чужд разделять труды в указаниях и личными действиями, лично успел спасти двух человек бурят, когда они попались середины лошадей, запряженных под пушки, и он бросился к ним вытащил и отбросил в сторону и тем самым избавил от неминуемой смерти... Главный тайша Хамаганов в управлении ведомства в течение всей службы оказал отличные примеры в хорошем, он строго преследуя беспорядки и мошенничество, напротив тихого нрава, и всегда в деле, где требуется улучшение быта и хозяйства его родовичей, обращается с приличным убеждением и внушением, как должно быть доброму начальнику и примерному хозяину своего ведомства»¹.

Его стараниями в 1860 г. было составлено Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих, состоящее из 151 статьи. Кударинское общество нуждалось в своде своих степных законов, которым регулировались бы выборы инородческих начальников, разбирательство по мелким судебным делам, калымные дела и т. д. Таким сводом законов стало вышеупомянутое Положение, подписанное Заяханом Хамагановым.

При нем начала работать Кударинская приходская школа. Заяхан Хамаганов пожертвовал обществу кударинских бурят «училищное здание с двойными рамами, двумя печами со вьюшками и заслонкой», за что он в 1860 г. получил благодарность от генерал-губернатора Восточной Сибири².

За свою добросовестную работу он получил следующие награды: в 1855 г. – за распространение хлебопашества серебряные

¹ Ф. 5.0п. 2.Д. 141. Л. 2–3.

² ГАРБ. Ф. 5.0п. 2.Д. 187.Л. 9–9об.

часы¹, в 1858 г. – серебряный кортик, в 1861 г. золотую медаль на Аннинской ленте для ношения на шее².

В ГАРБ имеется уникальный документ о встрече будущего царя Николая II во время его путешествия по Забайкальской области с кударинскими бурятами. Особое внимание цесаревича привлекла личность Заяхана Хамаганова, «имевшего на шее две большие золотые медали, и он спросил: «За что и кем пожалованы?» Хамаганов объяснил, что одной медалью Высочайше награжден за устройство Кударинского приходского училища, а другой за содействие при перевозе на Амур артиллерийских орудий графом Муравьевым, при словах «графом Муравьевым» цесаревич Николай добавил: «Да, Амурский» ... После в почтовую станцию был вызван почетный инородец Хамаганов, которому Его Высочеством было объявлено, что он награждается большой золотой медалью для ношения на шее»³.

Яков Константинович Березовский, крещеный бурят 2-го Чернорудского рода, главный тайша кударинских бурят в 1864 гг. Он был избран главным тайшой по общественному приговору кударинских бурят от 17 июня 1864 г. и утвержден в должности 14 июля 1864 г.⁴ Его заслуги заключались в «усердии к святой церкви и содействие к распространению христианской веры между инородцами Кударинского ведомства», за что получил благодарность от архиепископа Вениамина⁵. За содействие и личное участие в денежных средствах в постройке и сооружении Петропавловской церкви в Корсаковском селении получил благословение от Святого Синода⁶.

Тобоев Тузулдур (1795–1878), главный тайша агинских бурят в 1858–1878 гг. Общественную деятельность начал с должности монгольских дел писаря у главного зайсана агинских инородцев в 1814 г. В 1816 г. становится зайсаном Зун-Хоацайского рода; в 1819–1826 гг. – главный зайсан и голова агинских бурят; в 1826–1830 гг. – снова зайсан в своем роде; в 1830–1839 гг. – выборный

¹ ГАРБ. Ф. 5.0п. 1.Д. 671.Лл. 1–2

² ГАРБ. Ф. 5.0п. 1.Д. 964.Лл. 44–45

³ ГАРБ. Ф. 5. Д. 1129. Л. 54–55

⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 14. Л. 213–217.

⁵ ГАРБ. Ф. 5.0п. 1. Д. 1096. Л. 18–19.

⁶ ГАРБ. Ф. 5.0п. 1.Д. 964.Л. 43,46

Агинской инородной управы; в 1839–1839 гг. – голова управы; в 1842 г. – председатель степной думы; в 1842–1858 гг. – 2-й тайша.

В 1848 г. получил благодарность управляющего Иркутской губернией за усердную службу по итогам ревизии чиновника особых поручений Иркутского общего губернского управления Мордвинова: «... В 1846–1847 годах нашел в Агинской думе дело-производство и внутреннее управление в удовлетворительном порядке, шнуровые книги и журналы входящий и исходящий, велись довольно исправно, дела сохраняются в должном порядке и имеются описи, помещение думы довольно хорошо и опрятно. Главный тайша и прочие члены заслуживают одобрение по исполнению своих обязанностей, в особенности обращает на себя внимание своим усердием и заботливостью по службе второй тайша Тугултур Тобоев, которому дума более обязана своим порядком и исправностью ...»¹.

15 сентября 1849 г. вышло предписание Нерчинского окружного управления Агинской степной думе о награждении серебряным кортиком 2-го тайши Тугултура Тобоева². В 1857 г. предписанием Забайкальского областного правления награжден первым обер-офицерским чином за особенные заслуги³.

За особые заслуги Т. Тобоев был награжден орденами Святого Станислава 2 и 3-й степени, Святой Анны 2-й и 3-й степени, серебряной медалью для ношения на шее, серебряным кортиком⁴. В 1869 г. Тобоев был награжден бронзовой медалью за содействие в устройстве русской этнографической выставки в Москве⁵. За денежные пожертвования больным и раненым в Русско-турецкой войне он был отмечен знаком Красного Креста от Российского общества Красного Креста⁶.

Зориктуев Жалсарай, 1841 г. р., сын почетного бурята и шуленги, главный тайша агинских бурят в 1879–1893 гг. Образование получил в Нерчинском уездном училище, которое окончил в 1860 г. с двумя похвальными листами. Начал трудовую деятельность в 1861 г. учителем Цугольского частного училища. В 1862 г.

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 416. Л. 19

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 319. Л. 24–26

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 988. Л. 23

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1863. Л. 3

⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4487. Л. 1

⁶ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2444. Л. 14–14об., 17

работал канцеляристом Нерчинского земского суда. В том же 1862 г. начал работать учителем в Агинском приходском училище. В 1865 г. был награжден серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на шее, в 1870 г. – серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди. В 1873 г. получил благодарности от цесаревича за пожертвование денег для дома призрения душевнобольных и Его Императорского Величества за верноподданнические чувства на аудиенции в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге. В этом же году ему была выражена признательность директора Московского публичного Румянцевского музея Гофмейстера за дар Дашковскому этнографическому музею коллекции предметов бурят Забайкальской области. В 1874 г. получил благодарность военного губернатора Забайкальской области за работу по проверке перевода Р. Номтоевым книги Бутлера на монгольский язык¹.

К 1890 г. председатель Агинской степной думы, главный родоначальник агинских бурят, губернский секретарь тайша Жалсарай Зориктуев имеет пять серебряных, одну темно-бронзовую медаль, одну золотую медаль, из числа которых две серебряные и одна золотая – для ношения на груди и три серебряные – для ношения на шее на Станиславской, Аннинской, Андреевской и Владимирской лентах, и золотые часы, пожалованные в награду наследником цесаревичем во время бытности его на коронации в 1883 г. в Санкт-Петербурге².

Бодиин Жиан (1840–1903), главный тайша агинских бурят в 1893–1903 гг., бурят Харганатского рода. На общественной службе состоял с 1860 г. В послужном листе за 1902 г. отмечены все его награды: «Имеет две золотые, две серебряные медали для ношения на шее, четыре серебряные – для ношения на груди, два золотых часа, пожалованных Александром III и Николаем II и темно-бронзовую медаль на ленте государственных цветов»³. Являлся почетным блюстителем Агинского приходского училища с 7 июля 1892 г. Размер ежегодного взноса составлял 25 руб., итого за 11 лет им внесено 275 руб.⁴

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1704. Л. 37–43

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2812. Л. 3

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3279. Л. 32об.

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3363. Л. 21–21об.

Поощрений удостоивались также головы инородных управ и родовые старосты «за усердие и полный сбор податей». Например, голове Бырке-Цугольской управы Агинской степной думы Юмдылыку Юмцунову в 1866 г. «за содействие распоряжениям высшего начальства к образованию детей Агинских родов» была объявлена благодарность от штатного смотрителя училищ Нерчинского округа¹. За справедливое разрешение прошений, жалоб им было получено также много благодарственных писем из других управ, читинских купцов, казаков и т. д. В 1861 г. были награждены серебряными медалями на Станиславской ленте с надписью «За усердие» для ношения в петлице голова Цугольской управы Баир Кулуков, Шолотуевской – Юмсун Семенов, Тургинской – Зодбо Моршагинов². В 1871 г. за усердную службу голова Цугольской управы Дылгыр Балсанов и голова Тутхалтуевской управы Галсан Дашиев были награждены серебряными медалями³.

В послужном списке головы Ользоновской инородной управы Исаака Ертагаева отмечается, что он получил благодарности от Верхоленского окружного начальника в 1893 г. за полный сбор податей, в 1898 г. – от иркутского губернатора⁴. Староста 2-го Ашахабатского рода Андрей Михайлов имел серебряную медаль на Станиславской ленте для ношения на груди⁵. В 1901 г. за успешное содействие к распространению среди инородцев хлебопашества и сельского хозяйства, отличную усердную службу иркутский генерал-губернатор премировал голову Аларской управы Петра Баторова «золотыми часами с государственным гербом на золотой цепочке»⁶.

Надо отметить, что особым стимулом для несения общественной службы было то, что в бурятском обществе культивировалось почтительное отношение к представителям власти. Известный буддийский деятель Эрдэни-Хайбзун Галшиев в своем сочинении писал⁷:

¹ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 40. Л. 479.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1378. Л. 41.

³ ГАРБ. Д. 2002. Л. 1.

⁴ ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 233. Л. 23–24.

⁵ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 64. Л. 8–9.

⁶ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 588. Л. 99об.

⁷ Галшиев Э.-Х. Зерцало мудрости. Улан-Удэ, 2006.

*Особо почитаемому нойону¹
Оказывай уважение и делай угощения.
Этим он надежным поступком отличится
Перед собственным хозяином – нойоном.
Поддакивая другим,
Не осуждай нойонов и старших.
Прежде подумай о том, поднимешь ты или не
Поднимешь ношу, взваленную на их плечи.*

Не менее значимым и почетным моральным поощрением была благодарность общества, которая оформлялась в виде письменного аттестата, принимаемого на общественных собраниях и заверяемого подписями его участников. Так, в аттестате с благодарностью от общества ольхонских бурят заседателю думы Бужинаю Имееву говорится: «Мы, нижеподписавшиеся Верхоленского округа Ольхонского ведомства родовые старосты, улусные старшины и прочие инородцы, быв сего числа в общем собрании на суглане при нашей Ольхонской степной думе по разным общественным делам и между прочим дали сей аттестат заседателю нашей степной думы, инородцу 1-го Чернорудского рода Бужинай Имееву, который в настоящее время вследствие поданного им прошения увольняется от службы по домашним обстоятельствам, в том, что, он, Имеев, служа у нас в думе заседателем по нашему выбору три года и все это время был с нами добр и справедлив и никогда никого из нас не обижал, и напротив, многим помог и по службе всегда был исправный, вел себя честно и трезво, вознаграждения за службу он с нас никакого не получал, поэтому мы считаем для себя приятной обязанностью засвидетельствовать ему, Бужинай Имееву, наше уважение за добросовестное его у нас трехлетнее служение при думе заседателем выдачей настоящего аттестата, в чем и подписуемся», под аттестатом подписались 157 человек².

Таким образом, в дореволюционной истории органов местного самоуправления бурят существовала система поощрений должностных лиц, которая предусматривала материальные и моральные формы. К материальным формам поощрений относились выделение лучших земель в больших размерах, предоставление

¹ Нойон – в пер. с бурят. языка «начальник», «чиновник».

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 993. Л. 7–7об.

налоговых льгот, вручение денежных премий. Объявление благодарности от вышестоящего начальства, от общества, награждение орденами и медалями, почет и уважение со стороны бурятского общества были моральными формами поощрений.

В отличие от инородных управ и степных дум Забайкальской области, где старались соблюдать положение Устава 1822 г. об общественном характере родовых должностей, в инородных управах, образовавшихся в 1889–1890 гг. в Иркутской губернии, по общественным приговорам сугланов принималось решение о выплате жалования должностным лицам. Жалование назначалось для того, чтобы избранные могли заниматься только «отнесением службы» и лишались возможности «заниматься своим хозяйством»¹. Родовые старосты и их помощники официально жалования не получали, в действительности все получали жалование, которое собиралось с населения посредством «темных» и всякого рода поборов².

Так, в 1895 г. в Кутульской инородной управе полагалось жалование голове – 180 руб. в год, выборным – по 100 руб. в год. В 1902 г. головой Аларской управы на второе трехлетие был избран Константин Баторов, имевший большой опыт несения общественной службы: в 1883–1889 гг. он был заседателем Аларской степной думы, 1889–1892 гг. – представителем от крещеных в управе, 1898–1901 гг. – головой управы. Он отказывался от должности, мотивируя тем, что у него семеро малолетних детей и нет помощника в хозяйстве. Общество приняло решение выделить 120 руб. в год на наем работника для Баторова³. В 1905 г. голова Хоготовской управы, выборные, староста, его помощники получали жалование по 60 руб. в год, письмоводитель – 700 руб. и его помощник 300 руб.⁴ В Торской управе в 1910 г. жалование в размере 800 руб. в год получал письмоводитель, управа из внутренних сборов платила подати за голову и двух выборных управы 110 руб. в год, на их разъезды по делам службы – 140 руб.⁵ В 1903 г. в Кудинской управе выплачивали жалование голове

¹ ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 81. Л. 19, 19об.

² Кулаков П. Е. Указ. соч.

³ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 588. Л. 67, 67об.

⁴ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 375. Л. 31.

⁵ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

200 руб. в год, выборным по 127 руб. 50 коп., письмоводителю – 900 руб., его помощнику – 300 руб. в год¹.

В архивных документах имеются интересные сведения о выплате денежного вознаграждения тайшам Агинского ведомства за счет средств общества: Тугулдуру Тобоеву в размере 500 руб. в год², Жалсарая Зориктуеву – в размере 300 руб. в год³.

Таким образом, положения Устава 1822 г., Свода законов 1857 г. и Положения 1892 г. о том, что должностные лица не должны получать вознаграждения, не соблюдалось. Каждое ведомство по-своему решало вопрос о вознаграждении должностных лиц, однако речь шла только о содержании за счет общества.

В связи с этим надо отметить единичный факт установления царской администрацией с 1729 г. постоянного оклада в 20 руб. ежегодно для хоринских тайшей, «дондеже он и наследство его будут нашему императорскому величеству служить верно»⁴. По этому поводу Е. М. Залкинд пишет, что выплачивалось это жалование из доходов Кяхтинской таможни и имело в то время целью привлечь тайшей на сторону царизма и прямым подкупом. Ссылка на установление 20-рублевого жалованья медью из Кяхтинского казначейства также имеется в Хронике Вандана Юмсунова⁵. Необходимость в нем со временем отпала, но в силу традиции 20-рублевое жалование выплачивалось еще долго, вплоть до середины XIX в.⁶ По этому поводу в формулярном списке за 1852 г. Тарбы Жигжитова, главного тайши хоринских бурят, имеется ссылка на получение жалованья 20 руб. в год по дарованной грамоте от 4 июня 1729 г.⁷

Устав 1822 г. вводил наследственно-выборный принцип, отменив Положение Н. И. Трескина только о наследственном принципе власти: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Так, в Агинской степной думе назначение главного тайши производилось на пожизненный срок, «но всегда по выборам и смотря по качеству

¹ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 329. Л. 29–30.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1704. Л. 24.

³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1704. Л. 37.

⁴ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 4, 8.

⁵ Хроника Вандана Юмсунова // Летописи хоринских бурят. М.; Л., 1940. С. 73.

⁶ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 312.

⁷ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 1.

ума и способности... и во всяком случае соблюдая при выборах совершеннолетия»¹.

Такие должностные лица, как тайша, заседатель, голова, староста, могли быть избираемыми или наследуемыми, должности же выборного и письмоводителя являлись только выборными². Допуская наследование должностей, правительство вместе с тем сохраняло за собой право окончательного утверждения в должности: «При всякой перемене Старост, Выборных, Голов и Заседателей в Думах преемничеством или выбором, утверждаются оные, если нет особенных тому препятствий, гражданским губернатором или областным начальником»³. Все должностные лица инородческого управления подлежали утверждению гражданским губернатором или областным начальником, а главный родоначальник – генерал-губернатором. Е. М. Залкинд отмечает, что Устав 1822 г. ничего на практике не изменил, более того, наблюдается тенденция к усилению наследственности⁴.

Порядок выборов должностных лиц регулировался также нормами обычного права, при этом указывалось, что порядок их избрания и утверждения «устанавливается согласно величайшее утвержденному Уставу по управлению инородцами Сибири от 22 июля 1822 г.»⁵. О порядке выборов в бурятских обществах свидетельствуют, например, положения Селенгинского уложения 1823 г., согласно которому должностных лиц следовало избирать «наследственно по поколению, и ежели у какого-либо родоначальника не будет наследников, или хотя и имеются, но в должность сии по болезненным припадкам или по другим каким причинам поступить будут не в состоянии, то выбирать из родственников его; а если таковой наследник будет малолетним, то до 15-тилетнего возраста поручить управление должностью кому-либо из ближайших его родственников, или по доверию общества избранному»⁶.

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 484. Л. 7.

² ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 400.

³ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб., 1830. С. 402

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 484. Л. 285.

⁵ Хоринское положение 1851 г. // Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск, 1992. С. 94.

⁶ Самоквасов Д. Я. Указ. соч. С. 193.

Так, в 1835 г. умер голова Иройско-Харанутского рода Джамбал-Доржи Гомбоев, и на его место был избран Цыдып Цывенов, однако по истечении года общество ходатайствует об избрании сына Гомбоева – Иринчина Доржиева головой по достижении им совершеннолетия¹.

В 1838 г. шуленга Булутского рода Балаганской степной думы Хазагар Назаров подал прошение об увольнении с должности по слабому здоровью и преклонному возрасту (ему было 65 лет). Он предлагает избрать «в шуленги из трех моих сыновей одного по предоставленному инородцам праву», а его наградить аттестатом. Шуленгой был избран его племянник Мирон Андреев².

В 1847 г. умер голова Бырке-Цугольской инородной управы Ирдыни Сулхаев.³ В связи с тем что у него были несовершеннолетние дети, в июле 1848 г. на должность головы был избран его брат Абида Сулхаев⁴. В ноябре 1858 г. Мунку Ирдынеев, сын Ирдыни Сулхаева, по достижении совершеннолетия был утвержден на должность головы управы⁵.

В 1853 г. головой Гучитской инородной управы Хоринской степной думы был выбран Бадмацырен Дашипылов «по наследству... вместо родного отца своего, просящего от сей должности отставку»⁶, головой Бодонгутской управы – Ямпил Шаданов вместо отстраненного от должности отца Шадана Бартуева⁷.

В 1854 г. общественным приговором Субинского родового управления был избран старостой Ламахан Тэгулдууров вместо Найдана Одосхонова, который лишился доверия родовичей. Л. Тэгулдууров полностью отвечал квалификационным требованиям должности: «1) он не тратил казенные деньги, не судим, не подвергнут штрафам; 2) занимается размножением скота и хлебопашеством; 3) он готов выполнить любые поручения; 4) хорошего поведения; 5) от роду 25 лет, буддийской веры, читает и пишет по-монгольски, среди народа пользуется уважением, надежен ... ; 6) никаких наград не имеет, не противник религии»⁸.

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1625. Л. 9–10.

² ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 239. Л. 9–9об., 33.

³ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 12. Л. 12.

⁴ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 25. Л. 12.

⁵ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 25. Л. 170.

⁶ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 267. Л. 48–49.

⁷ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 267. Л. 94–95.

⁸ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 465. Л. 2–2об.

В 1866 г. умер главный тайша Верхоленской степной думы Александр Номогоев. В связи с тем что его сын не достиг совершеннолетия, на должность тайши общественным приговором от 11 октября 1866 г. был выбран Бабай Архоков и утвержден председателем в Совете ГУВС в должности до совершеннолетия наследника Степана Александрова¹. Впоследствии он занимал должность главного тайши в 1868–1885 гг.

На наш взгляд, особо стоит остановиться на примере передачи власти в Балаганском ведомстве: в 1837 г. произошел прецедент, когда после смерти главного тайши Андрея Назарова мирским приговором от 17 марта 1837 г. балаганские буряты приняли решение об избрании двух тайшей: «Избрали мы на место умершего тайши Назарова родных его сыновей: старшего Алексея и младшего Григория, т. е. двух тайшей на основании того же учреждения § 115, первого, потому что как он есть старший сын и притом имеет по высочайшему соизволению чин 14 класса. Из них Алексей имеет от роду 40 лет, Григорий 28 лет, оба знают русский разговор и грамоту, под судом никогда не бывали, а последнего Григория по той причине, что ведомство наше состоит в настоящее время из 9706 душ по последней народной переписи и оно простирается от одного до другого края до 200 верстном расстоянии и при обширности ведомства и многочисленности дел один тайша по управлению своему был уже нами усмотрен недостаточным, то на основании вышеприведенного дозволяющего по необходимости общества избирать и определять тайшей, зайсанов и шуленг более настоящего количества находим необходимым иметь двух тайшей Григория и Алексея Назаровых»².

Кроме Григория и Алексея, у Андрея Назарова был еще один сын – Мирон, который не предъявлял никаких притязаний на власть. В этих условиях иркутский гражданский губернатор издает предписание от 27 апреля 1837 г. о недопустимости двух равных тайшей в одном ведомстве. На основании этого Алексей был избран главным тайшой, а Григорий – вторым тайшой, «подвластным первому»³.

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 14. Л. 298–299.

² ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 229. Л. 2.

³ ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 229. Л. 23–24.

В спорных вопросах по выбору инородческих родоначальников по наследственному принципу или по выбору общества «достойных» местная администрация в основном исходила из принципа выбора «достойного». Например, в Балаганском ведомстве, когда после смерти тайши Григория Андреева в 1851 г. его сын Иннокентий по малолетству не был утвержден в должности по наследству, а вместо него тайшой был утвержден его двоюродный брат Егор Миронов. Он был удален от должности в 1863 г. из-за допущенных хлебных недоимок, и на должность тайши был избран Осип Жербаков. Иннокентий Андреев предъявил свои претензии на должность по наследству, которая идет с утверждения Назара Хубаева, тайшой в 1787 г. В ответ на это местное начальство заявило, что на основании архивных документов, несмотря на то что должность находилась в руках одной фамилии, она всегда была выборной. На этом основании тайшой был утвержден Осип Жербаков¹.

Другой аналогичный случай произошел в 1852 г. в Кудинском ведомстве, когда спорный вопрос был решен в пользу выбора «достойного». В августе 1852 г. бурят Курумчинского рода Урмай Екренов обратился в Кудинскую степную думу и к заседателю Иркутского земского суда с прошением об избрании его или одного из братьев в шуленги рода по праву наследования: его отец, дед и прадед были шуленгами этого рода. Заседатель земского суда фон Шульц предписывает степной думе провести тщательное расследование о достоверности этих сведений.

Кудинская степная дума на основании своих архивных документов подтвердила, что действительно его предки были шуленгами, однако после смерти отца Урмая – Екрена Маланова шуленгой был избран ближайший родственник Болсохой Хапхалов, а после его смерти его шуленгой стал его сын Николай Болсохоев. При этом степная дума деликатно намекает на то, что «из детей Екрена Маланова ни проситель Урмай, ни братья его не без причины не удостоены выбора не только в родоначальники, но даже и в помощники», Николая Болсохоева характеризуют как человека «отличного поведения, усердного по службе, грамотного».

В справке степной думы отмечается, что «сама справедливость требует избирать в должности родоначальников ни для ти-

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 23. Л. 140–190.

тула и почести, как полагается Урмай Екренов, а для управления родом, для чего нужны люди отличительных качеств, образованных, преимущественно грамотных и знающих законоположения, что принесет пользу в общем служебном круге без всякого помешательства и проволоочки»¹.

Притязания на почетные звания и должности со стороны бурят Кудинского общества привели к появлению предписания заседателя Иркутского земского суда от 13 октября 1852 г. Кудинской степной думе, в котором четко указывалось, что «при производстве выборов в инородческие должности для общей пользы не увлекаться частной или личной чьей-либо выгодой и таким образом, где по обычаям право родоначальника наследственное, стараться избирать прямых наследников, а где зависит от избрания, назначать в звание родоначальников людей почетных, преимущественно грамотных и вообще заслуживающих доверие общества»².

Соперничество между претендентами, бесконечные тяжбы между ними приводили к тому, что роды надолго оставались без управления, что вело к беспорядку в ведомстве, поэтому фон Шульц был вынужден пригрозить: если обнаружится «незаконное искательство и соперничество, то через особого чиновника производить строжайшее следствие» и наказывать виновных³.

Все эти многочисленные тяжбы между претендентами на должности, усложнявшие жизнь бурятских ведомств, способствовали изданию в 1853 г. нового положения Сибирского комитета «О порядке избрания сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выбору», серьезно ужесточившего требования к выборам должностных лиц. Согласно положению предъявлялись следующие требования к претендентам на выборные должности: «не моложе 21 года, имеющие собственное хозяйство и не только не порочные судом и не оглашенные в дурном поведении, но и не состоящие под судом и следствием»⁴. Примером выбора должностного лица согласно вышеперечисленным критериям является избрание вместо умершего старосты Хасуртаевского родового управления Галзутской инородной

¹ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 595. Л. 1–13.

² ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 554. Л. 60об.

³ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 554. Л. 63.

⁴ ПСЗРИ. 1 собр. Т. 28. СПб., 1853. С. 279

управы Вачира Тыкшеева Сыбыка Гумбуева, который: «1) казенных и общественных денег не присваивал, под судом и в штрафах не бывал, по следственным делам не заключался и ныне не состоит; 2) занимается хлебопашеством и производит скотоводство; 3) возложенную на него должность исправлять может; 4) поведения хорошего, ни в каких дурных поступках замечен не был; 5) от роду имеет 37 лет, веры шигимунийской, монгольскую грамоту читать и писать умеет»¹.

В инородческом управлении родоначальники сосредотачивали в своих руках большие полномочия, и выборы на должность определенного лица могли оказать существенное влияние на последующее течение дел. Кроме того, выборы развивали общественную активность родовичей, способствовали росту их политической культуры. Следует, правда, оговориться, что, сознательно идя на некоторое ущемление наследственного принципа, царизм и тут стремился обезопасить себя от возможных случайностей, допуская избрание только «людей достойных», т. е. состоятельных, умных, образованных, и оставляя за собой право окончательного утверждения в должности выборного лица. О качественном составе бурятского местного самоуправления наглядно свидетельствуют приведенные ниже послужные списки должностных лиц Агинской и Селенгинской степных дум:

1) Базар Цыбиков, голова Могойтуевской инородной управы, учился в Нерчинском уездном училище, служил в 1880–1883 гг. переводчиком при Читинском окружном полицейском управлении, в 1884 г. был старостой родового управления, в 1885 г. стал заседателем Агинской степной думы. Был награжден двумя серебряными медалями за усердие, одной темно-бронзовой медалью за успешное проведение переписи и имея многочисленные благодарности от высшего начальства²;

2) Линхово Санжиев, голова Тургинской инородной управы, окончил в 1872 г. Нерчинское уездное училище, в 1872–1876 гг. работал писарем в Забайкальском областном правлении, Читинском окружном полицейском управлении, помощником бухгалтера Читинского уездного казначейства, в 1877–1879 гг. – переводчиком при Агинской степной думе, в 1880–1883 гг. – письмово-

¹ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 267. Л. 67–68.

² ГАРБ, ф. 129, оп. 1, д. 3856, л. 39–42

дителем думы. Был награжден золотой медалью, двумя серебряными и одной темно-бронзовой медалями¹;

3) Базар Содонов, голова Бырке-Цугольской инородной управы, в 1870 г. окончил Читинский мужской пансион, в 1871–1874 гг. служил писарем главного тайши, в 1875–1881 гг. заседателем Агинской степной думы. Награжден серебряной медалью²;

4) Дылгыр Галсанов получил домашнее образование, знал монгольскую и тибетскую письменность, в 1852–1864 гг. был старостой Уксахайского родового управления, в 1864–1868 гг. – выборный, с 1869 по 1892 гг. – голова Цугольской инородной управы;

5) Жамсаран Вампилов стал головой Цугольской управы в 1893 г. Он в 1868 г. закончил Нерчинское училище, в 1871–1874 гг. служил писарем Агинской степной думы, в 1875–1882 гг. писарем Цугольской управы, в 1883–1887 гг. – старостой Уксахаевского родового управления, в 1888–1892 гг. – выборным управы. За бездоимочное взыскание ясака и повинностей получал благодарности Забайкальского областного начальства³;

6) Батомунко Риткеев получил домашнее образование, в 1865–1874 гг. служил выборным Шелотуевской инородной управы, в 1875–1881 гг. заседателем Агинской степной думы, в 1893 г. вновь утвержден головой Шелотуевской управы. Имел серебряную медаль на Станиславской ленте⁴;

7) Жигжид Галсанов получил домашнее образование, в 1871–1876 гг. служил писарем Тутхалтуевской управы, в 1877–1878 гг. – помощником Табтанаевского родового старосты, в 1878–1885 гг. – старостой, в 1886–1892 гг. – выборным Тутхалтуевской управы, в 1893 г. утвержден головой управы. Имел благодарности за недоимочное соби́рание ясака, пожертвование денег на учреждение Читинской мужской гимназии⁵;

8) Дмитрий Петрович Минеев окончил Селенгинское приходское училище, в 1842–1854 гг. служил письмоводителем Селенгинской степной думы, в 1854 г. выбран головой Бумалготольского

¹ ГАРБ, ф. 129, оп. 1, д. 3856, л. 53–56.

² ГАРБ, ф. 129, оп. 1, д. 2969

³ ГАРБ. Д. 2969.

⁴ ГАРБ.

⁵ ГАРБ.

рода, в 1856 г. – помощником главного тайши, в 1860–1876 гг. исполнял должность главного тайши селенгинских бурят;

9) Будажаб Будаев, голова 1-го Селенгинско-Харанутского рода, известный как автор летописи «История возникновения шести селенгинских родов», окончил курс учения русско-монгольской грамоты в Селенгинском инородческом приходском училище. Во время учебы за хорошее поведение и усердие к наукам получил три похвальных листа от смотрителя Троицкосавского уездного училища, один похвальный лист от смотрителя Верхнеудинского уездного училища. В 1879–1889 гг. он исполнял должности заседателя, приходо-расходчика степной думы.

Таким образом, Устав 1822 г. хотя первоначально отходил от принципа наследственности только в вопросе о должностях выборных и письмоводителей, которые назначались всегда по выбору родовичей на определенное или неопределенное время¹, однако со временем царская администрация стала более ограничивать действие наследственного принципа и в отношении тайшей, допуская избрание только «людей достойных», т. е. не только «родовитых» и состоятельных, но и умных, образованных, имеющих опыт службы, и оставляя за собой право окончательного утверждения в должности выборного лица.

В инородных управах Иркутской губернии, образованных в 1889–1891 гг., вводился принцип выборности всех должностных лиц: «При составлении новой инородной управы из стойбищ, не бывших прежде в общей зависимости, голов назначать по выбору родовичей по смерти или на срочное время. Наследственное преемничество в сем случае не имеет места»². При выборах должностных лиц в Иркутской губернии было отменено положение Устава 1822 г. о наследственных званиях.

Выборы должностных лиц происходили на общественных собраниях – сугланах. Сугланы представляли собой общественные собрания для обсуждения вопросов о денежных сборах и натуральных повинностях, земельных делах и выборах должностных лиц. В сугланах, как и в выборах должностных лиц, могли принимать участие почетные жители, мужчины-домохозяева,

¹ ПСЗРИ. 1 собр. СПб., 1830. Т. 38. Ст. 29126. С. 394.

² Учреждение управления инородцев 1857 г. // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 2, ч. 2. С. 14.

имеющие избирательное право, или доверенные от числа мужчин, имеющих право избирательного голоса.

Избиратель должен был «выбирать на должности по чистой совести и чести, без пристрастия и собственности корысти, устраняя вражду, связи родства и дружбы, избирать из собратий таких, которых по качеству ума и совести нахожу способнейшими и достойнейшими и которые, надеюсь, в возлагаемых на них должностях покажут себя ревностными к службе и попечительными о пользе общественной»¹. Голова, два выборных, представитель от христиан избирались на трехлетие. При вступлении в должность давали присягу на верность государю императору и подписывались под ней: «... Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться не щадя живота своего до последней капли крови... права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять... ущербе, вреде и убытке как скоро о том уведою не только благовременно объявлять, но и всяческими мерами отвращать и не допускать, и ежели чего не исполню и поступлю в противность сей моей присяге, предаю себя страшному суду Божию и вечной муке ... »².

Положение об инородцах 1892 г. подтвердило требования к должностным лицам: «В должности, замещаемые по выборам сибирских инородцев... дозволяется избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство, и не только не опороченных судом и неоглашенных в дурном поведении, но не состоящих под судом и следствием»³. При выборе должностного лица Иркутское окружное полицейское управление давало справку: «Под судом и следствием не был (или был)»⁴.

Случались такие казусы, когда общество ходатайствовало перед вышестоящим начальством о том, чтобы люди, имеющие наказание по маловажным преступлениям, могли выдвигаться на выборные должности. Так, в общественном приговоре жителей Кудинской инородной управы в 1895 г. говорится о невозможности выдвижения на выборные должности достойных людей в

¹ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 81. Л. 17.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2965. Л. 40, 40об.

³ Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 14.

⁴ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 50. Л. 18.

связи с тем, что многие из них имеют судимости за допущение побега арестантов. Управа относилась к натуральной повинности по сопровождению арестантов по Якутскому тракту между Ользоновским и Оекским селениями, и из-за отсутствия этапной тюрьмы часто случались побеги арестантов. Иностранцы за это несли наказание в виде ареста до 10 суток, которое вносилось в журнал как маловажное преступление. Так, в 1902 г. ямщик Иван Амосов был приговорен к семи дням ареста при полиции «за упуск арестанта Теплова»¹. В ответ на ходатайство окружной исправник пишет о недопустимости такого подхода к выборам должностных лиц².

Сугланы представляли собой общественные собрания для обсуждения вопросов о денежных сборах и натуральных повинностях, земельных делах и выборах должностных лиц. В работе суглана принимали участие должностные лица управы, почетные жители и доверенные от числа мужчин, имеющих право избирательного голоса.

Система выборов через общественных доверенных в иностранных управах была введена по приказу Иркутского губернского правления от 29 сентября 1893 г. согласно статье 71 Сборника узаконений по крестьянскому управлению 1889 г.³ Иностранцы ходатайствовали о разрешении производить выборы через доверенных на основании того, что трудно каждый раз собирать 2/3 домохозяев из-за дальних расстояний, отсутствия здания, которое могло бы вместить столько народа. Например, в Бильчирской иностранной управе нужно было собрать не менее 1245 человек.

Общественные доверенные выбирались от каждого родового управления на суглане сроком на один год, и им выдавалась общественная доверенность следующего содержания: «...Мы избрали иностранцев...которых уполномочиваем присутствовать на суглане и выражать все предложенные вопросы в интересах наших, все, что они учинят, в том спорить и прекословить не будем ... »⁴. Родовые управления могли и отказаться от доверенных, в этом случае на собрании должны были присутствовать не менее 2/3 лиц, имеющих избирательный голос. Таким образом поступили родовые

¹ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 292. Л. 11.

² ГАРБ. Д. 122. Л. 3, 9-10.

³ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 107. Л. 117-118.

⁴ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7. Л. 13-13об.

управления Аларской инородной управы, отказавшись от избрания общественных доверенных.

Процесс выбора протоколировался в виде общественных приговоров – решений сугланов. Так, в 1888 г. прошли выборы в Хоготовскую инородную управу. Из 1482 ревизских душ мужского пола 752 человека имели право голоса, и они выбрали 94 доверенных для участия в суглане.

Процедура выборов проходила таким образом: доверенным выдавались избирательные шары, которые они вкладывали в черный («против») или белый («за») ящики, в зависимости от своего решения. Итоги голосования подводились подсчетом шаров в ящиках, и избранным признавался тот, у кого было большее количество шаров. На голосование в состав управы было выдвинуто несколько кандидатур, и большинством голосов головой был избран Осип Степанов, выборными Битху Бидаев, Александр Шардонов. При этом подчеркивалось, что все они веры шаманской, грамотные, русский разговорный язык знают, поведения хорошего, семейные, имеют достаточное домообзаведение и хозяйство, занимаются хлебопашеством и скотоводством. На выборах случился такой казус, когда при подсчете шаров Алексея Александрова, претендовавшего на должность головы, «три шара оказались сверх доски между отверстиями баллотировочного (избирательного) ящика и ни в белый, и ни в черный ящик не попали. Во избежание всяких пререканий земским заседателем было предложено баллотировать Александрова вторично»¹.

По данным архивных документов можно проследить за борьбой между «тайшинскими династиями», названной М. Н. Хангаловым борьбой партий: «Бурятские родоначальники склонны к жестокости и мщению, с помощью которых они думают держать бурят в подчинении и страхе, как в прежнее былое время. Буряты, обыкновенно, до поры до времени молчат, пока число недовольных не станет уже значительным. Родоначальники между тем своими действиями все более и более вооружают против себя общество; наконец, общественники, выведенные из терпения, составляют из себя особую партию и подают жалобы на

¹ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2. Л. 10об.

родоначальника. Этот подбирает себе партию, и таким образом, в роде или ведомстве образуются две враждебные партии»¹.

А. П. Щапов, один из исследователей бурятской общины, писал о существовании «своеобразных общинных партий – демократической и плутократической, или партий богатых и небогатых»². Однако борьбу за власть между разными партиями надо воспринимать не как борьбу между богатыми и бедными, а как борьбу враждебных партий, представлявших разные «тайшинские династии».

В исторической литературе опубликованы материалы о борьбе за власть между враждующими партиями. Так, А. П. Щапов пишет о борьбе за власть в 1816 г. в Шонтойском стойбище Верхоленского ведомства³, В. Гирченко в своих работах исследует борьбу хоринцев против тайши Дымбыла Галсанова⁴, Г. Н. Румянцев – борьбу аларцев против тайши П. Баторова⁵. В «Истории Бурят-Монгольской АССР» приводятся примеры борьбы за власть между П. Баторовым и Матхановым в Аларском ведомстве, между И. Пирожковым и Амагаевыми, Трубачевыми и Данчиновыми в Идинском ведомстве, в Балаганском ведомстве – между Андреевым и Жербаковым и т. д.⁶

Примером ожесточенной борьбы враждующих партий за власть во второй половине XIX в. становится Аларское ведомство. В 1869–1871 гг. ведется борьба за устранение от должности главного тайши Н. Матханова противоборствующей стороной в лице почетных граждан: чиновницы Елизаветы Баторовой с сыном Петром Баторовым, старосты 1-го Хонходоровского рода Петра Чойвонова, его братьев Ранжура, Протаса, Жамсо, Рампила Самсонова, Василия Бадминова, Бардуная Бадминова и др.

Н. Матханов был утвержден в должности главного тайши аларских бурят 27 января 1869 г. Этому событию предшествовали освобождение Галсана Баторова, главного тайши ведомства, по

¹ Хангалов М. Н. Юридические обычаи у бурят // Хангалов М. Н. Собр. соч. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. С. 191.

² Щапов А. П. Собр. соч. Иркутск, 1937. Дополнит. том. С. 252.

³ ГАРБ. С. 252–254.

⁴ Гирченко В. Хоринские происшествия 1848–49 годов и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 119–124.

⁵ Румянцев Г. Н. Аларская летопись // Зап. БМНИИК. Вып. 9. С. 34–47.

⁶ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1951. Т. 1. С. 463.

прошению, поданному им 11 января 1865 г. На утверждение в ГУВС были предъявлены два приговора: 1) об избрании Николая Матханова главным тайшой; 2) об избрании Петра Чойвонова главным тайшой. В ходе ожесточенной борьбы между ними и их сторонниками победу одержал Н. Матханов и общественным приговором от 31 октября 1868 г. он был избран главным тайшой¹.

Как следует из донесения помощника родового старосты Хигинского родового управления в своем донесении в Аларскую степную думу от 9 октября 1869 г., в ведомстве происходят бунты «по подстрекательству чиновницы Елизаветы Баторовой с сыном ее Петром и почетными гражданами, проживающими в Хигинском улусе, которыми нарушили и нарушают общественное спокойствие и тишину». Они усиливают возмущение между жителями ведомства посредством раздавания значительных денежных сумм своим приверженцам с определенной целью – отстранить Н. Матханова от должности тайши и избрать другого тайшу, который не принуждал бы инородцев к крещению². Основными претензиями недовольных были: 1) неправильная и самопроизвольная раскладка сборов; 2) назначение сборщиков налогов тайшой, а не выбором общества; 3) отсутствие отчетности о собранных суммах.

Со стороны степной думы предпринимались ответные меры против оппозиционной партии путем запугивания жителей, выбиванием показаний против «бунтующих», принятием общественных приговоров в поддержку тайши Н. Матханова. Аларская степная дума 7 марта 1867 г. предписывает Шалотскому родовому управлению о принятии мер против партии П. Баторова: «Степная дума получает слухи, что инородцы большими партиями посещают отставного коллежского секретаря Баторова. Дабы не допустить отрослей дальнейшему развитию зла по нарушению тишины и спокойствия общества, степная дума строго обязывает Шалотское родовое управление следить за каждым въездом инородцев к г. Баторову, а в особенности партиями и в случае малейшего замечания тотчас доносит думе, самих же посещающих задерживать и представлять в думу»³.

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 14. Л. 218–272.

² ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 495. Л. 5–6.

³ ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 18. Л. 38–40.

Приветствовались доносы жителей о действиях противоборствующей партии, как, например, в одном донесении приводятся слова Петра Чойвонова, сказанные им в доме Егодура Кырнеева в январе 1870 г.: «Мы знать не хотим твоего тайшу Матханова, мы откроем войну не только с твоим Матхановым, но даже с русским ханом, мы, монголы, и туда уйдем, твой тайша Хрезу (т. е. крещеный), не желаем иметь тайшой» и т. д.¹

Так, на общем собрании 16 октября 1869 г. обсуждался вопрос о принятии мер против бурят Булгата Емоева и Бадлы Хамнеева, поддержавших противоборствующую партию. Они были обвинены в нанесении побоев старшине Владимиру Вампилову, когда он «принимал меры пресечения в распространении между инородцами смут, вредных толков и подстрекательства к возмущению». Булгат Емоев до этого был «неоднократно изобличен в пьянстве, буйстве, неповиновении законам, установленным властями, в распространении между инородцами вредных и возмутительных толков, в подстрекательстве инородцев к возмущению и неповиновению местному начальству и в упреке инородцев за принятие православия», за что подвергался взысканиям два раза и несколько не исправился, также пьянствует, дебоширствует, распускает в народе вредные для общего состояния ведомства слухи». Собрание приговорило Булгата Емоева к переселению в другое отдаленное ведомство, учитывая факты его предыдущих взысканий, а Бадлу Хамнеева – к общественным работам в течение трех дней².

Реальную картину борьбы за власть в Аларском ведомстве того периода можно восстановить на основании донесения Аларской степной думы исправляющему должность Балаганского окружного начальника от 17 ноября 1869 г.: «Партия бурят человек около 20, разъезжая по улусам, пьянствуют, дебоширствуют, публично ругают свое начальство, порицают все их законные распоряжения и вообще выходят из всякого повиновения властям; при разъездах этих они, подпавая возимой ими водкой инородцев, склоняют последних поступить в их партию и действовать вкуче против главного родоначальника Матханова»³.

¹ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 515. Л. 68–69.

² ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 515. Л. 16–17.

³ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 515. Л. 44.

В ходе следствия, проведенного чиновником особых поручений Главного управления Восточной Сибири Шацом, Н. Матханов был временно отстранен от должности тайши и на его место был временно назначен Баргуй Иванов. Проверка не выявила больших нарушений со стороны Н. Матханова, и уже к концу 1870 г. он вернулся к исполнению своих обязанностей, что вызвало очередное возмущение в Аларском ведомстве. В связи с этим заседатель 1-го участка Балаганского округа уведомляет степную думу о решении Главного управления Восточной Сибири провести ревизию всех собранных с инородцев сборов за весь период правления Н. Матханова¹.

О сложной обстановке с инородческим руководством в Аларском ведомстве свидетельствуют отчеты Иркутской духовной миссии. В отчете за 1874 г. отмечается, что «об Аларском бурятском ведомстве можно без преувеличения сказать, что оно в гражданском и в религиозном отношении в настоящую пору представляет такой хаос, какого не представляет ни одно ведомство. За сменой тайшей там образовались три тайшинских рода, каждый из них, особенно два последние, имеют своих приверженцев, которые только и думают о том, чтобы иметь своего тайшу, сами не имеют власти и поставленной не слушаются, доносы следуют за доносами, одни начальники сменяются, другие выбираются, чтобы уступить место третьим»².

Таким образом, в Аларском ведомстве на протяжении многих лет происходила борьба сначала между двумя тайшинскими родами – Баторовыми и Матхановыми, а затем и тремя: Баторовыми, Матхановыми и Самсоновыми. Беспорядки в гражданском отношении сопровождалась борьбой между представителями трех вер: христианской, ламской и шаманской. Тайша Матханов был представителем христианской веры, Самсонов – языческой, Баторов – ламской.

С упразднением степной думы и должности главного родоначальника в 1890 г. следовало ожидать прекращения борьбы за власть между различными партиями, однако борьба продолжалась с прежним размахом.

¹ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1 Д. 495. Л. 202–205.

² ИЕВ. 1875. 10 мая (№ 19). С. 270.

Большой интерес представляют архивные документы о выборах головы Аларской инородной управы в 1892–1893 гг., которые не потеряли своей актуальности и в наши дни. В связи с истечением срока службы головы Петра Баторова 1 января 1893 г. были назначены выборы и созван общественный суглан 4 мая 1892 г. Выборы проводились по инородческим обычаям, общественные доверенные не избирались. Головой был избран Алексей Абашеев, но выборы были признаны недействительными, так как в работе суглана принимало участие 1118 человек из 1720, т. е. менее 2/3 лиц, имеющих право голоса. Следующий суглан состоялся 22 декабря 1892 г., на котором головой был избран Арсений Самсонов. В своем донесении балаганскому окружному исправнику земский заседатель 1-го участка подробно описывал процедуру выборов: «... так как помещения такового, которое могло бы вместить в себе такую массу людей, около тысячи человек, прибывших на выборы – в зданиях управы не оказалось, поэтому пришлось всем этим людям со своими лошадьми при 35-ти градусном морозе страдать под открытым небом, но не взирая на все это...терпеливо, не выходя из границ благопристойности, провели целый день»¹. Далее он жаловался на действия головы Баторова, который не подготовил и не провел должным образом выборы и настаивал на признании выборов состоявшимися. Несмотря на это, Иркутское губернское правление не утвердило решение суглана из-за допущенных нарушений – отсутствие избирательного кворума, принятие присяги после выборов и т. д.

В феврале 1893 г. жители управы подали прошение Балаганскому окружному исправнику, в котором они объясняли неудачу выборов головы с многочисленными допущенными нарушениями из-за несовершенства избирательной системы и отсутствия опыта, чем пользуются сторонники или противники той или иной партии, кандидатов. Так, «всякий из кандидатов на должность головы, обладая средствами, стараются задобрить в улусах избирателей – кто водкой, а кто-то раздачей денег и обещаниями всяких льгот в будущем»². Арсений Самсонов раздавал деньги инородцам, принявшим его сторону, его отец – Николай Самсонов, находившийся под следствием за допущенные злоупотребления и

¹ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 107. Л. 295–296.

² НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 107. Л. 297об.

растраты на посту главного тайши в 1870-х гг., «спаивал народ в деревне Грязнухе для присоединения к партии своего сына на предстоящем выборе, для чего даже сидельцу общественного питейного заведения приказал отпустить народу ведро водки в кредит в его счет»¹.

Далее они предложили соблюдение следующих условий при новых выборах: «1) выборы проводить без участия родоначальников; 2) кандидатов, намеченных на общественную должность, удалить за день до выборов, в соседнюю управу, дабы они не могли делать разные подстрекательства, спаивания избирателей; 3) выборы проводить через закрытую баллотировку (тайным голосованием), при этом удалить с суглана лиц, занимающихся агитацией, и лиц, не имеющих права голоса; 4) выборы должны производиться в присутствии окружного исправника»².

Все эти условия были соблюдены на суглане от 12 октября 1893 г., и головой был избран тайным голосованием Михаил Бадмаев. За него было подано 897 избирательных и 266 неизбирательных шаров. За Арсения Самсонова проголосовали 234 избирательными и 842 неизбирательными шарами.

Процесс проведения выборов можно проследить и в других ведомствах. Например, в 1896 г. состоялись выборы головы и выборного Кудинской инородной управы, о результатах которых можно посудить по следующей таблице (табл. 2):

Таблица 2

Итоги выборов головы Кудинской инородной управы в 1896 г.

Кандидаты на должности головы	Избирательные шары	
	За	Против
Василий Холодов	218	34
Савва Михайлов	118	134
Выборные		
Яков Дмитриев	208	44
Булгут Бухатеев	132	120

Таблица составлена по данным ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 171. Л. 9–10.

¹ ГАРБ. Л. 379об.-380.

² ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 107. Л. 298–298об.

Из таблицы видно, что в ходе выборов на должность головы баллотировались 2 человека – Василий Холодов и Савва Михайлов, выборного – 2 человека – Яков Дмитриев и Булгут Бухатеев. В результате выборов за В.Холодова проголосовало 218 человек, против – 34, и по большинству голосов он был избран головой; выборным был избран Яков Дмитриев. Приказом Иркутского губернатора от 10 апреля 1896 г. они были утверждены в своих должностях на трехлетие до 1 января 1899 г.¹

Следующий пример: в 1908 г. проходили выборы головы Абаганатской инородной управы. Из 1797 жителей управы имели право голоса в 1-м Абаганатском роду – 86 человек, 2-м Абаганатском роду – 90 человек, в 3-м Абаганатском роду – 170 человек, 4-м Абаганатском роду – 104 человека², всего 450 человек (табл. 3).

Таблица 3

Итоги выборов головы Абаганатской управы в 1908 г.

Кандидаты на должность головы	Избирательные шары (было 88 голосов)	
	За	Против
Андрей Хахалов	41	6
Александр Хадеев	8	39
Дмитрий Богомоев	12	35
Петр Сергеев	17	30

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.

На должность головы выдвигались четыре кандидатуры, и в результате альтернативных выборов головой управы был избран Андрей Хахалов, который был утвержден в должности приказом иркутского губернатора от 11 декабря 1908 г.³

Бывали случаи, когда избранный голова не получал утверждения у иркутского губернатора. Так, Марка Хантаева, избранного головой Абаганатской управы по решению суглана от 23 февраля 1890 г., не утвердили в должности по причине того, что он привлекался к ответственности за превышение власти на должности тайши Кудинской степной думы. Выборными управы

¹ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 171. Л. 9–10.

² ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 112.

³ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.

были избраны и утверждены Семен Занданов и Иосиф Забинов, при этом на Семена Занданова была возложена обязанность головы до избрания и утверждения другого лица на должность головы¹. Полицейское управление проводило расследование по этому факту и не нашло достаточных оснований для обвинения Хантаева. Исходя из этого, Иркутское губернское правление утвердило Марка Хантаева в должности головы управы на трехлетие с 1890 по 1893 гг.²

Должностные лица в редких случаях добровольно отказывались от несения общественных обязанностей. Например, Бужинай Имеев, заседатель Ольхонской степной думы, отказался от должности по «домашним обстоятельствам», Дмитрий Минеев, главный тайша Селенгинской степной думы, «по старости, слабости здоровья и по неприятным обстоятельствам по управлению», Сахар Хамнаев, помощник тайши Баргузинского ведомства, отказался «по состоянию здоровья» и т. д.

Дмитрий Минеев служил главным тайшой Селенгинской степной думы по выбору общества с 1860 г. и был единственным крещеным бурятским тайшой в Забайкальской области. Он пользовался такой поддержкой местной администрации и миссионеров, что в течение 12 лет служил тайшой без проведения очередных выборов. Сам Д. Минеев неоднократно просил об отставке, так как подведомственные инородческие родоначальники, считая его службу служением против их воли, начали «ослушиваться и противодействовать». Вопрос об его отставке особенно обострился в связи с активизацией политики по уничтожению бумханов и обонов, а Д. Минеев, как православный, служил проводником этой политики в Селенгинском ведомстве.

Селенгинские буряты скрытно от местных властей выбрали доверенных и решили отправить их в Санкт-Петербург с ходатайством об увольнении Д. Минеева. В 1872 г. селенгинские буряты выбрали заседателя Банзаракцаева и д. главного тайши до проведения новых выборов, мотивируя тем, что Минееву уже 52 года, он плохо видит и находится в должности тайши в течение девяти лет без проведения выборов, однако Селенгинский окружной исправник не согласился.

¹ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 148. Л. 4об.

² ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 148. Л. 14–16.

В 1873 г. головы, старосты, доверенные селенгинских бурят пишут отзыв о работе Д. Минеева в Забайкальское областное правление, в котором отмечают, что: 1) в 1869 г. Минеев, находя отяготительным для ведомства исправление Кругобайкальской железной дороги, предложил собрать по 10 коп. с души для возбуждения ходатайства об освобождении от этой повинности. Было собрано 600 руб., однако исправник Скуратов признал сбор незаконным и тогда Минеев решил подарить эту сумму Скуратову; 2) в 1865 г. для угощения господ чиновников было решено собрать по 2 ½ коп. с души, собранную сумму Минеев употребил на свои собственные нужды; 3) в 1870 г. для подарков исправнику Прыткову было собрано по 4 ½ коп. с души, которые также были использованы лично Минеевым на свои нужды; 4) в 1872 г. Минеев вновь принудил собрать 1000 руб. для его личных нужд в связи с предстоящей отставкой¹.

Только в 1874 г. приказом генерал-губернатора Восточной Сибири Дмитрий Минеев был отправлен в отставку, и в ноябре 1874 г. новым тайшой становится Ирдыни Дансоронов, помощник головы Ашебагатского рода.

Еще один пример отказа от должности «по состоянию здоровья» – это отказ Александра Сахарова от должности главного тайши в 1892 г. То, что такое событие оказалось актуальным и желанным для местной администрации, свидетельствует скорость, с которой были проведены выборы и утвержден новый тайша Иринчин Сотиев. Так, А. Сахаров написал прошение об отставке 22 февраля 1892 г., а уже 12 марта 1892 г. общественным приговором И. Сотиев был выбран тайшой. 18 мая 1892 г. Баргузинский окружной начальник пишет военному губернатору Забайкальской области об ускорении утверждения И. Сотиева в должности главного тайши: «Утверждение Сотиева желательно для уничтожения прецедента наследственности в роде Сахаровых». 28 мая 1892 г. он же снова пишет: «Тайша Сахаров при его фанатической приверженности к ламаизму, отсталых взглядах на отношение к службе скорее вреден, чем полезен, как в отношении распространения православия, чему тайно противодействует, так и самой культуре инородцев»; далее он отмечает, что «частые болезненные припадки, не позволявшие в продолжении двух лет

¹ ГАЗК. Ф 1. Оп. 1. Д. 1226.

даже бывать в думе, отдаленность места жительства от думы (100 верст), ссора с членами думы, зависть к получавшим медали, а вследствие этого мелочные придирки к ним» также не способствовали отнесению им своих должностных обязанностей¹. Таким образом была прервана наследственная передача власти династии Цанкирова-Хамнаева-Сахарова в Баргузинском ведомстве.

Надо отметить, что Александр Сахаров в дальнейшем неоднократно пытался вернуть свою должность. В 1896 г., оправившись после болезни, он пишет многочисленные прошения военному губернатору Забайкальской области о своем желании вернуться к исполнению обязанностей тайши, а тот в свою очередь докладывал об этом приамурскому генерал-губернатору, однако вердикт был таков: «... Так как назначение лиц на должность родоначальника бурят зависит от выбора общества, настоящее ходатайство ... оставлено без последствий»².

Деятельность должностных лиц управы жестко регламентировалась царской администрацией. В 1853 г. тайша хоринских бурят Тарба Жигжитов пишет прошение военному губернатору Забайкальской области о разрешении ему отпуска на два месяца «для правления здоровья на минеральных водах Нерчинского округа»³.

Головы инородных управ Агинского и Хоринского ведомств писали прошения о разрешении предоставить отпуск в степную думу, а степная дума ходатайствовала перед военным губернатором. Так, в 1853 г. голова Хоацайской инородной управы Бадма Сыбыков просит степную думу дать ему отпуск на шесть месяцев для лечения, степная дума пишет донесение военному губернатору с ходатайством о предоставлении отпуска, на что следует разрешение Забайкальского областного управления⁴.

В 1890 г. балаганский окружной исправник своим предписанием предупреждает о незаконности самовольных отлучек членов управы, применении к ним строгих взысканий. Все должностные лица, приезжая в Балаганск, обязаны были явиться к нему на прием.⁵ В случае выезда за пределы управы они должны были

¹ ГАЗК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2645. Л. 13–14, 22–24.

² ГАЗК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2645. Л. 134.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 267. Л. 137–137об.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 267. Л. 123, 130–131.

⁵ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 66. Л. 25.

известить губернское начальство. В 1895 г. Андрей Михайлов, староста 2-го Ашахабатского рода, пишет прошение о разрешении ему отпуска на четыре месяца для выезда в Западную Сибирь для лечения на минеральные воды. В ответ на прошение следует приказ Иркутского губернского правления с разрешением такого отпуска¹. 21 июня 1899 г. следует приказ иркутского губернатора об увольнении головы Боханской инородной управы Пирожкова в отпуск на четыре месяца². Голова Койморской управы просит в 1906 г. месячный отпуск для поездки в Монголию, на что следует резолюция крестьянского начальника о разрешении такового³.

В «Забайкальских областных ведомостях» публиковались все приказы военного губернатора Забайкальской области о предоставлении отпуска должностным лицам инородческого управления. Например, приказом от 15 июня 1892 г. № 3748 Ирдыни Вамбоцыренову, голове Барун-Кубдутского рода, продлевался срок отпуска на шесть месяцев для лечения в Санкт-Петербурге⁴.

В случае же несанкционированного оставления должности нарушителей ожидало соответствующее наказание. Например, за своевольную отлучку в Забайкальскую область помощник старосты 2-го Ашехабатского рода Алексеев постановлением крестьянского начальника от 20 июля 1902 г. был приговорен к семи суткам ареста⁵.

В 1891 г. вышло распоряжение Приамурского генерал-губернатора военному губернатору Забайкальской области об утверждении в должностях родовых старост, выборных и голов в инородных управах и заседателей в степных думах бурят, знающих разговорный русский язык. С 1895 г. должностные лица, в том числе и ламы, обязаны были знать не только русский разговорный язык, но и русскую грамоту⁶.

В 1894 г. вышло предписание иркутского генерал-губернатора, в котором говорилось о том, что «должностные лица инород-

¹ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 150. Л. 9об.

² ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 618. Л. 11об.

³ ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 66. Л. 82.

⁴ Приказы военного губернатора Забайкальской области по общественным выборам // Забайк. обл. ведомости. 1892. 19 июня (№ 25). С. 2.

⁵ ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 295. Л. 15.

⁶ Распоряжение Приамурского генерал-губернатора от 25 янв. 1891 г. № 426 // Забайк. обл. ведомости. 1891. 15 февр. (№ 7). С. 1-2.

ческого управления весьма часто не только не знают русской грамоты, но даже не владеют разговорным русским языком и не понимают русской речи». Поэтому необходимо «принять меры, чтобы в должности головы избирались грамотные по-русски лица, владеющие хотя бы разговорным языком»¹. Так, на 450 человек, имеющих право голоса в Абаганатской инородной управе, был 51 грамотный, что составляло 11 %, не считая остальное население.

В ответ на такое распоряжение агинские буряты общественным приговором от 22 августа 1894 г. постановили: «... С издавна упрочившимся обычаем установлено у нас, чтобы выборы на почетные обязанности удаивались люди зажиточные, солидные, пользующиеся безусловным уважением своих сородичей. Недостатка в таких лицах нет... Буряты не могут в жертву знания русского языка принести лучшие стороны выборного начала и подчиниться управлению людей, не заслуживающих доверия. По узаконению положения об инородцах (изданного в 1892 г.) категорически воспрещается выбор бурят, не имеющих собственного хозяйства и оглашенных в дурном поведении, но незнание русского языка не отнесено к числу условий обязательных при выборах»². Агинские буряты на том же собрании от 22 августа 1894 г. постановили уполномочить доверенного Намдака Дылыкова ходатайствовать перед генерал-губернатором края об отсрочке на 15 лет приведения в исполнение распоряжения от 14 января 1894 г. о выборах на должности бурят, знающих русский язык, «до того периода, когда грамотность и цивилизация распространятся среди бурят более широко»³.

Должность письмоводителя относилась к разряду оплачиваемых и важных, так как он занимался делопроизводством всей управы. Вследствие низкой грамотности бурят на должности письмоводителя в основном избирались представители русского населения. В отношении письмоводителей имелся отдельный пункт Положения об инородцах, в котором говорилось о введении письменного производства в инородных управах, и о том, что

¹ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 92. Л. 10–11.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3880. Л. 72–72об.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2965. Л. 25.

«письмоводитель не имеет никакого участия в управлении, но отвечает за порядок в делопроизводстве»¹.

Письмоводитель избирался на общественном суглане. Так, о важности должности письмоводителя говорит такой факт: в Аларской инородной управе должность письмоводителя занимали лица, которые брали удостоверения от исправника, что с его стороны нет претензий на замещение должности. Бывали случаи, когда некоторые из них не оправдывали рекомендации и подлежали удалению со службы, но общества удерживали их на должности, видя в них ставленников высшего начальства. Своим циркуляром от 31 декабря 1892 г. Балаганский окружной исправник разъяснял инородным управам, что выбор письмоводителя не зависит от него и других чинов полиции, они могут только рекомендовать².

В Хоринской, Агинской, Селенгинской и Баргузинской степных думах, кроме монгольских письмоводителей, обязательным было наличие письмоводителей-переводчиков на русский язык. Как правило, в середине XIX в. переводчиками становились грамотные русские крестьяне или крещеные оседлые инородцы. Так, в 1857 г. Батанайской инородной управой были приняты на работу шесть писарей: Васили Загалин, Лавр Мурзин, Андрей Батурин, Семен Мушанов, Иван Голиев, Михаил Нифонтов. С ними был составлен годовой контракт на 1858 г., в котором были следующие пункты: 1) «исправно исполнять работу, связанную с монгольскими и русскими документами Хоринской степной думы всех столов; 2) распоряжения председателя думы и ее членов, письмоводителей по закону незамедлительно вносить в докладную книгу и в журналы исходящих бумаг; 3) если старейшины или тайша, члены думы будут выезжать куда-нибудь и понадобится их помощь, то они, по согласованию, будут выезжать и выполнять работу писарей и толмачей; 4) вести себя примерно и уважительно по отношению к тайше, членам думы и письмоводителям, кроме этого со всеми писарями жить в дружбе». Интересным представляется пункт о том, что «если голова Цэгэнов надумает уволить кого-то из нас за недостойное поведение, это его право»³.

¹ Положение об инородцах. СПб., 1892. Т. 2. С. 18.

² ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 109. Л. 130-130об.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 363. Л. 3-3об., 4-4об.

4 марта 1897 г. предписанием земского заседателя 2-го участка вместо уволенного письмоводителя Абаганатской инородной управы И. Большакова направлялся А. С. Михалев. При этом заседатель отметил, что «по дошедшим до меня слухам некоторые лица, путем спаивания влиятельных инородцев, добиваются места письмоводителя управы и без суглана стараются составить приговор, собирая подписи по домам», и далее предупреждал о незаконности такого приговора¹. Немаловажным фактором престижности должности письмоводителя служил то, что они получали денежное вознаграждение от управы в сумме от 800 до 900 руб. в год.

К должностным лицам степных дум и инородных управ относились представители от крещеных инородцев. Благодаря настойчивости миссионерских деятелей, понимавших значение влияния крещеных родоначальников на сородичей, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Корсаков в 1864 г. предписал всем инородческим ведомствам о необходимости включения по одному заседателю из христиан в степные думы. Как пишет Вениамин, архиепископ Иркутский, получив такое предписание, «язычники сочли это для себя оскорблением и долго не соглашались исполнить требование генерал-губернатора, даже протестовали против него, потому что допущением христианина в думу заседателем, как они выражались в общественном приговоре, будто бы нарушится благоустройство их и свобода вероисповедания»².

5 февраля 1867 г. Совет Главного управления Восточной Сибири постановил в виде опыта допустить выборных от крещеных инородцев в инородные управы и родовые управления с правом протеста против постановлений степных дум, инородных управ и родовых управлений, которые покажутся стеснительными для христиан и незаконными, но постановление, по словам того же архиепископа Вениамина, не было приведено в исполнение³.

Иркутский губернский совет выступил с постановлением от 3 мая 1872 г. повременить с назначением выборных от христиан впредь до общего преобразования инородческих учреждений. 18 июня 1886 г. предписанием Иркутского полицейского управления в состав инородных управ и родовых управлений вновь вводи-

¹ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50. Л. 33.

² ИЕВ. 28 июля 1884. № 30. С. 346.

³ ИЕВ. 4 авг. 1884. № 31. 361.

лись представители от христиан в целях их защиты от притеснений со стороны язычников – начальников, некрещеных. В выборах представителя участвовали все крещеные. В случаях, если голова или староста были крещеные, то не следовало упразднить должность представителя от христиан¹.

В 1907 г. в Койморской инородной управе была учреждена новая должность – заместитель головы. Это был единичный случай введения новой должности по инициативе общества в обход Положения об инородцах 1892 г. Общество ходатайствовало о введении должности заместителя головы ввиду того, что в случае болезни, смерти или отпуска головы происходят задержки судебных разбирательств. Крестьянский начальник 3-го участка Иркутского уезда разрешил введение должности без права ношения знака и служебной печати, исходя из того, что есть помощники старосты, заместитель старшины².

В состав должностных лиц управы входили родовые старосты, их помощники, десятские, сотские, полесовщики, пожарные старосты. В 1905 г. в состав должностных лиц Хоготовской управы входили голова, 3 выборных, 1 родовой староста, 2 его помощника, 1 представитель от христиан, 15 улусных десятников, 6 полицейских сотских, 52 полицейских десятских³. В 1911 г. к должностным лицам управы относились голова, заместитель головы, 2 выборных, 5 родовых старост, 5 помощников старост, 5 родовых писарей, 2 смотрителя экономических магазинов, 17 вахтеров, 4 лесных сторожа⁴.

«Степные аристократы» оберегали свои привилегии и стремились расширить их. Так, в Селенгинское уложение с новыми правилами, принятыми в 1841 г., была включена глава «О должностных знаках отличия и одежде начальствующих и почетных людей»⁵. Причиной принятия дополнительных правил стало, по мнению родоначальников, отсутствие «отличительных знаков для законного главенства над податными... нет установленного различия в одежде»⁶. В Хоринском положении 1851 г. отмечалось, что

¹ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 148. Л. 21.

² ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 8. Л. 54–56.

³ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 375. Л. 11.

⁴ ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 125. Л. 24–25.

⁵ Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. С. 78–79.

⁶ Там же. С. 76.

«занимающие должности нойоны и сайты хоринских инородцев не являются равными с податными. В соответствии с должностью должны различаться путем отличительных знаков, а именно: главный тайша должен на макушке шапки прикреплять жинчи¹ из золота и коралла; помощник тайши – жинчи из серебра, а также из коралла; заседатели степных дум, головы инородных управ, шуленги – жинчи из серебра и лазурита; выборные...письмоводители – жинчи из серебра и раковины. Их жены и дети должны одинаково соблюдать вышеуказанные правила». Простые люди не должны носить жинчи, за нарушение этого обычая наказывались десятью ударами розог. Нойоны и сайты на собраниях, в конторах, на свадьбах и празднествах должны сидеть в порядке старшинства, за нарушение полагался штраф 3 руб. серебром.²

Примером претензий родоначальников на особые преимущества служит донесение Селенгинской степной думы в 1837 г.: «Ныне упадок нравов достиг такой степени, что не только простые ясашные и казаки, но даже женский пол начал украшать шапки свои такими шариками на медных и серебряных пьедесталах, не наблюдая никакого различия и степеней, носить шелковое платье и обувь, совершенно им не присвоенную»³. В этом они усмотрели посягательство на их привилегии: «... Простые инородцы... не отличаясь от старшин одеждою, и начав носить на шапках джинсэ, ослабляют постепенно долг подчиненности и уважения к старшинам и начальникам и увлекаясь примерами других, не радеют о домашнем хозяйстве»⁴.

Если у бурятских родоначальников наблюдались внешние атрибуты привилегий в виде отличительных знаков в одежде и почтительного отношения к ним со стороны простых людей, то у тунгусов Забайкальской области особые привилегии семейства Гантимуровых были определены царскими указами, которые соблюдались неукоснительно. Так, согласно указу от 5 марта 1685 г. Гантимуровы стали князьями по московскому списку, им полагался двор в Нерчинске с дворовыми людьми.

¹ Жинчи, джинсэ – особый знак на головном уборе в виде шарика из драгоценного или полудрагоценного камня в оправе из золота и серебра, украшенной чеканкой.

² Обычное право хоринских бурят... С. 95–96.

³ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 381. Л. 2–3.

⁴ ГАРБ. Л. 4–5.

В более поздний период, в начале XX в., вопросы внешних отличий родоначальников оставались актуальными. Так, 4 мая 1900 г. общественный приговор суглана Абаганатской инородной управы ходатайствует перед крестьянским начальником о присвоении должностным лицам управы отличительных знаков, какие были присвоены волостным старшинам, их помощникам и сельским старостам¹.

Надо отметить, что бурятское общество отличалось почти-тельным отношением к своим нойонам, представителям власти. Об этом свидетельствуют факты беспрекословного подчинения бурят представителям власти. Ф.-Э. Г. Толь в своих очерках пишет по этому поводу: «Хотя у князьков и отнято право судить на смерть, но они, по старой привычке, умеют так управлять своим родом, что им достаточно одного косога взгляда, чтобы видеть полное исполнение своей воли»².

Е. М. Залкинд отмечает двойственность положения тайшей: с одной стороны, всевластие тайшей, а с другой – боязнь их русских чиновников, и приводит высказывание одного из наблюдателей: «Как шуленги и тайджии, так и вообще все зайсаны пользуются еще у бурят, внутри их степей, неограниченным, доходящим до раболепства, уважением, и сами держат себя с большой спесью, которая, однако, робко исчезает при появлении в улусе чиновника земской полиции»³.

Несмотря на существовавшие привилегии для должностных лиц управы, царские власти предъявляли жесткие требования к выполнению ими должностных обязанностей. За нарушение или нерадивое отношение к своей работе должностных лиц зачастую строго наказывали. Особенно часто родоначальники подвергались наказаниям за неисполнение распоряжений вышестоящего начальства. Виды наказаний для них были предусмотрены нормами обычного права. В Хоринском уложении 1823 г. имеется специальная статья о наказании за послабление в сборе ясака. Виновный в этом главный тайша «предается на рассмотрение начальства», другие тайши, депутаты, агинский захиракчи штрафуются на 10 руб., сугланные сайты, старшины отоков заключаются

¹ ГАРБ. Д. 186. Л. 13об.

² Толь Ф.-Э. Г. Указ. соч. С. 334.

³ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 338–339.

«на пять суток под стражу», двухсотенные зайсаны, засулы, шуленги наказываются «палками по спине, которым длина полсажени, а толщина в зависимости от шубы»¹.

Постановлением крестьянского начальника 5-го участка от 28 марта 1902 г. за неявку на суглан голова Кудинской инородной управы Алагуев, выборный Етабаев, староста 2-го Ашахабатского рода Айдаев, староста 4-го Харанутского рода Амагыров были заключены на семь дней под арест при полицейском управлении, выборный Алсаев за опоздание – на двое суток ареста². Постановлением от 13 мая 1902 г. за неудовлетворительную работу по пополнению экономических магазинов, взысканию недоимок зерна головы Кудинского, Ординского и Абаганатского ведомств были заключены под арест на пять суток³. Постановлением от 7 июня 1902 г. за несвоевременный ремонт дорог выборный Етабаев, старосты четырех Харанутских родов, двух Ашахабатских родов и сельские старосты Курского и Усть-Ординского селений были подвергнуты аресту на трое суток, голова Кудинского ведомства – штрафу в размере 5 руб.⁴

Должностные лица наказывались и за бездеятельность. В 1853 г. на семь суток гауптвахты был заключен помощник главного тайши хоринских бурят Бату Бадмаев «за безуспешность его по службе», в 1856 г. освобожден от должности за бездействие⁵. В 1860 г. при выдвижении его на должность второго тайши, несмотря на его грамотность по-русски и по-монгольски, на его знатное происхождение, губернатор Забайкальской области М. С. Корсаков делает следующую резолюцию: «Бату Бадмаев был удален за бездействие в 1856 г. и поэтому не может быть утвержден»⁶.

В 1859 г. иркутский земский исправник ходатайствует об удалении кудинского тайши Малхиева от должности по причинам «нераспорядительности и нерадению в отправлении служебных его обязанностей», а именно: 1) допустил недоимку налогов в сумме 1807 руб. 14 ½ коп. серебром; 2) не поставил хлеб в Александровский завод весом 209 пуд и 3 фунта, в Иркутский прови-

¹ Обычное право хоринских бурят... С. 65.

² ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–106.

³ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 285. Л. 13–130б.

⁴ ГАРБ. Д. 295. Л. 2–3.

⁵ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 272. Л. 437.

⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 1897. Д. 14. Л. 53.

антский магазин – 50 968 пудов 4 фунта; 3) не поставил сена 3026 пудов 10 фунтов в Иркутскую городскую думу¹.

В 1890 г. буряты 2-го Икинатского рода Унгинской инородной управы написали заявление-жалобу на старосту Николая Нагаева и просили о досрочном смещении его с должности за нерадивое отношение к службе, за допуск хлебной и денежной недоимок². Имеется постановление крестьянского начальника 1-го участка Балаганского уезда от 17 декабря 1907 г. об аресте на семь суток восьми родовых старост Унгинского ведомства за бездеятельность по взысканию страховых платежей с содержанием в Балаганском уездном полицейском управлении с правом обжалования в Иркутском губернском управлении в 30-дневный срок со дня объявления постановления³. В 1904 г. постановлением крестьянского начальника 5-го участка голова Абаганатского ведомства Алексей Убогонов отбыл пять суток ареста в полиции⁴.

Укреплению административного аппарата инородных управ, степных дум способствовало распространение православной и буддистской религии среди бурятского населения. XVII – начало XX в. характеризуется распространением буддизма и христианства среди бурятского населения, которые значительно вытеснили их традиционную религию – шаманизм. Распространение православия среди инородцев было неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом, направленной на обрусение нерусских народов окраин империи. Для большинства бурят крещение было шагом к оседлости и занятию земледелием.

Согласно указу Петра I от 1 сентября 1720 г.⁵, указам Анны Иоанновны от 3 апреля 1731 г.⁶ и от 11 сентября 1740 г.⁷, до 1764 г. каждому новокрещеному инородцу для привлечения к крещению других инородцев давались подарки. Подарки состояли в получении ими после крещения небольшого медного креста в 5 золотников для ношения на груди, новой одежды. Сверх этих

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 1897. Д. 14. Л. 1-2.

² ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17.

³ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 547. Л. 15-15об.

⁴ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 86. Л. 49.

⁵ ПСЗРИ. Ст. 3636. 1 собр. СПб., 1830.

⁶ ПСЗРИ. Ст. 5737. 1 собр. СПб., 1830.

⁷ ПСЗРИ. Ст. 8236. 1 собр. СПб., 1830.

подарков давались деньги: мужчинам, в зависимости от возраста, от 50 коп. до 1 руб. 50 коп., женщинам – от 50 коп. до 1 руб.

Общим мнением Правительствующего Сената и Святейшего Синода от 20 февраля 1763 г. денежные и одежные подарки были отменены, а вместо них каждому крестившемуся инородцу давали по серебряному или медному кресту и иконе, а также по установленной квитанции трехлетнюю льготу на освобождение от государственных повинностей¹.

До середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось предоставлением вновькрещеным инородцам льгот по платежу ясака. Со второй половины столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разносортной. Большое значение имело учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях, в том числе и в Иркутске. На местах стали создаваться миссионерские станы, открывались церковно-приходские школы, оказывалась материальная помощь неимущим и т. д. В задачи духовной миссии входили не только просвещение инородцев «светом христианской веры, но и возможное сближение их к устройству своей жизни с русским народом»². По мнению Иркутской духовной миссии, «только перемена кочевого быта на оседлый поведет к обрусению, когда она будет совершаться под влиянием христианства и для мест оседлости будут отведены участки земли вблизи станов»³.

В 1874 г. в Иркутской губернии действовали уже 13 миссионерских станов, в 1875 г. были открыты еще 2 стана⁴. В Забайкальской области действовали 17 миссионерских станов, стараниями которых приведены к православной вере 279 бурят и тунгусов⁵. К 1889 г. население Иркутской губернии составляло 437 084 человека, в Забайкальской области – 540 000, всего – 977 084 человека, из них православных было 715 457 человек⁶.

¹ ИЕВ. 1875. 25 янв. (№ 4). С. 37–41.

² ИЕВ. 1891. 14 сент. (№ 37). С. 8.

³ Там же.

⁴ ИЕВ. 1875. 12 апр. (№ 15). С. 192–193.

⁵ ИЕВ. 1875. 2 авг. (№ 31). С. 432.

⁶ ИЕВ. 1891. 18 мая (№ 20). С. 2.

Согласно данным отчета Иркутской духовной миссии за 1890 г., в Иркутской губернии работали уже 17 миссионерских станов: Гужирский, Парфениевский, Жимыгитский, Шимковский, Окинско-Мондинский, Боханский, Нельхайский, Молькинский, Нукутский, Бильчирский, Бажеевский, Аларский, Усть-Ординский, Хоготовский, Харбятровский, Заложный, Еланцинский, в которых было окрещено 2381 человек¹.

На содержание Забайкальской духовной миссии в 1890 г. поступило из Иркутского комитета Православного миссионерского общества с включением от казны 200 руб. на подарки бурятам – 20 675 руб., от казны на жалованье миссионерам – 931 руб., на разъезды служащим миссии – 200 руб. и от миссионерских церквей и часовен – 2150 руб. Всего – 23 956 руб.

В течение 1890 г. было израсходовано:

1) на жалованье миссионерам, псаломщикам и переводчикам с включением казенных 931 руб. и 13 035 руб.;

2) на выдачу добавочных миссионерам за «пятилетия» 1070 руб.;

3) на содержание миссионерских школ, на жалованье учителям, на содержание общежитий при школах и на выпуск учебных пособий и учебников 4302 руб. 85 коп.;

4) на иконы, крестики и белье для новокрещенных и на медикаменты с включением 200 руб. казенных 1400 руб.;

5) на содержание и ремонт церквей и на содержание станов с отоплением и освещением – 1439 руб. 81 коп.;

6) на ремонт Анинского и Новокурбинского станов 1400 руб.

Итого – 23 656 руб.²

Согласно данным Забайкальской духовной миссии к 1890 г. в Хоринском ведомстве существовало 6 миссионерских станов: Анинский, при Хоринской степной думе (миссионер священник Алексей Шергин); Тугуйский (Иннокентий Титов); Новокурбинский (Александр Попов); Тарбагатайский (Григорий Громов); Ташеланский; Иргенский (Симеон Телетьев). Здание храма в Анинском стане и училища при нем, христианское население при Хоринской степной думе являются плодами 26-летних трудов миссионера Симеона Стукова³.

¹ ИЕВ. 1891. 14 сент. (№ 37). С. 9–10.

² ИЕВ. 1891. 16 нояб. (№ 46). С. 6.

³ ИЕВ. 1891. 12 окт. (№ 41). С. 10–12.

В Агинском ведомстве трудились четыре миссионера: Агинский – священник Алексей Норбоев; Ононский – Георгий Писарев; Цаган-Олуевский – Стуков; Мангутский – Дмитрий Сизой. Миссионеры в своих отчетах сообщают о трудностях работы среди населения, почти поголовно исповедующих буддийскую религию. Ононский миссионер пишет о беспорядках в Цугольском дацане, когда вместо положенных 17 человек духовного состояния находится до 1000 чел., несмотря на запреты, ежегодно строятся молитвенные дома, субурганы¹.

Миссионеры проводили большую работу по созданию оседлых поселений для новокрещеных бурят. В Хоринском ведомстве в 1860 г. была построена и освящена Анинская Николаевская церковь и открыт первый миссионерский стан. К 1887 г., через 27 лет деятельности миссионерского стана, при Анинском селении проживало 249 крещеных в 54 дворах, при Онинской станции – 103 человека в 19 дворах, при Кульской станции – 28 чел. в 5 дворах, при Тарбагатайской станции 69 чел. в 12 дворах, в русском селении Онинском – в 4 дворах 32 человека, при Грядской станции – в 6 дворах 27 человек. На водворение их выделялись земельные участки по 30 десятин на душу и до 1882 г. выдавались пособия по 127 руб. на семейство. Создание таких поселений имело целью ограждение новокрещеных бурят от влияния ламаизма.

На поселение 191 крещеного буряты при р. Курба хоринские буряты выделили плодородные земли по общественному приговору от 29 июля 1815 г. К 1887 г. при Новокурбинском стане насчитывалось 384 чел².

О деятельности миссионеров по крещению бурят во второй половине XIX в. можно судить по архивным документам фонда Усть-Ординской Троицкой миссионерской церкви. Миссионерский стан состоял из церкви, жилья для священника и псаломщика, миссионерской школы с пансионом и находился в ведении Благодичиния миссионерских церквей Верхоленского округа Иркутской епархии. К приходу Усть-Ордынского стана относились жители 4 инородных управ – Кудинской, Капсальской, Ординской, Абаганатской³.

¹ ИЕВ. 1891. 19 окт. (№ 42). С. 10-11.

² ИЕВ. 1888. 2 июля (№ 26). С. 254.

³ ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 103. Л. 110.

На содержание стана по общественному приговору от 25 декабря 1873 г. инородцы Кудинского и Капсальского ведомств обязывались ежегодно платить причту взамен сенокосной земли по 4 коп. с души мужского пола: общество кудинских бурят – 238 руб. 60 коп., общество капсальских бурят – 71 руб. 44 коп.¹ Необходимо отметить, что государством храмам выделялись неплохие и достаточно обширные земельные угодья. В целом же финансирование миссионерской церкви шло от Иркутского Православного миссионерского общества, благотворительных пожертвований частных лиц.

Миссионеры причтов церквей подробно описывают состояние дел миссий в сведениях, которые указывают на трудности процесса христианизации местного населения: «Большая часть их (инородцев) только по имени христиане, а в сущности дела скорее шаманисты, хотя этого часто не сознают и сами крещеные»². Так описывает свои впечатления о крещеных бурятах Ф.-Э. Г. Толь: «Окруженные русскими поселянами и побуждаемые к исповеданию христианской веры, попадаетея некоторая часть бурят перекрещенных; за то зайдите в лес и вы непременно встретите, в стороне от проселочной дороги, кусты, увешанные лентами и побрякушками – это того же самого христианина-буряты – путевая молельня»³.

Одной из важных причин принятия крещения являлась возможность жениться без уплаты калыма, что привлекло в лоно церкви много бедняков. Немаловажную роль в принятии крещения инородцами играл закон, освобождающий крещеных инородцев от уплаты податей. После принятия крещения им выдавалось такое свидетельство: «Объявитель сего инородец ведомства Кудинского Иркутского округа 1-го Харанутского рода, 20 лет от рождения Барнак Татханов согласно желанию его, сего 1877 г., апреля 10 дня сподобился принять святое крещение, по чину православной церкви, и наречен Николаем, в Прокопиевской церкви, г. Иркутска... В удостоверение чего и в показание права сего инородца на основании 999-й статьи V тома Св. Закона (издания 1857 г.) навсегда освободиться от платежа податей ...»⁴. Крещение

¹ ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 92. Л. 1об.

² ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 51. Л. 32.

³ Толь Ф.-Э. Л. Указ. соч. С. 332.

⁴ ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.

принимала в основном самая бедная часть инородцев. Так, в Хоринской степной думе из 48 принявших православие бурят в 1865–1867 гг. 37 относились к «числу столь бедных, что не живут своим хозяйством», к богатым – 7¹.

Священники-миссионеры предлагали следующие меры по возвышению религиозной и нравственной жизни крещеных: 1) открыть миссионерские школы при станах и обязать крещеных отдавать детей для обучения; 2) чтобы все бурятское начальство было крещенное, как то: тайша, родовые старосты и улусные старшины; 3) воспретить шаманам заниматься у крещеных совершением шаманских действий под опасением наказания; 4) избавить крещеных от сбора денег на пользу шаманам по случаю «кырык» и «тайлаганов» – общественных молений; 5) воспретить язычникам и шаманам преследовать желающих присоединиться к церкви христовой под страхом наказания².

С середины XIX в. со стороны миссионерской церкви предпринимаются значительные усилия по привлечению инородческих начальников на свою сторону, учитывая их огромный вес в своих ведомствах. При генерал-губернаторе М. С. Корсакове был принят указ об обязательном включении крещеных бурят в состав степных дум, инородных управ.

Кроме материальных и моральных поощрений для крещения бурят применялись принудительные меры. Например, в 1875 г. балаганский земский заседатель сообщает Аларской степной думе о приезде в Балаганский округ епископа Иркутского и Нерчинского Вениамина и предписывает: «Те старосты будут строго наказаны по существующим на то законам, а те, которые видимо упорством своим и невежеством, мало того сами например не примут святое крещение, уклонятся представлением к крещению своих бурят, будут удалены от должностей без пощады и вместо их заменятся православными, что по справедливости и должно давно сделать»³. В целях сохранения своих должностей каждый родовой староста должен был привести к крещению не меньше 30 человек.

¹ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 294об.-300.

² ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 51. Л. 32об., 173.

³ ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 90. л. 29.

Интерес представляет предписание и. д. генерал-губернатора Восточной Сибири от 26 мая 1886 г. о том, что «во всех степных думах, инородных управах и инородных родовых управлениях обязательно должно быть введено представительство христиан; при этом они могут опротестовать решения степных дум»¹.

Большую озабоченность у священников-миссионеров Иркутской губернии вызывало проникновение ламаизма в Прибайкалье. Так, в 1899 г. священник Хоготовского стана Василий Затопляев докладывал Благочинному о появлении в стане ламы из Гусиноозерского стана². За 1907 г. имеется предписание Иркутского губернатора верхоленскому исправнику о выдворении из уезда инородцев Чайнорова и Санжиева, приехавших из Забайкалья в целях агитации среди местных инородцев о переходе в буддизм, на основании того, что миссионерская деятельность в пределах России предоставляется только православному духовенству³. При этом было сделано предупреждение кудинскому голове А. Александрову, поддерживавшему буддийских проповедников, о привлечении к ответственности.

В фонде имеется интересный документ о деятельности Агвана Доржиева в Прибайкалье, о распространении здесь буддизма – рапорт священника-миссионера Хоготовского стана Михаила Махачкеева (1916 г.). Он пишет, что со времени объявления Манифеста о свободе вероучения в 1905 г. «ламство начало проникать усиленным темпом из Забайкалья во главе с представителем Далай-ламы Агваном Доржеевым, предки которого, будто бы происходили из инородцев Нагатайского улуса Кирманского ведомства. Мотивируя этим, хитроумный Доржеев дабы распространить буддийское вероучение между инородцами Приленского края и тем объединить всех сибирских инородцев в общий культ националистов; благодаря такому объединению националистов создать отдельное Монгольское царство. Вот для этого он, Доржеев, начал хлопотать пред высшим начальством в Петрограде о постройке дацана в улусе предков Нагатайском, что и вполне удалось и построен в настоящее время припиской к Аларскому дацану... Таким образом, хитроумный Доржеев достиг своей цели

¹ ГАРБ. Д. 52. Л. 13.

² ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 123. Л. 70.

³ ГАРБ. Д. 191. Л. 173.

постройкой «сумэ» и утверждением при нем 4-х штатных лам, несколько хубараков и школы»¹.

Далее М. Махачкеев предлагает меры по предотвращению дальнейшего распространения ламаизма: выступать частыми и усиленными проповедями Христова учения и разъяснением несостоятельности ламаизма; насаждать на местах школ с миссионерским характером, чтобы учителя являлись непременноми сотрудниками миссий с полным знанием бурятского языка; добиться у правительства открытия в каждом миссионерском стане фельдшерских пунктов; разъяснить правительству о том, что ламы на местах действуют произвольно, как и что им хочется, гораздо свободнее, чем миссионеры православной церкви².

В целом во второй половине XIX – начале XX в. происходило массовое крещение бурят при содействии тайшей, голов и других должностных лиц в Балаганском, Аларском, Идинском, Кударинском ведомствах, расло число православных монастырей, церквей, миссионерских станов и церковно-приходских школ. В 1870 г. в Иркутской и Забайкальской миссиях насчитывалось 22 миссионерских стана, в 1877 г. – 35, в начале XX в. – 41. Соответственно росла численность крещеных бурят. По данным Иркутской епархии, в 1877 г. было 10 000 крещеных бурят, в 1891 г. – 35 000, в начале XX в. – 85 000³. По официальным данным переписи 1897 г. в Иркутской губернии было 45 364 крещеных бурят, в Забайкальской области – 11 477. Всего – 56 841⁴. По отчету Кудинской управы в 1890 г. было 832 крещеных (16 % от населения), в Ользоновской управе – 295 (12,7 %), Хоготовской – 432 (14,8 %) и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о противоречивом характере процесса христианизации местного населения Прибайкалья. С одной стороны, буряты принимали крещение по причинам, далеким от духовных потребностей: возможности получения налоговых льгот, жениться без уплаты калыма, возможности родоначальникам иметь лояльное отношение от вышестоящего начальства. По этому поводу А. И. Термен отметил, что «миссионеры

¹ ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 230. Л. 7об.

² ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 230. Л. 8–8об.

³ Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. 1. С. 277.

⁴ Серебренников И. И. Иногородцы Восточной Сибири, их состав и занятия ... С. 8, 16.

не дали бурятам теплоты веры»¹. С другой стороны, с появлением христианских станов буряты получили возможность приобщиться к богатейшей православной культуре, быстрее и шире усваивали традиции общественного и семейного быта русских.

Царская администрация и родовое начальство опирались в своей политике по управлению бурятским народом на буддийскую церковь. Как пишет Р. Рупен, позиция царской России по отношению к буддизму бурят отмечалась «парадоксальностью и мучительной двойственностью»². С одной стороны, правительство пыталось приспособить бурят внутри империи, русифицируя их; в религии, в частности, это означало переход в православие. С другой стороны, царская Россия пыталась обращаться к монголам и тибетцам за пределами России в качестве защитницы ламаизма. Поддерживая ламаизм, правительство в то же время плотно его контролировало, старалось придать ему специфический бурятский характер, ослабляя его традиционную связь с Тибетом и Внешней Монголией.

Ярким примером особого отношения Российского правительства к буддизму, к бурятам является факт выезда бурят в 1865 г. на поклонение Кутухте в Монголию. Военный губернатор пишет генерал-губернатору Восточной Сибири, что буряты отправляются по увольнительным билетам в Монголию с разрешения общества и начальства по якобы торговым делам, а на самом деле на поклонение Кутухте: «Если запрещать бурятам выезжать на поклонение Кутухте, то это будет равносильно распоряжению начальства о воспрещении бурятам употреблять бурханы. Ламаистская вера по нравственным принципам, как объяснены эти принципы и в сочинении преосвященного Нила о буддизме, не заключает в себе ничего вредного»³.

В XIX в. ламаизм, пользуясь большим влиянием у народа, покровительством родовой верхушки и царской администрации, получает все большее распространение, конкурируя с православной церковью. Вместе со степными думами буддийское духовенство участвует в разрешении вопросов об управлении в бурятских ведомствах, в кодификации обычного права, добиваясь включения в сборники

¹ Термен А. И. Указ. соч. С. 15.

² Рупен Р. Монголы двадцатого века. Улан-Удэ, 2004. Гл. 1, 2. С. 48.

³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 716. Л. 11.

Степных законов норм, закреплявших привилегии ламства и нойонства. Этому во многом способствовало подготовленное генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым Положение о ламаистском духовенстве в Восточной Сибири 1853 г., отвечавшее политическим и финансовым интересам царизма.

Положение примирило два решения ламского вопроса: провело централизацию административного аппарата церкви, сосредоточив все управление в руках Пандито Хамбо-ламы, и то же время сохранило все ограничительные мероприятия, на проведении которых настаивала губернская администрация¹. Правительство контролировало личный состав управления дацанов. Зачисление в штат, назначение на штатные должности, возведение в духовные степени производилось через Пандито Хамбо-ламу, но вступали в силу только после утверждения царской администрацией и выдачи соответствующих официальных дипломов. Ламы как священнослужители также получили освобождение от уплаты налогов.

О важной роли ламаизма в жизни бурятского общества можно судить по Хоринскому уложению 1851 г., которое было принято на «полном сейме» Хоринской степной думы в присутствии почетных лам хоринских дацанов, заседателей, голов, выборных, старост, доверенных от населения, «лучших» людей. Из 19 глав и 197 статей Уложения 8 глав и 72 статьи посвящены вопросам духовного управления:

- 1) об инородческих дацанах, жизни лам и духовном управлении (ст. 1–6);
- 2) относительно молебствий, совершаемых в дацанах (ст. 7–8);
- 3) о ламах, занимающих различные должности в каждом дацане (ст. 9–24);
- 4) об избрании и утверждении должностных лиц и лиц, носящих почетное звание лам (ст. 25–37);
- 5) о ламских школах (ст. 38–42);
- 6) об исполнении ламами обетов, покаяниях и наказаниях за большие и малые проступки (ст. 43–56);
- 7) о посвящении в хуараки и замещении мест выбывших лам (ст. 57–58);

¹ Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика... С. 38.

8) об имуществе дацанов и джасе дацанов и имуществе лам (ст. 59–72)¹.

Царская администрация, хотя и поддерживала буддизм, тем не менее, старалась всячески ограничивать ее растущее влияние. Так, в 1848 г. вышло объявление вследствие предписания и. д. генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева о том, что инородцам, исповедующим ламайскую веру, «впредь до особого разрешения, воспрещается строить новые дацаны там, где их не было, также воспрещается строить новые сумэ вдобавок к существующим уже ныне при дацанах, исправлять же старые дацаны и сумэ, пришедшие в ветхость или строить вместо их новые, дозволяется не иначе как испросив каждый раз разрешение главного начальства»². В 1872 г. вышло очередное распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова с требованием уничтожения обонов и бумханов, при этом он приводит данные о том, что в инородческих ведомствах Забайкалья уничтожено 242 обона и 129 бумханов³.

Манифест 1905 г. о свободе совести сыграл значительную роль в распространении ламаизма в Иркутской губернии. Так, в 1905 г. буряты Койморской управы общественным приговором объявили о переходе целым обществом из православия в буддизм, при этом они подчеркнули, что православная вера была навязана им полицейскими мерами, они готовы заменить свои христианские имена бурятскими и отказываются отбывать повинности для православной церкви⁴.

Ламаизм интенсивно развивался только в центральной части Бурятии – в кочевьях селенгинских и хоринских бурят. В районах расселения западных бурятских племен и родов – в Тункинском и Баргузинском ведомствах – ламаизм начал распространяться в начале XIX в. В Иркутской губернии в первой половине XIX в. он укрепился среди аларских бурят. Преобладающим вероисповеданием западных бурят оставался шаманизм, частично православие. По данным переписи 1897 г., в Иркутской губернии

¹ Хоринское Положение 1851 г. // Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992. С. 86–93.

² ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 11. Л. 257.

³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 976. Л. 50–52.

⁴ ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

насчитывалось 11 499 буддистов, что составляет 10,6 % от общего количества бурят, 51 978 шаманистов, соответственно 47,7 %, крещеных 45 364, соответственно 41,7 %. В Забайкальской области было 165 659 буддистов, что составляет 91,7 % от общего количества бурят, 11 477 православных, соответственно 6,4 %, шаманистов было 2860 человек, соответственно 1,6 %¹.

Таким образом, административная деятельность органов местного самоуправления бурят в рассматриваемый период строилась на основе Устава об инородцах 1822 г. Инородные управы, являясь промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями, были, в отличие от степных дум, более гибкими в своей деятельности. Благодаря законодательному признанию выборности должностных лиц была на практике разработана избирательная система, основанная на обычаях и выборных правилах крестьянских обществ. Выборы позволяли выдвигаться способным и умным людям не из аристократических фамилий. Надо отметить, что в инородных управах Забайкальской области, где соблюдался принцип наследственности при занятии должности головы, выбирали также достойных людей. Их с детства готовили к исполнению должности головы: давали образование, желательно русское, и они начинали служебную деятельность с самых низов. Должностные лица инородных управ пользовались определенными льготами в виде освобождения от налогов, оплаты жалованья, но к ним предъявлялись жесткие требования. Инородные управы в лице голов и выборных руководили всей разносторонней жизнью своего ведомства. Все эти факторы позволяют провести некоторую аналогию функций инородной управы с функциями соответствующих крестьянских учреждений, и совершенно невозможно провести подобную параллель в отношении степных дум.

Укреплению инородных управ и степных дум как административных органов способствовали деятельность православной миссионерской церкви и буддийских дацанов. Если в Иркутской губернии закрепились православные миссионеры, служившие проводником политики Российского государства по ассимиляции инородцев, то в Агинском, Селенгинском, Тункинском и Хоринском ведомствах Забайкальской области преобладало влияние буддизма.

¹ Серебренников И. И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия ... С. 3, 23.

4.2. Хозяйственно-экономическая деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.

Устав 1822 г. четко определял основные направления деятельности степных дум, инородных управ, родовых управлений. Обязанности степной думы состояли: 1) в народосчислении; 2) в раскладке сборов; 3) в правильном учете всех сумм и общественного имущества; 4) в распространении земледелия и инородной промышленности; 5) в ходатайстве у высшего начальства о пользах родовичей. Местные распоряжения инородной управы заключались: 1) в точном исполнении всех предписаний начальства; 2) в понуждении к сбору податей; 3) в сохранении благочиния и порядка; 4) в охранении прав инородцев от всякого постороннего стеснения; 5) в розысканиях, по особым случаям нужных.

О точном исполнении всех предписаний начальства можно судить на примере Агинской Тургинской инородной управы. Так, Читинский окружной начальник требует предоставления сведений о хлебном умолоте, «служащих для правильного определения степени обеспечения населения продовольствием»¹, экономических магазинов, (на что управа отвечает, что в 1892 г. «в ведении сей управы экономических запасных магазинов не состоит»²), данных о размножении охотничьих и промысловых животных и т. д.

Кроме предписаний о предоставлении разных сведений, отправлялись приказы, циркуляры Читинского окружного начальника об оказании «должного содействия и беспрепятственного проезда и успешного выполнения возложенных наших поручений» командированным помощнику начальника управления по сооружению Сибирской железной дороги инженеру Скорнякову и старшему инженеру Ядаурову для осмотра Сибирской железной дороги от Челябинска до Владивостока³. В 1894 г. Читинский окружной начальник сообщает инородной управе о проезде Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского по Забайкальской области и предписывает «принять заблаговременно все зависящие

¹ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–4.

² ГАРБ. Д. 37. Л. 15.

³ ГАРБ. Д. 60. Л. 6.

меры... в особенности держать в полной исправности трактов, обывательские, проселочные дороги, мосты и переправы ...»¹.

В качестве хозяйственно-финансового учреждения инородная управа занималась понуждением местного населения к сбору податей. Со времени присоединения Сибири к России правительственная политика в отношении коренных народов определялась фискальными интересами. В Сибири основным собственником земель были государство и Кабинет. Именно они как совладельцы сибирских земель определяли характер повинностей и систему эксплуатации русского и коренного населения края. Коренные жители Сибири были обложены ясаком, под которым понимается «натуральный налог, преимущественно пушниной... а под ясачным режимом – порядок сбора ясака»².

До 60-х гг. XVIII в. ясак собирался натурой, однако по мере развития хозяйства, усиления товарно-денежных отношений и роста торговли создавались предпосылки для замены натурального ясака денежным. Немаловажным фактором являлось также постепенное падение удельного веса охоты и пушного промысла. В 1763 г. правительство Екатерины II разрешило сбор ясака деньгами наряду со взносом ясака натурой. Устав об управлении инородцев 1822 г. ясачный сбор перевел на денежную основу. Все сборы с бурят, согласно Уставу, были «трех родов: 1) казенные подати; 2) земские повинности, 3) повинности внутренние на содержание степного управления»³.

Устав 1822 г. регламентировал наложение, исчисление и раскладку сборов, сдачу податей и повинностей деньгами, взыскание недоимок, форму отчетности. Количество земского сбора могло быть «различным для каждого племени инородцев, по местному усмотрению особенных их способов промышленности».

В 1879 г. миссионер Шимковского стана образно описывает процесс сбора податей с населения Тункинского ведомства: «Староста под видом разбросанности своего рода на громадном пространстве ведомства и в разных его уголках, говорит, что ему нет возможности собрать все деньги к сроку. Но дабы показать свою аккуратность перед начальством, вносит из своих денег всю сум-

¹ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.

² Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма ... С. 3, 23.

³ ПСЗРИ. 1 собр. СПб., 1830. Т. 38. Ст. 29126. С. 411.

му, следующую с его рода, еще далеко до срока. Потом под видом того, что он занял эти деньги у кого-либо из купцов и, конечно, за проценты, собирает с общества, кроме следуемой суммы и проценты 30 коп. с рубля, примерно за полтора месяца. Так делает всякий старшина ... Самый меньший род по числу душ платит податей минимум 500 руб., эти то 500 руб., занесенные старостой раньше срока, приносят ему в течение месяца чистейшей пользы 150 руб., считая по 30 коп. процентов»¹. Далее миссионер пишет о неприглядном поведении старост при сборе податей, когда они объезжают все юрты ведомства, берут за прогон 4 руб.

Ясак с кочевых бурят взыскивался с ревизской рабочей души, т. е. с тех, которые при ревизии населения достигли 18 лет и не старше 49 лет. За увечных, неимущих и умерших по другой переписи населения платили наличные работники. Собирали подать 2 раза в год – с 1 января по 1 марта, второй раз – с 1 ноября по 15 декабря². Размер ясака в зависимости от разряда варьировал от 1 руб. 29 коп. до 2 руб. 72 коп. Так, в ясак буряты Шаранутского рода Аларского ведомства собирали с каждой души по 2 руб., 1-го Хонходорского рода того же ведомства по 1 руб. 86 коп.; буряты Верхоленьского ведомства платили ясак от 2 руб. 36 коп. до 2 руб. 72 коп.³

Ясак платили деньгами или звериными шкурами. В 1843 г. до сведения инородческих органов местного самоуправления было доведено пожелание сенатора Толстого о том, что «высшее начальство желает видеть в них (инородцах и родоначальниках. – Прим. авт.) большое усердие в исправном взносе ясака и преимущественно шкурами дорогих зверей, а также и прежней недоимки и что более исправные в сем случае и более усердные могут получить, по особо представленному ему праву награды, которые будут заключаться в медалях и других отличиях или подарках»⁴.

В 1844 г. иркутский гражданский губернатор усмотрел из доставленных ему казенной палатой сведений, что многие из инородцев ясак платят деньгами или не тем зверем, какой обозначен по окладным книгам, и предписывает Нерчинскому земскому суду: «...Принять надлежащие меры, чтобы инородцы

¹ ИЕВ. 1882. 3 апр. (№ 14). С. 179–180

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 370. Л. 6–7об.

³ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 738. Л. 62–63.

⁴ ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 17а. Т. 2. Л. 14.

платили непременно ясак тем зверем, которым они обложены и преимущественно лучшим, внушив приемщикам и инородческим начальникам, что за неисполнение сего с ними поступлено будет по всей строгости закона равным образом иметь за этим строгое наблюдение»¹.

В 1852 г. Главное управление Восточной Сибири на основании письма министра уделов и управляющего Кабинетом императора о сборе ясака непременно теми шкурами, какими инородцы были обложены, предписывает принять все меры к исполнению, обратив особое внимание на Баргузинский край, при необходимости отправить туда благонадежного чиновника для наблюдения за правильным сбором ясака².

В 1855 г. иркутский земский исправник предписывает Кудинской степной думе: «Прием ясачной рухляди производить вообще как можно внимательнее и осторожнее, так как Главное управление ответственность за убытки, какие казна может потерпеть от приема недоброкачественной рухляди за совершенно хорошую или малоценной по ценам возвышенным, оставляет приемщикам»³.

Для руководства приемщикам при приеме рухляди в ясак ежегодно направлялись расписания о ценах на рухлядь. В 1855–1856 гг. для Кудинского ведомства были определены следующие цены: волчья шкура с лапами и хвостом – 1 руб. 65 коп., лисица красная – от 1 руб. 90 коп. до 2 руб. 75 коп., белка – от 0,3 до 0,8 коп. и т. д.⁴

В 1868 г. в Комитете министров рассматривался вопрос о переобложении кочующих и бродячих инородцев. С учетом мнения генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова было решено оставить по-прежнему сбор ясака в пользу Кабинета звериными шкурами в тех местностях, которые представляют кочующим и бродячим инородцам возможность вносить ясак зверями, а остальных же инородцев обложить в пользу Кабинета денежным сбором⁵.

¹ ГАРБ. Ф. 12. Д. 136. Л. 63–63об.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 627–629. Л. 145–146.

³ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 913. Л. 28.

⁴ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 913. Л. 42–42об.

⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1 Д. 3671. Л. 1–1об.

Согласно материалам ясачной комиссии, за 1869 г. в Иркутской губернии размер ясака составлял у бурят Иркутского округа (кудинские, капсальские, китойские, тункинские буряты) от 1 руб. 29 коп. до 2 руб., у бурят Верхоленского округа – от 2 руб. 36 коп. до 2 руб. 86 коп., Балаганского округа – от 1 руб. 43 коп. до 1 руб. 72 коп., Аларского округа – от 1 руб. 57 коп. до 2 руб.

В Енисейской губернии в инородческих ведомствах Минусинского округа (Сагайская степная дума и Абаканская инородная управа) размер ясака составлял от 1 руб. 72 коп. до 1 руб. 80 коп.; Ачинского округа (Кызыльской степной думы, Мигоцкой инородной управы) – от 1 руб. 15 коп. до 1 руб. 58 коп.

В Забайкальской области инородцы Нерчинского округа Урульгинской степной думы платили от 0,86 руб. до 3 руб. 30 коп., Агинской степной думы – 1 руб. 72 коп.; Верхнеудинского округа Хоринской степной думы – 1 руб. 72 коп.; Селенгинского округа Селенгинской степной думы – от 1 руб. 29 коп. до 1 руб. 43 коп., Закаменской инородной управы – по 1 руб. 29 коп., Армагтинской инородной управы – от 1 руб. 72 коп. до 2 руб. 15 коп.; Баргузинского округа Баргузинской степной думы – по 1 руб. 43 коп.¹

Сверх ясака с кочевых бурят взыскивались деньги в общую земскую повинность, в частную земскую повинность, в продовольственный капитал, в хозяйственный капитал, на межевание земли. Оседлые буряты вместо ясака платили деньги в оброк, в капитал для вспоможения пострадавшим от пожара, остальные подати были такие же, как и у кочевых бурят².

Общая земская повинность взималась с населения для покрытия расходов на содержание царской администрации. До 1898 г. этот сбор был подушным. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной оброчной и поземельной податями» от 19 января 1898 г. в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях отменялись подушная и оброчная подати, ясачный сбор и сбор на межевание с 1 января 1899 г. Вместо отмененных сборов взимались государственная оброчная подать за отведенные от

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 35–36.

² ГАРБ. Д. 491. Л. 106.

казны земельные наделы и с инородцев за земли, принадлежавшие им на правах собственности, поземельная подать¹.

В 1842–1845 гг. по раскладке сбора сумм на общие земские повинности необходимо было собрать с инородцев Иркутского, Верхнеудинского и Нерчинского округов с 43 003 рабочих душ 87 632 руб. 21 коп., размер налога на одну душу составлял от 1 руб. 09 коп. до 2 руб. 39 коп. в зависимости от разряда. Буряты Балаганского, Идинского, Аларского, Кудинского, Верхоленского, Ленского, Баргузинского, Селенгинского, Хоринского и Агинского ведомств относились ко 2-му разряду по состоянию, с них взимались суммы от 2 руб. 07 коп. до 2 руб. 39 коп. Буряты Тункинского, Китойского, Ольхонского, Кударинского, Закаменского ведомств относились к 3-му разряду, с них взимались налоги от 1 руб. 49 коп. до 1 руб. 89 коп. Так, по 2-му разряду в земские повинности с каждой души в Ленской управе собиралась сумма в 2 руб. 39 коп., в Хоринской степной думе – 1 руб. 72 коп., Тункинской управе – 1 руб. 61 коп., по 3-му разряду в Китойской инородной управе – 1 руб. 54 коп., Закаменской управе – 1 руб. 89 коп.²

Частный земский сбор взимался на расходы по содержанию волостных, станичных и инородческих управлений и раскладывался по числу ревизских душ. Подушной податью облагались бывшие государственные крестьяне и оседлые инородцы, оброчной податью – русские крестьяне и оседлые буряты и эвенки. Размер частной земской повинности был разным в зависимости от местонахождения ведомства. Так, в Хоринском ведомстве частный земский сбор взимался в сумме 0,11 руб. с ревизской души, в Селенгинском – 0,15 руб., Агинском – 0,16 руб., Аларском – 0,33 руб., Ольхонском – 0,42 руб.³

В конце XIX в., по данным комиссии А. Н. Куломзина, на все указанные виды податей и повинностей взималось с каждой рабочей души бурят Агинской степной думы по 9 руб. 45 коп., Хоринской – 13 руб. 17 коп., Кударинской – 20 руб. 45 коп. Фактический же размер обложения был выше, поскольку в эти суммы не вошли многие другие повинности (исправление местных дорог, сборы в пользу дацанов и т. д.).

¹ ПСЗРИ. 3 собр. СПб., 1901. Т. 18, отд-ние 1. Ст. 14908. С. 40–43.

² ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 4. Л. 22–23.

³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 266. Л. 7–10.

Согласно раскладке податей и повинностей в 1819 г. было установлено разделение сельских и улусных жителей по благосостоянию на четыре класса:

1. «Самые богатые, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве и хлебопашестве, сверх того занимаются извозом тягостей и прочего судя по промышленности (промыслу)».

2. «Достаточные» люди, которые имели «умеренное скотоводство и хлебопашество и не имеют ни в чем недостатка».

3. Те, кто имел «только небольшое количество пашен, сенокосов, скота, необходимого для обрабатывания оных и для домашнего прихода, и которые непосредственно могут исправлять государственные подати и общественные повинности».

4. Совершенно неимущие, «те, которые престарелых лет, неизлечимых в болезни, малолетних и, вместе с тем, не имеющие ни родственников, ни состояния»¹.

Так, в Хара-Шибирском родовом управлении Бырке-Цугольской инородной управы Агинского ведомства из 275 дворов 16 относились к богатым, «эрхим баян»; 27 – к достаточным, «дунда баян»; 130 – к 3-му классу, «адаг баян»; 46 – к бедным, «үгытэй»². Жительница этой же управы вдова Бутит Тихонова имела 314 коней, 185 голов крупного рогатого скота, 1496 овец, 20 верблюдов, и ее хозяйство считалось достаточным. В 1851 г. она распахивала 29 $\frac{1}{4}$ десятины под яровой хлеб, $\frac{3}{4}$ десятины под пшеницу, $\frac{1}{4}$ под ячмень, $\frac{1}{4}$ десятины под коноплю³.

В Боржигантаевском родовом управлении Цугольской инородной управы того же ведомства из 193 душ к богатым относились 3 чел., к достаточным – 7, ниже достаточного – 143, к бедным – 28, при этом в архивном документе отмечалось, что по просьбам бедных людей общество брало на себя уплату всех их податей и повинностей. В разряд бедных попадали «үншэн үбгэд, эдэгэхгүй үбшэнтэйшүүл, зариманиинь хүгшэн наһатай, эрью дүйрэн, тэнэмэл, тиймэ шалтагһаа зөөригүй байгаад, бүхы зоной тэдхэмжэдэ байна», то есть одинокие старики, неизлечимо больные, психически больные, которые по причине отсутствия иму-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2.

² ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 3.

³ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 26. Л. 196.

щества находятся на попечении общества¹. К бедным относились семьи, у которых в хозяйстве было менее 10 голов скота².

Особенностью распределения населения Хоринского ведомства по имущественному состоянию было деление на 10 категорий: «эрхим» (лучшие), «хагас эрхим» (ниже богатых), «дунданар» (средние), «хагас дунданар» (ниже среднего), «шиуборта» (четверть), «адагууд» (бедные), «хас адагууд» (ниже бедного), «шиуборта адагууд» (четверть), «үгытээнэр» (совсем бедные), «үншэрсэд» (сироты)³.

Исходя из имущественного уровня жителей в бурятских ведомствах практиковались дифференцированные налоги. Так, в 1853 г. 18 578 ревизских душ кочевых инородцев Хоринского ведомства были разделены на три класса по имущественному состоянию:

1) «избыточные по состоянию». В этот класс вошли 462 души (2,4 % от общего числа ревизских душ), которые платили подать по 4 руб. 32 коп. в год;

2) «средние по состоянию» – 673 души (3,6 %), платившие по 2 руб. 88 коп. в год;

3) «малозажиточные» – 17 443 души (93,8 %) платили по 1 руб. 44 коп. в год⁴.

В том же году общество хоринских бурят своим приговором просят Забайкальское областное правление перевести их из 2-го разряда в 3-й разряд по причине того, что в последние годы «земные растения не изобилуют» из-за «чрезвычайной засухи»⁵.

Важным пунктом в налоговой системе бурятских ведомств было предоставление налоговых льгот определенным лицам. Во-первых, от уплаты налогов освобождались должностные лица инородческого управления за несение общественной службы; во-вторых, буддийские священнослужители; в-третьих, «увечные», неимущие старики, дети-сироты, вообще «не могущие» по уважительным причинам вносить за себя подать.

Освобождение от уплаты налогов первоначально осуществлялось в двух вариантах: либо они не включались в список пла-

¹ ГАРБ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 142. Л. 58.

² ГАРБ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 142. Л. 71.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 312. Л. 3–3об.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 429–430.

⁵ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 436.

тельщиков налогов, либо их сумма налога раскладывалась на весь род. С 1763 г. исключение из окладных списков перестало практиковаться, сохранялось освобождение родоначальников от уплаты налогов с разложением их доли на всех родовичей¹.

С принятием Устава 1822 г. особых изменений не произошло, также из окладных списков не исключались до проведения следующей ревизии умершие, выбывшие из общества по разным причинам, в том числе принявшие крещение и перешедшие в ламайское духовенство, и все суммы налогов за них платили наличные «рабочие души» рода, что приводило к недовольству в бурятских обществах. Так, со вступлением значительного числа мужского работоспособного населения в ламайское духовенство возникали вопросы об их исключении из окладных списков, в связи чем Приамурский генерал-губернатор в 1890 г. был вынужден давать разъяснения Забайкальской казенной палате о том, что они должны освобождаться от налогов только после новой ревизии².

В каждом бурятском ведомстве числилось определенное количество жителей, освобожденных от уплаты налогов: например, в 1853 г. по Хоринской степной думе не платили ясак 50 чел., из них 8 штатных лам и 42 штаб- и обер-офицерских детей и личных дворян³, по Селенгинской степной думе в 1879 г. пользовались налоговыми льготами 151 чел., по Аларской степной думе в 1866 г. насчитывалось 75 чел., освобожденных от уплаты налогов⁴. Кроме родоначальников, в 1854 г. 463 бурята Аларской степной думы были освобождены от уплаты ясака как принявшие крещение на три льготных года⁵.

В Тункинской инородной управе в 1847 г. собирались с 450 рабочих душ ясака 842 руб.; на межевание – 13 руб. 50 коп., хозяйственный капитал – 27 руб. 4 с 1027 ревизских душ на капитал народного продовольствия 61 руб. 62 коп.; на общую земскую повинность – 798 руб. 49 $\frac{3}{4}$ коп., частную земскую повинность – 115 руб. 53 $\frac{3}{4}$ коп., внутреннюю повинность – 292 руб. 86 коп. Итого: 2150 руб. 84 коп. Таким образом, на одну рабочую душу

¹ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 309.

² Копия предложения г. Приамурского генерал-губернатора от 30 ноября 1890 г. № 4196 Забайкальской казенной палате // Забайк. обл. ведомости. 1891. 25 янв. (№ 4). С. 2.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 429–430.

⁴ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 423. Л. 66–67.

⁵ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 153а. Л. 2.

приходилась сумма 4 руб. 78 коп. Внутренние повинности распределялись таким образом: на содержание писаря, сторожа, канцелярские расходы – 88 руб. 58 коп., на писарей пяти экономических магазинов – 142 руб. 86 коп., на покупку дома для управы – 100 руб., на содержание перевоза и исправление карбаса, дорог, мостов – 50 руб.¹

В Балаганском ведомстве в 1826 г. числилось 6444 комитетских душ, с которых собрали 8386 руб. 03 $\frac{3}{4}$ коп., с одной души по 1 руб. 30 коп., земской губернской повинности – 33 702 руб. 12 коп., с каждой души – 5 руб. 23 коп., на внутренние повинности – 1800 руб., с каждой души – по 0,27 $\frac{3}{4}$ коп., итого – 44 088 руб. 15 $\frac{3}{4}$ коп., с каждой души – 6 руб. 81 коп.²

Согласно общественным приговорам, на содержание местного управления определялись сборы на внутренние повинности. Смету на внутренние повинности составляли на общественном суглане с участием голов инородных управ, выборных, старост родовых управлений.

Положение о внутренних повинностях предоставлялось на рассмотрение губернатору, губернскому совету и утверждалось генерал-губернатором.

Рассмотрим распределение податей и повинностей по одному из самых крупных бурятских ведомств – Хоринскому. Кочевые хоринские буряты в 1848 г. заплатили следующие виды податей и повинностей: ясачную подать, общую и частную земские подати, капитал народного продовольствия, хозяйственный капитал и межевание земель в сумме 51 989 руб. 29 $\frac{1}{2}$ коп. Оседлые платили те же виды податей, как и кочевые, кроме ясака. Вместо ясака они платили оброчные подати.

Таким образом, в 1848 г. было собрано с кочевых бурят 51 989 руб. 29 $\frac{1}{2}$ коп., с оседлых бурят – 189 руб. 63 $\frac{1}{2}$ коп., всего – 52 178 руб. 93 коп., на одну рабочую душу приходилось по 6 руб. 60 коп. податей. Кроме этого, хоринские буряты собрали на внутренние повинности 5415 руб. 29 коп. и отбыли натуральные повинности на сумму 5902 руб. 02 коп., значительную долю которых заняло исправление дорог, мостов, гатей, перил, заготовка леса. Всего повинностей было собрано на сумму 11 317 руб. 31 коп., на одну

¹ ГАРБ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 16. Л. 18об.-19об.

² ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 72.

рабочую душу приходилось 1 руб. 43 коп. внутренних повинностей в год. Согласно летописи Вандана Юмсунова, на содержании Хоринского общества находились «восемь русско-монгольских писарей, два сторожа, шесть денщиков, пять караульных, из них два тюремных караульных, два караульных знаменных храмов, один – пожарного сарая; в 14 инородных управах – по одному письмоводителю, по одному денщику; в 52 магазинах по одному караульному; в восьми дацанах по два караульных, в пяти русских церквях по три караульных и трапезников»¹.

Всего в среднем на одну рабочую душу приходилось податей и повинностей в сумме 8 руб. Однако надо отметить, что все это официально утвержденные суммы податей и повинностей, на самом деле собирались суммы, несколько раз превышающие их. Так, житель Анинского селения Алексей Маханов просит Хоринскую степную думу истребовать деньги с его братьев, работающих на приисках золотопромышленника Бутина, для уплаты натуральной повинности в размере 27 руб. за 1867 г.²

Суммы податей и повинностей постоянно увеличивались, и происходило это за счет повышения суммы внутренних повинностей. Так, если в 1895 г. на содержание Абаганатской управы было выделено 1274 руб., то в 1897 г. уже 4133 руб. 24 коп. Таким образом, размеры податей и повинностей были разными в зависимости от местонахождения управы, и наблюдалась тенденция к их постоянному росту за счет увеличения суммы внутренних повинностей.

Помимо официальной сметы внутренних повинностей, допускались «темные» денежные поборы с населения, расходуемые на внутренние расходы. Такие приходы и расходы нигде не фиксировались и не учитывались. Об этом свидетельствуют архивные документы бурятских ведомств. Так, в 1859 г. тайша Ольхонского ведомства Иннокентий Муравьев был арестован за излишние сборы денег с общества. По решению Правительственного сената он был лишен всех особых прав и преимуществ, награды и сослан на житье в Якутскую область с воспрещением всякой отлучки из места на один год, а потом выезда в другие губернии и области в течение че-

¹ Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи / сост. : Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. С. 91.

² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 409–409об.

тырех лет. Было решено взыскать с его имущества 9630 руб. 71 коп., в случае несостоятельности – взыскать с членов думы¹.

В 1860 г. агинские родоначальники допустили 17 748 руб. излишних сборов с бурят своего ведомства, и общее присутствие Забайкальского областного управления вынесло решение: «... По обстоятельству этому не производить следствия, но сделать бывшим в 1849–1851 гг. родоначальникам Агинского ведомства строгое замечание, за допущение этих сборов без предварительного на то разрешения высшего начальства»².

В 1868 г. земской полицией велось следствие по растрате общественных денег бывшим головой Галзутовым Хоринского ведомства в сумме 1234 руб. 44 ½ коп., бывшим приходо-расходчиком Хоринской степной думы Юмцуновым в сумме 3596 руб. 24 ¼ руб.³

В 1872 г. другой тайша Ольхонского ведомства Хонгор Якшеев был арестован за излишние сборы денег с 1-го и 2-го Абызаевских родов, освобожден от должности⁴.

В 1892 г. в Кударинском ведомстве под следствием находился бывший тайша Андрей Платонович Бушин, который за излишний сбор денег в подати и повинности был заключен на восемь месяцев в тюрьму⁵. Таких примеров достаточно много.

В отличие от следствий по обвинению должностных лиц органов бурятского самоуправления в растрате или излишних сборах податей с подведомственного населения, особняком стоит следственное дело головы Цугольской инородной управы Зала Дылыгырова⁶ и других должностных лиц Агинской степной думы, обвинивших во взяточничестве заседателя Нерчинского земского суда Посельского. Дело получило большой резонанс и продолжалось на протяжении нескольких лет.

Согласно показаниям должностных лиц агинских бурят, дело началось при сборе недоимок: заседатель Нерчинского земского

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 437. Л. 9об.-12.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1187. Л. 1-1об.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 696об.-697.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 489. Л. 10.

⁵ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1133. Л. 9.

⁶ Зала Дылыгыров, бурят харганатского рода, 1804 г. р., ламайской веры, был обучен монгольской грамоте, русского языка не знал, был женат, имел троих сыновей и одну дочь, имел юрту, скотоводство, занимался хлебопашеством, жил в урочище Турга.

суда г. Посельский, прибывший для сбора недоимок в Агинское ведомство, приказал, «чтобы мы недоимку прежних лет доставили бы в две недели, а за первую половину сего года в течение одного месяца, потом истребовал г. Посельский от думы сведений насчет недоимки и говорил мне и еще голове Галсану Дашиеву, что за тихий сбор недоимки сделает нас десятниками и поставит нас на двое суток в тюрьму, после того по выходе из-под ареста, мы, все головы, в числе которых и я, собрались за думой на улице, разговаривая, что будем делать, откуда возьмем так скоро и столь много денег, чтобы пополнить недоимку. В это время подошел ясачный Петр Татауров и говорил нам всем, что г. Посельский говорит, если ему дадим 1000 руб. серебром денег, в таком случае он дает средства не вдруг выплачивать недоимку и не будет вынуждать нас, почему мы и согласились, хотя и не имели такого количества ... и тут же приступили к сбору»¹ (табл. 4).

В ходе следствия выяснились факты рукоприкладства со стороны г. Посельского, разезда по стойбищам на общественных подводах. Военный губернатор Забайкальской области Запольский 24 ноября 1853 г. предписал заседателю Нерчинского земского суда г. Столбову расследовать эти факты как «имеющие тесную связь с обстоятельствами настоящего дела». Дело было направлено на доследование, в ходе которого должностные лица бурят понемногу стали отказываться от своих показаний².

Кроме сбора денежных податей, инородные управы и степные думы следили за исполнением различных повинностей: дорожной, уртонной (почтово-перевозочной), арестантской, квартирной, по охране лесов от пожаров, по охране телеграфных столбов и т. д.

Дорожную повинность буряты отбывали на строительных и ремонтных работах дорог, мостов, перевозов и т. д. По отчету Хоринской степной думы за 1868 г. на исправлении дорог, мостов, гатей был занят 1051 человек с 2109 лошадьми, выполнившие работу на 16 816 руб. На ответственности хоринских бурят состояли дороги длиной 387 верст от границ Нерчинского округа до г. Верхнеудинска и 140 верст дороги к Петровскому Заводу³.

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 93об.

² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 201об.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 681-681об., 690-690об.

Таблица 4
 Ведомость о казенных сборах по инородческим ведомствам Забайкальской области в 1894 г.¹

Ведомства	Подушная подать	Оброчная подать	Частная повинность	Пожарный капитал	Межевой капитал	Ясак	Хоз. капитал	Губернские земские повинности	Всего
У р у л ь г и н с к а я с т е п н я я д у м а									
Оседлые	4,05	8,16	1,17 ¼	0,12	0,09	-	-	13 982,47	25 866,80
Кочевые	4204,51	-	18 ¼	-	115,20	4285,84	-	-	-
Бродячие	-	-	-	-	-	51	-	-	-
Итого	4208,56	8,16	36	0,12	115,29	4336,84	-	13 982,47	25 866,80
С е л е н г и н с к а я с т е п н я я д у м а									
Оседлые	228,14	508,64	73,39 ¾	7,48	5,61	-	-	7962,64	26 295,92
Кочевые	4636,63	-	4746,50 ¼	-	169,89	7956,99	-	-	-
К у д а р и н с к а я с т е п н я я д у м а									
Оседлые	9,76	21,76	3,14	0,32	0,24	-	-	1284,89	4038,21 ¾
кочевые	785,18	-	801,87 ¾	-	29,82	1101,23	-	-	-
Ц о н г о л ь с к а я и н о р о д н а я у п р а в а									
Оседлые	197,29	492,32	71,04	7,24	5,43	-	-	149,71	923,03
А р м а т с к а я и н о р о д н а я у п р а в а									
Оседлые	20,71	51,68	7,45 ¾	0,76	0,57	-	-	-	920,47 ½
Кочевые	132,15	-	203,70 ¾	-	6,39	450,79	-	46,26	-
З а к а м е н с к а я и н о р о д н а я у п р а в а									
Кочевые	914,15	-	942	-	30,09	1297,68	-	2290,66	5474,58
Итого	6924,01	1074,4	6849,12 ¾	15,80	248,04	10 806,69	-	11 734,16	37 652,22 ¼
Б а р г у з и н с к а я с т е п н я я д у м а									
Кочевые	2110,73	-	1613,96	-	57,51	2739,84	-	3083,91	9605,95
Б а р г у з и н с к и е п о д о с т р о ж н ы е т у н г у с ы									
Кочевые	68,95	-	105,58 ¾	-	3,54	204,89	-	77,09	460,05 ¼
Бродячие	-	-	-	-	-	828,72	18,24	-	846,96
Б а у н т о в с к и х о с т р о г о в									
Кучицкого острога	-	-	-	-	-	459,89	9,66	-	469,55
Итого	2179,68	-	1719,54 ¼	-	61,05	4233,34	27,90	3161	11 382,51 ¼
Всего	13 312,25	1082,56	11 784,20 ½	15,92	424,38	19 376,87	27,90	28 877,63	74 901,53 ½

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 84–86.

По отчету 1883 г. на повинности бурят Агинского ведомства лежала почтовая дорога, пролегающая от г. Читы к г. Нерчинску длиной 39 верст 397 сажени и по обывательским и проселочным трактам длиной 370 верст, 5 перевозов¹. В 1891 г. на ремонте дорог работало 1157 человек, 694 лошади, отработали в общей сложности 15 174 суток².

Отбывание дорожной повинности можно подробно рассмотреть на примере Абаганатской инородной управы. Так, в обязанности Абаганатской управы находилось исправление дорог:

1) 2-х участков Амурского тракта – от управы на расстоянии 88 и 122 верст, длиной 12 верст 233 сажени;

2) Кругобайкальский тракт – 148 верст от управы, длиной 3 версты 122 сажени;

3) Якутский тракт – 12 верст от управы, длиной 11 верст 360 сажени³.

Дорожная повинность исправлялась натурой или наймом по решению общественных приговоров. В 1892 г. общественным приговором было решено нанять подрядчика на исправление дорог, «...имея в виду, что в настоящем году снега глубокие, то исправления тракта потребуются еженедельно, а как эта натуральная повинность отстоит от нашего жительства на 120 верст расстояния, то относить эту повинность натурой будет крайне затруднительно»⁴. Подряд отдали Михайло Матхееву из расчета по 0,07 руб. с 1528 ревизских душ на сумму 106 руб. 96 коп.

Исправление первых двух трактов в 1894 г. обошлось в 603 руб. 56 коп., что приходится по 0,39 с половиной руб. с ревизской души, Якутский тракт исправлялся натурой – 150 руб.⁵

Данные таблицы 5 показывают раскладку дорожной повинности на 1899 г. Дорожная повинность в Абаганатской управе была распределена на 698 рабочих душ, которые должны были поставить 140 человек с лошадьми и отремонтировать дороги длиной 25 верст 82 сажени, 17 мостов.

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3762. Л. 114.

² ГАРБ. Д. 2876. Л. 114–116.

³ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 183. Л. 8–9.

⁴ ГАРБ. Д. 7. Л. 20–20об.

⁵ ГАРБ. Д. 32. Л. 9–12.

**Раскладка дорожной повинности
по Абаганатской управе в 1899 г.**

	Людей	Лошадей	Длина дорог	Кол-во мостов
Амурский тракт	56	56	10 верст 10 сажений	6
Кругобайкальский тракт	18	18	3 версты 72 сажени	4
Якутский тракт	66	66	12 верст	7

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 183. Л. 19–20.

12 марта 1893 г. управляющий Иркутским округом своим предписанием разрешил заменить натуральную повинность денежной при исправлении дорог и проведении торгов на отдачу подрядов на исправление дорожных участков на Амурском и Кругобайкальском трактах¹.

19 апреля 1893 г. суглан принял постановление об отдаче подрядов на исправление дорог с торгов. Для участия в торгах нужно было иметь общественное поручительство от рода: «...он имеет достаточное домовозведение, скотоводство, занимается хлебопашеством... поручаемся за него круговую порукой друг на друге, с правом выдачи ему задатка, а в случае неисправности подряд обязуемся исполнить лично, в том и подписываемся»². В торгах, в которых приняли участие 11 человек, выиграла Алексей Забинов (начал с 1900 руб., торговался до 1015 руб. 50 коп.) и Ихиней Найманов (с 1700 руб. до 1010 руб.)³.

В 1895 г. Иркутский окружной исправник проверил состояние дорог по управе и предписал: «...Большая часть дорог не исправлена... Я лично убедился, что инородцы, выходявшие на работу по исправлению трактов, только пьянствовали да съедали свои харчи, а головы инородные и выборные не имели за ними надлежащего наблюдения... немедленно распорядиться, чтобы означенные выше тракты немедленно были исправлены и приведены в должный вид... и объявить подрядчикам, принявшим на

¹ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

² ГАРБ. Л. 59.

³ ГАРБ. Л. 51–51об.

себя исправление трактов, что впредь до основательного исправления таковых я не разрешу выдачу им денег»¹.

В 1898 г. Иркутский окружной исправник предписал отбывать дорожную повинность натурою, а не наймом. Общественным приговором от 4 мая 1900 г. жители управы просят об отнесении дорожной повинности наймом по причине обременительности натуральной: на исправление Якутского тракта (13 верст), находившегося от ведомства на расстоянии 50 верст, высылались из 693 рабочих душ 65 человек с лошадьми, что отрицательно сказывалось на их хозяйстве².

При отбывании дорожной повинности предъявлялись следующие требования: рабочие должны работать 12 ,5 часа в сутки – с 7.30 до 11 часов дня, после трехчасового отдыха с 2 до 8 часов вечера. Они должны быть не моложе 18 и не старше 60 лет. Каждый должен иметь лошадь, таратайку, свое продовольствие или деньги, лопату, кайлу, топор³.

Отбывание арестантской повинности регулировалось Инструкцией Иркутского генерал-губернатора о порядке препровождения партий ссыльных арестантов в Приленский край от 16 апреля 1894 г. Инородные управы должны были подготовить подводы, обеспечить караулом и сопровождать арестантские партии, доставить воду, продукты, дрова, отвести квартиру⁴.

Арестантские, воинские партии надлежало обеспечить квартирой, едой. Эти обязанности также лежали на ответственности инородных управ и степных дум и исполнялись натурой. В 1868 г. через Хоринское ведомство прошли воинские партии, на их провоз, предоставление квартир и еды было занято 5300 человек, 15 000 лошадей. Всего затраты составили сумму в 29 220 руб.⁵ В Усть-Ординском селении Кудинской управы в 1891 г. было предоставлено арестантам 2145 дней – всего услуг на сумму 6435 руб., военным чинам и рекрутам 150 постоянных дней – на сумму 1200 руб.⁶ В 1893 г. через Ользоновскую управу проследовало 59 арестантских партий, 2659 арестантов, 81 чел. военного конвоя⁷.

¹ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 31. Л. 44–45.

² ГАРБ. Д. 186. Л. 14–14об.

³ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 14. Л. 27об.-28.

⁴ ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 376.

⁵ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 670об.

⁶ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62. Л. 19.

⁷ ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 64. Л. 21об.-22.

Подводная повинность предусматривала содержание междудворной и обывательской гоньбы и заключалась в перевозке почты, должностных лиц, казенных и других грузов – например, поставка лошадей под своз нижних воинских чинов, арестантов, чиновников и т. д. В 1868 г. в Хоринском ведомстве в отправлении междудворной подводной гоньбы было задействовано 3067 человек, 816 лошадей, затраты составили 47 110 руб.¹ В 1891 г. междудворная гоньба по Амурскому тракту под связь воинских чинов и других стоила Кудинскому обществу 382 руб. 65 коп., обывательская гоньба в Пашковском селении для своза сельской почты и разных чинов по Амурскому тракту – 245 руб. 48 коп., по Якутскому тракту в Усть-Ординском селении – 232 руб. 48 коп.² Хоготовской управе содержание 6 пар лошадей при управе обходилось в 8760 руб., 8 пар лошадей при 8 экономических магазинах – 1200 руб., отбывание гоньбы – 350 руб.³ Тургинской управе подводная повинность в 1902 г. обходилась в 712 руб.⁴

Таким образом, размеры денежных платежей были высокими и зачастую непосильными для своевременного погашения. Л. М. Дамешек проанализировал материалы деятельности второй ясачной комиссии, отправка которой в Сибирь явилась следствием реализации Устава об управлении инородцев 1822 г. Согласно Указу от 13 декабря 1827 г.⁵, учреждались и направлялись в Западную и Восточную Сибирь комиссии для составления новых окладных ясачных книг взамен устаревших окладов 1763 г. Главным предметом комиссий являлось обложение ясаком кочующих и бродячих инородцев, но, кроме этого, на комиссии были возложены другие обязанности: удостовериться в «правильном разделении инородцев на разряды по Уставу 1822 г., узнать о причинах накопления на некоторых родах недоимок, принимать от инородцев просьбы об их общих нуждах и особенно жалобы на неправильное завладение их угодьями и на злоупотребления окружных и родовых управлений»⁶.

¹ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 690–690об.

² ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62. Л. 17об.

³ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 375. Л. 31.

⁴ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 561. Л. 27.

⁵ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1830. Т. 2. Ст. 1610. С. 1061.

⁶ ПСЗРИ. 2 собр. СПб., 1830. Т. 2. Ст. 1611. С. 1061–1069.

Л. М. Дамешек, сравнив размеры вновь положенных окладов с прежним обложением по комиссии 1763 г., отмечает значительное увеличение денежной подати. Так, общая сумма ясака исчислялась в 122 075 руб. по окладу 1763 г. и 451 128 руб. по окладу 1835 г. Разница составила около 330 000 руб.¹ Далее он приводит данные, свидетельствующие о том, что ясачная подать с жителей Иркутской губернии увеличилась в 4,47 раза, а численность населения только в 1,96 раза.

Сбор податей строго контролировался вышестоящими органами. Нерчинский земский исправник предписывает второму тайше агинских бурят Т. Тобоеву: «...Прошу вас употребить свое старание, чтобы подать и недоимки, числящиеся за инородцами, непременно были очищены без отлагательства. В этом деле Вы должны действовать лично и употреблять для этого состоящих под вашей зависимостью родоначальников, подвергая нерадивых и слабодействующих в сем деле взысканию ... »².

На основании отчетов степных дум и инородных управ можно сделать вывод о том, что происходит процесс накопления недоимок, главная причина которого крылась в несоответствии податного обложения уровню платежеспособности коренных жителей³. Так, только по Хоринскому ведомству на 1 января 1853 г. в недоимках с кочевых бурят числилась сумма 12 459 руб. 21 ½ коп., с оседлых – 264 руб. 05 коп.⁴

Верхнеудинский земский суд своим предписанием от 21 мая 1834 г. предписал Селенгинской степной думе взыскать все недоимки, «в случае же невзыскания всех недоимок будет взыскано от тайшей, родовых голов и прочих иноверческих начальников по строгости законов с отрешением от должности»⁵. На основании этого предписания тайша думы Ю. Ломбоцыренов направляет приказ по родовым управлениям о срочном сборе недоимок: с кочевых бурят за 1833 г. – 2866 руб. 78 ½ коп., за первую половину 1834 г. – 17 594 руб. 78 коп., всего – 20 461 руб. 57 ½ коп.; с осед-

¹ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма ... С. 47.

² ГАРБ. Д. 669. Л. 1–2.

³ ГАРБ. С. 51–52.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 26об.

⁵ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 62, 127.

лых за 1833 г. – 1384 руб. 35 коп., за первую половину 1834 г. – 426 руб., всего – 1630 руб. 35 коп.¹

Уже в апреле 1834 г. Ю. Ломбоцыренов рапортует о сборе недоимок за 1833 г. по родам: «В Хурумшинском – 225 руб., у иволгинских харанутов – 880 руб. 96 ½ коп., чинойских – 105 руб.; за первую половину 1834 г. у иволгинских харанутов – 849 руб. 02 коп., у чинойских – 120 руб., бумал – 2150 руб., с дохода – 170 руб. Общий итог – 1564 руб. 99 коп. сдал»².

15 марта 1853 г. вышло предписание № 1546 управляющего Забайкальской областью о сборе сумм недоимок по Хоринскому ведомству. Вслед за ним 28 марта 1853 г. появилось предписание Верхнеудинского земского суда Хоринской степной думе об обязательном ежемесячном предоставлении отчетов по сбору податей и повинностей, в случае невыполнения должностные лица степной думы и инородных управ должны были привлекаться к строгой ответственности³.

В 1901 г. иркутский уездный исправник предписывает Торской инородной управе: «... Предупреждаю Вас, что если казенные подати по Торскому ведомству не будут сполна пополнены в течение двухнедельного срока с получения сего, то Вы, а также и сельские старосты будут подвергнуты аресту при полиции»⁴.

Должностными лицами инородных управ, родовых управлений прилагались большие усилия по сбору этих сумм податей и повинностей. Согласно приговору хоринских бурят о взыскании податей от 27 октября 1820 г. отмечалось, что «если не удастся полностью собрать земские и подушные подати с населения деньгами, то описать имеющееся у них имущество и, распродав на нужную сумму, заставить заплатить. Если же не хватает их имущества или же будет допущено послабление в распоряжениях, то внести, описав и взяв имущество зайсана, а потом заставить возместить податного. Если люди, будучи в состоянии найти средства для уплаты податей, оставят без внимания и не найдут или проявят нерадивость, то таких людей»⁵ старосты родовых управ

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 59.

² ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 32

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 46–47, 60–61.

⁴ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

⁵ Хоринское Положение 1851 г. // Обычное право хоринских бурят. Новосибирск, 1992. С. 94–95.

лений, их помощники, головы и выборные инородных управ могли при сборе податей наказывать розгами.

При сборе налогов в бурятских ведомствах периодически появлялись предписания вышестоящего начальства с требованиями своевременного сбора податей без недоимок. В противном же случае, как указывалось в предписании Верхнеудинского земского суда от 18 апреля 1834 г., «земский суд не исполнителей отошлет в ремесленный дом в город Иркутск, заставит работать до тех пор, пока недоимки не взыщутся» или «в противном случае из Иркутска будет послана экзекуция для поиска виновных»¹.

В случаях же совершенной невозможности уплаты податей принимались общественные приговоры, в которых оговаривались суммы недоимок и размеры дополнительного сбора с «могущих родовичей». Так, в апреле 1869 г. суглан при Шалотском родовом управлении Аларской степной думы принял общественный приговор о том, что 17 душ не в состоянии заплатить подати и повинности по причине смерти, болезней и старости и поэтому решили: «За упомянутые 17 душ следующие с них за первую половину сего года ясак и повинности с 14 душ работных по 1 руб. 94 коп. с каждой – 27 руб. 16 коп. и трех душ неработных по 95 ½ коп. – 2 руб. 86 ½ коп., а всего 30 руб. 2 ½ коп. произвести сбор этой суммы с 398 душ с могущей – 2 руб. 1 ½ коп., неработной 1 руб. 3 коп., каковой сбор они для себя отяготительным не считаем»².

Если же люди неимущие не могли найти деньги для уплаты податей, то следовало их «продать на срок тем людям, которые пожелают использовать для работы»³. Так, в 1890 г. за отказ от уплаты недоимки инородец 7-го Хонходорского рода Аларского ведомства Никифор Мезенцев был наказан 15 ударами розгами, за отказ выйти на исправление проселочного тракта Федора Матинина приговорили к семи дням ареста при Аларской тюрьме⁴. В случае же допущения «ослабления и затяжки в исполнении сбора казенных податей... в осуществлении поручений и предписаний по проведению мероприятий среди инородцев», сами старосты на первый раз заключались в

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 22, 23, 42–44.

² ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 22. Л. 61–62.

³ Хоринское Положение 1851 г. ... С. 59.

⁴ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 786а. Л. 1–2; Д. 66. Л. 2об.

тюрьму на трое суток, при повторении наказывались розгами. На третий раз их освобождали от должности¹.

С целью уплаты податей и повинностей многие буряты занимались на золотодобывающие прииски Иркутской губернии, Забайкальской области и Амурской областей. По контрактам они получали задаток, которым уплачивали подати, и уходили на работы сроком обычно на один год. В фондах степных дум и инородных управ имеется много документов о даче увольнительных билетов для выезда на работу, обязательство разных лиц уплачивать за них подати и повинности в их отсутствие, переписка с администрациями приисков из-за неявки на работу. Так, в 1868 г. от главноуправляющего делами Верхне-Амурской золотопромышленной компании из Албазинской станицы Амурской области поступило письмо в Хоринскую думу с просьбой отправить инородца Кубдутской инородной управы Тараса Грязнова на работу к ним согласно контракту, так как он, получив при найме задаток 90 руб., не явился к ним²; от горного исправника Нерчинского округа о доставке на Дмитриевский прииск золотопромышленника Бутина инородцев Федора Ирдыниева, Бориса Шишова, Цыренкол Ирдынеева, также получивших задаток и не явившихся на работу³, и т. д.

Одним из действенных средств по контролю за налоговыми поступлениями был законодательный запрет инородцам покидать пределы своего ведомства. Устав об управлении инородцев 1822 г. запретил инородцам покидать места своих кочевий. 20 октября 1859 г. было принято Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, объявленное Сенату министром государственных имуществ «О порядке отлучек инородцев, кочующих в Восточной Сибири», которое постановило дополнить статью 516 Свода законов Устава о паспортном порядке отлучек инородцев Якутской области из мест их кочевья следующим примечанием: «Изъясненные в сей статье правила об отлучках инородцев Якутской области могут быть по усмотрению Главного управления Восточной Сибири распространяемы и на других инородцев, в Восточной Сибири кочующих»⁴.

¹ Хоринское Положение 1851 г. ... С. 94.

² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 454–454об.

³ ГАРБ. Л. 445–445об.

⁴ ПСЗРИ. Ст. 35001. 2 собр. СПб., 1861. Т. 34., отд-ние 2. Ст. 35001. С. 170.

Согласно предписанию Забайкальского областного правления увольнительные билеты должны были выдаваться в двух случаях: 1) на отлучки инородцев из стойбищ и кочевий далее 500 верст; 2) в случае найма у русских «в годовые услуги». Увольнительные билеты выдавала инородная управа, а в случае отсутствия таковой – степная дума¹. Была утверждена форма увольнительных билетов, в которой слева указывались приметы (возраст, характеристика волос, бровей, носа, рта, подбородка; необходимо было указать, имеет ли бороду, особые приметы) и справа шел текст: «Объявитель сего инородец ведомства _____ степной думы _____ рода уволен в _____ для собственных надобностей от _____ числа месяца _____ 18__ года на _____, т. е. по _____ число месяца _____ 18__ года и по прошествии срока обязан явиться обратно в место своего жительства, в противном же случае поступать с ним по закону, как с бродягой, в удостоверение чего и дан ему инородцу _____ сей билет из _____ степной думы, или _____ инородной управы. Подпись, печать, дата»².

Органы местного самоуправления контролировали окладные списки налогоплательщиков, поэтому переходы инородцев из одного рода в другой, например, в Забайкальской области разрешались только по решению Забайкальского областного правления, Верхнеудинского земского суда. Распоряжением Забайкальского областного правления от 7 марта 1861 г. № 186 инородцам Барун-Хоацайского рода Якову и Константину Карнаковым было дано разрешение перечислиться в кяхтинские мещане³; распоряжением от 6 июня 1861 г. инородец Барун-Харганатского рода Андрей Митропольский был перечислен в крестьяне Тарбагатайской волости⁴, решением Верхнеудинского земского суда Егор Иванович Брянский, инородец Худайского рода, был перечислен в крестьяне Куналейского селения Тарбагатайской волости⁵ и т. д.

Важным направлением деятельности степных дум и инородных управ было развитие хозяйства бурят. Основными отраслями хозяйства бурятского населения были скотоводство, земледелие и промыслы.

¹ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 146. Л. 47–47об.

² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 146. Л. 49–49об.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 146. Л. 265–265об.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 146. Л. 268.

⁵ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 146. Л. 270.

Таблица 6

Занятия бурятского населения по переписи 1897 г.

Занятия	Количество	Всего, в %
Скотоводы	145 036	50,2 %
Земледельцы	135 074	46,8 %
Рыбаки и охотники	1645	0,6 %
Другие доходные занятия	233	0,1 %
Купцы, торговцы и т. д.	2298	0,8 %
Прочие	4377	1,5 %
Итого	288 663	100,0 %

Таблица составлена по данным И. Серебренникова (Буряты: по данным переписи 1897 г. // Сиб. вопросы. 1908. № 37–38. С. 18–27).

Из таблицы 6 видно, что основными занятиями бурят были скотоводство и земледелие, а рыболовство и охота занимали незначительное место – всего 0,6 %. Первое место среди бурят-скотоводов занимали хоринцы, селенгинцы, агинцы.

В. Паршин в своей книге в 1844 г. пишет: «Главное богатство (бурят) заключается в скотоводстве. Кроме коров и овец, они имеют еще и верблюдов»¹. Р. Маак, совершавший путешествие по Забайкалью в 1855 г., отмечает, что «единственное богатство бурят составляют стада, преимущественно лошадей и овец»². В своих воспоминаниях петрашевец Ф.-Э. Г. Толь в 1861 г. пишет: «Богатство инородцев состоит в скотоводстве, и редкий род монгольского поколения знает настоящее число имеющегося у него скота»³. Д. Стахеев в своем очерке «Буряты» в 1895 г. пишет: «Главное богатство бурят составляют стада. На здоровье и многочисленности стад зиждется их благосостояние. Недаром бурят, встречаясь со своим знакомым, прежде всего спрашивает о здоровье его стад. Буряты не особенно пекутся о своих стадах и табунах... Сена буряты для своих стад и табунов не заготавливают, предоставляя им целую зиму перебиваться чем угодно»⁴.

¹ Паршин В. Поездка в Забайкальский край : в 2 ч. М., 1844. С. 54–55.

² Путешествие на Амур ... С. 17.

³ Толь Ф.-Э. Г. Указ. соч. С. 325–375.

⁴ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Восточные окраины Сибири. СПб., 1895. Т. 12. С. 180.

Скотоводческое хозяйство в Забайкалье носило экстенсивный характер. Преобладало пастбищное скотоводство на подножном корме, но по сравнению с XVIII в. увеличилось сенокосение для подкорма скота в зимнее время. Уже в первой половине XIX в. забайкальские буряты активно применяли орошение пастбищ и покосов. Необходимость подкормки скота зимой и весной стимулировало развитие сенокосения. Сенокосение развивалось во всех забайкальских ведомствах. Прибайкальские буряты, имевшее меньшее поголовье скота, чем селенгинцы, хоринцы, агинцы, тем не менее больше заготавливали сена.

Занимаясь скотоводством, буряты разводили крупный рогатый скот, лошадей, коз, овец. У хоринцев, селенгинцев, агинцев разводились верблюды. Часть бурят разводила свиней. В горнотаежных районах Тункинском и Селенгинском ведомств среди домашнего скота встречались олени, яки и поместный скот – хайнаки.

Подробные данные о развитии скотоводства у бурят находят отражение в архивных документах – отчетах, сведениях – с начала XIX в.

Так, в 1849 г. на территории Агинской Бырке-Цугольской управы проживало 2185 чел., у которых насчитывалось 24 963 головы скота: 4360 лошадей, 2948 – голов крупного рогатого скота, 16 680 овец, 741 коза, 234 верблюда. Всего: 24 963 головы скота, на одного жителя приходилось 11,42 головы скота¹.

В 1853 г. на 2495 ясачно-крещеных Тункинской инородной управы приходилось 3337 голов скота: 1232 лошади, 1412 голов рогатого скота, 615 овец, 78 свиней. На одного жителя управы приходилось 1,33 головы скота.²

В 1868 г. на 38 303 жителей Хоринского ведомства приходилось 48 110 лошадей, 60 924 головы скота, 67 983 овцы, 5848 коз, 304 верблюда, 107 свиней. Всего: 183 276 голов скота, на одного жителя приходилось 4,78 головы скота³.

В 1891 г. в Кудинском ведомстве на 5168 чел. населения приходилось 3798 лошадей, 4340 овец, 9709 голов крупного рогатого скота, 133 свиньи, 1362 козы. Всего: 19 342 головы скота. На одного жителя управы приходится 3,74 головы скота.

¹ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 12. Л. 44.

² ГАРБ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 33. Л. 13об.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 640 об.

В 1902 г. в Агинской Тургинской инородной управе проживало 2894 чел., у которых имелось 22 990 голов скота: коней – 3910, крупного рогатого скота – 5950, баранов – 11 700, верблюдов – 330, коз – 1100¹.

Большая часть населения Тункинской Харибятской управы занималась скотоводством, оседлые буряты осваивали земледелие – насчитывалось примерно 225 домохозяев. Зажиточная часть населения сеяла хлеб для собственного потребления. Звериным промыслом занимались до 300 человек.²

В 1903 г. в Абаганатской управе поголовье скота составляло: лошадей – 1023, крупного скота – 1566, мелкого скота – 1085, овец – 878 головы³.

По Унгинскому ведомству в 1891–1892 гг.: крупного рогатого – 22 351 голов, лошадей – 17 821, верблюдов – 215, овец – 29 219, коз – 6880, свиней – 301⁴. В характеристике местной породы лошади за 1895 г. написано, что «количество лошадей – 15 600, порода местная, роста малого, крепкие, характер дикий, специального ухода за ними нет, зимой и летом в табунах на подножном корму, цена за лошадь от 15 до 150 руб., возраст рабочего коня от 5 до 20 лет, лошадь способна везти воз в 20 пудов на 40 верст без корма...»⁵.

Содержание большого количества скота было делом трудным. Скот в основном в течение длительного периода времени в году находился на подножном корме, поэтому его сохранность и упитанность во многом зависели от капризов погоды. Так, только по Агинскому ведомству в снежную бурю 1860 г. погибло 1517 голов скота на сумму 4629 руб. 10 коп.⁶, в 1862 г. из-за выпадения большого количества снега пало 19 873 единицы скота на сумму 38 569 руб. 25 коп.⁷, из-за чумы пало 30 000 голов скота⁸, в 1874 г. задрано волками 3975 голов скота⁹, в 1885 г. по Могойтуевской

¹ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 50. Л. 18–18об.

² ГАРБ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 625. Л. 14.

³ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 70. Л. 11.

⁴ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 106. Л. 68об.

⁵ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 180. Л. 33–35.

⁶ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1199. Л. 19об.-20.

⁷ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1307. Л. 48об.-49.

⁸ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3893. Л. 33–39.

⁹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2176. Л. 24–25.

инородной управе погибло из-за бескормицы 74 верблюда, 1513 лошадей, 1347 голов крупного рогатого скота, 12 781 голова овец и коз¹. Таким образом, из-за гибели скота «многие инородцы подвергались совершенной разорительности»². На помощь пострадавшим приходило общество. Так, в 1899 г. им было выдано 6637 руб. 92 коп.³

С начала XIX в. значительная часть бурятских родов занималась земледелием. Так, Р. Маак в 1855 г. пишет: «Хоринские и селенгинские буряты редко занимаются земледелием, но если имеют небольшие поля, то орошают их искусственным образом; оттого они получают хорошие урожаи, между тем как русские, когда лето бывает сухое, часто жалуются на неурожай. Буряты по эту сторону Байкала, напротив того, много занимаются земледелием, и всегда по методу русских»⁴.

Большая потребность в хлебе, обусловившая относительно высокие цены на него, стимулировала бурят заниматься земледелием. Е. М. Залкинд приводит выдержки из отчета по Иркутской губернии за 1842 г.: «Из инородцев-хлебопашцев первое место занимают балаганские и верхоленские буряты, затем все Иркутского округа и частью Верхнеудинского округа селенгинские буряты». В Забайкалье в этот период хлебопашество у бурят развивалось незначительно. В. Паршин отмечает, что «забайкальские монголы... хлебопашеством занимаются отчасти: оно составляет только принадлежность к прочему хозяйству»⁵.

Но с середины XIX в. начинается подъем восточносибирского земледелия, обусловленный развитием золотодобычи и возросшим спросом на хлеб северными окраинами, освоением Амура, открывшим для восточносибирского хлебопашца новый рынок сбыта. Значительное повышение спроса на хлеб обусловило и сравнительно быстрый прогресс земледелия в наиболее отсталом в этом отношении – Агинском ведомстве. Местная администрация в 50-х гг. XIX в. начала проводить политику переориентации

¹ ГАРБ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 561. Л. 1-1об.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3232. Л. 61.

⁴ Путешествие на Амур ... С. 14.

⁵ Паршин В. Поездка в Забайкальский край : в 2 ч. М., 1844. С. 54.

местных бурят в чистых земледельцев и перевода их на оседлый образ жизни, продолжавшуюся до конца XIX в.¹

В Иркутской губернии происходит падение удельного веса скотоводства в бурятских хозяйствах, сокращается общее количество скота. М. Н. Богданов в 1905 г. писал, что по сведениям крестьянских начальников, собранным через посредство инородных управ, «за пятилетие, с 1898 по 1902 г., в инородческих ведомствах Балаганского уезда самый низкий процент сокращения скотоводства равняется 17, высший же – 50»². Как отмечает Н. Р. Мангутов, «с увеличением населения, главным образом, за счет переселенцев из России, резко сокращался земельный простор для пастбищного скотоводства. Это влекло за собой уменьшение численности скота и понижение доходов от животноводства. Скотоводство постепенно переставало быть прочной опорой бурятского хозяйства и не могло обеспечить благосостояния бурят. Поэтому буряты начинают переходить от скотоводства к земледелию, к хлебопашеству»³.

В конце XIX в. хозяйство иркутских бурят было земледельческо-скотоводческое. Первое место в области земледелия занимали идинские, балаганские, аларские буряты, обитавшие в удобных для хлебопашества и скотоводства местностях по притокам Ангары – Оке, Осе, Идее, Унге. Затем следовали кудинские и верхоленские буряты. Ольхонские буряты практически не занимались земледелием. П. Е. Кулаков, исследовавший хозяйство ольхонских бурят, приводит такие данные по занятию земледелием местного населения в 1895 г.: если в Верхоленском округе только 5,4 % хозяйств не имеют запашки, в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах – 3,7 %, то в Ольхонской Еланцинской и Кутульской инородных управах доля таких хозяйств составляет 71,7 % и 97,3 % соответственно⁴. М. Н. Богданов приводит данные о том, что в Иркутском уезде на 1 голову скота бурят приходится 2,9 десятины земли, у русских – 9,6 десятины, что в 1,8 раза боль-

¹ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 44–47.

² Братский М. (Богданов М. Н.) Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии // Сиб. вопросы. 1905. № 2. С. 283.

³ Мангутов Н. Р. Социально-экономические отношения в Западной Бурятии // Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ, 1965. С. 111.

⁴ Кулаков П. Е. Указ. соч.

ше. Автор ставит вопрос о необходимости выработать для бурят более высокие земельные нормы¹.

О состоянии земледелия бурят в Иркутской губернии и Забайкальской области свидетельствуют архивные документы фондов инородных управ. Земледелие, несмотря на успехи, было рискованным занятием, целиком зависевшим от природных факторов. Поздние весенние и ранние осенние заморозки, град, наводнения, засуха, нашествия на поля саранчи (кобылки) – все это сопровождало земледелию в Восточной Сибири. Так, Абаганатское ведомство, вследствие гористой и каменистой местности, ежегодных неблагоприятных атмосферных явлений, постоянно страдало от неурожая. В 1896 г. было засеяно 2794 десятины, из них под ярицу 2365 десятин, под пшеницу 110 десятин, под овес 315 десятин, под картофель 4 десятины. Весна выдалась холодная, с середины мая до 14 июня не было дождей, с 14 июня – обильные дожди, 28 июня – град. Град уничтожил только во 2-м Абаганатском роде урожай на 63 десятинах у 22 бурят². 30 августа прошел град, и погибло ярицы 460 десятин, пшеницы – 19 десятин, овса – 59 десятин³. В 1897 г. засеяно 2794 десятины. «Урожай плохой, хотя с начала весны до июня перепадали дожди и урожай хлебов ожидался благоприятный, но с июня дождей обильных почти не было, потому хлеба получились редки, с сорными травами, низки и с малым колосом»⁴. В 1904 г. из-за постоянных неурожаев посевная площадь была уменьшена на половину⁵. В 1910 г. засеяно 1873 десятины, из них ярицы – 1069, пшеницы – 66, овса – 398. Собрано хлеба с 1 десятины – в среднем 45 пудов ярицы, 40 пудов пшеницы, 45 пудов овса. Среднегодовое потребление хлебов на 1 душу составляло 20 пудов ржи, 5 пудов пшеницы. Средние цены на хлеб: 0,80 коп. на рожь, 1 руб. 20 коп. на пшеницу, 1 руб. на овес. Хлеб скупали 4 человека, которые обычно давали деньги под обязательством доставки хлеба на заводы – Яковлевский, Нечаевский, Ивано-Андреевский⁶.

¹ Богданов М. Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сиб. вопросы. 1908. № 31–32. С. 38.

² ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 42. Л. 24.

³ ГАРБ. Д. 42. Л. 36.

⁴ ГАРБ. Д. 49. Л. 17.

⁵ ГАРБ. Д. 101. Л. 18.

⁶ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 401. Л. 68.

По отчету Унгинского ведомства за 1892 г. отмечалось, что «урожай хлебов был хороший, уродилось хлеба всех сортов 909 458 пудов, что в общем на каждую наличную душу в возрасте свыше пяти лет (9000 душ) составит 56 ½ пуда, что вполне достаточно как на пропитание, так и на пополнение недоимки в экономических магазинах». В 1898 г. нашествие кобылки истребило хлеба на 37 488 руб., по этому поводу были избраны в каждом улусе «кобылочные» старосты, которые следили за ходом нашествия, считали убытки и подавали сведения в вышестоящие инстанции¹. В 1905 г. от града погибло хлеба на 30 ¾ десятины на сумму 1428 руб.²

В Хоготовском ведомстве было более развитое земледелие. Так, в 1891 г. получено 116 448 пудов урожая³, в 1893 г. от продажи хлеба общество выручило 8561 руб. 11 коп. Эта сумма шла на удовлетворение нужд общества⁴.

Состояние урожая в Тункинской Торской инородной управе в 1891 г. можем рассмотреть на основании табл. 7. Так, ярицы было получено с 1 десятины 59 пудов, пшеницы – 44,5 пуда (для сравнения: в Абаганатской управе ярицы – 45 пудов с 1 десятины, пшеницы – 40 пудов). Из всего урожая 13 574 пуда на посев было оставлено 3109 пудов, на пропитание – 7002, на пополнение хлебного магазина – 723, на ругу причту – 20 и остаток свободно-го хлеба составил 2720 пудов.

Таблица 7

Состояние урожая по Тункинской Торской управе в 1891 г.

Засеяно в 1891 г.	Десятин	Кол-во семян (пуд)	Сбор со всех десятин (пуд)	Во сколько раз превышает посев
Ярица	900	12	52 850	5
Пшеница	72	12	3209	4
Ячмень	1144	12	5643	3
Овес	458/800	16,5	35 172	4,5
Картофель	13	52,5	7351	10

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

¹ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 398.

² ГАРБ. Д. 506. Л. 125.

³ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 86.

⁴ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 340. Л. 4–5.

В Агинском ведомстве инородческие начальники предпринимали все меры для распространения земледелия, исполняя предписания вышестоящего начальства. Управляющий Иркутской губернией предписывал начальнику Нерчинского округа, «чтобы не было допускомо никаких принудительных мер, и инородцы приохочивались к земледелию мерами убеждения и поощрения, и особенно указанием той очевидной пользы, какую они от этого могут приобрести»¹. Нерчинский земский суд обязывал всех занимающихся хлебопашеством, «пока хлеб не будет посеян и огорожен как должно, не откочевывать в отдаленные места, зачем и должны иметь строжайшее наблюдение родовые начальники, между тем должны вразумить инородцам, что урожай хлеба может быть только тогда, когда он будет посеян своевременно»². В свою очередь, в 1849 г. тайша Тугулдур Тобоев предписывал управам: «Принять всевозможное старание к усилению против прежнего хлебопашества и посева картофеля с огородными овощами и об избрании в каждом родовом управлении хлебопахотных смотрителей»³. В 1873 г. он же делает предписание думе: «Распространение хлебопашества и вообще земледелия между агинскими бурятами со временем ослабливается все больше и больше, вследствие чего, с исключением самых малых чисел инородцев, покупают у других на пропитание себе хлеба на деньги и другие продукты, через что и встречаются немалые затруднения в платеже податей и повинностей, а между тем земледельческое занятие весьма полезно и удобно для народного продовольствия. Вследствие сего я покорнейше прошу степную думу принять неотлагательные меры к распространению по Агинскому ведомству земледелия»⁴.

Здесь не сажали озимый хлеб, сеяли яровой хлеб, посевы начинались с 20 апреля и заканчивались к маю. В каждые полмесяца в вышестоящие органы представлялись отчеты о росте хлебов и трав с указанием состояния погоды и посевов. По характеристике агронома Н. А. Крюкова земля в Агинском ведомстве состояла из светло-серой супеси и желтовато-серого песка, а подпочвенный

¹ НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 595. Л. 6об.

² ГАРБ. Д. 2. Л. 86.

³ ГАРБ. Д. 451. Л. 1–1об.

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1992. Л. 1–1об.

слой из такой же супеси и сплошной гальки (т. е. мелкого камня), некоторое пространство пропитано солями, выступающими на поверхности в виде белого налета¹. Обрабатывались и засеивались ничтожно малые участки земель, урожайность была низкой. В 1889 г. было посеяно 324 десятины ярицы, 5 десятин пшеницы, 2 десятины ячменя, 1,5 десятины овса². Причинами скудных урожаев были, кроме каменистого, солонцеватого грунта земли, засухи и наводнения.

В 1839 г. по Агинской Бырке-Цугольской управе было занято под посевами 557 десятин, покосами – 1239 десятин, пастбищами – 20 510 десятин, лесными угодьями – 2886 десятин, что составляло 25 200 десятин земли, и неиспользованных земель было 23 818 десятин³.

Орудия земледелия у бурят оставались самыми примитивными. Так, в Унгинской управе только у жителей Тыретской деревни имелись молотилки и веялки⁴. В 1893 г. ведомство получило несколько веялок-сортировок для просушки зерна в экономических магазинах⁵.

В Агинском ведомстве поля обрабатывались простыми крестьянскими орудиями – боронами, сохами, железо для лемеха получали из читинского магазина по распоряжению Петровской горной конторы⁶. В 1855 г. инородным управам требовалось 242 сошника, 415 серпов, 152 пуда железа⁷.

В начале XX в. начинают поставлять сельскохозяйственную технику. А. И. Термен приводит данные о том, что в Верхоленском уезде доставку необходимой техники берут на себя люди состоятельные. Так, фирма «Мак-Кормик» в Москве дала представительство Ханхасаеву Курумчинского ведомства, очень состоятельному буряту, а «Осборн» – Александрову в Хоготе⁸. Приобретение сельскохозяйственной техники обходилось бурятам дорого: представители фирм помимо 10 % скидки брали «за доставку машины 10

¹ ГАРБ. Д. 3212. Л. 7–7об.

² ГАРБ. Д. 2843. Л. 35.

³ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 3. Л. 59.

⁴ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88.

⁵ ГАРБ. Д. 83. Л. 30.

⁶ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2186.

⁷ ГАРБ. Д. 914. Л. 2об.

⁸ Термен А. И. Указ. соч. С. 120.

рублей и, продавая грабли, сенокосилки и т. д. в долг, накидывают еще 30 %»¹.

В 1908 г. в Хоготовской управе земельные угодья продолжали обрабатываться в основном старинными орудиями, из машин применялись 20 гребниц, шесть сенокосилок, четыре жнитвенок, пять молотилок, 25 веялок. К 1910 г. в хозяйстве у абаганатцев появляются конные косилки, грабли: на 99 хозяев по 1-му Абаганатскому роду было 100 деревянных сох, 92 деревянные бороны, 4 конных косилок, 9 конных граблей².

Из всех мер сибирской администрации по развитию земледелия наиболее полезной оказалось создание хлебозапасных экономических магазинов. Хлебные экономические магазины создавались в Сибири как одна из мер по развитию земледелия и как форма взаимопомощи в крестьянских и инородческих обществах на случай неурожая.

В Сибири хлебозапасные магазины стали создаваться на основе сенатского указа от 14 февраля 1799 г. «О содержании в сельских запасных магазинах по числу душ одного только двухгодового запаса хлеба; о наполнении оным городских магазинов; о бытии тем магазинам под ведением губернаторов, и о порядке выдачи поселянам заимообразно хлеба»³. Учреждая хлебозапасные магазины, государство без затрат со своей стороны, усилиями самих крестьянских и инородческих обществ пыталось обеспечить их хлебом и семенами при неурожаях. Основная цель создания этих магазинов состояла в том, чтобы накапливать хлебные запасы на случай неурожайных лет за счет обязательного ежегодного взноса хлебопашцами по полчетверику⁴ озимых и полугарнцу⁵ яровых хлебов.

В 1822 г. одновременно с принятием Устава об управлении инородцев было принято и Положение о казенных хлебных запасных магазинах. Согласно данному Положению, магазины разделялись на постоянные и временные. Первые наполнялись положенным количеством хлеба ежегодно, вторые учреждались

¹ ГАРБ. С. 120–121.

² ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 118. Л. 38–39.

³ ПСЗРИ. Ст. 18856. 1 собр. Т. 25. СПб., 1830. С. 562–565.

⁴ полчетверик – старая русская мера сыпучих тел, равная 13,1 л.

⁵ полугарнец – старая русская мера сыпучих тел, равная 1,64 л.

только в неурожайные годы. Число магазинов и количество запасов определялось согласно расписанию, которое могло быть изменено только главным управлением, причем «наблюдается, чтобы нужды обывателей были предусмотрены и продовольствие их благовременно обеспечено, чтобы не преграждать, но всемерно поощрять частную хлебную промышленность и чтобы магазины служили пособием в случае необходимости, а не средством к ведению казенной монополии». Хлеб заготавливался с торгов или хозяйственным образом, из «первых земледельческих рук». Кочевым и бродячим инородцам продажа хлеба производилась в случае неурожа рыбы и зверя и при недостатке обыкновенных способов их пропитания. Продажа инородцам производилась на наличные деньги, на звериные шкуры, по оценке их на ярмарках и сугланах, или в долг на определенный срок. Согласно данному Положению, разрешалось делать отсрочки, а при невозможности взысканий – списывать со счетов¹.

К 1829 г. в русских селениях и бурятских улусах Иркутской губернии было всего 515 таких магазинов.

Из экономического магазина по решению сугланов выдавалась ссуда семенами для посева нуждавшимся, которые давали обязательство внести в магазин из будущего урожая доброкачественное зерно, без недоимки, и ручались друг за друга круговой порукой и давали свидетельскую присягу и подписывались. Так, в 1897 г. по 1-му Абаганатскому роду в ссуде нуждались 72 человека, по 2-му Абаганатскому роду – 106, по 3-му Абаганатскому роду – 188, по 4-му Абаганатскому роду – 94 человека².

Таблица 8 дает наглядную картину наличия хлеба в магазинах Хоготовского ведомства в 1891 г.: из положенных быть 1710 четвериков хлеба в наличии оказалось всего 459; 988 четвериков хлеба оказалось в ссуде, 263 – в недоимке. Такая же ситуация наблюдалась практически во всех магазинах.

Магазины размещались в деревянных одноэтажных и двухэтажных домах. Так, в Аларской управе Хигинский экономический магазин располагался в двухэтажном деревянном здании, крыша которого была крыта железом, Шалотский магазин – в одноэтаж-

¹ ПСЗРИ. Ст. 29133.1 собр. Т. 38. СПб., 1830.

² ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 51. Л. 9, 14, 34, 42, 53, 62.

ном деревянном здании, крытом тесом¹. Некоторые магазины не подходили для хранения хлеба, и случались порчи хлеба. В 1900 г. по Абаганатской управе испортилось 3200 пудов хлеба в Кулункунском экономическом магазине, 1200 пудов – в Задинском и 2500 пудов – в Булусинском экономическом магазине².

Таблица 8

**Наличие хлеба в экономических магазинах
Хоготовского ведомства в 1891 г. (в четвериках)**

В магазинах налицо		В ссудах		В недоимках		Всего	
Озимых	Яровых	Озимых	Яровых	Озимых	яровых	Озимых	Яровых
459	3456	988	1141	263	349	1710	4947

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 56.

При экономических магазинах служили смотрители и вахтеры, которые были обязаны сохранить в целости хлебные запасы, поступившие в магазин, выдавать инородцам в ссуду хлеба не иначе как с разрешения инородческого управления, содержать его под ключом³. В § 5 Положения о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области Кудыринского племени существующих говорится о выборах смотрителей и вахтеров: «Улусные старшины, смотрители и вахтеры экономических магазинов избираются обществом того рода или улуса, к которому они принадлежат, всегда из людей хорошего поведения, благонадежных и на срок подошедшей очереди и по числу душ, семейство составляющих, с согласия и ведома родового головы, по приговору общества, основанному на единогласии или большинстве голосов»⁴. Смотрителей экономических магазинов, «допустивших по нерадивости послабление и затяжку ...в взыскании магазинного хлеба, а также в осуществлении поручений и предписаний по проведению мероприятий среди инородцев, за первую затяжку заключить на трое суток под тюремный надзор». За вторичное

¹ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 767. Л. 20–21.

² ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–2.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 384. Л. 96–97.

⁴ «Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области Кудыринского племени существующих» // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 180.

нарушение они приговаривались к наказанию розгами, в третий раз уже освобождались от должности¹.

В случае растраты хлеба из экономического магазина смотрители подвергались строгим взысканиям. Например, предписанием Балаганского окружного полицейского управления от 7 октября 1871 г. вахтер Хигинского экономического магазина Шалунов был заключен на две недели в Иркутский тюремный острог за неправильную выдачу хлеба². Общественным приговором аларских бурят от 24 октября 1874 г. смотрители магазинов Иван Сучкин, Шарым Шульгин и Будей Парханеев за недостачу общественного хлеба лишались права голоса на сугланах и, как, не оправдавшие доверия общества, не могли в будущем избираться ни в какие общественные службы³.

Засыпали хлеб в хлебозапасные магазины в урожайные годы все жители ведомства, не получая никакой платы за него. На самом деле в хлебозапасные магазины обычно сдавали хлеб похуже. Он там не подрабатывался, хранился не в идеальных условиях, поэтому зерно всегда было низкого качества, не пригодное на семена.

С несостоятельных жителей и такое количество хлеба собрать было трудно, поэтому с каждым годом увеличивалось число нуждавшихся в ссуде хлеба, накапливались хлебные недоимки.

Контроль за экономическими магазинами и ответственность за их состояние полностью лежали на степных думах, инородных управах и родовых управлениях. Инородческие власти периодически проводили ревизии состояния хлеба в экономических магазинах. Так, Агинская степная дума доносит читинскому окружному исправнику 7 августа 1881 г. о том, «что хлеб, хранящийся в трех экономических магазинах Агинского ведомства в присутствии второго тайши Борончо Бородинова, заседателей думы Золтоева, Сундуева, членов инородных управ и депутатов от обществ, осмотрен, просушен и проветрен... и найден неповрежденным на посев и употреблению на продовольствие»⁴.

¹ Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск : Наука, 1992. С. 94.

² ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 122. Л. 140–141.

³ ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 105. Л. 3–3об.

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Д. 3720. Л. 19–19об.

Контроль за экономическими магазинами осуществляли, кроме инородческих властей, губернское правление. Так, в апреле 1835 г. стряпчий губернских казенных дел Орлов докладывал о пустых экономических магазинах, на что следует предписание губернатора Восточной Сибири принять «меры к обеспечению пополнения хлеба неправильно и самолично розданного... и от-решить виновных от должностей и подвергнуть надлежащей от-ветственности, а обществам избрать на место их из других благо-надежных, приняв вместе с тем самые строгие меры к пополне-нию хлебом на будущее время ...»¹.

В 1846 г. чиновник особых поручений Иркутского общего гу-бернского правления Мордвинов провел ревизию сельских эконо-мических магазинов Верхнеудинского округа, обращая особое вни-мание на состояние зданий магазинов и их содержание, на хранение и раздачу в ссуду хлеба, на наличие при магазинах книг прихода и расхода хлеба, на исправность счетоводства, на наличие клейменных мер. Им были осмотрены почти все магазины Ильинской и Итанцин-ской волостей, Кульского отдельного общества и ведомства Кударинской и Хоринской степных дум, всего 25 магазинов.

Так, в ведомстве Кударинской степной думы был проверен магазин в с. Хараузский, который находился «при самой степной думе и в коем помещаются запасы всего ведомства, он состоит из 10 амбаров, из коих 7 старых довольно неисправных, так что на трех из них крыши весьма ветхом состоянии и от течи может быть порча хлеба и трех новых выстроенных самовольно, за что впрочем членам думы сделан был начальством выговор. Хлеба находилось в магазине при ревизии 1224 четверти² 4 четверика³ ярового и преимущественно ячменя, лежащего без перемены, за-метны щели, через кои поникает течь, пыль и снег; закров шесть немерных, в них находилось разного хлеба до 300 четвер-тей порядочного качества, на закромах есть надрезы, но не со-гласны вместимостью их, необходимы исправления магазина, кои в 1846 году вовсе не производилось»⁴.

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 268. Л. 1-1об., 4-9.

² Четверть – четвертая часть целого; старая русская мера, равная 209,91 л.

³ Четверик – старая русская мера сыпучих тел, равная 26,239 л.

⁴ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 516. Л. 246

Таким же образом выглядели хлебозапасные магазины в крестьянских обществах. В Ильинской волости был проверен магазин в с. Кабанское, который состоял из четырех отдельных амбаров. Проверяющий отмечает, что на момент проверки в них хранилось разного рода хлеба 1746 пудов, в одном амбаре находилось «763 пуда ржи, которая лежит три года и никуда не годна», «состояние зданий магазина до такой степени дурно и неисправно, что Кабанское общество подле старого своего магазина сделало оклад для постройки нового здания»¹.

Возмущение чиновника вызвал факт отсутствия мерных шестов, клейменных весов и гирь. В своем донесении он пишет, что в магазинах «найлены самодельные безмены и весы из веревок на деревянном рычагу и деревянными досками, а вместо гирь камни, которые, хотя, по отзывам вахтеров выверены, но это не заслуживает никакого вероятия и обвесы, как умышленные, так и неумышленные по естественной неисправности безменов и весов, без сомнения, существуют»².

Следующий пункт проверки – это состояние счетоводства, о котором Мордвинов пишет: «Относительно счетоводства должен сказать, что оно находится в величайшем беспорядке, ни в одном обревизованном мною магазине не найдено положительных шнуровых книг, а везде приход и расход хлеба записывается в простые тетради и те в некоторых магазинах представляют какие-то черновые, и запачканные, с отметками карандашом»³.

В 1858 г. на заседании Общего присутствия Забайкальского областного правления рассматривалось дело о недостатке хлеба в Булганском и Инкеталинском экономических магазинах Хоринского ведомства. При проверке, проведенной заседателем Азиковым в 1845 г., была обнаружена недостача 523 пудов 27 фунтов хлеба и самовольная раздача 2333 пудов хлеба. Проверяющий был возмущен отсутствием шнуровых книг на записку хлеба и нарушения со стороны инородных голов Мажи Унтаева, Ерельту Даксуманова, Души Табхаева. В ходе следствия выяснилось, что все документы были уничтожены пожаром, случившимся в думе в 1847 г., вся хлебная недоимка была восполнена в 1846 г. По ито-

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 516. Л. 235об.

² ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 516. Л. 247–247об.

³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 516. Л. 248–248об.

гам разбирательства. Общее присутствие приняло решение оставить дело без последствий на основании пункта 19 Всемиловичейшего Манифеста 25 августа 1856 г.¹

Такое неудовлетворительное положение дел в общественных хлебозапасных магазинах вызвало появление интересного проекта создания частного хлебного магазина. В фонде Баргузинской степной думы имеется интересный документ – Проект о составлении частного хлебного запаса в Баргузинском ведомстве, составленный главным тайшой баргузинских бурят Сахаром Хамнаевым.

Закладку такого частного запаса С. Хамнаев объяснял необходимостью «иметь в значительных размерах хлеб на случай недостатка и тем во время скудных урожаев отвратить жалкое опустошение общественных экономических магазинов»². Наблюдая за работой хлебозапасных магазинов, он увидел в них не только пользу для общества, но и определенные недостатки. Прежде всего это равнодушное отношение жителей к своему магазину. Хамнаев подчеркивал, что только частные запасы позволят сберечь хлеб, тогда как отношение бурят к общественным хлебозапасным магазинам предполагало «нехозяйственную трату при обилии урожая ибо известно уже, что токмо инородцы, но даже и сами поселяне при урожаях хлеба не обращают внимания на сбережение оногo, а развратные разматывают без всякой необходимости за дешевизну, впоследствии скитаются из-за куска хлеба и бедствуют до неимоверности»³.

Частные хлебные магазины должны были создаваться как собственность учредителей на следующих условиях:

1) жители ведомства общими усилиями «без большого отягощения и особенно обиды между ими» должны были построить общий амбар в удобном для всех месте: «постройка амбара должна производиться общими силами учреждающих частный хлебный запас натурой, чтобы это было устраиваемо без большого отягощения и особенно обиды между ими, что должны блюсти родовые старшины и головы, также тайши или члены думы»;

2) приписанные к запасному амбару жители вносились в именной список, который составлялся самими учредителями на

¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 16–17.

² ГАЗК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 624. Л. 24.

³ ГАЗК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 624. Л. 24об.

монгольском языке и куда записывали, кто, сколько и в каком именно году вложил хлеба для запаса;

3) взнос в запас хлеба должен был быть менее 1 четверти, или 9 пудов на каждую ревизскую душу, приписанную к тому амбару.

Учрежденные частные хлебные запасы, составляя собственность каждого учредителя, должны находиться в их полном распоряжении, но употребление запаса должно было происходить с ведома родовых старшин и соучредителей. Ведение отчетности записи и ответственность возлагались на засула или надсмотрщика, которые избирались из лиц, знающих монгольскую грамоту. Надзор за сохранностью хлебных запасов осуществляли тайши и прочие члены думы.

Оценивая этот проект, надо подчеркнуть способности и талант Сахара Хамнаева как управленца и хозяйственного деятеля, который внес значительный вклад в развитие Баргузинского ведомства.

Таким образом, царской администрацией предпринимались определенные шаги по обеспечению населения Сибири продовольствием. С этой целью во всех ведомствах в первой половине XIX в. создавались хлебные экономические магазины как форма поддержки населения в неурожайные годы и как форма помощи неимущим. Стоит отметить, что в рассматриваемый период общественные магазины зачастую пустовали или же заполнялись некачественным зерном, поэтому они не выполняли своих задач по обеспечению населения продовольствием.

В бурятском хозяйстве известную роль играла охота, но установить ее значение, не одинаковое в разных районах обитания бурят, нелегко. О зверином промысле инородными управами представлялись систематические отчеты с указанием количества добытых зверей, пушнины, при этом указывалось, что это занятие «не составляет по малоценности народного богатства». В. Паршин отмечает, что «буряты охотятся с огнестрельным оружием, а иногда с луком и стрелами, но этот промысел у них распространен вообще менее, чем у тунгусов»¹.

Так, часть населения Бырке-Цугольской управы занималась охотой. В отчете за 1840 г. указывалось, что добыто лис – 7 штук, белок – 1117, волков – 23². В сведениях Тургинской управы за

¹ Паршин В. Поездка в Забайкальский край : в 2 ч. М., 1844. С. 54.

² ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 3. Л. 109.

1894 г. указывалось, что добыто белок – 350 штук, коз – 35, тарбаганов – 250, лисиц – 20, волков – 40, хорьков – 100¹. В Хоготовской управе в 1891 г. добыт 1 медведь, 3040 белок, 22 зайца, 17 хорьков, 2 сохатых, 2 изюбра, 29 диких коз, всего на сумму 474 руб. 40 коп.² В Кудинском ведомстве в 1891 г. добыто 14 волков, 3 сохатых, 1 изюбр, 17 лисиц, 76 коз, 16 горностаев, 10 кабарог, 177 зайцев, 796 белок, 30 хорьков³.

Конец XIX в. и начало XX в. характеризуется упадком охотничьего промысла. Сокращение доходов от охотничьего промысла связано с развитием скотоводства и земледелия, уменьшением количества зверя и падением спроса на меха. «Промышляли артелями от двух до десяти человек, добычу делили поровну, даже если все добыто одним охотником. Добытые звери поступали в продажу шкурами, мясо соболя и хорька выбрасывали, мясом белок кормили собак, рябчики продавали вместе с перьями. Продукты звериного и пушного промыслов сбывали на месте мелким скупщикам или же вывозили в г. Иркутск»⁴.

Таким образом, охота играла роль подсобного занятия, значение которого все более утрачивалось. Времена облавной охоты, описанные Георги, ушли в прошлое. Одно из редких упоминаний об облавной охоте относится к 60-м гг. XIX в.⁵

Еще меньшее значение имело в жизни бурят рыболовство. Исключение составляют Ольхонское, Кударинское и часть Кудинского ведомства. Так, в Кудинской управе за 1891 г. было добыто: хариуса – 1740 пудов, ленков – 50 пудов, щук – 15 пудов. В Кутульской и Еланцинской управах рыболовство являлось одним из основных промыслов наряду со скотоводством. На период рыбного сезона создавались неводные артели по 8–15 чел. под руководством старост – «башлыков». В состав каждой артели обязательно включалось 5 подростков, которые получали равный пай со взрослыми. В 1895 г. 370 человек ушли на рыбный промысел, их средний заработок составил 34 руб. 40 коп. на человека⁶. В 1914 г. по Кутульскому ведомству насчитывалось 35 неводов и на каж-

¹ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 66. Л. 8об.-9.

² ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 9.

³ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62. Л. 5.

⁴ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 14об.-15.

⁵ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 32.

⁶ Кулаков П. Е. Указ. соч.

дый невод приходилось от 100 до 120 пудов омуля, стоимость которого за пуд составляла 2 руб. 50 коп.¹ Другим источником дохода местного населения был промысел нерпы. Весной 1914 г. добыто 680 штук нерпы, до 400 пудов жира нерпичьего. Продажная цена за 1 шкуру была 0,70 руб., 2 руб. 40 коп. за 1 пуд жира. Добытчики получили доход 1436 руб., или 14 руб. 36 коп. на одного человека². Данные о рыболовном промысле имеются в отчете Хоринской степной думы за 1868 г., согласно которому по ведомству было добыто 10 пудов тайменей, 80 пудов ленков, 90 пудов щуки, 50 пудов налимов, 40 пудов хариуса, 300 пудов окуней, 600 пудов сороги на общую сумму 930 руб.³

Население бурятских ведомств занималось кузнечным ремеслом, плотничеством, лесным промыслом, извозом, обработкой продукции животноводства. Так, еще в 1853 г. Н. А. Бестужев давал такую характеристику бурятам: «Бурят – и плотник, и кузнец, и столяр, и работник у нас, и пахарь, и косец»⁴. Приведем высказывание Р. Маака о занятиях ремеслами бурят: «Женщины занимаются приготовлением войлоков, выделыванием кож, плетением веревок из конских волос, делают из жил нитки, кроят и шьют всевозможную одежду себе и своим мужьям и, как монголки, искусно вышивают тонкие узоры на одежде и обуви. Мужчины присматривают за пасущимся скотом, строят юрты и приготавливают хозяйственные принадлежности, стрелы, луки, седла и другие части конской сбруи и проч. Они искусные кузнецы, сами обделывают металлы в маленьких ручных печах и довольно щеголевато выкладывают конскую сбрую, украшения и мешочки для огнедобывательного прибора серебром»⁵.

В отчете Агинской степной думы от 9 июля 1877 г. отмечается следующее: количество мастеров золотых и серебряных дел 3 и 14 рабочих, иконописцев 3, слесарей 2 и 13 рабочих, кузнецов 3 мастера и 17 рабочих, кирпичников 2 мастера и 4 рабочих, плотников 4 мастера и 18 рабочих, паяльщиков 4 мастера и 32 рабочих, бондарей 2 мастера и 18 рабочих, итого 23 мастера и 114 ра-

¹ ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 82. Л. 4–5.

² ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 303. Л. 8–9.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 673.

⁴ Бестужев Н. А. Бурятское хозяйство // Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 59.

⁵ Путешествие на Амур ... С. 17.

бочих¹. Некоторые буряты зарабатывали деньги перевозками грузов по р. Амур и его притокам, перевозом служащих, арестантов, перегоном скота. Бурятские плотники ежегодно ходили на заработки в Ургу и окрестные города, нанимались к частным лицам на постройку русских домов. Дацаны строились самими бурятами без участия заграничных мастеров. К концу XIX в. развился литейный промысел, и вещи религиозного культа, ранее приобретаемые за границей, изготовлялись своими мастерами и даже имели сбыт за границу².

Важное место в хозяйственной деятельности инородных управ, степных дум занимали ярмарки, учрежденные как средство регламентации торговли с бурятским населением. Ярмарки устраивались в ведомствах под строгим контролем местного начальства и царской администрации. На ярмарки приезжали представители других ведомств и русские купцы. Операции носили не только меновой характер, покупки осуществлялись и за деньги.

Так, Ольхонская ярмарка проводилась ежегодно с 15 июня по 15 июля на берегу Байкала. На продажу выставлялись мануфактурные и мелочные товары, свежая и соленая рыба, жир рыбий и нерпичий, разные меха, печеный хлеб, сухари, соль и др. Торгующие платили налоги за участие в ярмарке. Например, пошлину по 0,30 коп. с бочки соленой рыбы, за торговое место – 3 руб., взвешивание табака, конопли, жира – по 0,02 коп. и т. д.³ В 1895 г. доход от ярмарки составил 441 руб.⁴ На ярмарку в 1900 г. было привезено одной только рыбы 143 бочки, 81 лагун соленой рыбы, 43 000 штук свежей рыбы. На базарной площади было 5 лавок и 5 балаганов⁵. Еще в 1875 г. общественным приговором степной думы было решено к ярмарке построить сарай для обработки и соления рыбы с погребом для хранения, лавки для торгующих, балаган и баню⁶, в 1883 г. куплен дом на базарной площади в губе Малого моря у миссионера Еланцинского стана Федора Орлова за 25 руб. Дом был предназначен для проживания чиновников и

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2228. Л. 40–40об.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3892. Л. 2–3.

³ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 584. Л. 62.

⁴ ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 54. Л. 12.

⁵ ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 147. Л. 7, 39.

⁶ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 993. Л. 1–1об.

членов думы во время ярмарки (базарного управления)¹. На период ярмарки выбирали ярмарочного старосту. Имелось наставление базарному смотрителю Ольхонской ярмарки: «Во время ярмарки находиться безотлучно, наблюдать за порядком... строго следить, чтобы не продавали крепкие спиртные напитки... запрещать скупку рыбы для дальнейшей перепродажи... соблюдать чистоту возле лавок, балаганов, амбаров, базарной площади»².

Рынками сбыта продукции хозяйства хоринцев были Верхнеудинск, в особенности его ярмарка, а также ярмарка местная – Онинская. Эта ярмарка проходила ежегодно начиная с 1801 года, с 15 ноября по 15 декабря. Покупку местных товаров, главным образом пушнины, производили здесь две торговые фирмы – иркутских купцов Басниных и верхнеудинского – Курбатова. В 1839 г. было продано на Онинской ярмарке бурятами «разного рода избытков промышленности» на сумму от 40 до 50 тыс. руб., а купцы продали привезенных товаров лишь на 9000 руб.³ В 1849 г. на ярмарку купцы привезли товара на 5376 руб., продали на 1475 руб.; буряты привезли товару на 13 350 руб., которые все были распроданы⁴. В 1868 г. на Онинскую ярмарку было привезено купцами товаров на сумму 12 000 руб., продано на 7000 руб., инородцами было привезено товара на 9500 руб. и продано на такую же сумму⁵. Купцы привозили на продажу китайский чай, пилы, сукно, табак, а буряты торговали шкурами, кожей, пушшиной, овчиной, мясом, маслом, салом и т. д. Таким образом, торговый баланс ярмарки был благоприятен для хоринцев.

Ярмарки проводились в Агинском селении. С 1855 г. учреждались две ярмарки в год: первая проходила с 10 по 20 декабря, вторая – с 15 по 26 мая. На время проведения ярмарки избирали ярмарочного старосту, чтоб «он имел наблюдение за порядком торговли и по окончании ярмарки составить степной думе сведения о бывших на ярмарке купцах и другого сословия лицах, также о количестве проданных припасов, и примерно, сумму, на какую

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1181. Л. 17об.

² ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 147. Л. 31–32.

³ Гирченко В. К истории бурят-монголов-хоринцев первой половины 19 века // Бурятиеведение. Верхнеудинск, 1928. № 1–3. С. 57.

⁴ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 144.

⁵ ГАРБ. Д. 526. Л. 671.

проводилась торговля ...»¹. Вся торговля проходила на ярмарочной площади и продукты взвешивались на общественных весах за определенную плату, а не на личных, так как были случаи, когда некоторые продавцы, пользуясь простотой бурят и незнанием ими русского языка, обвешивали их.² Купцы привозили на ярмарку плис, холст, сукно, моржан и другие товары, буряты торговали кожей, шкурой, маслом, салом, тарбаганьим жиром, дохами тарбаганьими, козьими, седлами, оправленными в серебро и т. д.³ В 1893 г. общественным приговором агинских бурят ярмарка была закрыта, так как «торговцы, пользуясь невежеством инородцев, опутывают их разными сделками и обирают, ставя их, в конце концов, в положение неоплатных должников. Уничтожение ярмарки – единственное средство гарантировать бурят от порабощения»⁴.

С целью торговли агинские буряты выезжали в соседние государства – Монголию и Китай. Так, бурят Тургинской инородной управы Дагба-Доржи Татаров с шестью товарищами ходатайствовали об увольнении их в Китайскую империю до городов Кырылюна, Долонора, Жаньжа-Ху, Урга, Пекина, Басын-Хошуна. Реестр товаров, вывозимых бурятом Тургинской инородной управы Дагба-Доржо Татаровым для продажи, включал следующие наименования: 400 штук скотских и конских шкур на 810 руб., 15 000 штук конских хвостов на 750 руб., 45 штук корсаков на 65 руб., 15 штук волчьих шкур на 35 руб., кранного товару на 200 руб. С ними было имущество, необходимое в пути: палатка, лошади, 34 телеги с упряжью, две винтовки, один револьвер, два котла, два топора. Всего было имущества и товаров на сумму 3397 руб. 50 коп.⁵

Оборот ярмарок был невелик, и ход торговли нельзя признать успешным. В 1891 г. на Хоготовскую ярмарку было завезено товаров на 35 085 руб., а продано на 5826 руб.⁶ Все большую популярность получали городские ярмарки (Иркутск, Верхнеудинск, Чита), куда выезжали буряты со своей продукцией.

Развитие торговли имело двоякое влияние на улусную жизнь: с одной стороны, теснее привязало бурят к рынку, прину-

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1186. Л. 60.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2674. Л. 18.

³ ГАРБ. Д. 2914. Л. 109–110.

⁴ ГАРБ. Д. 2989. Л. 6–6об.

⁵ ГАРБ. Д. 2831. Л. 47–48об.

⁶ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 96.

ждая их часто в целях получения необходимых для существования и выплаты повинностей денежных сумм отчуждать часть даже необходимого продукта или рабочую силу, а с другой – породило в зажиточных слоях улуса коммерческий дух и сделало торговашество, соединяемое с ростовщичеством, язвой бурятского общества¹. Свидетельства наймашинства в бурятских улусах имеются в фондах инородных управ. Так, в фонде Тургинской инородной управы имеются документы об исках читинских купцов к бурятам, которые брали у них товары для реализации или в кредит: иск Исаака Помуса к Цыдену Номтоеву, Бадме Энохееву, Гарме Дылгырову о взыскании с них денег за товары, полученные ими на ярмарке; Моисея Фромберга к Абиде Жигжитову и т. д.² Родоначальники пытались изолировать бурят от торговли с купцами, в результате которой они попадали в денежную кабалу. В 1848 г. хоринский тайша Николай Дымбиллов обратился в Иркутскую казенную палату с прошением о запрете купцам торговать в местах проживания бурят в неярмарочное время, так как такая торговля приводит к их обеднению. Некоторые купцы, не довольствуясь месячной торговлей в период ярмарки, селились в кочевьях хоринских бурят, открывали лавки и круглогодично занимались торговлей. Они «простерли свою спекуляцию до того, что задают наперед не только деньгами, но и товаром по самым низким ценам, так что большая корова обходится не дороже 5 руб., масло 2 руб., белка 10 коп. серебром»³. На основании прошения Иркутская казенная палата издает распоряжение о выселении верхнеудинских купцов Федора Лосева, Тимофея Овсянкина и крестьянина Василия Мошанова за пределы проживания хоринских бурят⁴.

С середины XIX в. в бурятских ведомствах развиваются торгово-промышленные заведения в виде мелочных и мануфактурных лавок, постоянных дворов, питейных заведений и винных складов. К промышленным заведениям относились также мукомольные мельницы. Так, в 1891 г. по Хоготовской инородной управе насчитывалось три торговые лавки, два питейных заведе-

¹ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят ... С. 112.

² ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 23, 24, 43.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 23об.

⁴ ГАРБ. Л. 23–25.

ния, одна мельница¹. В 1901 г. в Агинском ведомстве было пять торговых лавок бурят и 19 лавок посторонних лиц².

В 1907 г. в Ользоновской инородной управе насчитывалось 15 торгово-промышленных заведений: 10 постоянных дворов, принадлежавших С. Бартунову, А. Литвинцеву, В. Верховзину, В. Ощепкову и П. Бабакину, одна мелочная и две мануфактурные частные лавки, одна казенная лавка, одна мукомольная мельница в Ного-Алыкском улусе³. В 1916 г. в Торском селении мещанка А. Ф. Новинская содержала мануфактурную лавку, Данзан Андреев мясную лавку с продажей горячей пищи⁴.

В конце XIX в. в инородческих ведомствах Иркутской губернии стали открываться питейные заведения, принадлежавшие обществу. Еще в 1875 г. А. П. Шапов писал об экономической пользе общественных питейных заведений для крестьян оседло-инородческих общин Верхоленского края. Он приводит данные официальных отчетов, из которых следует, что прибыль заведений направляется на оплату податей за неимущих, жалованья учителям, содержание учеников, приобретение пожарных инструментов и т. д.⁵

В 1894 г. в Иркутске были изданы специальные наставления сельским обществам Иркутской и Енисейской губернии по заведению общественными питейными заведениями. Согласно наставлениям обществом избирались доверенные, которые нанимали сидельцев для продажи вина с письменным условием и взятием с них залога в размере не менее двухмесячного оклада жалованья. Доверенный вел книги для записи приобретенных напитков и денежную приходо-расходную книгу, назначал продажную цену. Деньги, вырученные от продажи напитков, расходовались только по приговорам обществ и только на мирские повинности, общественные нужды. Так, в 1894 г. по общественному приговору Ользоновской управы с разрешения земского заседателя и губернатора было открыто питейное заведение в селении Ользоновском в доме М. Серебренникова. Патент на продажу напитков на 1 год от ок-

¹ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 86.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3320. Л. 12об.

³ ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 91. Л. 11-12.

⁴ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 19. Л. 17-18.

⁵ Шапов А. П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинском крае // Собр. соч. Иркутск, 1937. Доп. том. С. 285-291.

ружного акцизного управления стоил 200 руб. На первых порах заведение работало убыточно, так как не выдерживало конкуренции с казенным питейным заведением, но по итогам 9 месяцев 1894 г. доход от питейного заведения составил уже 320 руб. 30 коп.

В 1901 г. было открыто питейное заведение в Кудинской управе, в селении Усть-Ординском, в Курском селении, Муринском улусе. Таблицы 9 и 10 дают сведения о работе общественного питейного заведения по Муринскому улусу в период с января по июнь 1901 г. Так, в питейное заведение поступило вина и наливки на сумму 1234 руб. 59 коп., которые были проданы на сумму 1629 руб. 25 коп. Разница составила 394 руб. 66 коп.

Таблица 9

**Сведения о работе общественного питейного заведения
по Муринскому улусу Кудинской управы в 1901 г.**

	Количество (в литрах)	Цена (в руб.)	Сумма (в руб.)
Поступило:			
вина обыкновенного	188–20	6–20	1166–84
вина столового	9–50	6–50	61–75
наливок	0,50	12	6
Итого:	198–20		1234–59
Продано:	196–62		1629–25

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 291. Л. 24–25.

Из вырученной суммы от продажи винных напитков Кудинская управа рассчиталась за купленное вино, патент, выдала жалование работникам питейного заведения, и чистая прибыль составила 73 руб. 70 коп. Эти данные свидетельствуют о быстрой рентабельности таких заведений.

Многие бурятские общества выступали против открытия на их территориях или вблизи питейных заведений. П. С. Дырхеев приводит данные о том, что верхоленские буряты отрицательно относились к распространению среди них вино-водочных изделий и питейных заведений. Так, в 1880 г. в Ленскую инородную управу поступило письмо от старшины инородцев 5-го Чернорудского рода Ихиньрова, оно гласило: «Родовое управление имеет честь представить при сем общественный приговор жителей Дуртуйского селения о воспрещении выдавать кому-либо дозволенного приговора на открытие питейных заведений в селении

Дурутуй». В следующем году в Верхоленское окружное полицейское управление поступило донесение от Ленской инородной управы, в котором отмечалась незаконность открытия питейного заведения в Бужаевском выселке 2-го Чернорудского рода, так как не было решения общества¹.

Таблица 10

Содержание расходов по общественному питейному заведению Мурунского улуса Кудинской управы в 1901 г.

№	Содержание расходов	Сумма
1	Уплачено в Усть-Ординский оптовый склад вино-торговца Михайлова	1234-59
2	Возврат Я. Васильеву позаимствованных денег на приобретение патента	141-63
3	Жалованье сидельцу	120-00
4	Жалованье доверенному	60
	Итого	1556-22
	Прибыль	73-70

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 291. Л. 24об.-25.

Другой пример: общественным приговором от 15 января 1849 г. хоринские буряты просят вышестоящее начальство запретить продажу вина в селениях Курбинском, Поперечинском, Булаганском и Укырской слободе, расположенных в непосредственной близости от мест их кочевий. Бурятам, приезжающим в эти селения по хозяйственной надобности, продают вино, и они «через покупку и употребление оно не только забывают приобретение по хозяйственной части, даже некоторые встречают большие убытки»².

Общественные питейные заведения приносили денежный доход обществу, но оказывало разлагающее действие на бурятское население – увеличилось число правонарушений и преступлений, наносило значительный материальный урон семьям и т. д.

В начале XX в. в инородных управах стали учреждаться ссудо-сберегательные товарищества. Они создавались с целью дать его членам возможность а) помещать их денежные сбережения; и б) получать денежные ссуды. В члены товарищества могли быть приняты все жители, достигшие 21-летнего возраста, внесшие

¹ Дырхеев П. С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ, 2005. С. 82–83.

² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 61.

пай¹. В Хоготовской инородной управе в 1912 г. было открыто кредитное товарищество с капиталом в 3000 руб. Учредителями выступили:

1) Григорий Лихачев – писарь; имеет 15 десятин земли на душу, 6 лошадей, 13 коров, 10 овец на сумму 740 руб., постройки на сумму 1600 руб., имущество на 600 руб.;

2) Иннокентий Стерхов – почтосодержатель; имеет 25 лошадей, 25 коров, 30 овец на сумму 2150 руб., постройки на сумму 5000 руб. (5 домов), имущество на 2000 руб.;

3) А. Зуев – торговец; имеет 2 лошадей, 6 коров, 5 овец на сумму 350 руб., постройки на сумму 500 руб., имущество на 500 руб.²

В 1912 г. была открыта ссудо-сберегательная касса при Койморской инородной управе. Общественный питейный капитал в сумме 981 руб. 60 коп. с процентами было решено перевести из Иркутского государственного банка. К 1 января 1914 г. приход составил 6501 руб. 17 коп., расход – 6491 руб. 81 коп., остаток – 9 руб. 36 коп. Чистая прибыль кассы – 133 руб. 57 коп. За 1913 г. подали заявление о ссуде 660 человек, из них 420 получили³. В 1916 г. было учреждено кредитное товарищество.

Большой урон хозяйству местного населения наносили пожары. Читинский окружной начальник предписывает «непрерывно каждый раз в случае появления где-либо лесного пожара в тот же день давать знать с особыми нарочными мне и господину участковому приставу и о каждом случившемся пожаре по окончании его немедленно кроме того доносить прямо мне».⁴ В случае пожаров инородная управа без содействия полиции могла исследовать причины возникновения пожара. Если причиной пожара не является поджог, то дело заканчивается и доносится в полицию для сведения. В 1899 г. произошел пожар в местности Барун-Хоандай Тургинской управы. Пожаром был нанесен ущерб на сумму 4767 руб. 40 коп. Следствие проводили должностные лица управы. В ходе следствия были опрошены все свидетели, оценен нанесенный

¹ О порядке учреждения сельских банков и ссудо-сберегательных касс от 25 янв. 1883 г. // Сборник узаконений по крестьянскому управлению. Иркутск, 1889. С. 173.

² ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 519. Л. 17.

³ ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 125. Л. 24–25.

⁴ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

ущерб и вынесено решение оставить дело без производства из-за отсутствия виновных лиц¹.

В каждой инородной управе имелись средства для борьбы с пожаром. Так, в Унгинской управе, в Нукутском улусе были пожарная машина, две бочки на дрогах, пять железных багров и лестница. По ведомству в 1900 г. произошло восемь пожаров, сумма убытка составила 21 руб.² В Абаганатской управе пожарный сарай был построен в 1889 г., прилагался следующий инвентарь: гидропульт, три бочки, три двухколески, топоры, багры, парус, лестница. Общественным приговором от 4 мая 1900 г. жители управы ходатайствовали об ассигновании помощи из пожарного капитала для заведения небольшой пожарной машины и строительства нового пожарного сарая, приобретения пожарных инструментов, пришедших в негодность³. В Кудинской управе пожарная часть состояла из семи пожарных сараев, одной зимней и одной летней дрог, одной бочки, одного ухвата, одной лестницы, двух ведер, двух багров, двух топоров⁴.

В 1880–1890-х гг. большое распространение получает страхование частного и общественного имущества от пожаров. В фондах инородных управ имеются документы о страховании частного и общественного имущества от пожаров, ведомости по страхованию строений.

Так, бурят Абаганатской инородной управы Афанасий Найманов в 1895 г. застраховал свое имущество: пять деревянных домов, 4 юрты, два амбара, два овина на сумму 190 руб., и ежегодно платил взносы в сумме 0,65 руб.⁵ Деревянное здание Абаганатской управы с амбарами было оценено в 2300 руб., экономические магазины в 300, 400, 350 и 250 руб., и ежегодные страховые взносы составляли 1 % от оценочной стоимости⁶. В 1910–1912 гг. было застраховано по Абаганатской управе 1544 дома, 151 бань, овинов, кузниц, всего 2089 строений, которые были оценены на сумму 61 110 руб. и 755 руб. соответственно⁷.

¹ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 123. Л. 11–11об., 23.

² ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 411. Л. 11.

³ ГАРБ. Д. 186. Л. 12–12об.

⁴ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 62. Л. 18об.

⁵ ГАРБ. Д. 57. Л. 14.

⁶ ГАРБ. Д. 57.

⁷ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.

В Унгинской управе была застрахована деревянная церковь с пристройками в улусе Нукуты в страховом обществе «Россия» г. Санкт-Петербург на 78 руб. 52 коп.¹

По Тункинскому ведомству застрахованное имущество было оценено в 57 962 руб. и страховая сумма составила 32 740 руб. Торская управа в 1910 г. платила страховые платежи за общественные постройки в размере 17 руб. 57 коп.²

Имеются документы о получении страховой премии жителями бурятских ведомств. Например, бурят Унгинской управы Мадай Мадасов получил 5 руб. за сгоревший овин из 2-го отделения Иркутского губернского управления³.

Таким образом, в п. 4.2 нами рассмотрена хозяйственно-экономическая деятельность инородных управ в XIX – начале XX в. Инородные управы, как и степные думы, родовые управления, способствовали развитию хозяйства, поступлению налогов в государственную казну, укреплению экономического благосостояния страны. Основной обязанностью инородных управ был сбор налогов без недоимок. На основе Устава 1822 г. была организована налоговая система, действовавшая фактически до конца XIX – начала XX в. Размер налогов зависел от разряда населения управы, от состояния имущества каждой семьи. Кроме налогов, буряты отбывали натуральные повинности – дорожную, квартирную, уртонную (почтово-перевозочную), арестантскую, охранную – лесов от пожаров и т. д. Инородные управы выполняли важную функцию – обеспечения жизнедеятельности подведомственного населения, сбора и уплаты налогов государству.

Втягивание бурятского хозяйства в капиталистические отношения с середины XIX в. повлияли на хозяйственную деятельность инородных управ. В сфере их интересов появляется забота о доставке сельскохозяйственной техники, организация торгово-промышленных учреждений в виде мелочных и мануфактурных лавок, постоянных дворов, питейных заведений и винных складов.

¹ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 330. Л. 18.

² ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

³ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.

Глава 5

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

5.1. Деятельность органов местного самоуправления бурят по развитию народного образования и здравоохранения

Огромное значение в XIX – начале XX в. на территории Иркутской губернии и Забайкальского края имела деятельность степных дум, инородных управ и родовых управлений по социальному призрению. Призрение – это форма социальной помощи и поддержки, сложившаяся на протяжении нескольких столетий в дореволюционной России. Согласно Уставу об общественном призрении предметами общественного призрения являлись дела двух видов:

1) дела по управлению благотворительными капиталами и имуществами или хозяйством, предусматривающие умножение капиталов принятием пожертвований;

2) дела, собственно к призрению относящиеся: установление, содержание и управление богоугодных и общественных заведений, как то: сиротских и воспитательных домов, больниц и домов для призрения и умалишенных, богаделен и работных домов для прокормления неимущих работой; заведование общественными заведениями, учрежденными частными лицами и обществами¹.

В социальном призрении четко разграничивались две его составляющие – государственное и общественное, неразрывно связанные и гармонично дополняющие друг друга. Под государственным призрением понималась социальная помощь соответствующих административных органов, производимая за счет госу-

¹ Устав об общественном призрении издания 1892 г., с Продолжением 1902 г. // Полный свод законов Российской империи. Т. 13. СПб., 1905. С. 2.

дарственного казначейства. Общественное призрение предполагало содержание и управление заведений, за счет пожертвований общества и частных благотворителей, заботу о сиротах, престарелых и нуждающихся членах общества и являлось негосударственной формой помощи нуждающимся. Исторический опыт государственного призрения в России свидетельствует, что именно общественное призрение должно быть приоритетным¹.

Иностранческие органы самоуправления имели широкий круг обязанностей. Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской в своем отчете за 1883–1885 гг. отмечал: «Степные думы, которые должны были стать лишь хозяйственными инстанциями, вроде земских управ, со временем стали полновластными хозяевами и руководителями быта бурят. Они очень умно и искусно ведут дела своего маленького государства, быстро и аккуратно выполняют все требования местного начальства, предотвращая тем самым вмешательство в их внутренние дела»².

Таким образом, социальное призрение, включавшее в себя развитие образования, здравоохранения, заботу сиротах, престарелых и нуждающихся членах общества, участие в благотворительных акциях в государстве, становится одним из главных направлений деятельности органов местного самоуправления бурят в XIX – в начале XX в.

Основными источниками развития социального призрения в бурятских ведомствах являлись частные пожертвования богатых членов обществ и часть сборов на так называемые внутренние повинности, которые собирались помимо платежей и повинностей. Из общей суммы налогов затраты на общественные нужды самого бурятского населения были незначительны. В основном они расходовались на содержание приходских училищ, тюремных помещений, экономических хлебозапасных магазинов и т. д.

Значительная часть средств из внутренних повинностей выделялась на нужды народного образования. После принятия устава школ 1804 г. стали открываться приходские училища. В течение первой половины XIX в. у бурят было открыто значительное по тому времени количество приходских училищ: Балаганское – в 1804 г., Онинское – в 1806 г., Идинское и Тункинское – в 1816 г.,

¹ Мантурова С. Ч. Указ. соч. С. 4.

² Там же. С. 155.

Селенгинское – в 1818 г., Аларское – в 1835 г., Агинское – в 1842 г., Баргузинское – в 1844 г.¹ В связи с тем что Уставы школ 1804 и 1828 гг. не предусматривали содержания училищ за счет государства, они содержались за счет общества или частных лиц.

По поводу инородческих училищ М. Н. Хангалов писал: «Народные училища действительно становятся рассадником народного образования, доступного каждому русскому и буряту», при этом он указывал на проблемы инородческого образования. Во-первых, недостаток училищ, во-вторых, их неудобное расположение. Приходские училища открывались возле степных дум и были недоступны из-за своей отдаленности. Необходимо было найти квартиры для учащихся, обеспечить их питанием и т. д. Немногие родители могли себе позволить оплатить за обучение 6–8 руб. в месяц, за уход и квартиру от 7 до 11 руб. Поэтому большинство учеников обучались за счет общества. Так, в 1871 г. верхоленские буряты общественным приговором решили выделить на содержание 20 учеников 725 руб. 20 коп. Было решено собрать эту сумму с 5920 ревизских душ по 12 $\frac{1}{4}$ коп.²

По мнению В. И. Андреева, исследовавшего историю бурятских приходских училищ в первой половине XIX в., первые училища открывались по инициативе бурятских родоначальников, озабоченных собственными интересами – «казаться в глазах Иркутского высшего начальства сторонником и зачинателем «новшествов» среди бурят», а с другой стороны, открытие училищ было продиктовано необходимостью подготовки кадров для бурятского инородческого управления³. Незнание русского разговорного языка и русской грамоты серьезно затрудняло ведение делопроизводства и общение бурятских родоначальников с представителями русской власти.

Одно из первых бурятских училищ было учреждено в Хоринском ведомстве в 1806 г. по инициативе главного тайши Галсана Мардаева. Онинское приходское училище было открыто 26 января 1806 г. Содержалось оно за счет денег, собираемых обществом хоринских бурят, кроме налогов, на свои внутренние нужды.

¹ Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. 1. С. 209.

² ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1207а. Л. 2–2об.

³ Андреев В. И. Бурятские приходские училища в первой половине XIX в. Иркутск, 1957. С. 8–9.

Средств собиралось недостаточно и это сказывалось на материальном положении училища. Встречается такое описание здания Онинского училища в 1844 г.: «Один деревянный дом, ветхий, покрытый драньем, и с крыльцом, покрытым тоже драньем. В нем одна комната для учащихся, вторая для учителя с переборкой, одна прихожая, одни сени и один чулан. Во всем здании девять окон, из коих оконьев со слюдой семь, а остальные без оных, ставней пять, из которых три с запором, железных печей две со вьюшками чугунными, но без заслонок, дверей пять, все они на крючьях и петлях железных».

Баргузинское бурятское приходское училище было открыто в 1844 г. с разрешения Иркутского гражданского губернатора, содержалось за счет общества¹. Инициатором его учреждения являлся помощник главного тайши Сахар Хамнаев и им же был пожертвован дом под училище. Училище находилось при думе в селении Улюнское. Дом был площадью 5х3 ½ кв. саженей, состоял из трех комнат с прихожей, одной печки, восьми окон с одинарными рамами, шести дверей².

Училище подчинялось директору народных училищ Забайкальской области. Школа содержалась на деньги из общественного сбора на внутренние повинности баргузинских бурят и обслуживала селения Улюн, Сэмо, Чечето, Топуха, Алачи, Бархан, Дагальжин, Улзаха, Ярикта, Бунцынен. В училище принимали мальчиков не моложе 8 лет и девочек не старше 11 лет³.

Уровень обучения бурятских детей в училище оставался невысоким, об этом свидетельствует донесение учителя Александра Сахарова в Баргузинскую степную думу от 15 февраля 1863 г.: «Я с готовностью старался бы обучить как можно больше бурятских детей грамоте, чтобы из таковых впоследствии вышли бы полезные люди обществу... но этого не могу достигнуть, во-первых, по несвоевременной явке учащихся в училище, во-вторых, по недостатку учебных пособий, в-третьих, главная причина, уклончивость здешних бурят от образования, неотдача детей в училище ...»⁴.

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1626. Л. 13.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1902. Л. 21.

³ ГАРБ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 60. Л. 2–2об.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1–2об.

В 1883 г. жалованье учителя составляло 500 руб. в год. В годовом отчете Баргузинской степной думы отмечается, что «при таком содержании учителя (500 руб. в год) смело можно рассчитывать, что Баргузинское бурятское училище без учителя не останется и грамотность между инородцами может быть распространена, тем более, что главный тайша Александр Сахаров обязал всех родовых голов известный процент инородческих детей непременно присылать в училище ...»¹.

Слабую подготовку учеников в Баргузинском бурятском приходском училище отметил в своем предписании в степную думу 25 сентября 1893 г. штатный смотритель Верхнеудинского уездного училища. Он пишет, что, производя вступительные экзамены в Верхнеудинское уездное училище, члены педагогического совета не могли не обратить внимание на слабую подготовку поступающих учеников, окончивших Баргузинское приходское училище: «Совет пришел к заключению, что Баргузинское бурятское приходское училище не может процветать, если учитель не владеет монгольским языком... Имею честь предложить степной думе... отправить за свой счет в Верхнеудинск Тудыпова Даши, как довольно способной личности, на педагогическую подготовку в Верхнеудинское уездное училище... чтобы к концу года мог выдержать экзамен на звание сельского учителя и занять место учителя в Баргузинском бурятском приходском училище»².

В фонде отложился протокол заседания съезда представителей бурят-буддистов Забайкальской области, проходившего в г. Чите 20–23 февраля 1902 г., по вопросу об устройстве квартиры-пансиона для учащихся в учебных заведениях г. Читы детей бурят-буддистов. На этом съезде было принято постановление о постройке деревянного двухэтажного здания на 75 человек с каменным подвальным помещением на средства бурят и на земле бурят³.

Новое помещение Баргузинскому училищу при степной думе было пожертвовано согласно общественному приговору баргузинских бурят от 5 марта 1896 г. в честь коронавания царя Николая II с тем, «чтобы новое училище наименовалось под вывеской «Баргузинское приходское училище, построенное в ознаменова-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2056. Л. 17–18.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2304. Л. 31–32.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2642. Л. 8.

ние священного коронования их императорских величеств 12 мая 1896 г., а в само помещение училища приобрести портрет царя, который просим главного тайшу Сотиева купить в г. Москве»¹.

Первым учителем Баргузинского бурятского приходского училища был Алексей Корнильцев, «бурят, 20 лет от роду, веры греко-российской, сын казака Сартолова полка Троицкосавского пограничного войска», выпускник Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы. В своем письме штатный смотритель училищ Верхнеудинского округа пишет ему: «... Определив Вас учителем вверенного Вам Баргузинского бурятского приходского училища, я уверен, что Вы употребите труд и оправдаете избрание начальства, заставите самих инородцев сознаться в ценности открытого заведения, имеющего принести общественную пользу ...»².

В списке учителей приходского училища также имена братьев Сахаровых Александра и Николая, внесших значительный вклад в развитие образования баргузинских бурят (табл. 11). Они были людьми разносторонних интересов, выписывали самую различную литературу по географии, истории, праву, анатомии, биологии, самоучители разных языков, из Санкт-Петербурга³.

На летние каникулы дети распускались с 15 апреля по 1 октября⁴.

Почетными блюстителями училища являлись уважаемые лица, так, главный тайша Ринчин Сотиев был почетным блюстителем Баргузинского бурятского приходского училища. Почетный блюститель должен был вносить взнос в пользу училища в размере 25 руб. в год⁵.

В 1894–1895 гг. общественными приговорами баргузинские буряты пожертвовали на преобразование Баргузинского городского двухклассного училища в трехклассное на условиях, чтобы «в этом училище имели места наши дети в количестве до половины мест всех учеников; никаких других расходов по содержанию училища не имеем; чтобы в училище работал учитель со знанием монгольской грамоты, чтобы дети могли объясняться; прекратить суб-

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2439. Л. 19.

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2304. Л. 36–36об.

³ ГАРБ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–1об.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1289. Л. 5–5об.

⁵ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2100. Л. 36–36об.

сидию в 750 руб. в Верхнеудинское уездное училище для обучения 6 мальчиков, перевести их в Баргузинское городское училище, на содержание беднейших учеников назначить 200 руб. в год»¹.

Таблица 11

Список учителей Баргузинского бурятского приходского училища в разные годы

Годы	Учитель
1844 г. – декабрь 1851 г.	Алексей Корнильцев ²
Декабрь 1851 г. – август 1856 г.	Аюши Дашицыренов, урядник 5-го полка Забайкальского казачьего войска ³
Август 1856 г. – 1865 г.	Цэдэбжаб (Александр) Сахаров (сын главного тайши Сахара Хамнаева)
1865 г.	Николай Сахаров (сын главного тайши Сахара Хамнаева)
Февраль 1880 г. – сентябрь 1881 г.	Терентий Николаев
Сентябрь 1881 г. – август 1882 г.	Иннокентий Чикинев
Август 1883 г.	Георгий Кузьмич Большаков ⁴
Сентябрь 1883 г.	Михаил Федорович Сестринский ⁵
Октябрь 1883 г. – 1893г.	Георгий Кузьмич Большаков
Август 1894 г. – 1902 г.	Вонифатий Сидорович Шубин ⁶ С 1896 г. назначен второй учитель Ампил Галсанович Гальчев ⁷

В письме приамурского генерал-губернатора военному губернатору Забайкальской области о результатах ознакомления с населением, потребностями, а также с проявлением деятельности администрации в жизни населения Забайкальской области написано: «Посетив школы, содержимые при бурятских степных думмах, я нашел, что обучение в них ведется весьма удовлетворительно, но число учеников недостаточно... как в Читинской гимназии, так и в прочих учебных заведениях, мною посещенных, ученики из бурят все отличались весьма хорошими способностями»

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2384. Л. 2–3

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 229. Л. 24–25.

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 303. Л. 2.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2033.

⁵ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2033.

⁶ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 231. Л. 35.

⁷ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2658. Л. 75.

ми, прилежанием, хорошим поведением, в успехах не только не уступали коренным русским, но даже превосходили весьма многие из них, несмотря на то, что им приходится в большинстве сверх усваивания наук еще учиться и русскому языку ...»¹.

В 1895 г. 15 мальчиков и 3 девочки обучались, кроме Баргузинского бурятского приходского училища, в двух миссионерских училищах², Верхнеудинском уездном училище с 1890 по 1893 г. – 8 мальчиков, в Баргузинском городском двухклассном училище – 1 мальчик³.

Первая школа – Кударинская приходская школа – была открыта в 1851–1852 гг. в селении Хараузском, благодаря стараниям кударинского общества и главного тайши Заяхана Хамаганова. В 1871 г. в школе обучалось 23 ученика⁴. В училище преподавали чтение, письмо, арифметику, основы географии и основы Закона Божьего, имелась богатая библиотека, на ее пополнение ежегодно обществом выделялась сумма 100 руб. В 1875 г. Кударинское училище было перевезено в селение Корсаковское.

В 1902 г. по Кударинскому ведомству было три школы: в Корсаковском двухклассном училище обучалось 61 мальчик и 8 девочек, в Дуланской церковно-приходской школе – 45 мальчиков и 2 девочки, Хандалинской школе – 22 мальчика и 3 девочки. Всего – 141 ученик⁵.

Для улучшения материальной базы школ избирались почетные блюстители из числа богатых людей. Так, в 1896 г. почетным блюстителем Корсаковского приходского училища был избран Казан Помишин, заседатель Кударинской степной думы. В этом же году он оказал помощь училищу в размере 50 руб. В дальнейшем он помогал училищу в ремонте, беря на себя часть расходов. В 1901 г. он выделил 47 руб. на различные расходы⁶. Почетный блюститель Часовенской школы Бартан Данилов выделил 43 руб.⁷

Долго шел процесс по открытию училища в Ольхонском ведомстве. 15 февраля 1830 г. ольхонские буряты обсуждали вопрос

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2227. Л. 17

² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2392. Л. 67

³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2304. Л. 35, 40

⁴ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 927. Л. 15–17

⁵ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1212. Л. 5

⁶ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 412. Л. 3

⁷ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 417. Л. 4.

об учреждении училища в ведомстве на общем суглане при степной думе. Речь шла о подыскании дома под училище и его содержания. Общественным приговором было решено не открывать училище по причине невозможности родителей содержать своих детей-учеников из-за тяжелого бремени выполнения казенных податей и повинностей¹.

Ольхонское приходское училище было открыто только 1 сентября 1859 г., на его содержание обществом выделялось 400 руб. в год². Учебная программа была рассчитана на один год и включала такие предметы: Закон Божий, русский язык, арифметику, чистописание и рисование³.

В 1863 г. в приходском училище обучались 18 мальчиков, учителем работал Сидоров⁴. В 1868 г. на предписание Верхоленского окружного исправника степной думе об открытии женского класса, устройстве библиотеки и обучении мальчиков ремеслам при училище ольхонские буряты отказывались, ссылаясь на неурожай и свое бедственное положение⁵.

В 1876 г. на содержание Ольхонского приходского училища общество выделяет те же 400 руб.: на жалованье учителю – 240 руб., на наем сторожа – 54 руб., отопление и освещение – 33 руб., учебные пособия и библиотеку – 25 руб., уборку помещения – 35 руб., ремонт здания и мебели – 8 руб., награды ученикам – 5 руб.⁶ Численность учащихся не увеличивалась, поэтому число грамотных по ведомству было мало. В 1874 г. был всего 31 грамотный на 5668 человек, или 0,6 %, знали русский язык – 224 человека, или 4 %⁷.

В 1884 г. в ведомстве было два учебных заведения: приходское училище с 15 учениками при степной думе и школа при Еланцинском миссионерском стане с 4 учениками⁸.

В Верхоленском ведомстве первая школа – Хоготовское приходское училище было открыто 1 мая 1861 г. Учащихся было все-

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–24.

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 174. Л. 15–16.

³ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 562. Л. 37.

⁴ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 427. Л. 22–23.

⁵ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 810.

⁶ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 969. Л. 81.

⁷ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 921.

⁸ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 572. Л. 70об.

го 12 человек, из них кочевых некрещеных – 6 мальчиков, 3 оседлых, 3 ясачно-крещеных¹.

Училище размещалось в деревянном доме длиной 7 сажень, шириной 4 сажени. Дом был разделен на две половины, одну занимала классная комната, в другой квартировал учитель. Дом был крыт тесом, имел два крыльца, 14 окон, одну голландскую печь и оценивался в 952 руб.²

В 1864 г. здесь обучалось уже 19 учеников³.

Учителями школы в разные годы были Иннокентий Шипицын, Гордеев, Андрей Еремеев, Осип Сидоров, Екатерина Еремеева.

Отдельного внимания заслуживает Троицкосавская войсковая русско-монгольская школа, или по первоначальному названию Троицкосавская бурятская школа, основанная в июле 1832 г. Школа стала кузницей первых учительских кадров для бурятских приходских училищ. Она была учреждена благодаря благотворительной деятельности бурятских казаков, собравших на содержание школы 4055 руб. 25 коп., 10 голов лошадей, 17 голов быков, 110 голов овец, 125 $\frac{1}{4}$ кирпича чая, ярицы в зерне 21 пуд, масла коровьего 1 пуд, 4 бараньи мерлушки, 5 овечьих шкур. Школа находилась в ведении Министерства внутренних дел, по своему учебному плану и программам приближалась к уездным училищам.

О качестве работы школы свидетельствует письмо Иркутского гражданского губернатора министру народного просвещения в 1835 г., в котором отмечается, что в училище, открытом в 1833 г., было принято 30 учащихся, «из коих большая часть не знала ни одного русского слова... При посещении в 1834 г. сей школы нашел я, что ученики 1-го класса читали по складам с таблиц... во 2-м классе после семи месяцев начинали читать и писать и понимали значение чисел, но при нынешнем моем обозрении, я был удивлен быстрыми успехами, так что ученики 1-го класса все же читают и пишут как по-монгольски, так и по-русски, рисуют цифры, знают сложение и вычитание, дают ответы по-русски довольно чистым произношением; ученики 2-го класса все говорят чисто по-русски, читают свободно, пишут по диктовке по-русски и по-монгольски, знают четыре действия арифметики и переводят

¹ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 884. Л. 164.

² ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1161. Л. 1–2.

³ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 807. Л. 69.

короткие фразы с монгольского на русский и с русского на монгольский язык ...».

Выпускники Троицкосавской школы работали писарями и урядниками в бурятских казачьих полках, переводчиками в пограничном управлении. Из стен этой школы вышел первый бурятский ученый Доржи Банзаров, И. П. Шишмарев, первый русский консул в Монголии, Будажап Кутухтуев, монголист, учителя бурятских приходских школ Аюша Дашицыренов, Алексей Корнильцев, Онисим Москвитин, Николай Бадмаев и др.

В 1851 г., с включением бурятских казачьих полков в Забайкальское казачье войско, школа была переведена в Селенгинск и передана из ведения Троицкосавского пограничного комиссара в ведение казачьего войска, став обычным приходским училищем. В 1852 г. школа была закрыта по причине отсутствия средств, в 1859 г. по ходатайству атамана Забайкальского казачьего войска школа восстановлена. Русско-монгольская школа прекратила свое существование в 1888 г. вследствие ее перевода в Селенгинское двухклассное городское училище¹.

1 декабря 1872 г. в Иркутске открылась учительская семинария, и бурятские дети получили возможность обучиться учительской профессии. На содержание семинарии Верхоленское, Ольхонское и Ленское ведомства обязывались ежегодно вносить по 100 руб.² При поступлении предъявлялись следующие требования: возрасту старше 16 лет, грамотность, православное вероисповедание. Во время пребывания в семинарии молодые люди могли пользоваться казенным содержанием и учебными пособиями. Кроме того, после окончания курсов, каждый получал на первоначальное обзаведение 25 руб. серебром, за годы обучения освобождался от всех личных повинностей, не исключая и рекрутской. За все это он должен был прослужить не менее 6 лет учителем в школах Восточной Сибири.

В 1880 г. в Верхоленской думе имелось два училища – Хоготовское и Ользоновское, которые содержались за счет общества. Так, Ользоновское училище обходилось в 816 руб., Хоготовское – в 863 руб., всего – 1679 руб. в год. Эта сумма направлялась на жалование учителю, законоучителю, сторожу, на библиотеку,

¹ Андреев В. А. Из истории Троицкосавской войсковой... С. 276–287.

² ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1248. Л. 59.

награды ученикам, отопление, освещение, канцелярские расходы, мытье полов, доставку воды. Хозяйственная деятельность училищ контролировалась членами думы и почетными блюстителями училищ.

Дети крещеных бурят могли получить духовное образование в Иркутском и Нерчинском духовных училищах.

В донесении Верховленской степной думы окружному исправнику за 1883 г. отмечается, что, несмотря на наличие двух приходских училищ, «... особого развития грамотности между инородцами незаметно, оттого, что инородцы из дальних улусов для учения своих детей не отдают» по причине дороговизны содержания их детей в русских селениях и дальности, с одной стороны. С другой стороны, слабый уровень учителей, ведение занятий на русском языке не способствовали успешному освоению грамоты бурятскими детьми¹.

В 1872 г. было открыто бурятское приходское училище в с. Тунка, которому предшествовали общественный приговор Тункинского инородческого общества от 15 сентября 1872 г. и предписание Главного управления Восточной Сибири от 11 декабря 1872 г.² Дом под приходское училище был взят в аренду у Койморского священника Гродина за «50 руб. серебром»³. На содержание училища Тункинская степная дума предписывает родовым старостам собрать по 10 коп. с души⁴.

Заседатель 3-го участка Иркутского округа Лопуцкий предписывает Тункинскому степной думе, «чтобы дети инородцев обоего пола были бы высланы в училище, учрежденное в Тункинском селении... предупредив родителям, что из-за отклонения детей от обучения грамоте подвергнутся взысканию»⁵.

Дети тункинских бурят также обучались в школах при Койморском, Шимковском и Гужирском миссионерских станах⁶. Несколько способных детей отправлялись в Гусиноозерский дацан для обучения тибетской грамоте⁷.

¹ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1699. Л. 42–43.

² ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 178. Л. 263–263об.

³ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 162. Л. 6.

⁴ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 162. Л. 11.

⁵ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 162. Л. 1а-1а об.

⁶ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 157. Л. 19, 99.

⁷ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 90. Л. 266–269.

Некоторые бурятские родоначальники проявляли интерес к работе приходских училищ, стремились помочь им улучшить работу и материальные условия. Например, в 1847 г. заседатель Хоринской степной думы Тарба Жигжитов пишет рапорт штатному смотрителю училищ Верхнеудинского округа Д. П. Давыдову о пожертвовании своего дома «о шести комнатах, отстроенный в 1838 г., со всеми службами и другими принадлежностями, мебелью и прочими» Онинскому приходскому училищу. Дом «имеет всевозможные удобства для помещения училища, учеников и учителей, а также для хранения продовольствия воспитанников»¹. Кроме этого, он поднимал вопросы переноса Онинского училища от здания Хоринской степной думы в воспитательных целях, так как «от беспрестанного стечения народа, более или менее сомнительной нравственности, ученики рассеиваются в мыслях, привыкают видеть праздношатающихся, пьяных и тому подобных людей. От чего успехи их в науках не могут быть замечательны, а беспрестанный пример перед глазами может иметь дурное влияние на образ их последующей жизни»².

Т. Жигжитов предлагал «без всякого денежного возмездия обучать детей монгольской грамоте и переводу на русский язык, также чтению и письму по-тибетски». В 1848 г. по распоряжению Д. П. Давыдова Онинское училище было переведено в пожертвованный Т. Жигжитовым дом в 12 верстах от Хоринской степной думы, и разрешалось ему обучать учащихся монгольскому языку³.

Баргузинский тайша Сахар Хамнаев принимал деятельное участие в обучении детей бурят грамоте. Он дружил с Д. П. Давыдовым, трое его сыновей обучались в Верхнеудинском уездном училище и жили на его квартире. С. Хамнаев пожертвовал свой дом под бурятское приходское училище, за что в 1845 г. был удостоен серебряной медали на Аннинской ленте для ношения на шее⁴.

Один из видных деятелей кударинских бурят главный тайша Заяхан Хамаганов являлся инициатором учреждения приходского училища в своем ведомстве. Он пожертвовал обществу кударин-

¹ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 128. Л. 19об.

² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 128. Л. 19.

³ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 128. Л. 18, 19об.

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 409. Л. 2–2об.

ских бурят «училищное здание с двойными рамами, двумя печами со вьюшками и заслонкой», за что в 1860 г. получил благодарность от генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского¹.

Иннокентий Муравьев, тайша ольхонских бурят в 1853–1859 гг., также явился инициатором учреждения Ольхонского приходского училища, за что получил благодарность от начальника Иркутской губернии. Он уступил свой дом под училище на три года.

В документах Государственного архива Республики Бурятия имеются приговоры обществ об утверждении сметы доходов и расходов на содержание училищ, учителей и учащихся, ремонт, строительство школьных зданий; переписка с вышестоящим начальством по финансовым и другим вопросам и т. д.

Так, в 1854 г. хоринские буряты на жалование учителю Онинского приходского училища, на отопление здания и содержание 14 учащихся мальчиков выделили 942 руб. 86 коп. в год², кудинские буряты выделяли на содержание шести человек миссионеров при Кудинском инородческом училище 288 руб., на жалование учителю и содержание Кудинского училища – 624 руб. 10 коп., жалованье законоучителю – 60 руб.³

В Селенгинском ведомстве также большое внимание уделялось развитию образования. 13 апреля 1833 г. Иркутское общее губернское правление направило предписание «Об учреждении приходских училищ» Верхнеудинскому земскому исправнику, в котором было предложено возобновить работу училищ в бурятских ведомствах. Губернское правление также предложило назначить ежегодные сборы до 600 руб. в бурятских ведомствах, сумму можно было заменить 700 пудами ржаной муки. Согласно этому предписанию можно было отправлять в Иркутское училище для детей канцелярских служащих по два мальчика, обучение каждого из них должно было стоить не более 400 руб. в год⁴.

В ответ на это предписание Селенгинская степная дума 5 августа 1833 г. пишет донесение Верхнеудинскому земскому исправнику о желании отдать 8 мальчиков для обучения в монголо-

¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 187. Л. 9–9об.

² ГАРБ. Д. 271. Л. 345об.

³ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 329. Л. 29–30.

⁴ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 182. Л. 6–9

бурятскую школу, учреждаемую в г. Троицкосавске, вместо обучения в г. Иркутске, связывая это с материальными затруднениями. Ежегодное обучение 8 мальчиков стоило бы 600 руб. в год¹.

В 1895 г. в Ользоновской инородной управе выделялся согласно приговору общества 321 руб. на содержание Хоготовского и Ользоновского училищ. В 1909 г. было открыто одноклассное училище в Хараевском улусе, в 1912 г. – в Молойском и Онгойском улусах. Надо отметить, что открытие училища обходилось согласно смете в среднем в 4000 руб., основную долю этой суммы собирали сами буряты как сбор пожертвований².

В Абаганатской управе не было своей школы, поэтому дети учились в Кудинском инородческом начальном училище. На содержание Кудинского училища и жалование учителю выделялось 206 руб., на содержание пансионеров при училище – 120 руб. в год. 16 февраля 1900 г. общественным приговором жители управы изъявили желание открыть начальное училище у себя в управе. В марте 1901 г. суглан при инородной управе принял решение о строительстве и открытии своей начальной школы. Управа обращается с просьбой разрешить заготовку материалов для строительства училища в казенных лесах бесплатно и за счет сбережений от урожая³.

В 1890 г. в Аларской управе учителем К. Белоусовым была открыта воскресная школа для взрослых⁴. В 1905 г. было выделено 205 руб. на содержание одноклассного училища, 189 руб. – двухклассного училища, которое содержалось за счет трех управ – Ныгдинской, Куйтинской и Аларской, Иркутской учительской семинарии – 54 руб., Шалотской церковно-приходской школы – 510 руб.⁵

В 1910 г. буряты Туглуйского, Хандагайского, Куркатского, Алзабейского, Ямагинского улусов приняли решение об открытии в их улусах по одноклассному училищу. Инспектором народных училищ 2-го района Иркутского района каждому училищу было отправлено по 200 руб. на открытие и первоначальные нужды.

¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 182. Л. 12–13

² ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 406.

³ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 186. Л. 8, 12 об.

⁴ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

⁵ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 674.

Помимо этих школ, по управе работали Киркейское, Алятское, Кукунурское училища¹.

В 1907 г. буряты Хогойского улуса Кудинской управы приняли решение о строительстве своей школы. На постройку школы было необходимо 1870 руб., но Дирекция народных училищ Иркутской губернии выделила 997 руб. 35 коп. Остальную недостающую сумму было решено собрать путем частных пожертвований².

В 1910 г. в Торской инородной управе было выделено на содержание местного училища 190 руб., Иркутской учительской семинарии – 22 руб., на пособие обществу вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии – 60 руб.³

В Кутульском и Еланцинском управах Ольхонского ведомства в 1892 г. было одно училище – Ольхонское, которое содержалось за счет общества. В училище обучалось 13 детей, работал 1 учитель⁴. В 1909 г. было открыто Больше-Онгуренское училище, в 1910 г. – Заминское⁵.

В Унгинской управе к 1892 г. было три бурятских приходских училища: Тыретское, Нукутское, Тагнинское. В с. Тагна дом под училище был пожертвован бурятами Тагнинского рода Павлом и Савелием Сухоревыми⁶. В 1899 г. было открыто приходское училище Министерства народного просвещения в улусе Закулейском. Учителем был назначен Матвей Хангалов⁷.

В 1900 г. открылись Нукутская женская⁸ и Тангутская церковно-приходские школы⁹. К 1901 г. по ведомству было 4 министерских училища: Нукутское (40 учеников, учитель – Петелин), Усть-Хамхарское (34 ученика, 3 ученицы, учитель Павел – Долганов), Закулейское (30 учеников, 7 учениц, учительница – Васса Челпанова), Наимодаевское (32 ученика) и 2 церковно-приходские школы: Нукутская женская с интернатом (17 учениц), Тангутская (15 учеников, 5 учениц)¹⁰.

¹ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 799.

² ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 365. Л. 19–22.

³ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 18. Л. 14об.-17.

⁴ ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 15. Л. 19об.

⁵ ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 260. Л. 1, 5.

⁶ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 164. Л. 10.

⁷ ГАРБ. Д. 363. Л. 20.

⁸ ГАРБ. Д. 379.

⁹ ГАРБ. Д. 363. Л. 12.

¹⁰ ГАРБ. Д. 421. Л. 16.

Интерес представляет архивный документ о том, как бурят 1-го Муруевского рода Петр Шагланов пожертвовал дом под Тыретское бурятское приходское училище на вечное пользование в память проезда цесаревича Николая в 1891 г. через Сибирь. Комиссия приняла дом «согласно желанию жертвователя», застраховала на 1000 руб. и вынесла благодарность Петру Шагланову¹. Училища выписывали книги, журналы, учебные пособия: «Русский начальный учитель», «Родник», «Воспитание и обучение», «Детский отдых» и др. Содержались все училища за счет общества и из этой суммы 60 руб. отчисляли на содержание Иркутской учительской семинарии².

Большой интерес представляют сведения о развитии образования в Агинском ведомстве, так как именно из среды агинских бурят в начале XX в. появляются блестящие ученые и общественные деятели: Цыбен Жамцарано, Базара Барадин, Гомбожаб Цыбинов, Бато-Далай Очиров и др.

В число учебных заведений ведомства к концу XIX в. входили Агинская Николаевская миссионерская школа, Агинское приходское училище при Агинской степной думе, частные школы при дацанах – Цугольское и Агинское училища³.

Агинская миссионерская школа была учреждена в 1883–1884 гг., и обучались в ней преимущественно дети крещеных бурят. Школа размещалась в доме миссионера священника, отделялась от его квартиры дощатой заборкой. Деньги на содержание отпускались из Епархиального училищного совета и из министерских сумм.⁴

Агинское приходское училище было открыто 21 мая 1842 г. и находилось в здании думы, подчинялось инспектору народных училищ Забайкальской области, училище содержалось за счет общества. В 1868 г. содержание училища обошлось обществу агинских бурят в 542 руб. 85 коп.⁵ С 1903 г. Агинское приходское училище было преобразовано в двухклассное. В 1908 г. в нем обу-

¹ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 220. Л. 33–34.

² ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 239. Л. 11об.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1297. Л. 5–6, 9, 14, 15.

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3350. Л. 16–16об.

⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1634. Л. 10об.

чались 101 мальчик и 14 девочек. Библиотека состояла из 1408 названий книг общей стоимостью 1111 руб. 49 коп.

Дети агинских бурят учились также в Нерчинском уездном училище. В 1857 г. общество платило 20 руб. серебром за содержание 2 учеников¹.

На устройство библиотеки в Читинской мужской гимназии инородными управами было пожертвовано 247 руб. 62 коп.²

Агинскими бурятами была учреждена в Читинской гимназии одна стипендия имени генерал-адъютанта барона А. Н. Корфа, приамурского генерал-губернатора в 1884–1893 гг., много сделавшего для развития просвещения сибирских инородцев. Согласно положению стипендиатом должен был выбираться ученик исключительно из бедных, при этом в случае признания педагогическим советом стипендиата достойным продолжить образование в Томском университете, то пользование стипендией продолжалось до окончания курсов в университете³.

Благодаря этой стипендии университетское образование получил Гомбожаб Цыбиков, будущий ученый-востоковед, профессор. Он окончил Читинскую гимназию с серебряной медалью и был признан достойным продолжить образование в Томском университете. Вопреки желанию ему пришлось поступить на медицинский факультет Томского университета. В 1893 г. руководство университета обратилось с ходатайством военному губернатору Забайкальской области и приамурскому генерал-губернатору о его переводе в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков с правом использования стипендии им. А. Н. Корфа: «Гомбожабу Цыбикову пришлось поступить на медицинский факультет вопреки собственному влечению и желанию его сородичей. Образование, которое Цыбиков получит на медицинском факультете, не принесет никакой пользы для него и для бурят, среди которых имеет применение тибетская медицина, так что ему придется применять свои знания ни в среде бурятского населения, которое тоже не будет иметь к нему особого доверия. Получив же образование на факультете восточных языков, и изучив монгольский и китайский языки, он, несо-

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1054. Л. 10–11.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 42. Л. 14об.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3811. Л. 13–14.

мненно, может оказать большую пользу своим сородичам в качестве ученого переводчика или даже в качестве ученого ориенталиста, изучением древней жизни своего племени»¹.

Просьба была удовлетворена, Г. Цыбиков получил перевод в Санкт-Петербургский университет, который окончил в 1900 г.

В 1894 г. ламами и бурятами Агинского ведомства было пожертвовано 15 100 руб. на образование 2 стипендий имени супругов Ильяшевич в Читинской мужской гимназии².

В июне 1891 г. в жизни населения Иркутской губернии и Забайкальской области произошло удивительное событие, оказавшее влияние на развитие бурятского сообщества, в частности образования агинских бурят. Воодушевленные приездом цесаревича Николая, вскоре после его отъезда, 1 июля 1891 г. агинские буряты обратились к нему с письменным прошением об учреждении стипендии его имени в Иркутской учительской семинарии, собрав для этого 8000 руб.³ При этом подчеркивалось, что приезд в бурятское ведомство цесаревича может сыграть важную воспитательную задачу для молодых, послужить стимулом к развитию у них честности и верности своему Отечеству. Необходимо отметить, что большинство бурят не имели возможность получить хорошее образование в силу ограничения из-за буддийского вероисповедания.

Еще в 1883 г. агинские буряты ходатайствовали об обучении в Иркутской учительской семинарии своих детей: «Мы, желая подготовить молодых людей из среды нас буддистов к учительской деятельности, которые бы впоследствии могли занять должность учителей в нашем приходском училище (Агинском Николаевском) настоящим приговором ходатайствуем перед высшим начальством... дозволить нам буддистам содержать в Иркутской учительской семинарии стипендиатов для обучения на средства нашего общества, причем докладываем, что об усилении средства семинарии, мы можем всегда отнестись по мере своей возможности сочувственно, если только будет нам предоставлено одинаковое право с крещеными инородцами...»⁴. На это сле-

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3811. Л. 49.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2633а. Л. 20об.

³ Иркутская учительская семинария открыта в 1872 г. в г. Иркутске для подготовки учителей. За 28 лет (1872–1900 гг.) семинарию окончили 304 человека, из них 23 бурята.

⁴ ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

дует ответ инспектора народных училищ Забайкальской области: «Иркутская учительская семинария – заведение закрытое и существует исключительно для детей православного исповедания», поэтому невозможно дозволить «некрещеным инородцам помещать своих детей в учительскую семинарию наравне с детьми крещеных инородцев»¹.

Поэтому для агинских бурят стало большим событием, когда в феврале 1892 г. Николай дал разрешение на учреждение стипендии для детей агинских бурят в Иркутской учительской семинарии, о чем сообщили жителям ведомства.² Вскоре было разработано Положение о стипендии имени цесаревича Николая при Иркутской учительской семинарии³.

27 мая 1892 г. общественный приговор агинских бурят выбрал самого достойного юношу из своей среды. Им оказался Бато-Далай Очиров, будущий первый бурятский депутат II Государственной думы, просветитель и политический деятель. Однако по неизвестной причине ему не пришлось учиться на эту стипендию, поэтому 21 июля 1893 г. на учебу был направлен Чойжил-Лхамо Базарон, впоследствии в течение 40 лет занимавшийся просветительской деятельностью в Забайкальской области. Он стал видным бурятским просветителем, общественным деятелем, учителем, писателем. После Иркутской учительской семинарии он работал в школах Агинского ведомства, в Читинской учительской семинарии. Автор стихов, рассказов для детей, «Монголо-бурятского букваря» (1906 г.), учебников и учебных пособий, он участвовал в экспедиции Г. Н. Потанина в Большой Хинган.

В декабре 1897 г. по выбору общества стипендиатом становится Цыбен Жамцарано⁴, впоследствии выдающийся ученый-исследователь, востоковед, этнограф, фольклорист, публицист, общественный деятель, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. Именно в стенах Иркутской учительской семинарии он развернул работу по сбору фольклорного материала бурят.

¹ ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Л. 11.

² ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2929. Л. 1, 4.

³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2929. Л. 45–46.

⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2929. Л. 67–67об.

В 1901 г. на средства общества в Агинском приходском училище обучалось 74 мальчика, в Агинской миссионерской школе – 8 мальчиков, 8 девочек, в Читинской гимназии – 3 мальчика, в Читинском городском 3-х классном училище – 11 мальчиков, в Читинском ремесленном училище – 8 мальчиков, в Иркутской учительской семинарии – 1 мальчик¹.

Во второй половине XIX в. у бурят не было ни одной средней школы, а в русских школах их обучалось немного. Например, в 1890 г. в Иркутской учительской семинарии обучалось 4 бурята, в Иркутской классической гимназии – 2, в Иркутской женской прогимназии – 2 бурятки, в Читинской гимназии в 1899 г – 6 бурят. В 1888 г. в городских училищах обучалось 19 бурят, в том числе в Верхнеудинске – 1, Селенгинске – 3, Троицкосавске – 5, Кабанске – 3. Таким образом, в 1888–1890 гг. в школах повышенного типа обучалось всего 27 бурят из почти 300 тысяч².

В 1884 г. была открыта Читинская гимназия. Ее открытие стало итогом многолетних усилий военных губернаторов М. С. Корсакова, Е. М. Жуковского, Н. П. Дитмара, И. К. Педашенко, Л. Я. Ильяшевича, депутатов Читинской городской думы, всего забайкальского общества. Правительство не возражало, но отказывалось содержать гимназию за казенный счет. Тогда был объявлен сбор пожертвований. Всего было внесено 182 755 руб. 20 коп., в том числе от бурятских обществ 143 393 руб.³

Бурятам за такие жертвования были обещаны места для их детей в гимназии, однако на деле оказалось, что детей бурят неохотно принимали туда. По этому поводу Цыбен Жамцарано в 1905 г. писал А. Михайлову: «Я должен Вам сказать, что для устройства семинарии лучше не связываться с казной и земством, а построить на свои бурятские деньги и содержать как частные учебные заведения с широкой программой преподавания. Тогда гораздо легче будет управлять и направлять семинарию. Если же будет принимать участие правительство – оно захочет и должно взять семинарию в свои руки, тогда потеряется всякая цель и значение заведения. Мы, забайкальцы, на создание гимназии, пансионов и других училищ потратили

¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3320. Л. 4об.

² Очерки истории культуры Бурятии. С. 356.

³ Там же. С. 355.

пресечению. Главные родоначальники тоже не оставались в стороне от деятельности по искоренению пьянства. Уникальным по своему содержанию является программа баргузинского тайши Сахара Хамнаева по улучшению нравственности бурят, важным пунктом которой была борьба с пьянством. Он пишет: «Молодые без изъятия богатых и бедные занимаются пьянством во время лета, они более привнесены вести жизнь легко трудную, желая жить какими-нибудь переворотами разными, не так занимаются работой, как старики, собираются партиями в непраздничные дни, пируют, переезжая из юрты в юрты, задумав себе песни и пересказывают на лошадях, в этой гулянке часто случаются разные бесчинства, драки, даже неуважение к своим родоначальникам и старикам, и все это происходит, когда продолжается в обилии братский кумыс, то есть во время лета, тогда как с растворением лета всяк от земных отраслей должен бы запастись годовые свои провизии, я здесь нисколько не желаю лишиться удовольствия народные, а должен сказать, как начальник их, видя перед глазами на хозяйство своего подчиненного, можно наслаждаться не в будни и рабочие дни, а во время праздников бурятских, сколько их у них таковых народных, начиная например, от милагада до коримо (калыма), а по религии от служения при бумханов до белого м[еся]ца и здесь сколько можно погулять». По его мнению, необходимо «пьянство запрещать законом» и степная дума, родовые управления и родоначальники обязаны неустанно надзирать за нарушителями¹.

В 1866 г. аларский тайша Н. Матханов в своем письме Шалотскому родовому управлению отмечает, что «во многих местах вверенного ему ведомства происходит почти неусыпное пьянство противно 241 статье XII тома Свода законов издания 1857 г., но родоначальники, на обязанности которых лежит смотреть и блюсти за порядком по 242 и 243 статьям того же тома, нисколько не заботятся и даже некоторые из них сами подвергаются слабости, отчего инородцы, пропиваясь до бесконечности, расстраивают свое хозяйство, заводят разные ссоры, драки». В конце письма он предписывает прекратить подобные беспорядки².

¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 432. Л. 1–9.

² ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–10.

Распространение пьянства среди бурят вызывало протест у бурятской интеллигенции. Цыбен Жамцарано связывает распространение пьянства среди бурят с упразднением родовых основ бурят и развитием питейных заведений: «...С упразднением дум и тайшей появились кабаки. Благодаря им развилось поголовное пьянство. В течение последних десяти лет ... все буряты Иркутской губернии до того испились, что теперь не найдете непьющего»¹. В своем письме к Александру Михайлову от 18 октября 1903 г. он пишет: «Я все время думаю, как искоренять пьянство среди иркутских бурят, но никак не могу найти действительного и быстрого средства, кроме принятия ими буддизма и помощи хороших лам; и для успеха дела отрезвления бурят – нужна правительственная помощь или поддержка»².

Со стороны правительства принимались меры назидательного характера, а органы местного самоуправления были вынуждены вести безуспешную борьбу с пьянством. Так, в 1906 г. общественный приговор Койморской управы запретил доверенному винной монопольной лавки в селении Тунка отпускать более 1 литра водки каждому. Для покупки в больших объемах требовалось разрешение управы³. В ночное время продавали водку в частных домах, и управа была вынуждена учредить ночной обход в составе полицейского сотского или десятского и двух благонадежных хозяев по очереди. Пьяных ловили и закрывали в каталажку.

В 1908 г. В. Холодов, бывший голова Кудинской инородной управы, выступил с проектом улучшения жизни бурят, преследующим ограничение пьянства на свадьбах, отмену некоторых свадебных обычаев и религиозных обрядов шаманства, которые вредно отражаются на экономическом положении бурят. Проект состоял из 33 статей, с объяснением бурятских обычаев. Предлагалось:

«1. Во время обряда «худаоролсохо»⁴ брать водку не больше одного ведра, плату калыма давать не более 1/6 части такового.

2. Об уменьшении количества водки на свадьбах и ее приобретения в следующих нормах: 5 ведер для жениха и 3 ведра для невесты. Это делается для того, чтобы не вводить в непосильные

¹ Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ, 2001. С. 25.

² ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 90–92.

³ ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–2.

⁴ «Худаоролсохо» – обряд сватовства.

расходы лиц, вступающих в брак, материально не обеспеченных – это раз, во-вторых, чтобы меньше было пьянства.

3. Пить не красными китайскими чашками, как это было до сего времени, а рюмками. Это делается в виду того, что много водки пропадает зря благодаря чашкам. Избегать «барышта»¹ и «хабая»² – эти обычаи нам, инородцам, ничего хорошего не дали, и с их прекращением мы хотя отчасти гарантируем себя от заразных болезней.

4. Не вынуждать молодежь и непьющих вино употреблять его – этим мы, инородцы, делаем для самих себя большое зло и ведем родичей к физическому вырождению...

19. Строго воспретить тайную продажу вина в улусах, как бурятам, так и русским, в особенности весною, когда выдают ссуду из хлебозапасных магазинов, так как находятся лица, которые пропивают до десяти пудов хлеба, т. е. количество, достаточное, чтобы засеять почти три четверти десятины.

20. Также воспретить выкурку хлебного тарасуна, кроме количества, необходимого для религиозных обрядов»³.

По свидетельствам миссионеров у бурят была очень развита благотворительность, даже предпринималась попытка создать филантропические учреждения. Так, со ссылкой на В. Вагина, священник Е. Кузнецов пишет, что в 1817 г. буряты выстроили больницу и гостиницу при Туркинских минеральных водах⁴.

Инородческие общества принимали активное участие в разных благотворительных акциях по сбору пожертвований. Так, интерес представляет список жертвователей на нужды России в Отечественной войне 1812 г. по Балаганскому ведомству:

- 1) главный тайша 12-го класса Андрей Назаров – 500 руб.;
- 2) помощник тайши Халмат Назаров – 300 руб.;
- 3) шуленга Булутского рода Хазагар Назаров – 200 руб.;
- 4) зайсан Тарган Назаров – 200 руб.;
- 5) шуленга 1-го Муруева рода Баргуй Дариев – 200 руб.;

¹ «Барышта» – круговое взаимообразное угощение водкой.

² «Хабай» – конец обряда «барышта», который заключается в том, что присутствовавшие последнюю рюмку выпивают поочередно все.

³ Богданов М. Н. Среди бурят // Сиб. вопросы. 1910. № 45–46. С. 75–80.

⁴ ЗЕВ. 1904. 15 дек. (№ 24). С. 362.

б) шуленга 14-го класса 2-го Муруева рода Башилий Малакшинов – 200 руб. и т. д.¹

На примере Ольхонского ведомства можно рассмотреть деятельность бурятских обществ по благотворительности в XIX в. Так, в Ольхонском ведомстве в 1818 г. было пожертвовано в инвалидный капитал Санкт-Петербурга, на сооружение памятника Дмитрию Донскому 20 руб., памятника Ермаку в г. Тобольске, пострадавшим от наводнения забайкальским обывателям 5 руб.², тайша Субан Баинов пожертвовал 10 руб. в Вольное экономическое общество³, в 1831 г. было пожертвовано 5 руб. на учреждение публичной библиотеки в г. Иркутске⁴, в 1854 г. пожертвовали 45 руб. в пользу Отечества по случаю войны с Турцией⁵, в 1863 г. собрано 32 руб. на устройство миссионерской церкви при Кудинской степной думе⁶, затем дополнительно еще 39 руб.⁷, в 1864 г. было сделано пожертвование 13 руб. в пользу инвалидов⁸, в 1864 г. общественным приговором было решено оказать благотворительность – выделить 135 руб. на содержание троих мальчиков сирот в Ольхонском приходском училище по добровольному общественному согласию⁹, в 1865 г. ольхонские буряты пожертвовали 10 руб. на улучшение содержания арестантов в Верхоленской тюрьме¹⁰, в 1866 г. было собрано 14 руб. пожертвований на Ломоносовский капитал для учреждения стипендии в Санкт-Петербургском университете и Московской духовной академии и назначение премии за лучшие сочинения¹¹, 75 руб. для строительства дома дворянину И. И. Комиссарову-Костромскому, спасшему жизнь царю¹², в 1868 г. общественным приговором пожертвовали 298 руб. 90 коп. в пользу пострадавших от неурожа-

¹ ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 13–14.

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9

³ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 31.Л. 9–9об.

⁴ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 21. Л. 3

⁵ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 338.Л. 4–4об.

⁶ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 421.Л. 11

⁷ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 400.Л. 174об.

⁸ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 429.Л. 7–7об.

⁹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 437.Л. 6об.

¹⁰ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 429.Л. 5об.

¹¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 447.Л. 3–3об.

¹² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 447.Л. 15об., 27об.

ев¹, в 1872 г. пожертвовали 33 руб. 60 коп. серебром в пользу раненых и больных воинов², в 1880 г. было пожертвовано 300 руб. в пользу погорельцев г. Иркутска³.

В Баргузинском ведомстве по подписным листам собирали пожертвования по разным случаям. Бурятами ведомства в 1855 г. было пожертвовано 153 руб. 35 коп. на покрытие расходов государственного ополчения⁴, собраны деньги и лошади для действующей армии в 1856 г.⁵, в 1857 г. 174 руб. 30 коп. серебром на постройку лавок для учреждаемой ярмарки в селении Беклемишево⁶, в 1861 г. родовой старшина Суван Хамнаев пожертвовал 303 руб. серебром в пользу Баргузинского бурятского приходского училища⁷, в 1862 г. пожертвовано бурятами 82 руб. в пользу пострадавших от неурожая хлеба западных губерний⁸, в 1867 г. 14 руб. серебром на содержание Иркутской реальной прогимназии⁹, также имеется информация о пожертвовании бурятами 10 000 пудов хлеба в пользу Читинской гимназии¹⁰, в 1874 г. собрано 170 руб. в пользу приюта арестантских детей при Верхнеудинском тюремном замке, имеется рапорт думы о пожертвовании 300 руб. в пользу Иркутской учительской семинарии в 1874 г.¹¹

В пользу баргузинских бурят и крестьян почетным гражданином Николаем Павловичем Герасимовым был пожертвован дом на Каргинских горячих водах в 1874 г.¹²

Во время Русско-турецкой войны активизировалась деятельность бурятских обществ по сбору пожертвований. Например, в 1877 г. в пользу больных и раненых воинов, пострадавших в русско-турецкой войне баргузинскими бурятами было собрано 58 руб., агинскими бурятами – 7176 руб. 75 коп.¹³

¹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 814. Л. 36–38

² ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1163. Л. 4

³ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 489. Л. 48

⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 449. Л. 2

⁵ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 487. Л. 3–6

⁶ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 603. Л. 5–5об.

⁷ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1055. Л. 24–24об.

⁸ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1356. Л. 11

⁹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2766. Л. 15–16

¹⁰ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1413. Л. 1

¹¹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1662. Л. 33

¹² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1663. Л. 1–2

¹³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2272. Л. 34.

Хоготовская инородная управа в 1892 г. собрала 28 руб. в пользу голодающих Европейской России¹, в 1893 г. 17 руб. 80 коп. – в пользу погорельцев Минской губернии², 4 руб. 10 коп. – на сооружение православного храма в г. Варшаве³, в 1904 г. 110 руб. – в помощь семьям нижних чинов, призванных на Русско-японскую войну⁴, 3 руб. 11 коп. – на строительство церкви в 6-м стрелковом полку⁵, 100 руб. – в пользу Алексеевского комитета о раненых⁶, 9 руб. 67 коп. – в пользу Красного Креста⁷.

Кудинская инородная управа собрала 139 руб. 40 коп. на сооружение памятника Александру III⁸, 25 руб. 51 коп. – для Усть-Ордынской миссионерской церкви⁹, 15 руб. 35 коп. – в пользу погорельцев Еловского селения Усть-Балейской волости¹⁰.

В Абаганатской инородной управе было собрано 15 руб. 45 коп. на сооружение памятника Александру III¹¹, 2 руб. 50 коп. – в пользу семей нижних чинов, призванных на войну¹².

Небезынтересен архивный документ, который свидетельствует, что общественным приговором от 2 марта 1898 г. буряты Унгинской инородной управы пожертвовали экспонаты (одежду, обувь из натурального меха), выставленные на Всероссийской выставке в г. Нижнем Новгороде, в коллекцию музея Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества¹³.

Активизация благотворительной деятельности в бурятских ведомствах обычно наблюдалось во время визитов членов царствующей семьи или памятных событий в их жизни – например, коронация, бракосочетание и т. д. 1896 г. ознаменовался коронацией Николая II, и многие бурятские ведомства приняли активное

¹ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 72. Л. 9.

² ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 88. Л. 5–6.

³ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 88.

⁴ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 340. Л. 1.

⁵ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 340. Л. 17.

⁶ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 340. Л. 6.

⁷ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 379. Л. 14.

⁸ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 279. Л. 5.

⁹ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 488.

¹⁰ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 649. Л. 3.

¹¹ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 186а. Л. 3.

¹² ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 86. Л. 117–118.

¹³ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 240. Л. 46–46об.

участие в благотворительной деятельности. Так, буряты Селенгинской степной думы собрали 1000 руб. на устройство бесплатной больницы в Селенгинском округе с ежегодным выделением 245 руб. на ее содержание, буряты Баргузинской степной думы пожертвовали здание под приходское бурятское училище, буряты Агинской степной думы собрали средства на строительство каменного православного храма во имя святого Николая Чудотворца в селении Агинском¹.

Таким образом, особенностью социального призрения в бурятском обществе было отсутствие государственной составляющей части призрения. Народное образование, здравоохранение, содержание сирот, немощных, больных и малоимущих целиком ложились на общество. Инородные управы совместно со степными думами и родовыми управлениями занимались планированием мероприятий по социальному призрению, сбором денег на расходы на народное образование и здравоохранение, прилагали все усилия для оказания помощи нуждающимся сородичам. Благодаря их деятельности открывались приходские школы, появились свои учителя, осуществлялись подбор и направление стипендиатов в уездные училища и гимназии, содержались медицинские учреждения, хлебные экономические магазины, которые обеспечивали пропитание бурят. Кроме этого, буряты, как часть российского общества, принимали активное участие во всероссийских, губернских и областных акциях по сбору пожертвований на разные нужды.

Традиционные черты взаимоотношений бурят – взаимная помощь и поддержка, забота о сиротах, неимущих – сохранились в пределах родовых улусных общин. Неслучайно в отчетах органов местного самоуправления указывают на то, что у инородцев нет нищих и сирот и считается грехом иметь особый дом для призрения дряхлых, увечных и престарелых членов общества.

Надо отметить, что, несмотря на старания инородческих органов самоуправления в области социального призрения, многие социальные проблемы бурят не получили своего разрешения. Буряты были лишены медицинского обслуживания, основная масса детей не имела возможности учиться в школах.

¹ Забайк. обл. ведомости. 1896. 16 авг. (№ 33). С. 2–3.

Заключение

1. На протяжении XIX – начала XX в. политика Российского государства в отношении сибирских инородцев претерпела эволюцию – от политики регионализма М. М. Сперанского с идеей сохранения особого статуса Сибири к политике унификации управления сибирскими народами. Введенная по Уставу об управлении инородцев 1822 г. система органов местного самоуправления сибирских народов в форме степных дум, инородных управ и родовых управлений явилась отражением политики регионализма Российского правительства. Устав об управлении инородцев 1822 г. становится основным законодательным актом правительства в отношении сибирских инородцев, действовавшим вплоть до проведения волостной реформы, задачами которого было стремление обеспечить казну налогами и будущая постепенная интеграция сибирских инородцев в общероссийское пространство. Начиная с середины 1890-х гг. Российскому государству удается законодательно провести коренные изменения в политике в отношении инородцев, направленные на разрушение родоплеменной организации инородческого управления, на унификацию с крестьянским управлением. Важным фактором, повлиявшим на политику Российского государства в отношении бурят и тунгусов, был пограничный: желание России сохранить свои государственные границы, развивать в Монголии торговые интересы, восстановить и укрепить свое международное положение на Дальнем Востоке.

2. Анализ процесса формирования и развития органов местного самоуправления бурят показывает, что требования Устава 1822 г. не всегда соблюдались в бурятских ведомствах. Во всех бурятских ведомствах, кроме Хоринского, были учреждены степные думы и должности тайшей, сосредоточившие в своих руках всю власть, что явилось одной из причин «борьбы партий» за власть, негативно отражавшейся на бурятских обществах.

3. Исследование административной, хозяйственной, судебной, социальной функции органов местного самоуправления бурят показывает, что до середины XIX в. степные думы, инородные управы и родовые управления представляли систему местного самоуправления, которые в пределах своих ведомств на основании норм обычного права при полном следовании российскому законодательству эффективно осуществляли свою деятельность. Хозяйственная деятельность органов местного самоуправления

бурят способствовала развитию хозяйства, поступлению налогов в казну государства, укреплению экономического благосостояния Российского государства. Несмотря на свою изолированность, бурятские ведомства, как часть российского общества, с середины XIX в. втягиваются в общероссийский рынок, появляются торгово-промышленные заведения в виде мелочных и мануфактурных лавок, постоянных дворов, питейных заведений и винных складов, развивается страхование. Успешное решение вопросов местного значения способствовало сохранению за бурятскими ведомствами полной финансовой самостоятельности.

4. Устав 1822 г. и нормы обычного права строго регламентировали деятельность должностных лиц местного самоуправления. На политическую арену бурятских ведомств выдвигаются талантливые руководители – общественные деятели, такие как С. Хамнаев, З. Хамаганов, Т. Тобоев и др., внесшие значительный вклад в развитие своих ведомств. Однако общественный характер службы со своими «привилегиями» становится одной из причин многочисленных нарушений со стороны должностных лиц, социальной дифференциации бурятского общества и борьбы за власть. Борьба за власть обостряется, когда с середины XIX в. царская администрация начинает отходить от наследственного принципа формирования инородческого управления в пользу принципа выбора «достойного».

5. Начиная со второй половины XIX в. в бурятских ведомствах наблюдается кризис административно-хозяйственной системы, основанной на родовом принципе, вызванный происходившими социально-экономическими процессами в российском обществе и геополитическими факторами. Российское правительство предпринимает попытки ликвидации устаревшей системы инородческого самоуправления путем составления проектов по переводу сибирских инородцев в оседлое состояние с вытекающими отсюда последствиями в области землепользования, налогообложения, суда и судопроизводства, привлечения их к воинской повинности. Происходит постепенное ограничение местного самоуправления бурят жесткой регламентацией деятельности должностных лиц, проведением показательных следственных дел в их отношении. Кризис местного самоуправления сопровождался борьбой за власть между разными «партиями» практически во всех бурятских ведомствах.

6. Иностранческие суды словесной расправы были основаны на нормах Устава об управлении иностранцев 1822 г. и обычного права. С середины XIX в. под влиянием экономических и политических изменений, происходивших в российском обществе, иностранческий суд и судопроизводство перестали отвечать изменившимся условиям. Как следствие, наблюдается огромное количество нарушений в управлении, хозяйственной деятельности, которые невозможно было решить с помощью иностранных законов. Многочисленным нарушениям способствовала фактически самостоятельная судебная система в бурятском обществе, не позволявшая выносить за пределы ведомства ни жалоб, ни прошений со стороны потерпевших.

7. Важное значение в жизнедеятельности бурятских ведомств имела деятельность органов иностранческого самоуправления в области социального призрения, особенностью которой было отсутствие государственной составляющей части призрения. Народное образование, здравоохранение, содержание сирот, немощных, больных и малоимущих являлись предметом заботы местного самоуправления, благодаря чему в бурятском обществе не было таких явлений как сиротство, нищенство. Несмотря на старания органов местного самоуправления бурят, при отсутствии государственной поддержки многие социальные проблемы не получили своего разрешения: буряты были лишены медицинского обслуживания, основная масса детей не имела возможности учиться в школах.

8. Во второй половине XIX в. местное самоуправление бурят практически становится формой управления со стороны государства, когда государство использует местное самоуправление для решения стоявших перед ним задач. В 1890-х гг. царской администрации удалось провести ликвидацию степных дум и должности тайши у бурят Иркутской губернии, сохранив систему иностранческого самоуправления. Коренную реформу по ликвидации иностранческого самоуправления российскому правительству удастся провести только в начале XX в.: старые органы местного самоуправления бурят были упразднены, управление бурят было унифицировано с крестьянским.

9. Система местного самоуправления бурят, введенная по Уставу об управлении иностранцев 1822 г., является положительным историческим опытом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательные акты:

Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. (1649–1825). СПб., 1830. № 1526, 3636, 3637, 4860, 5737, 6775, 7480, 11191, 15147, 15680, 19059, 20263, 20771, 25605, 22189, 28706, 29125, 29126, 29132, 29133.

Полное собрание законов Российской империи. 2 собр. (1825–1881). СПб., 1830–1884. № 1197, 1610, 1611, 4088, 4922, 5284, 5720, 5721, 5847, 5848, 7917, 9823, 11438, 12867, 19284, 18908, 25394, 33244, 34230, 35001, 36650, 43888, 44682, 44831, 46003, 46341, 46380, 48498, 51180, 52983, 53379.

Полное собрание законов Российской империи. 3 собрание. (1881–1913). СПб., 1884–1915. № 2324, 2770, 3814, 6196, 7574, 12932, 12998, 14908, 15063, 15503, 15539, 16736, 18735, 19984, 21505, 21577, 22821, 26125.

Свод законов Российской империи 1832 г.

Свод законов Российской империи 1842 г.

Свод законов Российской империи 1857 г.

Собрание узаконений и распоряжений правительства 1863, 1878, 1888, 1898, 1899 гг.

Устав об управлении инородцев 1822 г. // ПСЗ-1. СПб., 1830. № 29126.

Устав об общественном призрении издания 1892 г., с Продолжением 1902 г. // Полный свод законов Российской империи. – СПб., 1905. – Т. 13. – С. 2.

Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1407 // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. – СПб., 1903. – С. 170–174.

Положение об инородцах 1892 г.

Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб., 1903.

Периодическая печать:

Газета «Амур»

Газета «Байкал»

Газета «Восточное обозрение»

Газета «Забайкальские областные ведомости»

Газета «Забайкальские епархиальные ведомости»
Газета «Иркутские губернские ведомости»
Газета «Иркутские епархиальные ведомости»
Журнал «Сибирские вопросы»
Журнал «Сибирский архив»
Журнал «Сибирский наблюдатель»

Справочные и энциклопедические издания:

Бурятия. Энциклопедический справочник в 2 т. – Улан-Удэ : ЭКОС, 2011. – Т. 2. – 300 с.
Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. – Иркутск, 1891. – 156 с.
Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. – Новосибирск, 2010.
Обзоры Забайкальской области.
Памятные книжки Забайкальской области.
Памятные книжки Иркутской губернии.
Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. – Новосибирск, 1929. – 988 с.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1890–1907.
Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 2 т. – Новосибирск : Наука, 2000. – 302 с.
Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ. – Новосибирск : Наука, 2009. – 352 с.
Энциклопедия Республики Хакасия. В 2 т. – Красноярск : Поликор, 2007.

***Монографические, учебные,
периодические, статистические источники***

Аксенова, Л. В. Шесть месяцев в сибирской тайге / Л. В. Аксенова // Рус. вестн. – 1880. – Т. 145, № 2. – С. 738–739.
Алексеев, М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. / М. П. Алексеев. – Иркутск : ОГИЗ Иркут. обл. изд-во, 1940. – 612 с.
Альбицкий, Ф. Записки забайкальского миссионера // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1866. – 12 марта (№ 11). – С. 131–138.
Андреев, В. И. Бурят-Монгольской школе 150 лет / В. И. Андреев // Зап. БМНИИК. – Улан-Удэ, 1955. – Вып. 19. – С. 71–90.
Андреев, В. И. Бурятские приходские училища в первой половине XIX в. / В. И. Андреев. – Иркутск, 1957. – 76 с.
Андреев, В. И. Из истории Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы / В. И. Андреев // Зап. БМНИИК. – Улан-Удэ, 1957. – Вып. 26. – С. 276–278.

Андреев, Ч. Г. Историография аграрного развития Забайкалья конца XIX – начала XX в. / Ч. Г. Андреев // Социально-экономическое развитие Бурятии XVII – начало XX вв. – Новосибирск, 1987. – С. 43–57.

Андреев, Ч. Г. Съезды бурят в Иркутске в начале XX в. / Ч. Г. Андреев // Иркутску 350 лет – история и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения». 12–13 окт. 2011 г. Иркутск. – Иркутск, 2011. – С. 120–123.

Архимандрит Гурий (С. В. Буртасовский). Первое мое знакомство с деятельностью Иркутской духовной миссии / С. В. Буртасовский // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1880. – 22 нояб. (№ 47). – С. 580–592.

Архимандрит Макарий (М. Ф. Дарский). Дневник, веденный во время поездки Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского, по Иркутскому и Балаганскому округам с 20 мая по 3 июня 1882 г. / М. Ф. Дарский // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1882. – 31 июля (№ 31). – С. 393–406.

Асалханов, И. А. К вопросу о социально-экономическом развитии забайкальской деревни в конце XIX в. / И. А. Асалханов // Зап. БМНИИК. – Улан-Удэ, 1955. – Вып. 19. – С. 91–102.

Асалханов, И. А. О некоторых вопросах социально-экономического развития бурят Верхоленского ведомства Иркутской губернии в первой половине XIX в. / И. А. Асалханов // Учен. зап. Бурят-Монг. пед. ин-та им. Д. Банзарова. – 1957. – Вып. 11.

Асалханов, И. А. О правах хоринских и агинских бурят на занимаемые ими земли / И. А. Асалханов // Зап. Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. – 1957. – Вып. 23. – С. 55–75.

Асалханов, И. А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. / И. А. Асалханов // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1968. – С. 82–98.

Асалханов, И. А. Об обычном праве кударинских бурят / И. А. Асалханов // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1968. – С. 174–176.

Асалханов, И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. / И. А. Асалханов. – Новосибирск, 1975.

Асалханов, И. А. Социально-экономическое развитие улусов Кудинского ведомства Иркутского уезда Иркутской губернии во II половине XIX в. / И. А. Асалханов // Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та. – 1958.

Асалханов, И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. / И. А. Асалханов. – Улан-Удэ, 1963.

Астырев, Н. Монголы-буряты Иркутской губернии / Н. Астырев // Северный вестн. – СПб., 1890. – № 2.

Бажеев, Д. Г. К вопросу о развитии земледелия у бурят. // Зап. Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. – 1952. – Вып. 15.

Бамбаев, Б. Б. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа / Б. Б. Бамбаев // Бурятияведение. – 1929. – № 1–2. (9–10). – С. 115–135.

Барадин, Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности / Б. Барадин // Бурятияведение. – 1927. – № 3–4. – С. 39–52.

Басаева, К. Д. Брак и семья у бурят / К. Д. Басаева. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. – 192 с.

Батоцыренов, В. Б. Советская историография Бурятии / В. Б. Батоцыренов, Б. Д. Лубсанов. – Улан-Удэ, 1980.

Батуев, Б. Б. Буряты в XVII–XIX вв. / Б. Б. Батуев. – Улан-Удэ, 1996.

Батуев, Б. Б. Очерк истории селенгинских бурят / Б. Б. Батуев, И. Б. Батуева. – Улан-Удэ : Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. – 102 с.

Бахрушин, С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Сов. Север. – 1929. – № 1.

Бестужев, Н. А. Бурятское хозяйство / Н. А. Бестужев // Декабристы в Бурятии. – Улан-Удэ, 1975. – С. 57–63.

Бестужев, Н. А. Гусиное озеро / Н. А. Бестужев // Декабристы в Бурятии. – Улан-Удэ, 1975. – С. 63–135.

Бестужев, Н. А. Очерки забайкальского хозяйства / Н. А. Бестужев // Декабристы в Бурятии. – Улан-Удэ, 1975. – С. 136–160.

Битуев, В. П. История школы Усть-Ордынского бурятского автономного округа / В. П. Битуев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. – 176 с.

Богданов, М. Н. Бурятское возрождение / М. Н. Богданов // Сибирские вопр. – 1907. – № 3.

Богданов, М. Н. Иркутские буряты и землеустройство / М. Н. Богданов // Сибирские вопр. – 1908. – № 31–32.

Богданов, М. Н. К вопросу о бурятском многоземелье / М. Н. Богданов // Сибирские вопр. – 1908. – № 39–40.

Богданов, М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов. – 2-е изд. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2008. – 304 с.

Боякова, С. И. Становление и эволюция системы органов общественного управления народов Севера Якутии (2-я пол. XVIII в. – начало XX в.) / Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления : материалы науч.-практ. конф. (Якутск, 3 апр. 2007 г.). – Якутск, 2007. – 57–61 с.

Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. – Улан-Удэ : Республ. тип., 2011. – 224 с.

Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – 633 с.

Вагин, В. И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. / В. И. Вагин. – СПб., 1872. Т. 1. – 711 с.; Т. 2. – 752 с.

Вагин, В. И. Статистические заметки о Сибири / В. И. Вагин // Изв. Сиб. отдела Император. геогр. о-ва. – 1872. – Т. 3. – 18 нояб. (№ 4). – С. 204–212.

Васильев, А. П. Забайкальские казаки : ист. очерк : в 3 т. Т. 1–3 / А. П. Васильев. – Репринтное воспроизведение издания 1916–1918 гг. – 893 с.

Ватин, В. А. Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX века / В. А. Ватин // Сиб. архив. – 1915. – февр. (№ 2). – С. 61–72.

Ватин, В. А. Восточная Сибирь в начале XIX века / В. А. Ватин // Сиб. архив. – Минусинск, 1916. – № 3–4. – С. 146–147.

Ватин, В. А. Минусинский край в XVII в. : этюд по истории Сибири / В. А. Ватин. – Минусинск, 1913.

Ватин, В. А. Юбилей Г. Н. Потанина и молодая Сибирь // Сиб. архив. – 1915. – № 7.

Ведомость Селенгинского дистрикта о земельных делах. Из истории народов Бурятии. Труды БКНИИ СО РАН СССР. – Улан-Удэ, 1962. – 6 с.

Вениамин, архиепископ Иркутский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1884. – 28 июля (№ 30). – С. 337–347; 1884. – 4 авг. (№ 31). – С. 349–361.

Виноградов, А. О ламаизме за Байкалом / А. Виноградов // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1885. – 30 нояб. (№ 48). – С. 581–596.

Виноградов, Н. Религиозное торжество ламаизма по поводу святыни Анинского сумэ в честь Майдари // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1898. – 1 апр. (№ 7). – С. 178.

Виташевский, Н. А. Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права / Н. А. Виташевский // Изв. Сиб. отдела Император. геогр. о-ва. – Иркутск, 1910. – Т. 40. – С. 83–114.

Владимирцев, Б. Р. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Р. Владимирцев. – Л., 1934.

Власть в Сибири XVI – начало XX века. – Новосибирск, 2002. – 296 с.

Вопросы историографии истории Бурятии XIX–XX вв. – Улан-Удэ, 1994. – 79 с.

Воспоминание о миссионерской поездке преосвященнейшего Мелетия, епископа Селенгинского (ныне епископа Якутского и Вилюйского), совершенной в 1879 г. // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1891. – 2 марта (№ 9). – С. 1–11.

Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск : Оттиск, 2011. – 624 с.

Востриков, А. И. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. Труды Института востоковедения. VIII / А. И. Востриков, Н. Н. Поппе. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. – 76 с.

Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. – СПб., 1854. – Ч. 2. – 697 с.

Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. – СПб., 1854. – Ч. 3. – 109 с.

Галданова, Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки. (Вторая половина XIX – первая половина XX в.) / Г. Р. Галданова. – Новосибирск : Наука, 1992. – 173 с.

Геденштром, М. М. Отрывки о Сибири / М. М. Геденштром. – СПб., 1830.

Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М. : Прогресс, 1995. – 320 с.

Герасимова, К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ, 1957.

Герасимова, К. М. Материалы о доходах дацанских казначейств / К. М. Герасимова // Зап. Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. – Улан-Удэ, 1955. – Вып. 20. – С. 134–154.

Гимельштейн, А. В. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Е. А. Сенина. – Иркутск, 2007. – 320 с.

Гирченко, В. П. К истории бурят-монголов-хоринцев первой половины XIX века / В. П. Гирченко // Бурятияведение. – 1928. – № 1–3 (5–7). – С. 43–62.

Гирченко, В. П. Социальное расслоение среди бурят-монгол в XVIII–XIX в. / В. П. Гирченко // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 2. – С. 100–108; № 3–4. – С. 60–66.

Гирченко, В. П. Хозяйство кудинских бурят в XVIII и первой трети XIX века / В. П. Гирченко // Жизнь Бурятии. – 1927. – № 1–3. – С. 73–76.

Гирченко, В. П. Хоринские «происшествия» 1848–49 гг. и православная миссия / В. П. Гирченко // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 1. – С. 119–124.

Гоголев, З. В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. / З. В. Гоголев. – Новосибирск, 1971.

Головачев, Д. М. Население Агинской степи / П. М. Головачев // Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением императорского Русского географического общества. – Чита, 1911. – С. 1–94.

Головачев, П. М. Сибирь. Природа. Люди. / П. М. Головачев. – М., 1902. – 300 с.

Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917) / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск, 1976.

Горюшкин, Л. М. Историография Сибири (период капитализма) / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск, 1980. – 78 с.

Горюшкин, Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.) / Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко. – Новосибирск, 1984.

Горюшкин, Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск, 1967. – 411 с.

Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Сибири / В. Григорьев // Сибирские вопр. – 1906. – № 2. – С. 55–74.

Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в). – Иркутск. 2005.

Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / Л. М. Дамешек. – Germanu : LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich–Bochkinh, 2012. – 441 с.

Дамешек, Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1986. – 165 с.

Дамешек, Л. М. Историко-правовое положение народов Сибири в освещении русской историографии XIX в. / Л. М. Дамешек // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. – Иркутск, 1982.

Дамешек, Л. М. Историография и источниковедение истории Сибири эпохи империализма. / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1990. – 82 с.

Дамешек, Л. М. Особые комитеты как органы управления окраинами империи. XIX – начала XX вв. / Л. М. Дамешек. – Germanu : LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich–Bochkinh, 2013. – 65 с.

Дамешек, Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Серия «Азиатская Россия». – Иркутск, 2007. – 320 с.

Дамешек, Л. М. Ясачная политика царизма в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1983. – 136 с.

Даржаев, С. Ю. Степные Думы – органы самоуправления бурят в российском государстве (1822–1904 гг.) / С. Ю. Даржаев. – Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. – 139 с.

Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1975. – 232 с.

Демидов, В. А. Бурятия: от Степных Дум к автономии / В. А. Демидов. В. В. Демидов. – Новосибирск : СибАГС, 2001. – 162 с.

Демидов, В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири (1917–1923 гг.) / В. А. Демидов. – Новосибирск, 1983.

Драбкина, Е. Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России / Е. Я. Драбкина. – М., 1930.

Дулов, В. И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции / В. И. Дулов. – Иркутск, 1956.

Дырхеев, П. С. Верховленские буряты / П. С. Дырхеев. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 264 с.

Дырхеев, П. С. Очерки истории верховленских бурят / П. С. Дырхеев. – Улан-Удэ, 2005.

Егунов, Н. П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье / Н. П. Егунов // Учен. зап. Бурят. гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова. – 1962. – Вып. 25.

Елаев, А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности / А. А. Елаев. – М., 1994. – 176 с.

Елаев, А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение / А. А. Елаев. – М., 2000. – 352 с.

Елбачева, Г. А. Землеустроительная политика Кабинета в Горном Алтае в 1897–1913 гг. / Г. А. Елбачева // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1981.

Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 1983.

Ерошкин, Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М., 1960. – 396 с.

Жалсанова, Б. Ц. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903) / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск : Оттиск, 2012. – 352 с.

Жалсанова, Б. Ц. История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия / Б. Ц. Жалсанова. – Улан-Удэ : Новапринт, 2010. – 248 с.

Жамбалова, С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят / С. Г. Жамбалова. – Новосибирск, 2000. – 400 с.

Жамцарано, Ц. Народническое движение и его критика / Ц. Жамцарано // Сиб. вопросы. – 1907. – № 21.

Жамцарано, Ц. О правосознании бурят / Ц. Жамцарано // Сиб. вопросы. – 1906. – № 2. – С. 167–184.

Жамцарано, Ц. Обзорение памятников писаного права монгольских племен / Ц. Жамцарано, А. Турунов // Сб. тр. проф. и преподавателей гос. Иркут. ун-та. – 1921. – Вып. 1.

Живописная Россия. Отечество наше в его историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12, ч. 1. Восточные окраины России / под ред. П. П. Семенова. – СПб., 1895.

Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861. – 282 с.

Загорский В. По Тункинскому краю / В. Загорский // Сиб. архив. – 1916. – № 3–4. – С. 173–187.

Залкинд, Е. М. Иностранцы путешественники о Бурятии / Е. М. Залкинд // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 139–154.

Залкинд, Е. М. К вопросу об образовании бурят-монгольской народности / Е. М. Залкинд // Зап. БМНИИК. – Улан-Удэ, 1956. – Вып. 22. – С. 23–45.

Залкинд, Е. М. К характеристике политики царизма по отношению к бурятам в XVIII в. / Е. М. Залкинд // Исследования и материалы по истории Бурятии / ред. И. А. Асалханов. – Улан-Удэ, 1968. – С. 140–150.

Залкинд, Е. М. Новый памятник обычного права бурят / Е. М. Залкинд // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1968. – С. 212–216.

Залкинд, Е. М. Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX века / Е. М. Залкинд. – М. : Наука, 1970. – 400 с.

Залкинд, Е. М. Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд. – Улан-Удэ, 1958.

Залкинд, Е. М. Хозяйство бурят-монголов в XVII– начале XVIII в. / Е. М. Залкинд // Зап. Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. – Улан-Удэ, 1957. – Вып. 24. – С. 140–170.

Записки миссионера Шимковского стана за 1879 г. // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1882. – 3 апр. (№ 14). – С. 175–176.

Зибарев, В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.) / В. А. Зибарев. – Томск, 1990.

Зимин, Ж. А. История Аларского района / Ж. З. Зимин. – Иркутск, 1994.

Иванов, В. К. Якутская Степная дума и Якутское областное правление: правовой статус и полномочия // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. – Якутск, 2007. – С. 76–105.

Иванов, В. Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века / В. Ф. Иванов. – Новосибирск : Наука, 1979. – 239 с.

История Бурятии. В 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Т. 2. – 624 с.

История Бурят-Монгольской АССР / под ред. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ : Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1951. – Т. 1. – 574 с.

История Бурят-Монгольской АССР / под ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. – Т. 1. – 495 с.

История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1824–1890) / сост. Б. Ц. Жалсанова, О. И. Прокопьева, А. Т. Дадаева. – Улан-Удэ : Новапринт, 2010. – 120 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. – Л., 1968. – Т. 2, 3.

История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л. М. Дамешек. – М. : Прогресс, 1995. – 543 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. – М., 1998.

Карпинский, В. Крестьянские начальники в Сибири / В. Карпинский // Сиб. вопросы. – 1909. – № 41. – С. 13–19.

Карцов, В. Г. Организация управления народов Сибири и декабристы. / В. Г. Карцов. // Учен. зап. Калнин. гос. пед. ин-та. – 1962. – Вып. 26.

Кауфман, А. А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем / А. А. Кауфман // Сиб. вопросы. – 1905. – № 1. – С. 200.

Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб., 1905.

Кауфман, А. А. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. / А. А. Кауфман // Сиб. вопросы. – 1905. – № 1. – С. 1–32.

Ким, Н. В. Из истории земледелия у бурят в конце XVIII и первой половине XIX в. / Н. В. Ким // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1968. – С. 99–125.

Кистьяковский, А. Собрание и разработка материалов обычного права / А. Кистьяковский. – СПб., 1876.

Клеменц, Д. А. Заметки о кочевом быте / Д. А. Клеменц // Сиб. вопросы. – 1908. – № 49–52. – С. 7–57.

Клеменц, Д. А. На текущие темы / Д. А. Клеменц // Сиб. вопросы. – 1909. – № 1. – С. 14–17.

Коваляшкина, Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли / Е. П. Коваляшкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 326 с.

Коваляшкина, Е. П. Российская государственная идея и аборигенная политика в Сибири / Е. П. Коваляшкина // Обычное право и правовой плюрализм. – М., 1999. – С. 187.

Козьмин, Н. Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / Н. Н. Козьмин. – Абакан : Журналист, 2010. – 311 с.

Козьмин, Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири / Н. Н. Козьмин. – СПб., 1910. – 266 с.

Конев, А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.) / А. Ю. Конев. – М., 1995.

Копылов, В. С. Тайлаганы, или общественные жертвоприношения у северобайкальских бурят / В. С. Копылов // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1886. – 22 марта (№ 12). – С. 143–151.

Копылов, С. В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северобайкальских бурят шаманистов / В. С. Копылов // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1885. – 21 дек. (№ 51). – С. 620–636.

Кроль, М. А. О забайкальских бурятах / М. А. Кроль // Зап. Чит. отд. ния Приамур. отдела РГО. – 1896. – Вып. 1.

Кроль, М. А. Очерк экономического быта инородцев Селенгинского округа / М. А. Кроль // Протокол обыкновенного общего собрания Троицко-савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. – 1896. – № 3.

Кудрявцев, Ф. А. Из истории народного образования в Прибайкалье I четверти XIX в. / Ф. А. Кудрявцев // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 4–6. – С. 100–105 ; № 7–9. – С. 64–69.

Кудрявцев, Ф. А. Изучение истории Бурятии за годы Советской власти / Ф. А. Кудрявцев // Исследования и материалы по истории Бурятии / ред. И. А. Асалханов. – Улан-Удэ, 1968. – С. 27–40.

Кудрявцев, Ф. А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в. : очерки / Ф. А. Кудрявцев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 242 с.

Кузнецов, Е. Характеристика бурят с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры / Е. Кузнецов // Забайк. епарх. ведомости. – 1904. – 15 нояб. – 1 дек. (№ 22–23). – С. 310–330.

Кулаков, П. Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхоленского округа Иркутской губернии / сост. П. Е. Кулаков. – СПб., 1898. – 145 с. – (Зап. / ИРГО. Отд.-ние статистики. Т. 8, вып. 1).

Куломзин, А. Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела / А. Н. Куломзин. – СПб., 1896.

Кюхельбекер, М. К. Краткий очерк Забайкальского края / М. К. Кюхельбекер // Декабристы в Бурятии. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1975. – С. 25–53.

Леонтович, О. И. К истории права русских инородцев / О. И. Леонтович. – Одесса, 1879.

Леонтович, О. И. Калмыцкое право / О. И. Леонтович. – Одесса, 1880.

Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника УбашиДамбиДжал-цанЛомбоЦэрэнова. 1868 г. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 56 с.

Летописи хоринских бурят. Хроники ТугулдурТобоева и Вандана-Юмсунова. Труды Института Востоковедения. XXXIII. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 108 с.

Львов Л. Обзорение Забайкальского края / Л. Львов // Рус. вестн. – 1842. – № 7–10.

Малков, А. Из записок забайкальского миссионера. Хурал // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1866. – 30 апр. (№ 17). – С. 207–213.

Мамет, Л. П. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII–XIX вв. / Л. П. Мамет // 100 лет Якутской ссылки. – М., 1934.

Мамышева, Е. П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.) / Е. П. Мамышева. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. – 124 с.

Мангутов, Н. Р. К вопросу о ликвидации дореволюционных земельных отношений в Советской Бурят-Монголии / Н. Р. Мангутов // Зап. Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. – Улан-Удэ, 1957. – Вып. 24. – С. 90–118.

Мангутов, Н. Р. Социально-экономические отношения в Западной Бурятии / Н. Р. Мангутов // Культура и быт народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1965. – С. 108–129.

Мантурова, С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. / С. Ч. Мантурова. – Улан-Удэ : Республ. тип., 2005. – 232 с.

Матханова, Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 551 с.

Махатов, Б. П. К истории Кударо-бурятской школы / Б. П. Махатов // Бурятиеведение. – 1927. – № 3–4. – С. 53–54.

Миненко, Н. А. Историография Сибири (период капитализма) / Н. А. Миненко. – Новосибирск, 1978.

Миненко, Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. / Н. А. Миненко. – Новосибирск, 1975.

Мирзоев, В. Г. Историография Сибири (домарксистский период) / В. Г. Мирзоев. – М., 1970.

Мирзоев, В. Г. Историография Сибири. Первая половина XIX в. / В. Г. Мирзоев. – Кемерово, 1965.

Миссионерская поездка его преосвященства преосвященнейшего Макария, начальника Иркутского отдела миссии, в пограничный Окинский караул // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1884. – 8 сент. (№ 36). – С. 399–412.

Митыпова, Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии / Г. С. Митыпова. – Улан-Удэ : Республ. тип., 2005. – 232 с.

Михайлов, Т. М. Краткий обзор этнографического изучения бурят в советское время / Т. М. Михайлов, Ю. Б. Рандалов // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1968. – С. 41–54.

Моравский, В. Иностранное образование в Сибири / В. Моравский // Сибирские вопр. – 1909. – № 28. – С. 11–14.

Мурзина, А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири / А. И. Мурзина // Учен. зап. ЛГУ. – 1950. – № 115, вып. 1.

Неупокоев, В. Тунгусы в Бурятии / В. Неупокоев // Жизнь Бурятии. – 1927. – № 7–9. – С. 80–90 ; № 11–12. – С. 59–70.

Никулин, В. И. Управление крестьянами. Административная община / В. И. Никулин // Крестьянские реформы (1861–1899). – Томск, 1979.

Новомбергский, Н. По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству / Н. Новомбергский. – СПб., 1903. – 33 с.

Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. – Новосибирск : Наука, 1992. – 312 с.

Окладников, А. П. Из истории просвещения у западных бурят-монголов / А. П. Окладников // Зап. Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры и экономики. – Улан-Удэ, 1948. – Вып. 8. – С. 176–177.

Окладников, А. П. Очерки истории западных бурят-монголов (XVII – XVIII вв.) / А. П. Окладников. – Л., 1937. – 425 с.

Островский, И. В. Земельная и фискальная политика царизма в Сибири периода империализма. / И. В. Островский // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1980.

Очерки истории культуры Бурятии / Е. М. Залкинд, Н. В. Ким, Д. Д. Лубсанов и др. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. – Т. 1. – 491 с.

Паршин, В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. В. П. / В. П. Паршин. – М., 1851. – 230 с.

Паршин, В. П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 1–2 / В. П. Паршин. – М. : В тип. Н. Степанова, 1844. – 208 с.

Патканов, С. О. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен / С. О. Патканов. – СПб., 1911. – 210 с.

Патканов, С. О. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин / С. О. Патканов. – СПб., 1912. – Т. 3. – С. 434–708.

Петри, Б. Э. Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами / Б. Э. Петри. – Верхнеудинск, 1925.

Петри, Б. Э. Среди кудинских бурят / Б. Э. Петри // Изв. Русского ком. для изучения Средней и Восточной Азии. – СПб., 1913. – Вып. 3. – Сер. 2.

Письма Ц. Жамцарано // Из эпистолярного наследия В. Л. Котвича. – Улан-Батор, 2011. – С. 87–112.

Подгорбунский, И. Шаманистические верования монголов и бурят // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1895. – 1 янв. (№ 1). – С. 6–25.

Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1968. – С. 177–211.

Помус, М. И. Бурят-Монгольская АССР / М. И. Помус. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. – 390 с.

Попов, Н. Историческая записка о распространении христианства среди инородцев Идинского ведомства и о Боханском Пророко-Ильинском миссионерском стане / Н. Попов // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1895. – 1 мая (№ 9). – С. 217–225; 1895. – 15 мая (№ 10). – С. 243–253; 1895. – 1 июня (№ 11). – С. 276–290.

Прутченко, С. М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки / С. М. Прутченко. – СПб., 1899.

Пубаев, Р. Е. Архивные документы по истории Бурятии на старомонгольской письменности / Р. Е. Пубаев // Архивное дело в Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1960.

Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела императорского русского географического общества, в 1855 г., Р. Мааком. – СПб., 1859. – 321 с.

Раев, А. Ф. Буряты. / А. Ф. Раев // Вестн. геогр. о-ва. – 1858. – Т. 4.

Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.) / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Даниленко. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. компания, 2007. – 256 с.

Ремнев, А. В. Границы сибирского регионализма и культурные технологии конструирования идентичности / А. В. Ремнев // Иркутску 350 лет – история и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения». 12–13 окт. 2011 г. Иркутск. – Иркутск : Оттиск, 2011. С. 11–23.

Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск, 1995.

Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. / А. В. Ремнев. – Омск, 1997.

Ринчино, Э.-Р. Бато-Далай Очиров // Документы, статьи, письма. – Улан-Удэ, 1994. – С. 89–99.

Ринчино, Э.-Р. Областническое движение в Сибири и социал-демократия / Э.-Д. Ринчино // Документы, статьи, письма. – Улан-Удэ, 1994. – С. 14–34.

Романов Н. С. Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / Н. С. Романов. – Иркутск, 1914. – 426 с.

Румянцев, Г. Н. Баргузинские летописи. / Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1956. – 152 с.

Рязановский, В. А. Обычное право бурят. Чита : Изд-во Бурят-Монг. автономной области, 1921. – 120 с.

Самоквасов, Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев / Д. Я. Самоквасов. – Варшава : В тип. Ивана Носковского, 1876. – 282 с.

Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1. / сост. Г. Н. Румянцев, С. Г. Окунь. – 493 с.

Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века. Вып. 1 / под ред. и с примеч. В. П. Гирченко. – Верхнеудинск, 1926. – 42 с.

Светличная, Л. И. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского (1822 г.) / Л. И. Светличная // Учен. зап. Тюмен. гос. пед. ин-та. – 1957. – Вып. 1.

Серебренников, И. И. Буряты по данным переписи 1897 г. / И. И. Серебренников // Сиб. вопросы. – 1908. – 8 нояб. (№ 37–38). – С. 18–27.

Серебренников, И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1. / И. И. Серебренников. – Верхнеудинск, 1925. – 226 с.

Серебренников, И. И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия : стат. очерк / И. И. Серебренников. – Иркутск, 1913. – 48 с.

Серебренников, И. И. Материалы к вопросу о грамотности инородцев Восточной Сибири / И. И. Серебренников // Изв. Сиб. отдела Император. геогр. о-ва. 1909. – Иркутск, 1910. – Т. XL. – С. 1–10.

Серебренников, И. И. Половой состав русского и инородческого населения Сибири / И. И. Серебренников // Сиб. вопросы. – 1908. – 8 марта № 9. – С. 24–30.

Серебренников, И. И. Сибиреведение. Конспект лекций по Сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине, в мае-июне 1920 г. / И. И. Серебренников. – Харбин, 1920.

Солдатов, В. В. Хозяйственный быт инородцев в Агинской степи / В. В. Солдатов // Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением императорского Русского географического общества. – Чита, 1911. – С. 95–338.

Социально-экономическое развитие Бурятии. XVII – начало XX в. – Новосибирск : Наука, 1987.

Стахеев, Д. Буряты / Д. Стахеев // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бы-

товом значении. – СПб. ; М., 1895. – Т. 12, ч. 1. Восточные окраины России. Восточная Сибирь. – С. 167–190.

Стуков, К. К. Из дневника, веденного на Братской степи, что в Забайкалье / К. К. Стуков // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1866. – 2 июля (№ 26). – С. 318–324.

Сухотина Л. Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии) / Л. Г. Сухотина // Вопр. ист. Сибири. – Томск, 1965. – Вып. 2.

Термен, А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области : очерки и впечатления / А. И. Термен. – СПб., 1912.

Тобоев, Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1995.

Токарев, С. Н. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. / С. Н. Токарев // Зап. Бурят-Монг. гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. – Улан-Удэ, 1940. – Вып. 2. – С. 136–156.

Токарев, С. Н. Расселение бурятских племен в XVII в. / С. Н. Токарев // Зап. Бурят-Монг. гос. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. – Улан-Удэ : Бурят-Монг. гос. изд-во, 1939. – Вып. 1. – С. 101–130.

Толь, Ф.-Э. Л. Воспоминания о Восточной Сибири : очерк // Петрашевы в Сибири. – Иркутск, 2005.

Топчий, А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899) / А. Т. Топчий. – Томск, 1979.

Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского Русского Географического Общества. Вып. 7. 1. Население. Д. М. Головачев. 2. Хозяйственный быт. В. В. Солдатов. – Чита, 1911. – 338 с.

Тумунов, Ж. Т. История Аги (1648–1917). Ч. 1. Дооктябрьский период / Ж. Т. Тумунов. – Улан-Удэ : Республ. тип., 2006. – 204 с.

Тумурова, А. Г. Обычное право бурят: Селенгинское уложение 1775 г. / А. Г. Тумурова. – Улан-Удэ, 2004.

Турунов, А. Прошлое бурят-монгольской народности : популярный ист.-этнолог. очерк / А. Турунов. – Иркутск, 1922. – 48 с.

Тюндешев, Г. А. История происхождения хакасского народа и предпосылки формирования правовой культуры. – Улан-Удэ : Изд-во УФПС, 1998. – 122 с.

Федоров, М. М. Правовое положение народов Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. / М. М. Федоров. – Якутск, 1978.

Фридман, С. Революция 1905 г. и буряты / С. Фридман // Жизнь Бурятии. – 1925. – № 9–12. – С. 117–126.

Хангалов, М. Н. Зэгэтэ-аба – облава на зверей у древних бурят / М. Н. Хангалов // Собр. соч. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – С. 11–32.

Хангалов, М. Н. Некоторые нормы обычного права / М. Н. Хангалов // Собр. соч. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – С. 199–204.

Хангалов, М. Н. О бурятах, населяющих Иркутскую губернию, каких они племен и чем занимаются в настоящее время, а также чем занимались прежде / М. Н. Хангалов // Собр. соч. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – С. 101–113.

Хангалов, М. Н. Юридические обычаи бурят. / М. Н. Хангалов // Собр. соч. Т. 1. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1958. – С. 153–198.

Хаптаев, П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа / П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ : Бурят-Монг. изд-во, 1942. – 198 с.

Хаптаев, П. Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции / П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ : Гос. Бурят-Монг. изд-во, 1938. – 146 с.

Хаптаев, П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии / П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ, 1964.

Хаптаев, П. Т. Тезисы доклада «К спорным вопросам исторического процесса в Бурятии» / П. Т. Хаптаев. – Иркутск, 1934. – 10 с.

Хороших, П. Михаил Николаевич Богданов как бурятовед / П. Хороших // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 4–6. – С. 31–34.

Хрестоматия по истории Бурятии. Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1986. – 224 с.

Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1932–1882 гг. / сост. И. В. Щеглов ; под ред. В. И. Вагина. – Иркутск, 1883. – 779 с.

Худяков, В. Н. К вопросу об аграрной политике царизма пореформенного периода в Сибири / В. Н. Худяков // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1980.

Цыбиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. / Б. Д. Цыбиков. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1970. – 284 с.

Цыбен Жамцарано. Путевые дневники 1903–1907 гг. / сост. Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыскокова, И. В. Кульганек. – Улан-Удэ : Респуб. тип. – 264 с.

Цыбиков, Г. Ц. Избранные труды / Г. Ц. Цыбиков. – Новосибирск, 1991.

Чибизев, И. Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования / И. Я. Чибизев // Сиб. архив. – 1914 г. – № 9. – С. 379–390.

Чимитдоржиев, Ш. Б. Кто мы – бурят-монголы? / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ, 2004. – 130 с.

Ш. А. Кудунское межевое дело 1889 г. крещеных инородцев Хоринского ведомства // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1891. – 21 дек. (№ 51). – С. 1–6.

Шавров, П. Агинские буряты и их ламы / П. Шавров // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1885. – 17 авг. (№ 33). – С. 404–417.

Шастин, Н. Дневник Цакирского миссионера священника Николая Шастина за 1886 г. / Н. Шастин // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1887. – 19 сент. (№ 38). – С. 345–354.

Шахерова, С. Л. Инородческий вопрос в трудах присяжного поверенного М. А. Кроля / С. Л. Шахерова // Иркутску 350 лет – история и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения». 12–13 окт. 2011 г. Иркутск. – Иркутск : Отгис, 2011. – С. 178–184.

Шейнфельд, М. Б. Землеустройство и введение волостных учреждений у хакасов в 1908–1914 гг. / М. Б. Шейнфельд // Вопросы истории Хакасии. – Абакан, 1977.

Шейнфельд, М. Б. С. В. Бахрушин и историография Сибири советского периода / М. Б. Шейнфельд. – Красноярск, 1980.

Шерстова, Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика в XVII – начале XX вв. / Л. И. Шерстова. – Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 312 с.

Ширковитц, Д. Этноисторические документы по калмыкам, бурятам и монголам Центрального государственного архива (ЦГИА) и Архива Института этнографии в Ленинграде / Д. Шорковитц. – Берлин, 1988. – 278 с.

Штернберг, Л. Я. Краткая программа по этнографии / Л. Я. Штернберг. – Верхнеудинск, 1927.

Шунков, В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век / В. И. Шунков. – М., 1956.

Щапов, А. П. Бурятская улусно-родовая община // Щапов А. П. Собр. соч. – Иркутск, 1937. – Доп. т. – С. 198–223.

Щапов, А. П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинском крае // Щапов А. П. Собр. соч. – Иркутск, 1937. – Доп. т. – С. 258–307.

Щапов, А. П. Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине, бурятской улусной, оседло-инородческой и русско-крестьянской // Щапов А. П. Собр. соч. – Иркутск, 1937. – Доп. т. – С. 224–257.

Шукин, Н. С. Буряты / Н. С. Шукин // Журн. МВД. – 1849. – Ч. 25.

Шукин, Н. С. Исследование о народах, обитающих в Сибири / Н. С. Шукин // Журн. МВД. – 1860. – Ч. 66.

Этагоров, М. Е. Бажей, в святом крещении Николай Александрович Косомов, первый из родоначальников Аларского ведомства, принявший христианство. (Из памятной записки аларского инородца Михаила Егоровича Этагорова) / М. Е. Этагоров // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. – 1892. – 21 нояб. (№ 47). – С. 1–6.

Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1882. – 472 с.
Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления : материалы науч.-практ. конф. (Якутск, 3 апр. 2007 г.). – Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. – 196 с.

Dameshek, L. M. Siberian Reform of 1822 of M. M. Speransy and Geopolitical Situation in the Far East // Cross-border cooperation and foreign economic activiti. Historical aspectand contemporary opinions : papers of International Conferens. November 22–27 2012. Ghita, Zabaikalskykrai, Russian Federation. – China, 2013. – P. 39–43.

Неопубликованные источники

Российский государственный архив древних актов:

Ф. 199. Портфели Миллера

Государственный архив Архангельской области:

Ф. 1233 Заведующий Архангельской инородческой дружиной

Государственный архив Иркутской области:

Ф. 24 Главное управление Восточной Сибири (1822–1887) – 29153 д.;
Ф. 29 Канцелярия Приамурского генерал-губернатора (1859–1911) – 1385 д.;

Ф. 151 Ленская инородная управа (1837–1916) – 847 д.;

Ф. 152 Хенхедурское родовое управление (1844–1919) – 254 д.;

Ф. 223 Верхоленская Степная дума (1821–1883) – 5 д.;

Ф. 224 Родоначальник 11 аларских родов Аларского бурятского ведомства Иркутской губернии (1867–1869) – 1 д.;

Ф. 237 Идинская Степная дума (1857) – 1 д.;

Ф. 534 Контора главного тайши Балаганского ведомства (1775–1803) – 5 д.;

Ф. 715 Аларская Степная дума (1851–1888) – 25 д.;

Ф. 149 Китайская инородная управа (1877–1918) – 135 д.;

Ф. 717 Балаганская Степная дума (1851–1888) – 2 д.;

Ф. 151 Ленская инородная управа (1837–1916) – 847 д.;

Ф. 295 Личный фонд Н. М. Ядринцева (1870–1894) – 143 д.;

Ф. 609 Личный фонд И. И. Серебренникова (1906–1919) – 110 д.

Государственный архив Забайкальского края

Ф. 1 Забайкальское областное правление (1851–1917) – 26300 д.;

Ф. 284 Агинская Степная дума (1830–1917) – 58 д.;

- Ф. 55 Урульгинская Степная дума (1823–1896) – 520 д.;
Ф. 29 Урульгинская тунгусская инородная управа (1822–1899) – 386 д.;
Ф. 300 Начальник эвенкийских родов (1752–1822) – 38 д.;

Государственный архив Республики Бурятия

- Ф. 6 Аларская Степная дума (1832–1912) – 1243 д.,
Ф. 3 Балаганская Степная дума (1809–1902) – 2063 д.,
Ф. 4 Верхоленская Степная дума (1821–1919) – 2078 д.,
Ф. 1 Кудинская Степная дума (1789–1898) – 3833 д.,
Ф. 12 Ольхонская Степная дума (1816–1894) – 1142 д.,
Ф. 171 Тункинская Степная дума (1844–1896) – 340 д.,
Ф. 129 Агинская Степная дума (1846–1909) – 5165 д.,
Ф. 7 Баргузинская Степная дума (1810–1902) – 2976 д.,
Ф. 5 Кударинская Степная дума (1809–1904) – 1527 д.,
Ф. 2 Селенгинская Степная дума (1825–1914) – 6531 д.,
Ф. 8 Хоринская Степная дума (1743–1904) – 2719 д.;
Ф. 451 Главный тайша Хоринской степной думы (1839–1909) – 20 д.;
Ф. 293 Барун-Хоацайская инородная управа (1874–1904) – 89 д.,
Ф. 369 Бырке-Цугольская инородная управа(1830–1906) – 91 д.;
Ф. 253 Галзутская инородная управа(1821–1884) – 10 д.;
Ф. 103 Кялинская инородная управа(1851–1904) – 236 д.;
Ф. 104 Могойтуйская инородная управа(1840–1903) – 79 д.;
Ф. 294 Тутхалтуевская инородная управа(1855–1902) – 486 д.;
Ф. 178 Тургинская инородная управа(1850–1903) – 560 д.;
Ф. 272 Целгульская инородная управа(1842–1904) – 178 д.;
Ф. 291 Челугаевская инородная управа(1860–1903) – 436 д.;
Ф. 427 Агинская инородная управа (1806–1916) – 253 д.;
Ф. 15 Абаганатская инородная управа (1890–1912) – 167 д.;
Ф. 17 Аларская инородная управа(1890–1915) – 679 д.;
Ф. 345 Койморская инородная управа (1891–1914) – 181 д.;
Ф. 13 Кудинская инородная управа(1890–1907) – 583 д.;
Ф. 465 Кутульская инородная управа(1890–1916) – 373 д.;
Ф. 184 Ользоновская инородная управа(1887–1913) – 583 д.;
Ф. 252 Торская инородная управа(1868–1917) – 26 д.;
Ф. 161 Тункинской инородная управа (1845–1893) – 136 д.;
Ф. 16 Унгинская инородная управа(1848–1916) – 629 д.;
Ф. 241 Харибятская инородная управа(1883–1922) – 778 д.;
Ф. 18 Хоготовской инородная управа (1822–1915) – 477 д.;
Ф. 41 1-е Абаганатское родовое управление (1872–1902) – 43 д.;
Ф. 40 2-е Абаганатское родовое управление (1876–1899) – 50 д.;
Ф. 37 3-е Абаганатское родовое управление (1864–1915) – 192 д.;

- Ф. 42 4-е Абаганатское родовое управление (1871–1906) – 127 д.;
- Ф. 38 Абазаевское родовое управление (1850–1885) – 264 д.;
- Ф. 118 Осинское родовое управление (1892–1920) – 46 д.;
- Ф. 47 Сарминское родовое управление (1872–1887) – 22 д.;
- Ф. 43 Семисосенское родовое управление (1873–1887) – 15 д.;
- Ф. 39 Хигинское родовое управление (1867–1889) – 270 д.;
- Ф. 49 Чернорудское родовое управление (1873–1887) – 14 д.;
- Ф. 46 Шалотское родовое управление (1840–1904) – 211 д.;
- Ф. 195 Усть-Ордынская Троицкая миссионерская церковь;
- Ф. 362 Личный фонд Мангатхана Маласагаева (1867–1930) – 27 д.;
- Ф. 357 Личный фонд А. М. Михайлова (1870–1923) – 2 д.;
- Ф. 353 Личный фонд И. И. Пирожкова (1823–1906) – 6 д.;
- Ф. 9 Баунтовская тунгусская инородная управа (1853–1923) – 54 д.;
- Ф. 320 Баргузинская тунгусская инородная управа (1832–1873) – 32 д.;
- Ф. 328 Нижнеангарское Киндигирское родовое управление (1832–1917) – 93 д.;
- Ф. 50 Подлеморско-Шимагирское родовое управление (1831–1919) – 46 д.;
- Ф. 84 Гусиноозерский дацан (1788–1929) – 610 д.;
- Ф. 266 Баргузинское бурятское приходское училище (1846–1917) – 68 д.;
- Ф. 56 Верхнеудинское уездное училище (1824–1923) – 1154 д.;
- Ф. 468 Балаганская Степная контора (1815–1822) – 6 д.;
- Ф. 460 Верхоленская Степная контора (1782–1824) – 157 д.;
- Ф. 463 Кударинская Степная контора (1791–1824) – 31 д.;
- Ф. 469 Ольхонская Степная контора (1812–1823) – 6 д.;
- ФР. 2104 Коллекция документов по истории реквизиции бурят

Научное издание

Дамешек Лев Михайлович
Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна
Курас Леонид Владимирович

**ИСТОРИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

ISBN 978-5-9624-0930-6

Редактор В. В. Попова
Дизайн обложки П. О. Ершов

Темплан 2013 г. Поз. 218
Подписано в печать 3.12.2013. Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 31,5. Уч.-изд. л. 24,0. Заказ 225. Тираж 100
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36